

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНІЙ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архієпископа Константинопольскаго,
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἑνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ

~~~~~
КНИГА ПЕРВАЯ.

—•—•—•—•—•—•—
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание С.-Петербургской Духовной Академіи.
1906.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

ТОЛКОВАНІЕ НА ПОСЛАНІЕ КЪ ЕВРЕЯМЪ,

изложенное по запискамъ, послѣ его смерти, Константиномъ пресвитеромъ антиохійскимъ¹⁾.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1. Въ посланіи къ Римлянамъ блаженный Павелъ говоритъ: *9 понеже убо есмь азъ языкомъ апостолъ, службу мою прославляю, аще како раздражу мою плоть* (Рим. хі, 13, 14); и въ другомъ мѣстѣ также (говоритъ): *споспѣшествовавый Петру въ посланіе обрѣзанія, споспѣшествова и мнѣ во языки* (Гал. иі, 8). Итакъ, если (Павелъ) быть апостоломъ язычниковъ,—какъ и въ дѣянїяхъ Богъ говоритъ ему: *иди, яко азъ во языки далече пошлю тя* (Дѣян. ххп, 21),—то какое было ему дѣло до евреевъ? Для чего онъ написалъ къ нимъ посланіе? При томъ же (евреи) питали къ нему вражду, и это можно видѣть изъ многихъ мѣстъ. Такъ, послушай, что говоритъ ему Іаковъ: *видиши ли, брате, koliko темъ есть Іудей въ-ровавшихъ? И вси увѣстишася о тебѣ, яко отступленію учиши отъ 10 закона* (Дѣян. ххі, 20, 21); и много искушеній часто было ему по этому поводу.

Почему же, спросить кто-нибудь, (мужа) свѣдущаго въ законѣ, — а онъ изучалъ законъ при ногахъ Гамалиїла и имѣлъ къ этому дѣлу великую ревность,—и потому имѣвшаго возможность съ особенною силою опровергать (противниковъ), Богъ не послать къ іудеямъ? Потому, что они изъ-за этого особенно и

---

¹⁾ Бесѣды эти пронанесены святителемъ въ Константинополь, при концѣ его жизни, около 404 г. по Р. Х.

стали бы противиться ему. Поэтому Богъ, предвидя, что они не примутъ его, говорить ему: *иди во языки, зане (Иудеи) не примутъ свидетельства твоего, еже о мнѣ* (Дѣян. хп, 18), и онъ отвѣчаетъ: ей, *Господи, сами вѣдаютъ, яко азъ бѣхъ всажда въ темницу и бѣ на сонмищахъ вѣрующія въ тя: и егда изливашеся кровь* 11 *Стефана свидетеля твоего, и самъ бѣхъ стоя и соизволя убіенію его, стрегій ризъ убивающихъ его* (ст. 19, 20). Это самое, (говорить), служить знакомъ и доказательствомъ, что они не повѣрятъ ему. И дѣйствительно, такъ обыкновенно бываетъ: когда кто отступаетъ отъ какого-нибудь народа, то, если онъ изъ людей низшихъ и ничего не значущихъ, это не очень оскорбляетъ тѣхъ, отъ которыхъ онъ отступаетъ; если же онъ изъ людей значительныхъ, весьма ревностныхъ и единомышленныхъ съ ними, это весьма огорчаетъ и крайне раздражаетъ ихъ, такъ какъ отступившій отъ нихъ своимъ присоединеніемъ къ другимъ весьма сильно ниспровергаетъ ихъ ученіе. Была кромѣ того и другая причина невѣрія. Какая? Та, что Петръ и другіе (апостолы) обращались со Христомъ, видѣли знаменія и чудеса (Его); а онъ не былъ свидѣтелемъ ничего такого, но, находясь на сторонѣ іудеевъ, вдругъ отступилъ отъ нихъ и сдѣлался однимъ изъ апостоловъ; это въ особенности служило доказательствомъ превосходства нашего ученія. О тѣхъ могли думать, что они свидѣлствуютъ пристрастно, и иной могъ сказать, что они изъ любви къ Учителю такъ проповѣдуютъ; а онъ слышалъ только одинъ гласъ (Господа), и свидѣлствуетъ о воскресеніи. Поэтому, какъ видишь, (иудеи) столь сильно и враждовали противъ него, возмущались и употребляли всѣ мѣры къ тому, чтобы умертвить его. Но по такимъ причинамъ враждовали противъ него невѣрные; а почему увѣровавшіе (изъ іудеевъ)? Потому, что онъ, будучи обязанъ проповѣдывать язычникамъ, проповѣдывалъ чистое христіанство, и, когда ему случалось находиться въ Іудеѣ, также не стѣснялся. Петръ и другіе съ нимъ, проповѣдывавшіе въ Іерусалимѣ, гдѣ была великая ревность (о законѣ), принуждены были заповѣдывать—соблюдать законъ, а онъ былъ совершенно свободенъ. Его (ученики) были больше изъ язычниковъ, нежели изъ іудеевъ, такъ какъ находились внѣ (Иудеи); потому они и ослабляли законъ, не питали къ нему такого благоговѣнія, что (Павелъ) во всемъ проповѣдывалъ чистое (ученіе). Дѣйствительно, за это, какъ видно, его и осуждали предъ народомъ, когда говорили: *видиши ли, брате, koliko тамъ есть Иудей отро-вавшихъ? Потому они и ненавидятъ и отвращаются, что усты-шася о тебѣ, яко отступленію учиши отъ закона* (Дѣян. хх, 20, 21).

Почему же онъ, не будучи учителемъ іудеевъ, пишетъ къ

нимъ посланіе? И гдѣ находились тѣ, къ кому онъ пишетъ? Мнѣ кажется, въ Іерусалимѣ и въ Палестинѣ. Какъ же онъ пишетъ? Точно такъ же, какъ онъ и крестилъ, не получивъ заповѣди крестить; я говорю, онъ, не былъ посланъ крестить (1 Кор. i, 17), однакожь не было это и запрещено, онъ дѣлалъ это сверхъ должнаго. Да и какъ онъ не стать бы писать къ тѣмъ, за которыхъ желалъ быть отлученнымъ (Рим. ix, 3)? Поэтому онъ и говоритъ имъ: *знайте брата отпущена Тимоеа, съ нимже, еще скорѣе придетъ, узрю васъ* (Евр. xiii, 23),—такъ какъ тогда онъ еще не былъ взятъ подъ стражу. Два года онъ прожилъ въ Римѣ въ узахъ; потомъ былъ отпущенъ; потомъ ходилъ въ Испанію; потомъ путешествовалъ въ Іудею, гдѣ и видѣлся съ іудеями. Затѣмъ онъ опять прибылъ въ Римъ, гдѣ и былъ лишенъ жизни по приказанію Нерона. Слѣдовательно это посланіе написано прежде посланія къ Тимоею; тамъ онъ говоритъ: *азъ бо уже жрець бываю*; и еще тамъ же говоритъ: *въ первый мой отѣтъ никтоже бысть со мною* (2 Тим. iv, 6, 16). Онъ часто раздѣлялъ съ ними страданія. Такъ въ посланіи къ Фессалоникійцамъ онъ говоритъ: *вы подобницы есте Церквамъ сущимъ во Іудеи* (1 Сол. ii, 14); и въ посланіи къ нимъ самимъ говоритъ: *разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію прійте* (Евр. x, 34). Видишь, какъ они страдали? Если (іудеи) такъ поступали съ апостолами не только въ Іудеѣ, но и тогда, когда находились между язычниками, то чего не дѣлали съ (прочими) вѣрующими? Поэтому-то, какъ видишь, объ этихъ вѣрующихъ онъ особенно заботился. Когда онъ говоритъ: *гряди во Іерусалимъ, служиай святымъ* (Рим. xv, 25); также когда убѣждаетъ коринтянъ къ благотворительности, сообщая, что македоняне уже собрали подаяніе (2 Кор. viii, 4), и когда говоритъ: *еще достойно будетъ и мнѣ ити* (1 Кор. xvi, 4), онъ выражаетъ это самое; и когда говоритъ: *точію нищихъ да помнимъ, еже и потщася сіе истое сотворити* (Гал. ii, 10), выражаетъ то же; и когда говоритъ: *десницы даша ми и Варнава общенія, да мы во языки, они же во обрѣзаніе* (Гал. ii, 9), выражаетъ то же. Говоритъ онъ это о тамошнихъ бѣдныхъ не напрасно, но чтобы и мы также участвовали въ благотворительности. Мы, говоритъ, раздѣлили между собою проповѣдь, чтобы намъ идти къ язычникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ, но не раздѣлили такимъ же образомъ попеченія о бѣдныхъ. И вездѣ видно, что Павелъ имѣлъ великое о нихъ попеченіе, — это и справедливо. Между другими народами, гдѣ находились и іудеи и язычники, не было ничего подобнаго; а тамъ, гдѣ (іудеи) думали еще имѣть власть и самостоятельность и исполняли многое по собственнымъ законамъ,—такъ какъ правленіе еще не установилось

и еще не совершенно перешло въ руки римлянъ, — не удивительно, что они позволяли себѣ дѣлать великія притѣсненія. Если и въ другихъ городахъ, какъ напр. въ Коринѣѣ, они били начальника синагоги предъ судилищемъ проконсула, и Галліонъ нисколько объ этомъ не безпокоился (Дѣян. хviii, 17), то чего не (дѣлали они) въ Іудеѣ?

2. Въ другихъ городахъ, какъ видишь, они приводили (вѣрующихъ) къ начальникамъ и имѣли нужду прибѣгать къ ихъ помощи и къ народу, а здѣсь они нисколько не заботились объ этомъ, но сами составляли синедріонъ и убивали, кого хотѣли. Такъ они убили Стефана, такъ подвергли бичеванію апостоловъ, не отводя ихъ къ начальникамъ; такъ они хотѣли убить и Павла, если бы не вступился тысяченачальникъ (Дѣян. ххii, 29, 30). Это было потому, что еще существовали священники, еще цѣль былъ храмъ съ богослуженіемъ и жертвами. Самъ Павелъ, смотри, подчиняется суду первосвященника и говоритъ: *не отдахъ, яко архіерей есмь*, и при томъ при начальникѣ (Дѣян. ххii, 5),—потому что они еще имѣли тогда большую власть. Представь же, какія гоненія должны были терпѣть (вѣрующіе), жившіе въ Іерусалимѣ и Іудеѣ. Итакъ, удивительно ли, если тотъ, кто желалъ быть отлученъ за (іудеевъ) еще не увѣровавшихъ, и такъ служилъ вѣрующимъ, что готовъ былъ и самъ идти въ случаѣ нужды, и всегда имѣлъ о нихъ великое попеченіе, увѣщаетъ и утѣшаетъ ихъ посредствомъ писанія, а падающихъ и лежащихъ исправляетъ? И дѣйствительно, они уже изнемогали и отчаивались отъ множества скорбей. Это онъ выражаетъ въ концѣ (посланія), когда говоритъ: *тѣмже ослабленныя руки и ослабленная колѣна исправите* (Евр. хii, 12); и еще: *еще мало елико елико, и грядый пріидетъ, и не укоснитъ* (х, 37); и еще: *еще безъ наказанія есте, убо прелюбодѣйчиши есте, а не сынове* (хii, 8). Такъ какъ они были іудеи и отъ отцевъ своихъ научились ожидать добраго и злого немедленно, въ настоящей жизни, а между тѣмъ тогда было напротивъ—доброе въ надеждѣ послѣ смерти, а злое въ настоящей дѣйствительности, и многіе изъ нихъ, претерпѣвая многое, неизбежно
 13 впадали въ малодушіе, то онъ и оказываетъ великое о нихъ попеченіе. Впрочемъ, объ этомъ мы скажемъ пространнѣе въ свое время; а теперь замѣтимъ только, что ему необходимо было писать къ тѣмъ, о которыхъ онъ имѣлъ такое попеченіе; причина, почему онъ не былъ посланъ къ нимъ, очевидна, но она не препятствовала ему писать къ нимъ. А что они впадали въ малодушіе, это онъ выражаетъ, когда говоритъ: *ослабленныя руки и ослабленная колѣна исправите, и стези правы сотворите* (Евр. хii,

12, 13); и еще: *не обидливъ бо Богъ забыти дѣла вашея и любе* (чл. 10). Душа, подвергающаяся многимъ искушеніямъ, часто отпадаетъ отъ вѣры. Потому онъ увѣщаетъ ихъ внимать слышанному и не имѣть сердца злого и невѣрнаго. Для того же онъ въ этомъ особенно посланіи много бесѣдуетъ о вѣрѣ и въ концѣ представляетъ многіе примѣры того, что и тѣмъ (древнимъ) не были дарованы блага, обѣщанныя немедленно. Кромѣ того, чтобы они не считали себя отверженными, дѣлаетъ имъ два внушенія: первое—мужественно переносить все случающееся, второе—несомнѣнно ожидать воздаянія, потому что Богъ не презрѣтъ Авеля и послѣдующихъ праведниковъ, не получившихъ воздаянія. Утѣшаетъ ихъ тремя способами: во-первыхъ, тѣмъ, что претерпѣлъ Христосъ, такъ какъ самъ Онъ говоритъ: *нѣсть рабъ болѣй господа своего* (Іоан. xv, 20); во-вторыхъ, благами, которыя уготованы вѣрующимъ; въ-третьихъ, бѣдствіями. И подтверждаетъ это не только будущимъ, что было еще не такъ убѣдительно, но и прошедшимъ, — тѣмъ, что случилось съ отцами ихъ. Такъ поступаетъ и Христосъ, внушая: *нѣсть рабъ болѣй господа своего*, и еще: *мнози обители суть у отца* (Іоан. xiv, 2), и угрожая невѣрующимъ безчисленными бѣдствіями. Много также говоритъ (апостолъ) о новомъ и ветхомъ заветѣ, потому что это весьма нужно было ему для увѣренія въ истинѣ воскресенія. Чтобы они, слыша о страданіяхъ (Господа), не стали сомнѣваться въ воскресеніи, онъ подтверждаетъ это пророчествами, и доказываетъ, что заслуживаетъ уваженія не іудейское ученіе, а наше, и такъ какъ тогда еще и храмъ стоялъ и были жертвы, то онъ и говоритъ: *тѣмже убо да исходимъ отъ, поношеніе ея носяще* (Евр. xiii, 13). Но и это самое не благопріятствовало ему; иные справедливо могли сказать: если это—тѣнь, если это—образъ, то почему не прошло и не прекратилось при появленіи истины, а еще продолжается? Онъ внушаетъ, что мало-по-малу исполнится и это въ свое время. А что они уже давно приняли вѣру и терпятъ скорби, это онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: *убо должны суще быти учителя мѣтъ ради* (Евр. v, 12); еще: *да не когда будетъ въ нѣкоемъ отъ васъ сердце лукаво неврая* (III, 12); и еще: *да будете подражатели насѣдствующихъ обѣтованія долготерпѣніемъ* (vi, 12).

БЕСѢДА I.

- 13 **Многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавый** отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ днѣй сихъ глагола намъ въ Сынѣ: егоже положи наслѣдника всѣмъ, имже и вѣки сотвори (Евр. 1, 1, 2).

1. Поистинѣ *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. v, 20). Это выражаетъ блаженный Павелъ и здѣсь, въ началѣ посланія къ Евреямъ. Такъ какъ они, вѣроятно, были огорчены и изнурены бѣдствіями и, судя по этимъ обстоятельствамъ, считали себя ниже всѣхъ другихъ (людей), то (апостоль) внушаетъ, что они получили гораздо большую и превосходнѣйшую благодать, и такимъ образомъ ободряетъ слушателей самымъ началомъ рѣчи. Потому и говоритъ: *многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ днѣй сихъ глагола намъ въ Сынѣ.*

- Почему онъ не противопоставляетъ пророкамъ самого себя? Онъ былъ тѣмъ больше ихъ, чѣмъ больше было ввѣрено ему, — однако онъ не дѣлаетъ этого. Почему же? Во-первыхъ, потому, что онъ не хотѣлъ говорить о себѣ что-нибудь великое; во-вторыхъ, потому, что слушатели еще не были совершенными; и въ-третьихъ, потому, что онъ желалъ болѣе возвысить ихъ и показать великое превосходство (новаго завѣта предъ ветхимъ). Онъ какъ бы такъ говоритъ: что великаго въ томъ, что (Богъ) посылалъ къ отцамъ нашимъ пророковъ? Къ намъ Онъ послалъ
- 14 самого Сына своего едиnorodнаго. Хорошо онъ началъ рѣчь словами: *многочастнѣ и многообразнѣ*, выражая, что и сами пророки не видѣли Бога, а Сынъ видѣлъ. Выраженія: *многочастнѣ и многообразнѣ* значатъ: различно. *Азъ, говоритъ (Богъ), видѣнія умножилъ, и въ рукахъ пророческихъ уподобился* (Осіи xii, 10). Такимъ образомъ превосходство (новаго завѣта предъ ветхимъ) не только въ томъ, что къ тѣмъ были посылаемы пророки, а къ намъ Сынъ, но и въ томъ, что никто изъ нихъ не видѣлъ Бога, а Сынъ едиnorodный видѣлъ. Впрочемъ (апостоль) не тотчасъ высказываетъ это, но объясняетъ въ дальнѣйшихъ словахъ, когда говоритъ объ (Его) челоувѣчествѣ: *кому бо рече отъ ангель: сынъ мой еси ты; и: сѣди одесную мене* (Евр. 1, 5, 13)? И замѣтъ великую его мудрость: онъ напередъ доказываетъ это превосходство пророчествами, а потомъ, когда сдѣлалъ такую истину несомнѣнною, самъ объясняетъ, что тѣмъ Богъ глагола въ пророковъ, а намъ чрезъ Едиnorodнаго. Если же тѣмъ (Богъ говорилъ) и чрезъ ангеловъ, — вѣдь и ангелы бесѣдовали съ іудеями, —

то и въ этомъ мы имѣемъ преимущество, такъ какъ съ нами говорилъ Владыка, а съ тѣми рабы,—потому что и ангелы и пророки—равно рабы. Хорошо онъ сказалъ: *въ послѣдокъ дній*; это ободряетъ ихъ и утѣшаетъ отчаявшихся. Какъ въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ: *Господь близъ, ни о чемъ же печетесь* (Фил. iv, 6); и еще: *нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда стравлять* (Рим. xiii, 11),—такъ и здѣсь. Что же означаютъ слова его? То, что всякій, изнуренный въ подвигахъ, услышавъ о концѣ подвиговъ, нѣсколько ободряется, видя, что настаетъ конецъ трудовъ и начало отдыха. *Въ послѣдокъ дній ситъ глагола намъ съ Сыномъ*. Вотъ опять говоритъ: *съ Сыномъ*, (т. е.) *черезъ Сына*, вопреки утверждающимъ, что это принадлежитъ Духу. Видишь, что *съ* употребляется вмѣсто *черезъ*? А слова: *древле* и *въ послѣдокъ дній* означаютъ еще нѣчто другое. Что же такое? То, что по истеченіи долгаго времени, когда мы были наказываемы, когда оскудѣли (духовныя) дарованія, когда не было надежды на спасеніе, когда отовсюду мы ожидали худшаго, тогда и получили лучшее. И смотри, какъ мудро онъ выразилъ это: не сказалъ: *глагола Христосъ*, хотя Онъ былъ *глаголавый*, но, такъ какъ души слушателей были еще слабы и не могли слышать о Христѣ, то онъ говоритъ: *глагола намъ съ Сыномъ*. Что говоришь ты? Богъ глаголалъ черезъ Сына? Да. Въ чемъ же преимущество? Здѣсь ты показываешь, что и новый и ветхій заветы принадлежать одному и тому же (Богу); слѣдовательно между ними нѣтъ важнаго преимущества. Потому далѣе онъ и объясняетъ эти слова, говоря: *глагола намъ съ Сыномъ*. Замѣть, какъ Павелъ обобщаетъ это и уравниваетъ себя самого съ учениками: *глагола, говорить, намъ*. Хотя Онъ глаголалъ не ему, но апостоламъ и черезъ нихъ прочимъ, но Павелъ возвышаетъ іудеевъ и внушаетъ, что Богъ говорилъ и имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторымъ образомъ и укоряетъ ихъ, потому что почти всѣ, которымъ говорили пророки, были порочны и развратны. Впрочемъ, онъ теперь еще не распространяется объ этомъ, а говоритъ напередъ о дарахъ, ниспосланныхъ отъ Бога. Потому и продолжаетъ: *егоже положи наслѣдника есмь*. Здѣсь онъ указываетъ на воплощеніе (Христово), подобно какъ и Давидъ во второмъ псалмѣ говоритъ: *проси отъ мене, и дамъ ти языки достояніе твое* (Псал. ii, 8). Теперь уже не Іаковъ—часть Господня, и не Израиль—наслѣдіе Его, но всѣ. Что значитъ: *егоже положи наслѣдника*? Т. е. сдѣлать Его Господомъ всѣхъ, какъ и въ Дѣянїяхъ сказалъ Петръ: *и Господа и Христа сего Богъ сотворилъ есть* (Дѣян. ii, 36). Названіе же *наслѣдника* (апостола) употребляетъ для того, чтобы выразить два понятія: истинность сыновства и неотъемлемость господства Его.

Наслѣдника всѣхъ, т. е. всего міра. Затѣмъ онъ опять обращаетъ рѣчь къ прежде бывшему: *иже и вѣки сотвори*.

2. Гдѣ тѣ, которые говорятъ: было (время), когда (Его) не было? Далѣе (апостоль) постепенно изрекаетъ о Немъ гораздо важнѣйшее этого: *иже сый, говоритъ, сіяніе славы и образъ ипостаси его, нося же всяческая глаголомъ силы своея, собою очищеніе сотворивъ грѣховъ нашихъ, стѣе одесную величества на высокихъ: только лучший бывъ ангеловъ, елико преславнѣе паче ихъ наслѣдствова имя* (ст. 3, 4). О, мудрость апостольская! Или лучше сказать, нужно удивляться здѣсь не мудрости Павла, но благодати Духа, потому что онъ изрекъ это не отъ собственного разума, и 16 не отъ себя произнесъ такую премудрость,—какъ ожидать этого отъ скобели, отъ кожъ, отъ мастерской? —но отъ божественной силы такіа изреченія. Подлинно, такіа мысли произошли не отъ его разума, который прежде былъ такъ малъ и безсиленъ, что нисколько не превосходилъ (разума) простолюдиновъ,—какъ ожидать иного отъ преданнаго заботамъ о куплѣ и кожахъ?—но отъ благодати Духа, которая, чрезъ кого хочетъ, чрезъ того и являетъ свою силу. Подобно тому, какъ если кто хочетъ возвести малое дитя на какое-нибудь высокое мѣсто, достигающее до самой высоты небесной, то дѣлаетъ это постепенно и мало-по-малу возводитъ его съ низшихъ ступеней на высшія; потомъ, когда, поставивъ его вверху и приказавъ посмотреть внизъ, увидить, что оно смущается, страшится и чувствуетъ головокруженіе, то беретъ его и опять низводитъ на мѣсто болѣе низкое, доставляя ему возможность отдохнуть; а послѣ, когда оно отдохнетъ, опять возводитъ, и затѣмъ опять низводитъ,—такъ точно поступаетъ и блаженный Павелъ и съ евреями, и вездѣ, научившись этому отъ своего Учителя. Вѣдь и самъ (Христосъ) поступалъ такъ же, то возводя слушателей на высоту, то низводя ихъ, и не допуская ихъ долго оставаться на одной и той же степени. Посмотри же, какъ здѣсь (апостоль), проведши слушателей чрезъ нѣсколько ступеней и поставивъ ихъ на самой высотѣ благочестія, прежде нежели они смутились и почувствовали головокруженіе, опять низводитъ ихъ ниже и даетъ отдохнуть: *глагола, говоритъ, намъ въ Сынъ*; и потомъ: *егоже положи наслѣдника всѣмъ*. Имя Сына есть общее (имя); но когда разумѣется истинный (Сынъ Божій), то оно выше всѣхъ; какъ бы то ни было, здѣсь (апостоль) внушаетъ и доказываетъ, что Онъ—высокъ.

Смотри же, какъ онъ напередъ поставляетъ ихъ на низшей степени, говоря: *егоже положи наслѣдника всѣмъ*,—потому что *наслѣдника положи* означаетъ не высокое дѣло,—потомъ на болѣе высокой, присовокупляя: *иже и вѣки сотвори*, затѣмъ на самой

вышей—такой, послѣ которой уже нѣтъ другой: *уже сый сіяніе славы и образъ ипостаси его*. Здѣсь онъ возводитъ ихъ поистинѣ къ неприступному Свѣту, къ самому сіянію. Но прежде, нежели (умъ ихъ) помрачился, смотри, какъ онъ опять мало-по-малу низводитъ ихъ: *нося же*, говоритъ, *всѣческая глаголомъ силы своея, собою очищеніе сотвори въ грѣховъ нашихъ, съде одесную величества*. Не просто сказалъ: *съде*, но: послѣ очищенія *съде*. Напоминаетъ о воплощеніи, и говоритъ опять объ уничиженномъ. Потомъ, снова, сказавъ нѣчто высокое въ словахъ: *одесную величества на высокихъ*, говоритъ опять нѣчто смиренное, присовокупляя слѣдующее: *только лучший былъ ангеловъ, елико преславнѣе нче ихъ наследствова имя*. Здѣсь онъ говоритъ о домостроительствѣ во плоти, потому что слова: *лучший былъ* указываютъ не на существо, единое съ существомъ Отца, — оно не было, а родилось, — но на существо плоти; это—было. Впрочемъ онъ говоритъ теперь не о происхожденіи существа; но, подобно тому, какъ Іоаннъ говорилъ: *уже по мнѣ грядый, предо мною бысть, яко первѣ мене ѿ* (Іоан. 1, 15), выражая, что Онъ почтеннѣе и славнѣе, такъ и Павелъ здѣсь словами: *только лучший былъ ангеловъ* выражаетъ, что Онъ выше и превосходитѣ, *елико преславнѣе нче ихъ наследствова имя*. Видишь, что это сказано по отношенію къ плоти (Христовой)? Имя: *Богъ-Слово* Онъ имѣлъ всегда, а не наследовалъ впо- 17 слѣдствіи, и не тогда Онъ сталъ превосходитѣ ангеловъ, когда совершилъ очищеніе грѣховъ нашихъ, но всегда былъ превосходитѣ и несравненно превосходитѣ. Слѣдовательно, это сказано по отношенію къ плоти. Такъ и мы обыкновенно, разсуждая о человѣкѣ, говоримъ о немъ и низкое и высокое. Когда, напр., мы говоримъ: *человѣкъ* — ничто, *человѣкъ* — земля, *человѣкъ* — пепель, то относимъ все это къ низшей его части; а когда говоримъ: *человѣкъ* — существо безсмертное, *человѣкъ* — разумнѣ, *сроденъ горнымъ* (силамъ), то относимъ все это къ высшей его части. Такъ и Павелъ о Христѣ говоритъ иногда съ низшей стороны, а иногда съ высшей, желая объяснить домостроительство, и сказать о нетлѣнномъ существѣ Его.

3. Итакъ, если Онъ совершилъ очищеніе грѣховъ нашихъ, то постараемся остаться чистыми и не принимать никакой нечистоты, но ту красоту и то благолѣпіе, которыя Онъ сообщилъ намъ, будемъ тщательно соблюдать настолько неповрежденными и неприкосновенными, чтобы въ насъ не было никакой скверны или нечистоты, или чего-нибудь подобнаго. Вѣдь и малые грѣхи — нечистота и скверна, какъ напр. злословіе, поношеніе, ложь; а лучше сказать, и эти грѣхи не малы, но весьма велики, — такъ велики, что они лишаютъ царствія небеснаго. Какъ и какимъ

образомъ? *Иже речеть, говорить (Господь), брату своему: уроде, повиненъ естъ гееннѣ огненнѣй (Мѣ. v, 22).* Если же такъ вино-
вень называющій брата своего глупцомъ, — что кажется незначи-
тельную всего и свойственно дѣтской бесѣдѣ, — то называющій
его злонаправнымъ, злодѣемъ, завистникомъ, и осыпающій дру-
гими безчисленными оскорбленіями, какому не преданъ будетъ
суду и наказанію? Что можетъ быть ужаснѣе этого? Но вни-
майте, прошу васъ, словамъ моимъ. Если творящій *единому ситѣ*
меньшихъ творить Ему самому, и не творящій *единому ситѣ* *мен-*
шихъ не творить Ему самому (Мѣ. xxv, 40, 45), то не то же
ли самое бываетъ и съ злословіемъ и поношеніемъ? Злослова-
ющій брата своего злословитъ Бога, и воздающій честь брату сво-
ему воздастъ честь Богу.

4. Будемъ же пріучать языкъ свой говорить доброе: *удержи,*
говоритъ (Псалмопѣвецъ), *языкъ твой отъ зла* (Псал. xxxiii, 14).
Богъ не для того намъ далъ его, чтобы мы злословили, чтобы
поносили, чтобы кветали другъ на друга, но чтобы просла-
вляли Бога, чтобы говорили то, что благодать внушаетъ слушаю-
щимъ, что (служить) къ назиданію, къ пользѣ. Ты сказалъ о
комъ что-нибудь худое; какую же ты получаешь пользу, при-
чиняя вредъ вмѣстѣ съ нимъ и себѣ самому? Вѣдь ты заслужи-
ваешь названіе поносителя. Нѣтъ, истинно нѣтъ ни одного зла,
которое останавливалось бы на одномъ претерпѣвающемъ, а не
обращалось и на причиняющаго зло; такъ, напр., завистливый
повидимому строить козни другому, но напередъ самъ вкушаетъ
плоды злобы, терзаясь, изнуряясь и подвергаясь всеобщей не-
нависти; любостяжательный лишаетъ имущества другихъ, но
вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ и себя самого любви, или лучше, за-
служиваетъ всеобщее порицаніе. Хорошая слава гораздо лучше
богатства; ея лишиться не легко, а потерять богатство легко; или
лучше сказать, когда его нѣтъ, то не имѣющій не терпитъ ни-
18 какого вреда, а когда ея нѣтъ, то человѣкъ подвергается осу-
жденію и осмѣянію, дѣлается врагомъ и ненавистнымъ для всѣхъ.
Также гнѣвливыи напередъ наказываетъ себя, терзаясь въ себѣ
самомъ, а потомъ уже того, на кого гнѣвается. Подобнымъ обра-
зомъ и ссорливый напередъ посрамляетъ себя самого, а по-
томъ уже того, о комъ говорить худо; или даже не можетъ и
этого достигнуть, но самъ заслуживаетъ названіе человѣка дур-
ного и ненавистнаго, а того дѣлаетъ еще болѣе любимымъ. Въ
самомъ дѣлѣ, если тотъ, о комъ онъ говоритъ худо, не отпла-
чиваетъ ему тѣмъ же, но хвалитъ и превозноситъ его, то воз-
дастъ похвалу не ему, а себѣ самому. Какъ поношеніе ближ-
нихъ обращается напередъ, какъ я прежде сказалъ, на самихъ

посылателей, такъ и добро, сдѣланное ближнимъ, доставляетъ напередъ радость самимъ дѣлающимъ. Дѣлающій добро и зло непремѣнно самъ первый испытываетъ послѣдствія; какъ вода, истекающая изъ источника, либо горькая, либо вкусная, и наполняетъ сосуды приходящихъ, и не уменьшаетъ производящаго ее источника, такъ точно зло и добро, отъ кого происходитъ, того и радуется или губитъ. Это бываетъ здѣсь.

А какое будетъ тамъ добро или зло, кто можетъ выразить словомъ? Никто не можетъ. (Тамошнія) блага превышаютъ всякій умъ, не только слово; а противное имъ, хотя выражается словами обычными для насъ,—тамъ, говорится, огонь, мракъ, узъ, червь нескончаемый,—но они означаютъ не только то, что выражаютъ, а нѣчто другое, гораздо ужаснѣйшее. Чтобы ты убѣдился въ этомъ, обрати теперь же вниманіе прежде всего на слѣдующее. Если (тамъ) огонь, то, скажи мнѣ, какимъ образомъ (тамъ же) и мракъ? Видишь ли, что тамошній огонь гораздо ужаснѣе здѣшняго? Онъ не имѣетъ свѣта. Если (тамъ) огонь, то какимъ образомъ онъ сожигаетъ непрестанно? Видишь ли, что онъ гораздо ужаснѣе здѣшняго? Онъ не угасаетъ, почему и называется неугасаемымъ. Представимъ же, какое мученіе — быть сожигаемымъ непрестанно, находиться во мракѣ, испускать безчисленные вопли, скрежетать зубами и не быть услышаннымъ. Если здѣсь человекъ, воспитанный благородно, попавши въ темницу, только чувствовать зловоніе, находиться во мракѣ и содержаться вмѣстѣ съ убійцами считаетъ ужаснѣе всякой смерти, то представь, каково быть сожигаемому вмѣстѣ съ убійцами вселенной, ничего не видѣть и не быть видимымъ, но среди такого множества людей считать себя одинокимъ. Дѣйствительно, мракъ и отсутствіе свѣта не позволяютъ намъ распознавать даже ближнихъ, но каждый будетъ въ такомъ состояніи, какъ будто бы онъ страдалъ одинъ. Если же мракъ самъ по себѣ тяготитъ и смущаетъ наши души, то что будетъ, когда къ мраку присоединятся такіа мученія и сожиганія? Потому, прошу, будемъ постоянно содержать это въ своей памяти и переносить скорбь отъ словъ, чтобы не испытать наказанія на дѣлѣ. А все это непремѣнно исполнится, и тѣхъ, кто совершить дѣла, достойныя тамошнихъ наказаній, не избавитъ никто, ни отецъ, ни мать, ни братъ, хотя бы кто имѣлъ и великое дерзновеніе, и великую силу предъ Богомъ. *Братъ не избавитъ*, говоритъ (Писаніе), *избавитъ ли человекъ* (Псал. xlviii, 8)? Самъ (Богъ) воздастъ каждому по дѣламъ его,—и чрезъ нихъ только можно и спастись и подвергнуться мученію.

Сотворите себѣ други отъ мамоны неправды (Іук. xvi, 9). 19

Будемъ же повиноваться, — это заповѣдь Господня; будемъ избытки богатства раздѣлять нуждающимся; будемъ творить милостыню, пока это въ нашей власти, — это и значить творить *други отъ мамоны*; будемъ расточать богатство на бѣдныхъ, чтобы потушить тамошній огонь, чтобы погасить его, чтобы тамъ имѣть дерзновеніе. Тамъ не они (друзья) примутъ насъ, но дѣла наши. А что не просто одно только пріобрѣтеніе друзей можетъ спасти насъ, видно изъ самаго добавленія. Почему въ самомъ дѣлѣ (Господь) не сказалъ: *сотворите себѣ други, да пріимутъ вы въ вѣчныя кроуы*, но добавилъ и то, какимъ образомъ (сдѣлать это)? Сказавъ: *отъ мамоны неправды*, Онъ выразилъ, что надобно пріобрѣтати друзей посредствомъ имущества, и внушилъ, что одна только дружба не защититъ насъ, если мы не будемъ имѣть добрыхъ дѣлъ, если не расточимъ праведно богатства, собраннаго неправедно. Такая заповѣдь намъ о милостынѣ относится не къ богатымъ только, но и къ бѣднымъ; хотя бы кто питался, выпрашивая у другихъ, и къ нему относится эта заповѣдь, — потому что нѣтъ, истинно нѣтъ ни одного такого бѣдняка, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, чтобы у него не нашлось *двѣ лепты* (Марк. хп, 42). Слѣдовательно, можно и дающему изъ малаго малое превзойти имѣющихъ много и дающихъ много, какъ и было съ тою вдовою. Величина милостыни измѣряется не мѣрою подаваемого, но произволеніемъ и усердіемъ подающихъ. Такъ вездѣ нужно произволеніе, вездѣ любовь къ Богу. Если мы будемъ дѣлать все по ея побужденію, то, хотя бы мы давали немного, имѣя немного, — Богъ не отвратитъ лица Своего, но приметъ и малое, какъ великое и необыкновенное. Онъ смотритъ на произволеніе, а не на то, что дается; если видать, что оно велико, то обращаетъ на него свое рѣшеніе и приговоръ, и дѣлаетъ (подающихъ) участниками вѣчныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы достигнуть, благодатію и челоуѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА II.

19 Иже сый сіяніе славы и образъ ипостаси его, нося же всяческая глаголомъ силы своея, собою очищеніе сотворивъ грѣховъ нашихъ (Евр. i, 3).

1. Всегда нужно имѣть благоговѣйное расположеніе духа, особенно же когда мы говоримъ или слушаемъ что-нибудь о

Богъ, потому что ни языкъ сказать, ни ухо услышать не можетъ ничего, соразмѣрнаго (величію) Божію. Что я говорю—языкъ и ухо? Самый умъ, который много превосходитъ ихъ, не можетъ ничего постигнуть въ точности, когда мы хотимъ сказать что-нибудь о Богѣ, потому что если миръ Божій превосходитъ всякій умъ (Фил. iv, 7), и если уготованное любящимъ его не возшло на сердце человѣка (1 Кор. iii, 9), то тѣмъ болѣе самъ Богъ мира, Создатель всего, несравненно превосходитъ наше разумѣніе. Потому должно принимать все съ вѣрою и благоговѣніемъ, когда слово становится слабымъ и не можетъ въ точности выразить предлагаемаго, тогда въ особенности и прославлять Бога, за то, что мы имѣемъ такого Бога, который превосходитъ нашъ умъ и слово. Многое изъ того, что мы думаемъ о Богѣ, не можемъ выразить словомъ, и многое, что выражаемъ словомъ, не можемъ представить умомъ; напр. мы знаемъ, что Богъ (присутствуетъ) вездѣ, но какимъ образомъ, этого не разумѣемъ; мы знаемъ, что существуетъ нѣкоторая божественная сила, виновница всѣхъ благъ, но какимъ образомъ она существуетъ, не знаемъ. Это мы говоримъ, но не разумѣемъ; я говорю, что Богъ вездѣ, но не понимаю; говорю, что Онъ безначаленъ, но не постигаю; говорю, что Онъ рождаетъ изъ Себя самого, но опять не знаю, какъ понимать это. А иное невозможно выразить словами,—т. е. умъ представляетъ, а языкъ выразить не можетъ. А чтобы ты зналъ, какъ и самъ Павелъ былъ не въ состояніи (выразить), какъ подобія, приводимыя имъ, не точны, и чтобы ты послѣ того ужаснулся и ничего не искалъ болѣе надлежащаго, послушай: сказавъ о Сынѣ и назвавъ Его *Творцемъ*, что онъ присовокупляетъ? *Иже сый сіяніе славы и образъ ипостаси его.* Это надобно 20 принимать съ благоговѣніемъ, а нелѣпыя мысли отвергать. *Сіяніе*, говорятъ, *славы*. Смотри, въ какомъ смыслѣ онъ принимаетъ это, и самъ принимай точно также, т. е.,—что изъ Него (Сынъ—изъ Отца), что безстрастно, что безъ уменышенія или униженія; а есть люди, которые выводятъ изъ этого подобія нѣкоторыя нелѣпости. *Сіяніе*, говорятъ они, не самостоятельно, имѣетъ (основаніе) бытія въ другомъ.

Но ты, человѣкъ, не принимай этого, не впадай въ болѣзнь Маркелла и Фотина. (Апостолъ) тотчасъ же предлагаетъ тебѣ врачеваніе и не позволяетъ тебѣ принять такой мысли и впасть въ такую пагубную болѣзнь. Что же говоритъ онъ? *И образъ ипостаси его*; этимъ прибавленіемъ онъ выражаетъ, что какъ Отецъ самостоятеленъ и не имѣетъ ни въ комъ нужды для того, чтобы быть самостоятельнымъ, такъ точно и Сынъ. Здѣсь онъ доказываетъ безразличіе ихъ (по существу) и, указывая тебѣ на

соотвѣтственный образъ первообраза, учить, что и Сынъ самостоятеленъ самъ по себѣ. Сказавъ выше, что Имъ Богъ сотворить все, здѣсь онъ приписываетъ власть Ему самому. Что же говорить онъ? *Ноя же всяческая глаголомъ силы своея*. Отсюда мы научаемся, что (Сынъ) не только есть образъ ипостаси (Отца), но и всѣмъ управляетъ со властію. Видишь, какъ то, что свойственно Отцу, принадлежитъ и Сыну. Потому онъ не просто сказалъ: *ноя же всяческая*, не сказалъ также: *силою своею*, но: *глаголомъ силы своея*. Какъ прежде (апостолъ) мало-по-малу то восходилъ съ нами, то нисходилъ, такъ и теперь онъ, какъ бы по ступенямъ, то восходить на высоту, то опять нисходить, когда говорить: *имже и стки сотвори*. Посмотри, какъ онъ и здѣсь пролагаетъ два пути: предостерегая насъ отъ новшествъ Савеллія и Арія, изъ которыхъ первый отвергалъ остальное (различіе лицъ) въ существѣ Божіемъ, а второй расторгалъ единое существо неравенствомъ (Сына Отцу), онъ сильно опровергаетъ то и другое.

21 Какъ же онъ дѣлаетъ это? Поперемѣнно говорить и то и другое, чтобы не думали, что (Сынъ) безначаленъ, или чуждъ Богу. Не удивляйся сказанному, возлюбленный; вѣдь если и послѣ такихъ доказательствъ находятся люди, которые почитаютъ (Сына) чуждымъ (Отцу), даютъ Ему другого отца и даже говорятъ, что онъ противодѣйствуетъ (Отцу), то чего не говорили бы они, если бы не сказалъ этого? Когда требуется врачевать заблуждающихся, то онъ находитъ нужнымъ сказать нѣчто уничиженное. Именно: *егоже*, говорить, *положи наследника вѣмъ*, и еще: *имже и стки сотвори*. А потомъ, чтобы не нанести вреда въ другомъ отношеніи, онъ переходитъ отъ выраженій, означающихъ уничиженіе, къ выраженіямъ, означающимъ власть, и показываетъ, что (Сынъ) равночестенъ Отцу, и такъ равночестенъ, что многіе считали Его за Отца. И посмотри на великую мудрость (апостола): напередъ онъ излагаетъ первое и твердо доказываетъ это; когда же доказалъ, что Онъ есть Сынъ Божій и не чуждъ Отцу, тогда уже безъ опасенія предлагаетъ и все высокое, что хотѣлъ предложить. Такъ какъ, предлагая о Немъ высокое, можно было навести многихъ на вышесказанную мысль, то (апостолъ) напередъ излагаетъ уничиженное, а потомъ безъ опасенія восходить на высоту, на какую хотѣлъ; сказавъ: *егоже положи наследника вѣмъ*, и: *имже стки сотвори*, онъ далѣе присовокупляетъ: *ноя же всяческая глаголомъ силы своея*. Кто однимъ словомъ управляетъ всѣмъ, тотъ не можетъ имѣть въ комъ-нибудь нужды, чтобы прозвести все.

2. И что это дѣйствительно такъ, смотри, какъ (апостолъ) въ дальнѣйшихъ словахъ приписываетъ Ему власть и уже не

говорить: *имже*. Сказавъ, что (Богъ) чрезъ Него сотворилъ, что хотѣлъ, онъ потомъ оставляетъ это выраженіе и говоритъ: *въ началѣ ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку твою суть небеса* (ст. 10); уже не говоритъ: *имже*, т. е., что чрезъ Него сотворилъ вѣка. Но какъ же, развѣ не Имъ они сотворены? Правда, но не такъ, какъ ты говоришь, не такъ, какъ ты представляешь, не какъ чрезъ орудіе, и не такъ, что Онъ не сотворилъ бы ихъ, если бы Отецъ не подаль Ему руки помощи. Какъ (*Отецъ*) не судитъ никому, но судить, сказано, чрезъ Сына (Іоан. v, 22), потому что родилъ Его Судію, такъ и творить чрезъ Него, потому что родилъ Его Творцемъ. Если Отецъ есть начало Его, то тѣмъ болѣе (начало) сотвореннаго Имъ.

Итакъ, когда (апостолъ) хочетъ показать, что (Сынъ) изъ Него, то по необходимости говоритъ уничиженное; а когда желаетъ говорить высокое, то наноситъ ударъ Маркеллу и Савеллію. Но Церковь избѣгла крайности тѣхъ и другихъ и идетъ среднимъ путемъ. Не останавливается на уничиженномъ, чтобы не нашелъ убѣжища Павелъ Самосатскій, и не ограничивается однимъ только высокимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ великую близость (Сына къ Отцу), чтобы не возражалъ Савеллій. Когда онъ сказалъ: *Сына*, то немедленно возстаетъ Павелъ Самосатскій и говоритъ, что Онъ такой же Сынъ, какъ и многіе. Но (апостолъ) нанесъ ему смертельную рану, присовокупивъ: *наследника*. Но тотъ все еще безстыдствуется вмѣстѣ съ Аріемъ; именно слова: *егоже положи наследника* они оба принимаютъ, первый утверждая, что (эти слова) означаютъ безсиліе, а второй стараясь перетолковать и дальнѣйшія (слова). Павелъ сказалъ: 22 *имже и выки сотвори*, и тѣмъ рѣшительно ниспровергнулъ безстыднаго Павла Самосатскаго; но Аріій повидимому еще держится крѣпко. Посмотри же, какъ (апостолъ) ниспровергнулъ и его, сказавъ далѣе: *имже сый сіяніе славы его*. Но вотъ еще возстаютъ Савеллій, Маркеллъ и Фотинъ. Всѣмъ имъ (апостолъ) нанесъ одинъ ударъ, сказавъ: *и образъ ипостиси его, нося же всяческая глаголомъ силы своя*. Здѣсь онъ поражаетъ также Маркіона,—хотя не слишкомъ сильно, однакоже поражаетъ. Вообще во всемъ посланіи онъ ихъ опровергаетъ. Онъ называлъ Сына, какъ я сказалъ, сіяніемъ славы,—и хорошо. Самъ Христосъ, послушай, что говорятъ о Себѣ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. viii, 12). Для того (и апостолъ) называлъ Его сіяніемъ, чтобы показать, что и тамъ сказано то же самое, т. е., что (Сынъ отъ Отца) какъ свѣтъ отъ свѣта. Впрочемъ не только это здѣсь показывается, но и то, что Онъ просвѣтилъ наши души. Словомъ: *сіяніе* (апостолъ) выражаетъ равенство по существу и близость къ Отцу. Посмотри, ка-

кая тонкость въ словахъ: именуя единое существо, названное ипостасію, онъ доказываетъ, что (Сынъ и Отецъ) двѣ ипостаси, подобно какъ онъ дѣлаетъ и въ отношеніи къ Духу. Какъ онъ говорилъ, что одно вѣдѣніе у Отца и Духа (1 Кор. хп, 4, 5), которое дѣйствительно одно и нисколько не различно само въ себѣ, такъ и здѣсь онъ употребляетъ одно слово для доказательства двухъ ипостасей. При этомъ присовокупляетъ: *и образъ*. Образъ—пѣчто отличное отъ первообраза, впрочемъ отличное не совершенно, но въ отношеніи къ самостоятельности; такъ и здѣсь *образъ* означаетъ безразличіе отъ Того, чей образъ, сходство съ Нимъ во всемъ. Если же Онъ называется подобіемъ и образомъ, то что скажутъ на это (еретики)? И человѣкъ, скажутъ, называется образомъ Божиимъ (Быт. 1, 26). Но такъ ли, какъ Сынъ? Нѣтъ, скажутъ, но (отсюда и видно), что образъ не означаетъ сходства. Напротивъ, когда человѣкъ называется образомъ (εἰκών), то означаетъ сходство (его съ Богомъ), сколько возможно человеку. Чтѣ Богъ на небѣ, тѣ человѣкъ на землѣ, т. е. по владычеству; какъ онъ обладаетъ всѣмъ на землѣ, такъ Богъ обладаетъ всѣмъ на небѣ и на землѣ. А съ другой стороны, *человѣкъ* не называется такимъ же *образомъ* (χαρακτήρ), не называется такимъ же *подобіемъ* (μορφή), не называется *сіяніемъ*, чѣмъ означаетъ существо, или сходство по существу. Какъ *врачъ раба* (Фил. п, 7) означаетъ не что иное, какъ совершеннаго человѣка, такъ и *образъ* Бога означаетъ не что иное, какъ Бога. *Иже сый*, говоритъ, *сіяніе славы*. Посмотри, какъ поступаетъ Павелъ. Сказавъ: *иже сый сіяніе славы*, онъ далѣе присовокупляетъ: *сѣде одесную величества*; изъ всѣхъ употребляемыхъ названій онъ не находитъ ни одного, которое выражало бы самое существо (Божіе). Дѣйствительно, ни *величество*, ни *слава* не выражаютъ того, 23 что онъ хочетъ сказать; вообще онъ не находитъ названія. Потому я и сказалъ въ началѣ, что иное мы представляемъ въ умѣ, но не можемъ выразить словомъ; и самое имя: *Богъ* не есть названіе существа Его, такъ что совершенно невозможно найти названіе для выраженія существа Его. Впрочемъ, что удивительнаго, если такъ въ отношеніи къ Богу, когда и въ отношеніи къ ангелу невозможно найти названіе, которое выражало бы существо его, и можетъ быть даже въ отношеніи къ душѣ: мнѣ именно кажется, что это названіе (душа) означаетъ не самое существо ея, но способность дышать. Потому-то называютъ ее и душею, и сердцемъ, и умомъ: *сердце чисто*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *созижди во мнѣ, Боже* (Псал. 1, 12). И не только такъ, но часто называется она и духомъ. *Нося же всяческая глаголомъ силы своея*. Видишь ли, что говорить (апостоль)?

3. Какъ же, скажи мнѣ, ты, еретикъ, указывая на слова Писанія: *рече Богъ: да будетъ свѣтъ* (Быт. 1, 3), говоришь, что Отецъ повелѣваетъ, а Сынъ повинуется? Вотъ и адѣсь Онъ самъ творитъ *глаголомъ: нося же*, говоритъ (апостолъ), *всяческая*, т. е. управляя, сдерживая то, что можетъ распасться. Держать міръ не менѣе значить, чѣмъ и сотворить міръ, или, если можно сказать нѣчто удивительное, даже болѣе. Сотворить значить привести что-нибудь изъ небытія въ бытіе; а держать уже существующее, но готовое обратиться въ ничто, соединять противоборствующее между собою, это—дѣло великое и удивительное, это—знакъ великой силы. Словомъ: *нося* онъ выражаетъ также легкость этого дѣла (для Господа). Не сказалъ: *управляя*, но употребилъ переносное выраженіе, заимствованное отъ движущихъ что-нибудь и обращающихъ однимъ пальцемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ огромную великость созданія, и то, что эта великость ничего не значить для Него. Далѣе опять выражаетъ, что (для Господа) это дѣло не составляетъ труда, словами: *глаголомъ силы своея*. Хорошо сказалъ: *глаголомъ*; у насъ слово бываетъ безсильно, а у Бога, говоритъ, оно не бываетъ безсильно. Сказавъ: *нося глаголомъ*, онъ однако не прибавилъ, какимъ образомъ носить словомъ, потому что знать это—невозможно. Затѣмъ говоритъ о *селѣствіи* Его. Такъ сдѣлалъ и Іоаннъ: сказавъ, что Онъ—Богъ, присовокупилъ и то, что Онъ—Создатель тварей. Чтò (Іоаннъ) выразилъ словами: *въ началѣ бѣ Слово, и: вся тѣмъ быша* (Іоан. 1, 1, 3), то же самое и Павелъ выражаетъ, говоря: *глаголомъ*, а также: *иже и всѣхъ сотвори*,—выражаетъ именно, что Онъ и Создатель и существуетъ прежде всѣхъ вѣковъ. Итакъ, если объ Отцѣ пророкъ говоритъ: *отъ вѣка и до вѣка ты еси* (Исал. lxxxix, 2) и о Сынѣ говорится, что Онъ существуетъ прежде всѣхъ вѣковъ и есть Создатель всего, то что могутъ сказать (еретики)? Или лучше, если объ Отцѣ сказано, что Онъ есть *сый прежде вѣка*, и о Сынѣ говорится то же самое? Какъ (Іоаннъ) сказалъ: *животъ бѣ* (Іоан. 1, 4), выражая, что Онъ сохраняетъ твари, что Онъ есть жизнь всего, такъ и (Павелъ) говоритъ: *нося же всяческая глаголомъ силы своея*; а не такъ, какъ говорятъ язычники, которые лишаютъ Его, сколько могутъ, и творчества, и промысленія, и ограничиваютъ силу Его луною. *Собою*, говоритъ, *очищеніе сотвори въ вѣкахъ нашихъ*. Сказавъ о дѣлахъ удивительныхъ и великихъ, самыхъ высокихъ, (апостолъ) говоритъ потомъ и о пощеніи Его о людяхъ. Хотя и вышесказанныя слова: *нося же вся-* 24 *ческая* относились ко всѣмъ, но эти означаютъ гораздо болѣе. Они также относятся ко всѣмъ, потому что, сколько отъ Него зависѣло, Онъ спасъ всѣхъ. Такъ и Іоаннъ, сказавъ: *животъ бѣ*,

и тѣмъ указавъ на промышленіе Его, говорить еще: и свѣтъ (Іоан. 1, 5), выражая то же самое. *Собою*, говорить, *очищеніе сотвори въ грѣховъ нашихъ, съде одесную величества на высокихъ*. Здѣсь онъ представляетъ два величайшія доказательства Его попеченія: одно въ томъ, что Онъ очистилъ грѣхи наши, а другое въ томъ, что сдѣлалъ это Собою. И часто можешь видѣть, какъ (апостолъ) восхищается не только тѣмъ, что совершилось примрение съ Богомъ, но и тѣмъ, что оно совершено Сыномъ. Подлинно, этотъ великій даръ сталъ еще больше потому, что (сообщенъ) Сыномъ. Сказавъ: *съде одесную*, и: *очищеніе собою сотвори въ грѣховъ нашихъ*, и напомнивъ о крестѣ, (апостолъ) вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ о воскресеніи и вознесеніи. И посмотри на неизреченную мудрость его: не сказалъ: повелѣно Ему сѣсть, но: *съде*; далѣе же, чтобы ты не подумалъ, будто Онъ стоялъ, присовокупилъ: *кому отъ ангелъ рече когда: съди одесную мене* (ст. 13). *Съде*, говорить, *одесную величества на высокихъ*. Что значить: *на высокихъ*? Не ограничиваетъ ли онъ Бога какимъ-нибудь мѣстомъ? Нѣтъ, не для внушенія намъ такой мысли онъ сказалъ это; но какъ выраженіемъ: *одесную* онъ изображаетъ не внѣшній видъ Его, а показываетъ равночестность Его съ Отцемъ, такъ и выраженіемъ: *на высокихъ* не заключаетъ Его тамъ, а означаетъ, что Онъ выше всѣхъ и превзошелъ все, и какъ бы такъ говорить: Онъ достигнулъ до самаго престола Отцаго. Какъ Отецъ *на высокихъ*, такъ точно и Онъ; и сосѣдствіе означаетъ не что иное, какъ равночестность. Если же (еретики) будутъ возражать: (однакоже Богъ сказалъ Ему:) *съди*, то мы спросимъ ихъ: что же, стоящему ли (Ему Богъ сказалъ это)? Невозможно доказать. И съ другой стороны, (апостолъ) не говоритъ, что Богъ повелѣлъ или приказалъ, но: *рече: съди*, и при томъ для того, чтобы ты не подумалъ, что онъ не имѣетъ начала и причины (въ Богѣ Отцѣ). А что это дѣйствительно такъ, видно изъ мѣста сѣдѣнія; если бы нужно было выразить уменьшеніе, то было бы сказано не *одесную*, но *ошуюю*.

Толико, говорить, *лучшій бывъ ангеловъ, слико преславнѣе паче ихъ наслѣдствова имя* (ст. 4). Слово: *бывъ* здѣсь употреблено вмѣсто: явившись; иначе можно сказать: *есть*. Далѣе (апостолъ) и подтверждаетъ это. Чѣмъ? Именемъ. Видишь ли, что имя—Сынъ всегда означаетъ истинное сыновство Его? Подлинно, если бы Онъ не былъ истиннымъ Сыномъ, то не было бы такъ сказано. Почему? Потому, что бываетъ истиннымъ (Сыномъ) не иначе, какъ получая бытіе изъ самого (Отца). Потому (апостолъ) и приводитъ такое подтвержденіе. А если бы Онъ былъ Сыномъ по благодати, то не только не былъ бы преславнѣе ангеловъ, но былъ

бы даже ниже ихъ. Почему? Потому, что и люди праведные называются сынами (Божіими); и имя — Сынъ, если оно не означаетъ истиннаго (Сына), не можетъ доказывать превосходства. Между тѣмъ (апостоль), желая показать, что есть нѣкоторое различіе между тварями и Творцемъ, послушай, что говоритъ: *кому бо рече когда отъ ангель: сынъ мой еси ты, азъ днесь родихъ тя?* и опять: *азъ буду ему во Отца, и той будетъ мнѣ въ Сына* (ст. 5)? Здѣсь одно сказано о плоти (Христовой), именно слова: *азъ буду ему во Отца, и той будетъ мнѣ въ Сына* означаютъ воплощеніе Его; а другое, именно: *Сынъ мой еси ты*, означаетъ не что иное, 25 какъ то, что Онъ изъ самого (Отца). Какъ выраженіе: сынъ употребляется о Богѣ въ настоящемъ времени, потому что оно всего болѣе прилично Ему, такъ выраженіе: *днесь*, мнѣ кажется, сказано здѣсь по отношенію къ плоти. Когда Онъ принялъ ее, то уже все подобное безъ опасенія говорится о Немъ. Плоть можетъ получать возвышеніе, равно какъ Божество—уничженіе; и если Богъ не возгнушался сдѣлаться человѣкомъ, не отрекся отъ дѣла, то станетъ ли Онъ отречься отъ наименованій?

4. Зная это, не будемъ стыдиться, не будемъ и превозноситься. Если Онъ, будучи Богомъ, Владыкой и Сыномъ Божіимъ, не отрекся принять *зракъ раба* (Фил. II, 7), то тѣмъ болѣе мы должны дѣлать все, хотя бы то было самое уничиженное. И чѣмъ, скажи мнѣ, превозносишься ты, человѣкъ? Благами ли житейскими? Но они тотчасъ исчезаютъ, какъ скоро являются. Духовными ли? Но и то есть одно изъ духовныхъ благъ, чтобы не превозноситься. Чѣмъ же ты превозносишься? Тѣмъ ли, что дѣлаешь добрыя дѣла? Но послушай Христа, который говоритъ: *егда сотворите вся поветѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмь*: *яко еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. XVII, 10). Богатствомъ ли ты превозносишься? Но, скажи мнѣ, почему? Развѣ ты не слышалъ, что мы наги вошли въ жизнь, наги и отыдемъ (Іов. I, 21)? Или лучше, развѣ ты не видишь, какъ другіе отходятъ прежде тебя нагими и лишенными всего? Кто превозносится тѣмъ, что у него есть чужое? А кто хочетъ пользоваться этимъ для одного собственнаго наслажденія, тотъ лишается его и противъ воли, часто еще прежде смерти, а при смерти непременно. Но скажутъ: пока мы живы, мы пользуемся имъ, какъ хотимъ. Нѣтъ,—не скоро найдешь человѣка, который бы пользовался имуществомъ, какъ онъ хочетъ; а если бы кто и пользовался имъ, какъ хочетъ, то и это не важное дѣло, потому что время настоящее кратко въ сравненіи съ безконечными вѣками. Тѣмъ ли превозносишься, человѣкъ, что ты богатъ? Почему же? Богатство бываетъ и у разбойниковъ, и воровъ, и

убійць, и развратниковъ, и прелюбодѣвъ, и у всѣхъ людей порочныхъ. Почему же ты превозносишься? Если ты употребляешь его, какъ должно, то тебѣ не слѣдуетъ превозноситься, чтобы не нарушить заповѣди (Господней); если (употребляешь) не такъ, какъ должно, то тебѣ слѣдуетъ скорѣе сокрушаться о томъ, что ты сдѣлался рабомъ имущества и богатства, которое обладаетъ тобою. Скажи мнѣ: если бы кто-нибудь, страдая горячкою, выпилъ много воды, которая на короткое время утоляетъ жажду, но потомъ воспаляетъ огонь, то можетъ ли онъ превозноситься этимъ? Или если бы кто-нибудь хлопоталъ о многомъ напрасно, то можетъ ли онъ превозноситься этимъ? Чѣмъ же, скажи мнѣ, (превозноситься тебѣ)? Тѣмъ ли, что имѣешь надъ собою много господъ? Тѣмъ ли, что у тебя безчисленное множество заботъ? Тѣмъ ли, что многіе льстятъ тебѣ? Но это не что иное, какъ рабство. А чтобы ты убѣдился, что ты (въ такомъ случаѣ) дѣлаешься рабомъ, выслушай внимательно слѣдующее. Прочія страсти наши бываютъ иногда полезны; такъ часто бываетъ полезенъ гнѣвъ: *не можетъ*, говорить (Премудрый), *ярость несправедная оправдится* (Сир. 1, 22); слѣдовательно, можно гнѣваться и праведно. И еще (Господь говоритъ): *гнѣвайся на брата своего всуе, повиненъ еси суду* (Мѡ. v, 22). Также ревность и похоть бываютъ добромъ: послѣдняя тогда, когда служить дѣторожденію, а первая, когда направлена къ соревнованію въ добрыхъ дѣлахъ, какъ и Павелъ говоритъ: *добро же еже ревновати всегда въ добромъ* (Гал. iv, 18), и еще: *ревнуйте дарованій большихъ* (1 Кор. xii, 31); слѣдовательно, то и другое полезно. А гордость никогда не бываетъ добромъ, но всегда бесполезна и вредна. И 26 если чѣмъ можно гордиться, то скорѣе бѣдностію, нежели богатствомъ. Почему? Потому что кто можетъ жить малымъ, тотъ гораздо лучше и выше того, кто не можетъ.

5. Скажи мнѣ: если бы какіе-нибудь люди были приглашены въ царственный городъ, и одни изъ нихъ не требовали бы ни коней, ни рабовъ, ни шатровъ, ни гостинницъ, ни одѣяній, ни сосудовъ, но довольствовались бы только хлѣбомъ и водою изъ источниковъ, а другіе стали бы говорить: если не дадите намъ колесницъ и мягкихъ постелей, то мы не можемъ прибыть; если у насъ не будетъ множества провожатыхъ, если не будетъ намъ позволено часто отдыхать и находиться въ дорогѣ только малую часть дня, если не доставятъ намъ коней и много другого необходимаго для насъ, то мы не можемъ (отправиться), — скажи: которые изъ нихъ достойны нашего уваженія, первые или послѣдніе? Очевидно, что тѣ, которые ни въ чемъ не имѣютъ нужды. Такъ точно и здѣсь: одни для прохожденія пути настоя-

шей жизни требуютъ многого, а другіе—ничего; потому и превозносятся скорѣе слѣдовало бы живущимъ въ бѣдности, если только слѣдовало бы. Но, скажешь, бѣдный часто подвергается презрѣнію. Нѣтъ,—не онъ (достоинъ этого), а тѣ, которые презираютъ его; какъ въ самомъ дѣлѣ я могу не презирать людей, которые не хотятъ уважать то, что должно (уважать)? Живописецъ смѣется надъ всѣми тѣми, которые, будучи сами невѣждами, смѣются надъ нимъ, и не обращаетъ вниманія на слова ихъ, но довольствуется собственнымъ своимъ свидѣтельствомъ: почему же мы поставляемъ себя въ зависимость отъ мнѣнія другихъ? Простительно ли это?

Мы въ томъ случаѣ достойны презрѣнія, когда не презираемъ презирающихъ насъ за бѣдность и не считаемъ несчастными ихъ самихъ. Не упоминаю о томъ, какіе грѣхи происходятъ отъ богатства и какія блага отъ бѣдности; или лучше сказать, ни богатство, ни бѣдность не есть добро само по себѣ, но таковымъ бываетъ въ зависимости отъ пользующихся. Добрый христіанинъ обнаруживается болѣе въ бѣдности, нежели въ богатствѣ. Почему? Потому, что въ бѣдности онъ становится негорделивѣе, цѣломудреннѣе, честнѣе, смиреннѣе, благоразумнѣе; а въ богатствѣ встрѣчаетъ множество къ тому препятствій. Вспомнимъ, что дѣлаетъ богатый, или лучше, злоупотребляющій своимъ богатствомъ. Онъ похищаетъ, лихоимствуетъ, притѣсняетъ. И откуда происходятъ преступныя привязанности, незаконныя связи, волшебства, чародѣянія и всѣ другіе роды зла, какъ не отъ богатства? Видишь ли, что въ бѣдности гораздо легче быть добродѣтельнымъ, нежели въ богатствѣ? Не думай, что если богатые адѣсь не подвергаются наказанію, то они и не грѣшны; нѣтъ, — если бы можно было безпрепятственно подвергать богатыхъ наказанію, то темницы наполнились бы ими. Кромѣ того, богатство заключаетъ въ себѣ еще то зло, что несправедно приобрѣвшій его, совершая грѣхи безнаказанно, никогда не перестаетъ совершать ихъ, получаетъ раны неисцѣльныя, и никто не налагаетъ на него узды. Бѣдность же, если угодно, можетъ доставить намъ гораздо больше поводовъ къ удовольствію. Почему? Потому, что она свободна отъ заботъ, ненависти, вражды, зависти, брани и безчисленныхъ золъ. Итакъ, не будемъ усиливаться стать богатыми, и не будемъ постоянно завидовать тѣмъ, которые имѣютъ много; но если имѣемъ богатство, будемъ употреблять его, какъ должно; если же не имѣемъ, не будемъ скорбѣть о томъ, а благодарить Бога за все, и за то, что Онъ даровалъ намъ возможность—при маломъ трудѣ получить воздаяніе, равное богатымъ, или, если мы захотимъ, даже большее, и нѣ 27

малаго извлечь великіе плоды. Принесши два таланта былъ почетъ и удостоенъ награды, равной съ принесшимъ пять талантовъ. Почему? Потому что, хотя ему было вѣрено два таланта, но онъ съ своей стороны исполнилъ все должное и возвратилъ вѣренное въ двойномъ количествѣ. Для чего же намъ стараться получить многое, когда можно и посредствомъ малаго приобрѣсть то же самое, или даже большее, когда при маломъ трудѣ можно удостоиться награды, гораздо большей (чѣмъ трудъ). Бѣдный гораздо удобнѣе разстанется съ собственностію, нежели богатый, 28 обладающій слишкомъ многимъ. Развѣ вы не знаете, что чѣмъ больше кто имѣетъ, тѣмъ большаго жаждетъ? Потому, чтобы намъ не испытать этого, не будемъ искать богатства, не будемъ сѣтовать на бѣдность, не будемъ стремиться сдѣлаться богатыми, но, даже имѣя (богатство), будемъ пользоваться имъ такъ, какъ заповѣдалъ Павелъ: *имущи, говоритъ онъ, якоже не имущи, и требующи мира сего, яко не требующе* (1 Кор. vii, 29, 31), чтобы намъ получить обѣтованныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатию и человеколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА III.

27 Егда же паки вводитъ первороднаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся ему вси ангели Божіи. И ко ангеломъ убо глаголетъ: творяи ангелы своя духи, и слуги своя огнь палящъ. Къ Сыну же: престолъ твой, Боже, въ вѣкъ вѣка (Евр. i, 6—8).

1. Господь нашъ Іисусъ Христосъ называетъ пришествіе свое во плоти исходомъ,—напр., когда Онъ говоритъ: *изиде стѣи, да стѣтъ* (Мѣ. xiii, 3); и еще: *Азъ отъ Отца моего изидохъ, и приидохъ* (Іоан. xvi, 26, 27); и во многихъ мѣстахъ можно видѣть это. А Павелъ называетъ пришествіе Его входомъ: *егда же, говоритъ, паки вводитъ первороднаго во вселенную*, разумѣя подъ этимъ введеніемъ воплощеніе. Почему же они выражаются различно объ одномъ и томъ же предметѣ, и для чего говорятъ такъ? Это видно изъ значенія самыхъ выражений. Христосъ справедливо называетъ пришествіе свое исходомъ, потому что мы были внѣ Бога. Какъ узники, оскорбившіе царя, находятся обыкновенно внѣ царскихъ чертоговъ, и тотъ, кто желаетъ примирить ихъ

(съ царемъ), не вводитъ ихъ внутрь (чертоговъ), но самъ выходитъ наружу и бесѣдуетъ съ ними, пока не сдѣлаетъ ихъ достойными явиться предъ взоры царя, такъ поступилъ и Христосъ. Онъ, вышедши къ намъ, т. е. принявъ плоть и преподавъ намъ угодное Царю, ввелъ потомъ насъ, очистивъ отъ грѣховъ и примиривъ (съ Богомъ). Потому Онъ и называетъ (пришествіе свое) исходомъ. А Павелъ называетъ его входомъ, заимствуя это переносное выраженіе изъ примѣра наслѣдниковъ, получающихъ во владѣніе какое-нибудь имущество; сказать: *егда же пакы вводитъ первоороднаго во вселенную*, значить показать, что (Богъ) вручилъ Ему вселенную; Онъ тогда принялъ ее всю въ свое владѣніе, когда былъ познанъ. Это говорится не о Богѣ-Словѣ, но о воплотившемся Христѣ; и дѣйствительно, если Онъ *въ міръ бгъ*, какъ говорить Іоаннъ, *и міръ тѣмъ бысть* (Іоан. 1, 10), то какъ иначе онъ могъ быть введенъ во вселенную, какъ не во плоти? *И да поклонятся ему*, говоритъ, *вси ангели Божіи*. Намѣреваясь сказать нѣчто великое и высокое, онъ предуготовляетъ къ тому слушателей и располагаетъ къ удобнѣйшему принятію (истины), представляя Отца вводящимъ Сына. И посмотри: выше онъ сказать, что (Богъ) глаголаѣ намъ не чрезъ пророковъ, но чрезъ 28 Сына, и показалъ, что Сынъ превосходитъ ангеловъ, доказавъ это какъ самымъ именемъ (Сына), такъ и тѣмъ, что самъ Отецъ ввелъ Сына. А здѣсь онъ доказываетъ то же другимъ образомъ. Какимъ? Поклоненіемъ, которое показываетъ, насколько онъ превосходитъ ангеловъ, насколько именно Владыка превосходитъ раба. Подобно тому, какъ если бы кто, вводя кого-нибудь въ жилище царя, повелѣлъ предстоящимъ тамъ тотчасъ поклониться ему, такъ поступаетъ и апостолъ, говоря о пришествіи въ міръ по плоти, и присовокупляя: *да поклонятся ему вси ангели Божіи*. Неужели же только ангелы, безъ прочихъ силъ? Нѣтъ; послушай далѣе: *и ко ангеломъ убо глаголетъ: творий ангелы своя духи, и слуги своя огнь палящъ. Къ Сыну же: престолъ твой, Боже, въ вѣкъ вѣка*. Вотъ величайшее различіе: они созданы, а Онъ не созданъ. Почему объ ангелахъ сказано: *творий*, а о Сынѣ не сказано: *творий*? Потому, что такимъ образомъ ясно выражается различіе между ними. Потому объ ангелахъ и говорится: *творий ангелы своя духи*; а о Сынѣ хотя говорится: *Господь созда мя* (Притч. 1, 22), и еще: *Господа его и Христа Богъ сотворилъ есть* (Дѣян. 2, 36), но ни то не говорится о Христѣ Господѣ Сынѣ, ни это—о Богѣ Словѣ, а относится къ воплощенію. Желая показать истинное между ними различіе, (апостолъ) разумѣетъ не только ангеловъ, но и всѣ горнія служебныя силы. Видишь ли, съ какою ясностію онъ различаетъ твари и Творца, служителей и Вла-

дыку, расовъ и Наслѣдника и истиннаго Сына? О Сынъ говорить: *престолъ твой, Боже, въ вѣкъ вѣка*; вотъ знакъ царствія! *Жезлъ правости, жезлъ царствія твоего*; вотъ еще другой знакъ царствія! Потомъ опять (обращается) къ воплощенію: *возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза тя, Боже, Богъ твой* (ст. 9). Что значить: *Богъ твой*? Сказавъ великое, (апостоль) опять смягчаетъ рѣчь.

Здѣсь онъ опровергнулъ и іудеевъ, и послѣдователей Павла Самосатскаго, и аріанъ, и Маркелла, и Савеллія, и Маркіона.
29 Какимъ образомъ? Іудеевъ—тѣмъ, что показалъ въ одномъ и томъ же (Христѣ) два существа—Бога и человѣка; вторыхъ, т. е. послѣдователей Павла Самосатскаго,—тѣмъ, что сказалъ о вѣчномъ бытіи и несозданномъ существѣ Его, такъ какъ въ противоположность выраженію: *сотворилъ естъ*, присовокупилъ: *престолъ твой, Боже, въ вѣкъ вѣка*; аріанъ—тѣмъ же самымъ, равно и тѣмъ, что (Сынъ) не есть рабъ, а если бы Онъ былъ тварію, то былъ бы рабомъ; Маркелла и другихъ—тѣмъ, что (Отецъ и Сынъ) суть два лица, различныя ипостасно; маркіонитовъ—тѣмъ, что помазуется не божество, а человѣчество (Христово). Далѣе говоритъ: *паче причастники твои*хъ. Кто же эти причастники, какъ не люди? Т. е. не въ мѣру Христосъ получилъ *Духа* (Іоан. III, 34).

2. Видишь ли, какъ (апостоль) съ ученіемъ о несозданномъ Существѣ вездѣ соединяетъ ученіе о домостроительствѣ? Что можетъ быть яснѣе этого? Видишь ли, что не одно и то же—сотвореніе и рожденіе? Иначе онъ не различалъ бы ихъ; въ противоположность выраженію: *сотворилъ естъ*, онъ не прибавилъ бы: *къ Сыну же глаголетъ: престолъ твой, Боже* (ὁ Θεός), *въ вѣкъ вѣка*; и не назвалъ бы имени—Сынъ преславнѣйшимъ именемъ, если бы оно означало то же самое (что и тварь). Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ бы оно было преславнѣе? Если бы сотвореніе и рожденіе означали одно и то же, а ангелы сотворены, то (Сынъ) чѣмъ былъ бы ихъ превосходяще? Вотъ опять употребляется у Немъ слово: *Богъ*, съ членомъ ¹⁾. *И паки глаголетъ: въ началѣ ты, Господи, землю основалъ еси и дѣла руку твою суть небеса. Та погибнуть, ты же пребываеши: и вся, якоже риза, обѣщаютъ, и яко одежду сѣиши и измѣнятся: ты же тойже еси, и лѣта твоя не оскудѣютъ* (ст. 10—12). Чтобы ты, слыша слова: *егда же вводитъ первороднаго во вселенную*, не подумалъ, будто (Сыну) впоследствии было предо-

¹⁾ Нѣкоторые изъ аріанъ утверждали, что слово—Богъ съ членомъ (ὁ Θεός) употребляется въ св. Писаніи только о Богѣ Отцѣ, и отсюда заключали, что Сынъ Его, І. Христосъ, не есть истинный Богъ. Святитель опровергаетъ и въ другихъ мѣстахъ такое неправое ученіе.

ставлено это, какъ даръ, (апостоль) и выше предостерегаль отъ такой мысли, и теперь опять предостерегаетъ, говоря: *съ началъ*: не теперь, говорить, но издревле. Здѣсь онъ также опять напоить смертельный ударъ Павлу Самосатскому и Арію, приписывая Сыну то, что приписывается и Отцу. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ внушаетъ нѣчто другое, важнѣйшее; именно, изображаетъ измѣненіе міра: *якоже риза, обетшаютъ, и яко одежду сѣиши ихъ, и иштыются*; подобно какъ и въ посланіи къ Римлянамъ онъ говоритъ, что (Богъ) преобразитъ міръ (Рим. viii). Желая выразить легкость этого дѣла (для Бога), говоритъ: *сѣиши*; какъ чловѣкъ свертываетъ одежду, такъ (Богъ) свернетъ и измѣнитъ міръ. Если же Онъ такъ легко совершить преобразование и измѣненіе міра въ лучшее и высшее состояніе, то могъ ли Онъ имѣть нужду въ комъ-нибудь другомъ при нашемъ (первоначальномъ) образованіи міра? Доколѣ вы не устыдитесь (говорить это)? Въмѣстѣ съ тѣмъ и весьма утѣшительно — знать, что міръ не всегда будетъ въ настоящемъ состояніи, но все получитъ преобразование и все измѣнится; самъ же (Богъ) пребываетъ всегда живымъ и безпредѣльно живущимъ. *И лѣта твоя, говорить, не оскудѣютъ. Кому же отъ ангелъ рече когда: сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (ст. 13)? Вотъ, онъ опять ободряетъ (вѣрующихъ) тѣмъ, что враги ихъ будутъ поражены; а враги ихъ тѣ же самыя, что и Христовы. И опять это—знакъ царствія, знакъ равенства, знакъ чести, а не безсилія (Сына), что Отецъ гнѣвается за (оскорбленія), причиняемыя Сыну; это—знакъ великой любви и близости Отца къ Сыну. И дѣйствительно, если 30 Онъ гнѣвается за Него, то какъ Онъ можетъ быть чуждъ Ему? *Дондеже положу враги твоя*. Такъ и во второмъ псалмѣ говорится: *живый на небесахъ посѣтится имъ, и Господь поругается имъ. Тогда возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ своимъ, и яростію своею смятетъ я* (Псал. ii, 4, 5). И самъ (Христосъ) говоритъ: *оны, иже не восхотѣша мене, да царь быхъ былъ надъ ними, приведите сѣмо гредо мною, и иштыците ихъ* (Лук. xix, 27). А что это Его слова, послушай, какъ Онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *коликраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте? Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Лук. xiii, 34, 35); и еще: *отъимется отъ васъ царство, и дастся языку, творящему плоды его* (Мѣ. xxi, 43); и еще: *падый на камени семя, сокрушится: а на немже падеть, соотрыетъ и* (Мѣ. xxi, 44). Съ другой стороны, если Онъ будетъ судить враговъ тамъ, то тѣмъ болѣе онѣ отдадутъ отчетъ за оскорбленія, причиняемыя Ему здѣсь. Такимъ образомъ слова: *дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* сказаны единственно къ чести Сына.

Не вси ли суть служebníи души, въ служеніе посылаеми за зощащихъ наслѣдовати спасеніе (ст. 14)? Удивительно ли, говорить, что они служатъ Сыну, если они служатъ и для нашего спасенія? Видишь, какъ (апостоль) возвышаетъ умы слушателей и указываетъ на великую честь, оказываемую намъ Богомъ, назначившимъ такое служеніе ангеламъ, которые выше насъ—служеніе для насъ; онъ какъ бы такъ говоритъ: ангелы употребляютъ на то, служеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы служить Богу для нашего спасенія. Такимъ образомъ дѣло ангеловъ—исполнять все къ спасенію братіи. Хотя это дѣло самого Христа, но Онъ спасаетъ насъ, какъ Владыка, а они, какъ рабы; и мы, хотя рабы, но и сорабы ангеловъ. Что вы, говорить, удивляетесь ангеламъ? Они—рабы Сына Божія, всюду посылаются для насъ, служатъ для нашего спасенія; слѣдовательно они—подобные намъ рабы. Посмотрите, какое небольшое онъ полагаетъ различіе между тварями; хотя значительно различіе между ангелами и людьми, но онъ поставляетъ ихъ близъ насъ, и какъ бы такъ говоритъ: они трудятся для насъ, всюду текутъ для насъ, можно сказать—рабствуютъ намъ. Служеніе ихъ состоитъ въ томъ, что они всюду посылаются для насъ.

3. Такихъ примѣровъ исполненъ ветхій, исполненъ и новыи завѣтъ. Когда ангелы благовѣствуютъ пастырямъ, когда являются Маріи, когда—Іосифу, когда сидятъ при гробѣ Христовомъ, когда посылаются сказать ученикамъ: *мужіе Галилейстїи, что стоите зряще на небо* (Дѣян. 1, 11)?—когда освобождаютъ Петра изъ темницы, когда бесѣдуютъ съ Филиппомъ,—то не ясно ли, что они служатъ намъ? Представь же, какая оказывается намъ честь, когда Богъ посылаетъ ангеловъ служить намъ, какъ друзьямъ своимъ, когда ангелъ является Корнилію, когда ангелъ освобождаетъ изъ темницы всѣхъ апостоловъ и говоритъ: *шедше станьте, и глаголите въ церкви людемъ глаголы жизни сєя* (Дѣян. v, 20). Но что я говорю о другихъ? Самому Павлу являлся ангелъ.
- 31 Видишь ли, какъ они служатъ намъ для Бога, и служатъ въ дѣлахъ весьма важныхъ? Потому Павелъ и говоритъ: *вєя ваша суть, или мїръ, или животъ, или смерть, или настоящая, или будущая* (1 Кор. iii, 22). И Сынъ былъ посланъ, но не какъ рабъ, не какъ служитель, а какъ Сынъ едиnorodный, какъ хотащій того же, чего хочетъ Отецъ; или лучше сказать, Онъ и не былъ посланъ, потому что Онъ не изъ мѣста одного перешелъ въ другое, но припялъ плоть, а они перемѣняютъ мѣста, оставивъ одни мѣста, въ которыхъ были, переходятъ потомъ на другія, въ которыхъ не были. Это говорить (апостоль) для того, чтобы ободрить ихъ. Чего (говорить) вы страшитесь? Ангелы служатъ намъ. Сказавъ

о Сыиѣ, о дѣлахъ домостроительства, сотвореніи и царствіи, доказавъ равенство (Сына съ Отцемъ) и то, что (Сынъ) господствуетъ, какъ Владыка, не только надъ людьми, но и надъ горными силами, (апостоль) далѣе увѣщаетъ ихъ, внушая, что мы должны быть внимательными къ сказанному, и говорить: *сего ради подобаетъ намъ лишииъ внимати слышаннымъ* (п, 1). Здѣсь онъ хочетъ сказать, что надобно внимать *лишииъ* закона, по умалчиваетъ объ этомъ; объясняетъ же это въ доказательствахъ, а не въ самомъ увѣщаніи или совѣтѣ,—потому что такъ было лучше. *Иже бо, говоритъ, глаголанное ангелы слово бысть извѣстно, и всяко преступленіе и ослушаніе праведное пріять мздовоздаяніе: како мы убѣжимъ, о толицимъ нерадивше спасеніи, еже зачало пріеміе глаголатися отъ Господа, слышавшими въ насъ извѣстися* (ст. 2, 3)? Почему же намъ должно быть *лишииъ* внимательными къ сказанному? Прежнее не такъ же ли отъ Бога, какъ и настоящее? Здѣсь онъ заповѣдуетъ быть внимательными или *лишииъ* закона, или *всѣма*; но отнюдь не осуждаетъ (закона),—пѣтъ. Такъ какъ (еврей) имѣли высокое мнѣніе о ветхомъ заветѣ за древность его, то, чтобы настоящій, какъ новый, не подвергался презрѣнію, онъ усиленно доказываетъ, что послѣднему должно внимать еще болѣе. Какъ доказываетъ? Какъ бы такъ говорить: хотя то и другое отъ Бога, но не одинаково. Впрочемъ это онъ объясняетъ намъ послѣ; теперь пока кратко указываетъ на это, а послѣ излагаетъ яснѣе, когда говоритъ: *иже бо бы первый онъ непороченъ быти; и еще: а обещивающее и состарѣвающееся близъ есть истинныя* (Евр. viii, 7, 13),—и многое другое подобное. Но въ началѣ рѣчи онъ не осмѣливается сказать ничего такого, пока еще не приготовилъ и не расположилъ къ тому слушателя многими доказательствами. Итакъ, почему, скажи, *намъ подобаетъ лишииъ внимати? Да не когда*, говоритъ, *отпадемъ*, т. е., чтобы намъ не погибнуть, не отпасть. Здѣсь онъ показываетъ тяжесть отпаденія,—какъ трудно отпавшее опять возстановить, когда это происходитъ отъ нерадѣнія. А самое выраженіе онъ заимствовалъ изъ Притчей: *сыне, говоритъ (Премудрый), да не преминиши* (Притч. iii, 21), выражая и легкость отпаденія и тяжесть гибели, т. е., что преслушаніе не безопасно для насъ. Самыми же доказательствами (апостоль) внушаетъ, что наказаніе будетъ весьма велико. Впрочемъ это онъ оставляетъ предметомъ для изслѣдованія, а не даетъ въ видѣ заключенія. Такой образъ рѣчи дѣлаетъ обличеніе не столь рѣзкимъ, т. е. когда обличающій не вездѣ самъ отъ себя произноситъ рѣшеніе, но оставляетъ на волю слушателя, чтобы онъ самъ подалъ голосъ; это дѣлаетъ (слушателей) болѣе благоразумными. Такъ поступаетъ въ ветхомъ за-

вѣтъ пророкъ Наѳанъ, а у Маттея Христось, когда говорить: *что сотворить дѣлательмъ винограда того* (Мѣ. ххі, 40)? — вызывая (учениковъ) самихъ произнести судъ. Въ этомъ состоитъ вели-
 32 чайшая побѣда. Далѣе (апостолъ), сказавъ: *аще бо глаголанное ангелы слово бысть* твердо, не присовокупилъ: *тѣмъ болѣе глаголанное* Христомъ; но, оставивъ это, сказалъ болѣе кротно: *како мы убѣдимъ, о толицихъ нерадившихъ спасеніи?* И смотри, какъ онъ дѣлаетъ сравненіе: *аще бо, говорить, глаголанное ангелы слово; тамъ — ангелы, а здѣсь — отъ Господа; тамъ — слово, а здѣсь — спасеніе.* Потомъ, чтобы кто-нибудь не сказалъ: развѣ то Христово, что говоришь ты, Павелъ? — онъ предупреждаетъ это и доказываетъ достовѣрность сказаннаго, доказываетъ достовѣрность какъ тѣмъ, что онъ слышалъ это отъ Господа, такъ и тѣмъ, что и нынѣ Богъ говорить это, не гласомъ, просто произносимымъ, какъ было при Моисей, но посредствомъ знаменій и удостоверяющихъ событій.

4. Что значить: *аще бо глаголанное ангелы слово бысть известно?* Подобнымъ образомъ онъ говорить и въ посланіи къ Галатамъ: *счиненъ ангелы, рукою ходатая* (Гал. ш, 19); и въ другомъ мѣстѣ: *пріятъ законъ устроениемъ ангельскимъ, и не сохранисте* (Дѣян. вѣ, 53); и вездѣ онъ говорить, что (законъ) преподавъ чрезъ ангеловъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что здѣсь разумѣется Моисей, но это не основательно, потому что онъ называетъ здѣсь ангеловъ во множественномъ числѣ; при томъ говорить здѣсь объ ангелахъ небесныхъ. Что же сказать на это? То, что онъ или говорить объ однихъ только десяти заповѣдяхъ, — такъ какъ тогда Моисей говорилъ, а Богъ отвѣчалъ, — или, что ангелы присутствовали, когда Богъ преподавалъ заповѣди, или говорить обо всемъ, сказанномъ и сдѣланномъ въ ветхомъ завѣтѣ, — такъ какъ ангелы принимали въ томъ участіе. Почему же въ другомъ мѣстѣ говорится: *законъ Моисеомъ данъ бысть* (Іоан. і, 17), а здѣсь: *ангелы?* Потому что (и Моисей) говорить: и *сиде* Богъ во мракѣ (Исх. хіх, 20). *Аще бо глаголанное ангелы слово бысть известно.* Что значить: *известно?* Значить — истинно и вѣрно, потому что все сказанное сбылось въ надлежащее время. Или это онъ говорить, или то, что слово было твердо и угрозы приведены въ исполненіе, или словомъ называется повелѣнія, потому что многія повелѣнія были преподаны безъ закона ангелами, посланными отъ Бога, какъ напр. на мѣстѣ плача, при судіяхъ, при Сампсонѣ (Суд. ii, 1; хш, 3). Потому апостолъ и не сказалъ: законъ, но: *слово.* Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что онъ разумѣеть здѣсь все, устроенное чрезъ ангеловъ. Что же мы скажемъ? То, что тогда присутствовали ангелы, которымъ ввѣренъ былъ народъ (еврейскій), которые и производили трубные звуки,

огонь, мракъ и прочее. *И всяко, говорить, преступленіе и ослушаніе праведное пріять мздовоздаяніе.* Не такъ, чтобы одно получило, а другое нѣтъ, но: *всяко.* Ничто, говорить, не осталось ненаказаннымъ, но *пріять праведное мздовоздаяніе*, — (*мздовоздаяніе*) вмѣсто—наказаніе. Почему же онъ такъ выразился? Павелъ обыкновенно не слишкомъ строгъ въ выборъ выраженій, но иногда употребляетъ безразлично менѣе точныя вмѣсто болѣе точныхъ, какъ, напр., въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: *плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово* (2 Кор. х, 5); и въ другомъ мѣстѣ онъ употребляетъ мздовоздаяніе вмѣсто наказанія, такъ же, какъ здѣсь называетъ наказаніе мздовоздаяніемъ: *аще правдо, говорить, у Бога воздати скорбь оскорбляющимъ васъ, а вамъ оскорбляемымъ отраду* (2 Сол. I, 6, 7). Т. е. правда не потеряла свою силу, но Богъ исполняетъ ее и подвергаетъ согрѣшившихъ наказанію, хотя бывають явны не всѣ грѣхи, а только тѣ, которыми прямо нарушаются заповѣди. Итакъ *како, говорить, мы убѣжили, о толщѣмъ нерадивше спасеніи?* Этими онъ выражаетъ, что прежде было не великое спасеніе; и потому хорошо присовокупилъ: *о толщѣмъ.* Теперь, говорить, не отъ войны Богъ избавить насъ, не землю и земныя блага дать намъ, но будетъ разрушеніе смерти, погибель діавола, царствіе небесное, жизнь вѣчная. Все это онъ кратко выразилъ въ словахъ: *о толщѣмъ нерадивше спасеніи.* Далѣе онъ говоритъ о достовѣрности сказаннаго: *еже зачатю пріемше глаголатися отъ Господа,* т. е. получило начало отъ самого источника, потому что не человѣкъ принесть это (спасеніе) на землю, не сотворенная сила, но самъ Единородный. *Слышавшимъ въ насъ извѣстися.* Что значить: *извѣстися?* Т. е. вѣрно преподано, или приведено въ исполненіе; мы, говорить, имѣемъ залогъ; оно не истребилось, не прекратилось, но сохраняется и одерживаетъ побѣду; а причиною тому—дѣйствующая божественная сила. Что значить: *слышавшимъ?* Т. е. тѣ самыя, которые слышали отъ Господа, утвердили насъ. Это—дѣло великое и достовѣрное. Подобнымъ образомъ и Лука говоритъ въ началѣ Евангелія: *якоже предаша намъ иже исперва самовидцы и слуги бывшіи словесе* (Лук. I, 2). Какъ же оно *извѣстися?* А что, скажутъ, если слышавшіе отъ себя выдумали? Чтобы опровергнуть такую мысль и доказать, что эта благодать не отъ людей, (апостолъ) прибавляетъ: *свидѣтельствующу Богу* (ст. 4). Подлинно, Богъ не свидѣтельствовалъ бы о нихъ, если бы они сами измыслили что-нибудь. Они свидѣлствуютъ,—а вмѣстѣ и Богъ свидѣлствуетъ. Какъ Онъ свидѣлствуетъ? Не словомъ, не голосомъ, хотя и это было бы вѣрно,—а какъ? *Знаменами же и чудесы и различными силами.* Хорошо онъ сказалъ: *различными силами,* выражая общ-

ліе дарованій: у древнихъ же не было такихъ и столь различныхъ знаменій. Мы повѣрили имъ не просто, но при свидѣтельствѣ знаменій и чудесъ; слѣдовательно повѣрили не имъ, а самому Богу. *И Духа Святаго раздѣлени, по своей Ему воли.* Какъ же это, когда и чародѣи совершаютъ знаменія, и іудеи говорили о Христѣ, что онъ *о Вселъзевулъ изгонитъ бѣсы* (Лук. xi, 15)? Но они совершали не такія знаменія; потому (Павель) и говоритъ: *различными силами.* Тѣ знаменія—не сила, а безсиліе, вымыселъ и пустыя дѣйствія; потому объ этихъ онъ и говоритъ: *Духа Святаго раздѣлени, по своей Ему воли.*

5. Здѣсь, кажется мнѣ, (апостоль) намекаетъ еще на нѣчто другое; вѣроятно, тамъ было немного людей, имѣвшихъ духовныя дарованія, которыя оскудѣли потому, что вѣрующіе стали менѣе ревностны. Потому, чтобы утѣшить ихъ въ этомъ и предохранить отъ паденія; онъ приписываетъ все волѣ Божіей: самъ (Богъ), говоритъ, знаетъ, кому что полезно, и такимъ образомъ распредѣляетъ благодать. То же онъ говоритъ и въ посланіи къ Коринѣянамъ: *Богъ положи единаго коегождо ихъ, якоже изволи;* и еще: *комуждо же дается явленіе Духа на пользу, по волѣ Его* (1 Кор. xii, 18, 7, 11),—доказываетъ, что дарованія зависятъ отъ воли Отца. Часто многіе не получали дарованій за нечистую и перадивую жизнь; а иногда не получали ихъ и люди, проводившіе хорошую и чистую жизнь; для чего же? Для того, чтобы они не преткнулись, чтобы не возгордились, чтобы не сдѣлались 34 перадивыми, чтобы не стали слишкомъ превозноситься. Въдѣ если и безъ дарованій самое сознаніе чистой жизни можетъ возбудить гордость, то тѣмъ болѣе (это возможно), когда присоединятся благодатные дары. Потому они и были сообщаемы болѣе людямъ смиреннымъ и простымъ, а въ особенности простымъ, пребывавшимъ, какъ говоритъ Писаніе, *въ радости и въ простотѣ сердца* (Дѣян. ii, 46). Такимъ образомъ (увѣщаніе апостола) могло сильнѣе дѣйствовать на нихъ и, если они были перадивы, возбуждать ихъ. Смиренный и не думающій много о себѣ дѣлается болѣе ревностнымъ, когда получаетъ дарованіе, какъ человѣкъ, получившій не по заслугамъ и считающій себя недостойнымъ; а кто думаетъ, что онъ оказалъ заслуги, тотъ считаетъ дарованіе должнымъ и превозносится. Потому Богъ съ пользою такимъ образомъ устрояетъ это дѣло. Это и можно видѣть въ Церкви: одинъ имѣетъ даръ учительства, а другой не можетъ даже открыть устъ. Но никто пусть не скорбитъ изъ-за этого: *комуждо бо дается явленіе Духа на пользу.* Если человѣкъ-домовладыка знаетъ, кому что ввѣрить, то тѣмъ болѣе Богъ, который видитъ умъ человѣческій и знаетъ все прежде исполненія.

одно только достойно скорби—грѣхъ, а все прочее — несколько. Не говори: почему я не имѣю богатства?—или: если бы я имѣлъ, то раздавалъ бы бѣднымъ. Ты не знаешь, если бы ты имѣлъ, не сдѣлался ли бы еще болѣе любостяжательнымъ; теперь ты говоришь это, а на самомъ дѣлѣ получивъ, можешь быть, стать бы другимъ. Такъ, когда мы сыты, то думаемъ, что можемъ поститься; а когда пройдетъ немного времени, то опять у насъ рождаются мысли. Также, когда мы не пьяны, то думаемъ, что можемъ преодолѣть эту страсть; а когда предадимся ей, то уже не (думаемъ). Не говори: почему я не имѣю дара учительства?—или: если бы я имѣлъ, то назидалъ бы многихъ. Ты не знаешь, если бы ты имѣлъ, не послужилъ ли бы онъ къ твоему осужденію, и зависть или лѣнь не заставили ли бы тебя скрыть талантъ. Теперь ты свободенъ отъ всего этого, и если не дашь мѣры муки, не подлежиши осужденію; а тогда ты провинился бы во многомъ. Впрочемъ и теперь ты не совершенно лишенъ дарованія. Покажи въ маломъ, каковъ былъ бы ты, если бы имѣлъ (большее): *аще убо въ малѣ*, говорить (Господь), *вѣрни не бысте, во мнозѣ кто вамъ дастъ* (Лук. xvi, 10, 11)? Покажи, какъ вдовица; она имѣла двѣ лепты, и пожертвовала все, что имѣла. Ты ищешь богатства? Покажи, что ты презираешь малое (имущество), чтобы я могъ вѣрить тебѣ и большое; а если ты не презираешь и перваго, то тѣмъ болѣе не будешь (презирать) послѣдняго. Также и касательно дара слова покажи, что ты надлежащимъ образомъ употребишь его на увѣщаніе и убѣжденіе. Ты не имѣешь вѣщшняго краснорѣчія? Не имѣешь обилія мыслей? Но общія (истины) ты знаешь; имѣешь сына, имѣешь сосѣда, имѣешь друга, имѣешь брата, имѣешь родныхъ; если ты не можешь произнести длинную рѣчь предъ народомъ въ церкви, то можешь увѣщевать ихъ наединѣ; здѣсь не нужно витійства и продолжительныхъ рѣчей; покажи на нихъ, что, если бы ты имѣлъ даръ слова, то не былъ бы нерадивымъ. Если же ты не оказываешь усердія въ маломъ, то какъ я повѣрю тебѣ въ великомъ? А что дѣйствительно каждый можетъ дѣлать это, послушай, какъ Павелъ заповѣдывалъ это и мірянамъ: *созидайте*, говорить онъ, *каждо другъ друга, якоже и творите* (1 Сол. v, 11); и еще: *утѣшайте другъ друга въ словесахъ сихъ* (1 Сол. iv, 18). Богъ знаетъ, сколько утѣлять каждому. Развѣ ты лучше Моисея? Но и онъ, послушай, какъ сѣтовалъ: *сда азъ*, говорилъ онъ, *могу водити ихъ, яко глаголюши ми: нося ихъ, якоже довица носитъ донаго* (Числ. xi, 12)? Что же Богъ? Онъ отдѣлилъ отъ духа его и далъ другимъ (ст. 17), 35 показавъ, что, если и прежде онъ руководилъ (евреевъ), то это было не отъ собственнаго его дарованія, но отъ Духа. Если бы

ты имѣлъ дарованіе, то часто превозносился бы, часто падалъ бы: ты не знаешь себя самого такъ, какъ Богъ знаетъ тебя. Не будемъ же говорить: для чего это, и къ чему это? — когда все устрояетъ Богъ; не станемъ требовать отъ Него отчета; это крайне нечестиво и безумно. Мы — рабы, и рабы, далеко отстоящіе отъ Владыки, не знающіе даже того, что подъ ногами. Не будемъ же испытывать совѣтовъ Божіихъ, но будемъ хранить то, что онъ даровалъ намъ, хотя бы это было малое, хотя бы крайне малое, и тогда непременно мы заслужимъ похвалу; или лучше, (не будемъ считать) ни одного изъ даровъ Божіихъ малымъ. Ты сѣтуешь, что не имѣешь дара учительства? Но скажи мнѣ: какой даръ кажется тебѣ большимъ, даръ ли учительства, или даръ исцѣленій? Конечно, послѣдній. А давать зрѣніе слѣпымъ не кажется ли тебѣ большимъ, нежели исцѣлять болѣзни? А воскрешать мертвыхъ не кажется ли тебѣ еще большимъ? Что же, скажи мнѣ: совершать это посредствомъ тѣни и полотенцевъ не кажется ли тебѣ большимъ, нежели совершать это словомъ? Чего же ты желаешь, скажи мнѣ, воскрешать ли мертвыхъ посредствомъ тѣни и полотенцевъ или имѣть даръ учительства? Конечно ты скажешь: воскрешать мертвыхъ посредствомъ тѣни и полотенцевъ.

6. Но если я докажу тебѣ, что гораздо больше этого дара другой даръ, который ты можешь приобрести. и что, не приобретая его, ты справедливо лишаешься и прочихъ, — то что скажешь? При томъ такой даръ можно приобрести не одному, или двумъ, но всѣмъ вообще. Знаю, что вы удивляетесь и изумляетесь, слыша, что вамъ можно имѣть даръ гораздо больший дара воскрешать мертвыхъ, давать зрѣніе слѣпымъ и совершать то, что было при апостолахъ; быть можетъ, вы даже считаете это неправдоподобнымъ. Какой же это даръ? Любовь. Повѣрьте мнѣ; это — не мои слова, но слова Христа, вѣщавшаго чрезъ Павла. Что именно говорить онъ? *Ревнуйте дарованій большихъ, и еще по превосхожденію путь вамъ показую* (1 Кор. хп, 31). Что значить: еще по превосхожденію? Слова его означаютъ слѣдующее: коринѳяне превозносились тогда дарованіями и, имѣя даръ языковъ, который есть самый меньшій изъ даровъ, гордились предъ прочими. Потому онъ говоритъ: желаете ли имѣть дарованія? Я покажу вамъ путь къ дарованіямъ, не только лучшій, но и превосходнѣйшій. И далѣе говоритъ: *еще языки ангельскими глаголю, любви же не имамъ, ничтоже есмь: и еще имамъ вѣру, яко и горы претавляти, любви же не имамъ, ничтоже есмь* (1 Кор. хш, 1, 2). Видишь ли, (какой это) даръ? Старайся же приобрести его. Онъ значить больше, нежели воскрешать мертвыхъ; онъ гораздо выше всѣхъ прочихъ даровъ. А что это дѣйствительно такъ, послушай,

что говоритъ Христосъ въ бесѣдѣ съ учениками: *о семъ разумяютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. хш, 35). Объясняя, по чему узнаютъ, не сказалъ: по чудесамъ,—но по чему? *Аще любовь имате между собою*. Также (въ молитвѣ) къ Отцу Онъ говоритъ: *о семъ познаютъ, яко ты мя послалъ* 33 *еси. аще сдиго будутъ* (Іоан. хvп, 21); и ученикамъ Онъ говорилъ: *заповѣдаю новую даю вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. хш, 34). Такимъ образомъ (человѣкъ любящій) превосходитъ и славитъ тѣхъ, которые воскрешаютъ мертвыхъ,—и справедливо,—потому что послѣднее происходитъ всецѣло отъ благодати Божіей, а первое вмѣстѣ и отъ твоего усердія; первое свойственно истинному христіанину, и доказываетъ, что онъ ученикъ Христовъ, распявшійся (для міра) и не имѣющій ничего общаго съ землею: безъ этого самое мученичество не можетъ принести никакой пользы. Чтобы тебѣ убѣдиться въ этомъ, обрати вниманіе на слѣдующее: блаженный Павелъ въ двухъ отношеніяхъ достигнулъ высоты добродѣтелей, или лучше сказать, въ трехъ,—въ знаменіяхъ, въ мудрости и въ жизни; но безъ любви, говоритъ онъ, все это — ничто. А какимъ образомъ это ничто, я объясню: *аще раздаю*, говоритъ, *вся имѣнія моя, любве же не имамъ, ничтоже есмь* (1 Кор. хш, 2, 3), потому что и раздающій имѣніе и расточающій деньги можетъ не имѣть любви. Объ этомъ я достаточно сказалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорилъ о любви; туда и отсылаю желающихъ. Будемъ же, какъ я сказалъ, стараться приобрѣсти этотъ даръ, станемъ любить другъ друга, и мы не будемъ имѣть нужды ни въ чемъ другомъ для преуспѣянія въ добродѣтеляхъ, но все будетъ для насъ удобоисполнимо безъ усилій, все будетъ у насъ совершаться съ великимъ успѣхомъ. Но, скажете, мы и теперь любимъ другъ друга; одинъ имѣетъ двухъ друзей, другой—трехъ, а иной — четырехъ. Но это не значитъ любить для Бога, а для того, чтобы самому быть любимымъ; кто любитъ для Бога, тотъ имѣетъ не такое побужденіе къ любви, а бываетъ расположенъ ко всѣмъ, какъ къ своимъ братьямъ,—единовѣрныхъ онъ любитъ, какъ своихъ родныхъ братьевъ, еретиковъ же, язычниковъ и іудеевъ жалуетъ, какъ своихъ братьевъ по природѣ, только какъ недобрыхъ и бесполезныхъ, сокрушается и плачетъ о нихъ. Мы можемъ уподобиться Богу тѣмъ, если будемъ любить всѣхъ, даже и враговъ, а не тѣмъ, если будемъ совершать знаменія; мы и Богу удивляемся, правда, и тогда, когда Онъ творитъ чудеса, но гораздо болѣе тогда, когда Онъ оказываетъ человеколюбіе и милосердіе. Если же въ Богѣ это особенно достойно удивленія, то тѣмъ болѣе въ людяхъ, и слѣдовательно очевидно, что это доставляетъ намъ особенное уваженіе. Будемъ

же заботиться объ этомъ, и тогда мы будемъ имѣть нисколько не меньше Павла, Петра и другихъ, воскресившихъ множество мертвыхъ, хотя бы мы и не могли исцѣлять горячки; а безъ любви, хотя бы совершали знаменія больше самихъ апостоловъ, хотя бы подвергали себя безчисленнымъ опасностямъ за вѣру, намъ не будетъ никакой пользы. Это говорю не я, но самъ источникъ любви знаетъ это; ему мы должны вѣрить. Такимъ образомъ мы сможемъ получить и обѣтованныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Ісуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСТЬДА IV.

37 Не ангеломъ бо покори Богъ вселенную грядущую, о нейже глаголемъ. Засвидѣтельствова же нѣгдѣ нѣкто глаголя: что есть человекъ, яко помниши его, или сынъ человеческій, яко посѣщаеши и? Умалилъ еси его малымъ нѣчимъ отъ ангель (Евр. п, 5—7).

1. Желалъ бы я достовѣрно знать, слушаетъ ли кто-нибудь слова мои съ надлежащимъ вниманіемъ, не при пути ли мы бросаемъ сѣмена; тогда я сталъ бы предлагать ученіе съ большею ревностію. Конечно, хотя бы и никто не слушалъ, мы будемъ говорить по страху, внушаемому Спасителемъ. *Глаголю, говорить (Господь), къ людямъ симъ и аще не послушаютъ, ты самъ будешь невиновенъ* (Іезек. ш). Но если бы я убѣдился въ вашемъ усердіи, то говорилъ бы не только по страху, но и съ удовольствіемъ дѣлалъ бы это. Теперь же, — если никто не слушаетъ, — хотя я самъ не подвергаюсь опасности, какъ исполняющій свое дѣло, но этотъ трудъ бываетъ безъ удовольствія. Что въ самъ дѣлъ пользы, когда никто не назидается, хотя я и не подвергаюсь обвиненію? А если бы вы были внимательны, то мы не столько бы извлекали выгоду изъ того, что не подвергаемся наказанію, сколько изъ вашего преспѣянія. Какимъ же образомъ мнѣ убѣдиться въ этомъ? Замѣтивъ нѣкоторыхъ изъ васъ, которые не очень внимательны, я буду спрашивать ихъ особю, когда встрѣчусь съ ними, и если найду, что они помнятъ нѣчто изъ сказаннаго, — не говорю все, это для васъ не очень удобно, но хотя немного изъ многого, — тогда, очевидно, не будетъ мнѣ надобности беспокоиться о прочихъ. Мнѣ слѣдовало бы не говорить

намъ объ этомъ предварительно и застать васъ неприготовленными, но и то будетъ пріятно, если такимъ образомъ я найду (помнящихъ сказанное); или лучше сказать, я и въ такомъ случаѣ могу застать васъ неприготовленными. Въдь о томъ, что я спрошу, я говорю предварительно, а когда спрошу, этого не объявляю; можетъ быть сегодня, можетъ быть завтра, можетъ быть чрезъ двадцать или тридцать дней, можетъ быть менѣе, можетъ быть болѣе.

Такъ и Богъ не объявилъ намъ дня нашей смерти, но открылъ намъ, сегодня ли, или завтра, или чрезъ цѣлый годъ, или чрезъ нѣсколько лѣтъ Онъ придетъ, чтобы по неизвѣстности ожидаемаго мы постоянно соблюдали себя добродѣтельными. О томъ, что мы умремъ, Онъ сказалъ, а когда,—не сказалъ. Подобнымъ образомъ и я о томъ, что спрошу, сказалъ вамъ, а когда,—не прибавилъ, желая, чтобы вы заботились объ этомъ постоянно. Никто не говори: я слышалъ это за четыре, за пять или больше недѣль и не могу припомнить; я хочу, чтобы слушающій помнилъ такъ, чтобы никогда не забывалъ, не истреблялъ изъ памяти и не терялъ сказаннаго, такъ какъ я желаю, чтобы вы помнили не для того, чтобы пересказать мнѣ, но чтобы получить пользу вамъ самимъ; вотъ о чемъ я забочусь. Впрочемъ, сказавъ то, что нужно было сказать для предостереженія, необходимо уже начать бесѣду по порядку. О чемъ же предстоитъ намъ говорить сегодня? *Не ангеломъ бо, говорить (апостолъ), покоря Богъ вселенную грядущую, о нейже глаголетъ.* Не говорить ли онъ о 38 другой какой-нибудь вселенной? Нѣтъ, объ этой самой: потому и прибавляетъ: *о нейже глаголетъ*, чтобы не попустить уму заблуждающему искать какой-нибудь другой вселенной. Почему же онъ называетъ ее грядущею? Какъ въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *уже есть образъ будущаго* (Рим. v, 14), рассуждая объ Адамѣ и Христѣ въ посланіи къ Римлянамъ и называя воплотившагося Христа будущимъ по отношенію къ временамъ адамовымъ,—потому что Христосъ имѣлъ придти,—такъ и здѣсь, сказавъ: *егда же вводитъ первороднаго во вселенную* (Евр. i, 6), чтобы ты не подумалъ, будто онъ говоритъ о другой вселенной, онъ многократно утверждаетъ и инымъ способомъ, самымъ наименованіемъ ея грядущею,—потому что вселенная имѣла явиться, а Сынъ Божій былъ всегда. Такимъ образомъ эту вселенную, имѣвшую явиться, Богъ покорилъ не ангеламъ, а Христу. Очевидно, говорить, что о ней сказано Сыну, и никто не можетъ утверждать, что ангеламъ. Далѣе онъ приводитъ и другое свидѣтельство: *засвидѣтельствова же, говорить, нгдѣ никто, глаголетъ.* Для чего спѣ не называлъ имени пророка, но умолчалъ о немъ?

То же онъ дѣлаетъ и въ другихъ свидѣтельствахъ, какъ, напр., когда говорить: *егда же наки вводитъ первороднаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся ему вси ангели Божіи* (1, 6); и еще: *азъ буду ему во Отца* (1, 5); и еще: *и ко ангеломъ убо глаголетъ: творяи ангелы своя духи: къ Сыну же: и въ началъ ты, Господи, землю основалъ еси* (1, 7, 10). Такъ и здѣсь говоритъ: *засвидѣтельствова же нѣгдѣ нѣкто, глаголя. Этими самымъ, что онъ умалчиваетъ и не называетъ имени сказавшаго свидѣтельство, но приводитъ его, какъ общеизвѣстное и несомнѣнное, мнѣ кажется, онъ показываетъ, что (слушатели его) были весьма свѣдуши въ Писаніяхъ. Что есть человекъ, яко помниши его, или сынъ человеческій, яко посѣщаеши и? Умалитъ еси его малымъ нѣчимъ отъ ангель: славою и честію въначалъ еси его, и поставилъ еси его надъ длъи руку твою: вся покорилъ еси подъ нозъ его* (ст. 6—8).

2. Это, хотя сказано о человѣчествѣ вообще, но главнѣе можетъ относиться къ Христу по плоти; именно слова: *вся покорилъ еси подъ нозъ его* относятся болѣе къ Нему, нежели къ намъ. Сынъ Божій посѣтилъ насъ, существъ ничтожныхъ, и, принявъ наше (естество) и соединивъ съ Собою, содѣлался прее выше всѣхъ. *Внегда же, продолжаетъ (апостоль), покорити ему всяческая, ничтоже остави ему непокорено. Нынѣ же не у видимъ ему всяческая покорена* (ст. 8). Значеніе словъ его слѣдующее: такъ какъ онъ сказалъ: *дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (1, 13), и (слушатели) послѣ этого могли еще предаваться скорби, то онъ, вставивъ потомъ нѣсколько словъ, приводитъ такое свидѣтельство, которымъ подтверждается прежнее. Чтобы они не говорили: какъ же Богъ положилъ враговъ подъ ноги Его, когда мы подвергаемся такимъ бѣдствіямъ?—онъ и прежде 39 указывалъ на это самое,—именно выраженіе: *дондеже* означаетъ исполненіе не немедленное, а въ послѣдствіи времени,—и здѣсь подробнѣе раскрываетъ то же. Изъ того, что они еще не покорены, говорить, не заключай, что они не будутъ покорены. Что они должны быть покорены, это извѣстно, потому что и въ пророчествѣ сказано объ этомъ: *внегда же, говорить, покорити ему всяческая, ничтоже остави ему непокорено*. Отчего же не все покорено Ему? Оттого, что имѣетъ быть покорено. Итакъ, если все должно быть покорено Ему, хотя еще не покорено, ты не скорби и не смущайся. Если бы уже пришелъ конецъ и все было покорено, а ты подвергался такимъ бѣдствіямъ, то справедливо ты могъ бы скорбѣть; теперь же мы еще не видимъ всего покореннымъ Ему, Царь еще не совершенно вступилъ во власть. Для чего же ты смущаешься, претерпѣвая страданія? Проповѣдь еще не надъ всѣми возобладала; еще не наступило время—покориться

совершенно. Далѣе (предлагается) еще иное утѣшеніе: Тотъ, кто имѣетъ покорить всѣхъ, самъ умеръ и претерпѣлъ безчисленныя страданія. *А умаленнаго, говоритъ, малымъ чимъ отъ ангелъ видимъ Иисуса, за пріятіе смерти* (ст. 9). Затѣмъ опять присовокупляетъ пѣчто вожделѣнное: *славою и честію вѣнчанна*. Видишь ли, какъ онъ отпоситъ все къ Нему? И выраженіе: *малымъ чимъ* болѣе можетъ относиться къ Тому, кто былъ только три дня во адѣ, нежели къ намъ, которые такъ долго подвергаемся тлѣнію; равнымъ образомъ и выраженіе: *славою и честію* гораздо болѣе отпосится къ Нему, нежели къ намъ. (Апостолъ) здѣсь опять напоминаетъ о крестѣ, стараясь сдѣлать два дѣла—доказать попеченіе Его и убѣдить ихъ переносить все великодушно, взирая на Учителя. Если, говоритъ, Тотъ, кому поклоняются ангелы, потерпѣлъ умалиться *малымъ чимъ отъ ангелъ* для тебя, то тѣмъ болѣе ты, который меньше ангеловъ, долженъ переносить все для Него. Потомъ объясняетъ, что слава и честь—это крестъ, какъ и самъ (Христосъ) называетъ его славою, когда говоритъ: *пріиде часъ, да прославится Сынъ человѣческій* (Іоан. XII, 23). Если же Онъ называетъ славою (страданія) ради рабовъ, то тѣмъ болѣе ты (называй такъ страданія) ради Владыки.

Видишь, каковъ плодъ креста? Не бойся же его; тебѣ онъ кажется прискорбнымъ, но онъ производитъ безчисленныя блага. Этимъ (апостолъ) доказываетъ пользу искушеній. Потомъ говоритъ: *яко да благодатию Божіею за всѣхъ вкуситъ смерти* (ст. 9). *Яко, говоритъ, да благодатию Божіею*. И Онъ пострадалъ по благодати Божіей къ намъ: *иже убо своего Сына не пощады, но за насъ съезъ предаль есть его* (Рим. VIII, 32). Почему? Не потому, что долженъ былъ сдѣлать это для насъ, но по благодати. И еще въ посланіи къ Римлянамъ говоритъ: *множае нѣче благодать Божія и даръ благодатию единого чловѣка Иисуса Христа во многихъ пріизлижествова* (Рим. V, 15). *Яко да благодатию Божіею за всѣхъ вкуситъ смерти*: не за вѣрующихъ только, но за всю вселенную,—Онъ умеръ за всѣхъ. Что въ томъ, что не всѣ увѣровали? Онъ исполнилъ свое дѣло; и потому (апостолъ) прямо говоритъ: *да за съезъ вкуситъ смерти*. Не сказалъ: умереть, потому что Онъ какъ дѣйствительно вкусилъ (смерти), такъ и оставался въ нѣмалое время, вкорѣ воскресши. Такимъ образомъ слова: *за пріятіе смерти* означаютъ истинную смерть Христову; а слова: *лучшій бытъ ангеловъ* указываютъ на Его воскресеніе. Какъ врачъ, не имѣя нужды вкушать лѣкарствъ, приготовленныхъ для больного, по своей заботливости объ немъ, напередъ самъ вкушаетъ, чтобы убѣдить больного смѣло принять предлагаемую пищу, такъ и Христосъ, зная, что всѣ люди боятся смерти, и желая убѣдить

изъ смѣло идти на нее, самъ вкусилъ ея, не имѣя въ томъ пужды. *Грядетъ бо, говоритъ Онъ, сего міра князь, и во мнѣ не имать ничесоже* (Іоан. XIV, 30). Такимъ образомъ слово: *благодатию*, равно и выраженіе: *да за всѣхъ вкусить смерти*, внушаютъ это самое. *Подобаше бо ему, егоже ради всяческая и имже всяческая, приведшу многи сыны въ славу, начальника спасенія ихъ страданіи совершити* (ст. 10).

3. Здѣсь онъ говоритъ объ Отцѣ. Видишь ли, какъ и въ отношеніи къ Нему употребляетъ выраженіе: *имже*? Онъ не сдѣлалъ бы этого, если бы это было унижительно и приличествовало только Сыну. А смыслъ словъ его слѣдующій: Богъ сдѣлалъ, говоритъ, достойное своего человѣколюбія, явивъ Первороднаго славнѣйшаго всѣхъ и какъ бы ратоборца мужественнаго и превосходящаго другихъ, представивъ Его образцомъ для прочихъ. *Начальника спасенія ихъ*, т. е. виновника спасенія. Видишь ли, какое различіе (между Имъ и нами)? Хотя и Онъ—Сынъ, и мы—сыны, но Онъ спасаетъ, а мы спасаемся. Замѣчаешь ли, какъ (апостоль) и соединяетъ насъ съ Нимъ и раздѣляетъ? *Приведшу, говоритъ, многи сыны въ славу*,—здѣсь соединяетъ; *начальника спасенія ихъ*,—здѣсь напротивъ раздѣляетъ. *Страданіи совершити*,—слѣдовательно, страданія—совершенство и средство къ спасенію. Видишь ли, что терпѣніе страданій не есть знакъ отверженныхъ?

Если же Отецъ почтилъ Сына прежде всего тѣмъ, что провѣлъ Его чрезъ страданія, то констинѣ принять плоть и претерпѣть то, что Онъ претерпѣлъ, есть гораздо большее дѣло, нежели сотворить міръ и привести его изъ небытія въ бытіе; и послѣднее есть дѣло человѣколюбія, но первое—гораздо болѣе, какъ и самъ (апостоль) объясняетъ это, когда говоритъ: *да явитъ въ тѣхъ грядущихъ презѣльное богатство благодати своея, и съ нимъ воскреси и спосади на небесныхъ во Христъ Іисусъ* (Еф. II, 7, 6). *Подобаше бо ему, егоже ради всяческая и имже всяческая, приведшу многи сыны въ славу, начальника спасенія ихъ страданіи совершити*. Надлежало, говоритъ, Ему, промыслиющему о всемъ и приведшему все въ бытіе, дать Сына для спасенія другихъ, одного за многихъ. Впрочемъ онъ не сказалъ такъ, но говоритъ: *страданіи совершити*, выражая, что страдающій за кого-нибудь не ему только приносить пользу, но и самъ становится славнѣе и совершеннѣе. И это, говоритъ, для вѣрующихъ,—для того, чтобы ободрить ихъ. И Христосъ былъ прославленъ тогда, когда пострадалъ. Впрочемъ, когда я говорю, что Онъ прославленъ, то не подумай, будто Онъ получилъ приращеніе славы; ту славу, которая свойственна Ему по существу, Онъ всегда имѣлъ, нисколько ее не прибавляя. *И святѣй бо, и освящаеміи, отъ единого*

еси. Еяже ради вины не стыдится братію нарицати ихъ (ст. 11). Вотъ какъ опять онъ соединяетъ ихъ (со Христомъ), воздавая имъ честь, утѣшая и называя ихъ братіями Христовыми потому, что *еси отъ единого*; но вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ (слова свои) и показываетъ, что онъ говоритъ о Христѣ по плоти, выражаясь такъ: *святій и освящаеміи*. Видишь ли, какое различіе (между Имъ и нами)? Онъ освящаетъ, а мы освящаемся. И выше Онъ пазванъ начальникомъ спасенія ихъ. *Единъ бо Богъ, изъ негоже вся* (Кор. viii, 6). *Еяже ради вины не стыдится братію нарицати ихъ*. Видишь ли, какъ опять показываетъ Его превосходство? Выраженіемъ: *не стыдится* онъ показываетъ, что все это зависитъ не отъ сущности предмета, но отъ милосердія и великаго смиренномудрія того, кто не стыдится. Хотя и *отъ единого*, но Онъ освящаетъ, а мы освящаемся. Великое различіе! Онъ отъ Отца, какъ Сынъ истинный, т. е. изъ сущности Его; а мы, какъ твари, т. е. изъ ничего; слѣдовательно между Имъ и нами великое различіе. Потому (апостолъ) и говоритъ: *не стыдится братію нарицати ихъ*, глаголя: *возвѣщу имя твоє братіи моеи* (ст. 12). Принявъ плоть, Онъ принялъ и братство; вмѣстѣ съ плотію привзошло и братство. Это сказано правильно; но что означаютъ слѣдующія слова: *азъ буду надѣяся на нѣ* (ст. 13)? И дальнѣйшія за ними (сказаны) не напрасно: *се азъ и дѣти, яже ми даде естъ Богъ*; въ нихъ Онъ называетъ себя отцемъ, какъ тамъ называлъ братомъ, когда говорилъ: *возвѣщу имя твоє братіи моеи*. Здѣсь опять выражается превосходство Его и великое различіе (между Имъ и нами), равно какъ и въ слѣдующихъ словахъ: *понеже убо дѣти пріобщившася плоти и крови* (ст. 14).

4. Видишь ли, въ чемъ сходство? По плоти. *И той пріискреннъ пріобщися тѣхъже*. Да устыдятся всѣ еретики, да посрамятся утверждающіе, будто Онъ пришелъ призрачно, а не истинно; (апостолъ) не сказалъ только: *той пріобщися тѣхъже*, и не остановился на этомъ, — хотя довольно было бы, если бы онъ такъ сказалъ, — но выразилъ еще нѣчто большее, присовокупивъ: *пріискреннъ*. Не привидѣніемъ, говорить, и не призракомъ Онъ явился, но истинно; иначе не должно бы быть выраженія: *пріискреннъ*. Показавъ братство Его съ нами, (апостолъ) далѣе приводитъ и причину такого домостроительства: *да смертію*, говоритъ, *упразднитъ и мущаго державу смерти, сирѣчь, діавола*. Здѣсь онъ выражаетъ ту удивительную (вещь), что чѣмъ діаволъ побѣждалъ, тѣмъ и самъ побѣжденъ, и какимъ оружіемъ онъ былъ силенъ противъ вселенной, тѣмъ и его самого поразили Христосъ; также означаетъ и великую силу Побѣдившаго. Видишь ли, какое благо произвела смерть Его? *И избавитъ сихъ, слицы страхомъ смерти*

через все житіє повинни бѣша работѣ (ст. 15). Для чего вы страшаетесь, говорить, для чего вы боитесь упраздненной (смерти)? Она уже не страшна,—она попрана, презрѣна, стала ничтожною и ничего не стоящею. Что же означаютъ слова: *елицы страхомъ смерти через все житіє повинни бѣша работѣ*? Что выражаетъ ими (апостолъ)? То, что боящійся смерти есть рабъ и предпринимаетъ всѣ мѣры, чтобы не умереть; или то, что всѣ люди были рабами смерти и, такъ какъ она еще не была побѣждена, находились въ ея власти; или, если не это, такъ то, что люди жили въ постоянномъ страхѣ: ожидая постоянно, что они умрутъ, и боясь смерти, они не могли чувствовать никакого удовольствія, потому что этотъ страхъ постоянно былъ въ нихъ, о чемъ и намекаетъ (апостолъ) словами: *через все житіє*. Здѣсь онъ показываетъ, что скорбящіе, гонимые, преслѣдуемые, лишаемые отечества, имущества и всѣхъ прочихъ благъ проводятъ жизнь пріятнѣе и свободнѣе, нежели тѣ, которые постоянно живутъ въ роскоши, не терпятъ ничего подобнаго и благоденствуютъ,—потому что послѣдніе во всю жизнь находятся подъ этимъ страхомъ и 42 суть рабы его, а первые свободны отъ него и посмѣиваются надъ тѣмъ, чего послѣдніе боятся. Подобно тому, какъ если бы кто-нибудь сталъ утучнять обильнымъ кормленіемъ узника, обреченнаго на смерть и постоянно ожидающаго ея, такъ точно и смерть въ древности (поступала съ людьми). А теперь происходитъ то, какъ если бы кто-нибудь, отогнавъ страхъ, побуждалъ подвизаться съ удовольствіемъ и, предложивъ подвигъ, обѣщалъ вести уже не на смерть, а на царство. Скажи же, въ числѣ которыхъ желалъ бы ты находиться,—тѣхъ ли, которые утучняются въ темницѣ, ежедневно ожидая своего приговора, или тѣхъ, которые много подвизаются и трудятся добровольно, чтобы облечься діадемою царства? Видишь ли, какъ (апостолъ) возвышаетъ ихъ душу и возводитъ ихъ горѣ? При томъ онъ внушаетъ, что не только смерть упразднена, но чрезъ нее пораженъ и тотъ, кто постоянно возстаетъ и ведетъ противъ насъ непримиримую войну, т. е. діаволь, потому что кто не боится смерти, тотъ находится внѣ власти діавола. Если *кожу за кожу и вся дастъ человекъ за душу свою* (Іов. п, 4), то кто рѣшается пожертвовать и ею, тотъ чѣмъ можетъ быть рабомъ? Онъ не боится никого, не страшится никого, выше всѣхъ и свободнѣе всѣхъ. Вѣдь кто пренебрегаетъ собственной душой, тотъ тѣмъ болѣе (пренебрежетъ) остальнымъ. Когда діаволь находитъ такую душу, то онъ не можетъ выполнить на ней ни одного изъ своихъ намѣреній. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, что (онъ можетъ сдѣлать съ нею)? Будетъ ли угрожать ей лишеніемъ имущества, безчестіемъ и изгнаніемъ изъ

отечества? Но все это маловажно для того, кто не дорожитъ даже собственною душою, подобно блаженному Павлу (Дѣян. xx, 24). Видишь ли, что свергающій съ себя тяжкую власть смерти сокрушаетъ и силу діавола? Кто умѣетъ безмѣрно любознательствовать о воскресеніи, тотъ будетъ ли бояться смерти, станетъ ли страшиться чего-нибудь другого? Потому не скорбите и не говорите: для чего мы терпимъ то-то и то-то? — потому что такимъ образомъ достигается славнѣйшая побѣда; а она не была бы славною, если бы (Христось) не разрушилъ смертію смерть. И удивительно то, что тѣмъ самымъ Онъ и побѣдилъ ее, чѣмъ она была сильна, явивъ вездѣ и могущество свое и мудрость. Не предадимъ же сообщеннаго намъ дара: *не пріяхомъ бо, говорить (апостоль), духа работы, но духа силы и любве и цѣломудрія* (Рим. viii, 15; 2 Тим. i, 7). Будемъ стоять мужественно, посмѣиваясь надъ смертію.

5. Но мнѣ приходится тяжело вздохнуть (при мысли), куда возвелъ насъ Христось, и куда мы низводимъ сами себя. Когда я представляю вопли, раздающіеся на площади, рыданія, какія бывають по отшедшимъ отъ жизни, стоны и прочія безчинства, — то, повѣрьте, я стыжусь язычниковъ, іудеевъ и еретиковъ, которые видятъ это и рѣшительно всѣ смѣются за это надъ нами, и что бы я ни говорилъ послѣ того о воскресеніи, слова мои будутъ напраснымъ разсужденіемъ. Почему? Потому что язычники обращаютъ вниманіе не на то, что я говорю, а на то, что дѣлается вами. Они тотчасъ скажутъ: сможетъ ли кто-нибудь изъ нихъ когда-нибудь презирать смерть, если онъ не можетъ видѣть даже другого умершимъ? Прекрасно говорить Павелъ, прекрасно и достойно небесъ и человеколюбія Божія. Что же говоритъ онъ? *И избавитъ силь, елицы страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни бѣша работѣ* (Евр. ii, 15). Но вы не допускаете вѣрить этому, опровергая слова его своими дѣлами, хотя Богъ употребилъ много жестовъ мѣръ къ тому, чтобы уничтожить вашъ дурной обычай. Вотъ, скажите мнѣ, что означаютъ горящіе свѣтильники? Не провожаемъ ли мы умершихъ, какъ подвижниковъ? Что (означаютъ) пѣснопѣнія? Не прославляемъ ли мы Бога, не благодаримъ ли Его, что Онъ наконецъ увѣнчалъ отшедшаго, освободилъ отъ трудовъ, избавилъ отъ страха и принялъ его къ себѣ? Не для того ли гимны, не для того ли пѣснопѣнія? Все это свойственно радующимся: *благодушествуетъ ли кто? да поетъ, говорить (апостоль) (Іак. v, 13)*. Но язычникъ смотритъ не на это. Не указывай мнѣ, говоритъ онъ, на того, кто любознательствуетъ, не подвергаясь скорби, — это нисколько не важно и не удивительно, — но укажи мнѣ того, кто бы любознательствовалъ среди са-

мой скорби; тогда и я повѣрю воскресенію. Не удивительно, когда поступаютъ такъ мірскія жены, хотя и это прискорбно, потому что и отъ нихъ требуется любуудріе: *о усопшихъ же, говорить Павелъ, не хочу васъ не вѣдѣти, да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Сол. iv, 12); онъ писать это не къ монахамъ и не къ посвятившимъ себя на всегдашнее дѣвство, но къ мірскимъ женамъ, сочетавшимся бракомъ, и къ мірскимъ мужамъ. Впрочемъ это еще не такъ прискорбно; а когда кто-нибудь, жена или мужъ, утверждающій, что распялся для міра, онъ рветъ на себѣ волосы, а она рыдаетъ неутѣшно, то что можетъ быть непристойнѣе этого? Повѣрьте словамъ моимъ, что, если бы дѣлать, какъ должно, то слѣдовало бы отлучить такихъ людей на долгое время отъ пороговъ церковныхъ. Если кто истинно достоинъ слезъ, то это тѣ, которые еще боятся и трепещутъ смерти, которые не вѣруютъ воскресенію. Но, скажешь, я не воскресенію не вѣрую, а слѣдую обычаю. Для чего же ты, скажи мнѣ, когда отправляешься въ путь и предпринимаешь далекое путешествіе, не дѣлаешь этого? И тогда, скажешь, я плачу и рыдаю, слѣдуя обычаю. Но тамъ дѣйствительно ты слѣдуешь обычаю; а здѣсь ты отчаиваешься въ возвращеніи. Вспомни, что поешь ты въ то время (при погребеніи)? *Обратися, душе моя, въ покой твой, яко Господь благодѣйствова тя* (Псал. cxiv, 6); и еще: *не убоюся зла, яко ты со мною еси* (Псал. xxp, 4); и еще: *ты еси прибѣжище мое отъ скорби обдержажіи мя* (Псал. xxxi, 7). Вникай, какой смыслъ въ этихъ пѣснопѣніяхъ. Но ты не внемлешь имъ, а бѣснуешься отъ скорби. Будь внимателенъ и благоразуменъ хотя при погребеніи другихъ, чтобы тебѣ пайти врачество при своемъ (погребеніи). *Обратися, душе моя, въ покой твой, яко Господь благодѣйствова тя*, говоришь ты, и самъ плачешь? Не притворство ли это, не лицемѣріе ли? Если ты дѣйствительно вѣришь тому, что говоришь, то напрасно плачешь; если же ты притворяешься, лицемѣришь и считаешь это баснею, то для чего и поешь? Для чего терпишь присутствующихъ? Почему не выгоняешь поющихъ? Но, скажешь, это свойственно бѣснующимся. А то еще болѣе. Впрочемъ, я говорю теперь объ этомъ между прочимъ, по вполнѣдствіи тщательнѣе разберу этотъ предметъ, потому что я очень боюсь, чтобы такимъ образомъ не вкралась въ Церковь какая-нибудь тяжкая болѣзнь. Это рыданіе мы исправимъ послѣ; а теперь говорю и объявляю богатымъ и бѣднымъ, женамъ и мужьямъ.

- 41 Дай Богъ, чтобы всѣ вы отошли отъ жизни безъ печалы, чтобы по опредѣленному закону престарѣлые отцы были погребены сыновьями, и матери дочерями, внуками и правнуками, въ

мститой старости, и чтобы никогда не случилось съ вами преждевременной смерти: дай Богъ вамъ это, о чемъ и я самъ молюсь и предстоятелей и всѣхъ васъ утѣщаю молиться Богу другъ о другѣ и возносить къ Нему общую объ этомъ молитву; если же,—чего да не будетъ и да не случится!—если постигнетъ кого-нибудь изъ васъ тяжкая смерть,—называю ее тяжкою не по существу, потому что смерть уже не тяжка и писколько не отличается отъ сна, но называю ее тяжкою по отношенію къ нашему чувству,—если она приключится и кто-нибудь найметъ этихъ плакальщицъ, то, повѣрьте словамъ моимъ,—я говорю не иначе, какъ долженъ говорить, а кто хочетъ, пусть гнѣвается.—я отлучу такого отъ Церкви на долгое время, какъ идолослужителя. Если Павелъ называетъ лихоннца идолослужителемъ (Кол. III, 5), то тѣмъ болѣе можно назвать такъ того, кто совершаетъ надъ вѣрнымъ свойственное идолослужителямъ. И для чего, скажи мнѣ, ты призываешь пресвитеровъ и пѣвцовъ? Не для того ли, чтобы получить утѣшеніе? Не для того ли, чтобы почитать отшедшаго? Для чего же ты оскорбляешь его, для чего безчестишь, для чего безчинствуешь, какъ бы на зрѣлищѣ? Мы приходимъ, чтобы любомудрствовать о воскресеніи, чтобы воздаваемою ему честію научить всѣхъ, даже и тѣхъ, которые еще не подвергаются ударамъ (смерти), переносить мужественно, когда случится съ ними что-нибудь подобное; а ты приводишь тѣхъ, которые разрушаютъ наши дѣйствія, сколько это возможно для нихъ?

6. Что можетъ быть хуже такой насмѣшки и такого глумленія? Что можетъ быть тяжелѣе такой несообразности? Постыдитесь и образумьтесь; если же вы не хотите, то мы не потерпимъ, чтобы такіе пагубные обычаи существовали въ Церкви. *Сокрушающихъ*, говорить (апостолъ), *предъ всеми обличай* (1 Тим. V, 20). Потому мы чрезъ васъ повелѣваемъ тѣмъ жалкимъ и презрѣннымъ (плакальщицамъ), чтобы онѣ никогда не приходили къ погребенію вѣрныхъ; иначе мы заставимъ ихъ оплакивать собственныя несчастія и научимъ сокрушаться болѣе о своихъ сдѣлствіяхъ, нежели о чужихъ. Такъ любвеобильный отецъ, имѣя иицію безпорядочнаго сына, не только ему запрещаетъ имѣть общеніе съ людьми порочными, но и тѣмъ угрожаетъ. Подобнымъ образомъ и я заповѣдую вамъ, а чрезъ васъ и имъ, чтобы ни вы не приглашали ихъ, ни онѣ не приходили (на погребеніе). Дай Богъ, чтобы одни слова наши принесли какую-нибудь пользу и одна угроза имѣла силу; если же,—чего да не будетъ!—слова наши будутъ оставлены безъ вниманія, то мы наконецъ принуждены будемъ привести угрозу въ дѣйствіе,—наказать васъ по

законамъ церковнымъ, а ихъ такъ, какъ слѣдуетъ (поступить) съ ними. Если же и послѣ этого кто-нибудь изъ дерзкихъ не обратится, то пусть онъ послушаетъ Христа, который и нынѣ говоритъ: *аще согрѣшиши къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единымъ: аще ли не послушаетъ, поими съ собою еще единого или два: аще же и тако противу речеть, повѣжди* 45 *церкви: аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Мѳ. хviii, 15—17). Если (Господь) повелѣваетъ такимъ образомъ отвращаться отъ брата, согрѣшившаго противъ меня, когда онъ не слушаетъ обличеній, то судите сами, какъ я долженъ поступать съ тѣмъ, кто грѣшитъ противъ себя самого и противъ Бога,—вы вѣдь часто осуждаете насъ, что мы не снисходительно обращаемся съ вами. А кто презираетъ запрещенія, налагаемыя нами, того опять пусть научитъ Христосъ, который говоритъ: *сѣка аще свяжете на земли, будутъ связаны на небеси, и сѣка аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшены на небесахъ* (Мѳ. хviii, 18). Хотя мы и маловажны, и ничтожны, и достойны презрѣнія, какъ и дѣйствительно мы таковы, но мы не за себя взыскиваемъ, не гнѣву своему удовлетворяемъ, а заботимся о вашемъ спасеніи. Постыдитесь же, увѣщаваю, и образумьтесь. Если всякій терпѣливо переноситъ (укоризны) друга, нападающаго на него даже болѣе надлежащаго, зная цѣль его и то, что онъ дѣлаетъ это по благорасположенію, а не по гордости, то тѣмъ болѣе должно терпѣть обличенія учителя, и при томъ учителя, который говоритъ не своею властію и не какъ начальникъ, но какъ попечитель. Мы говоримъ это не для того, чтобы показать свою власть,—можно ли (такъ думать), когда мы желаемъ, чтобы они даже и не испытали ея?—но изъ сожалѣнія и состраданія къ вамъ. Простите же, и никто изъ васъ пусть не презираетъ церковныхъ запрещеній, потому что ими связываетъ по словѣ, а Христосъ, даровавшій намъ такую власть, содѣлавшій людей обладателями такой чести. Мы желали бы употреблять эту власть на разрѣшеніе, или лучше, не желали бы имѣть нужду и въ этомъ, потому что не хотимъ, чтобы кто-нибудь изъ насъ былъ связаннымъ,—мы еще не такъ жалки и презрѣнны, хотя и крайне ничтожны. Но когда мы бываемъ вынуждены, то простите: противъ собственной воли и желанія мы налагаемъ запрещеніе, хотя сами скорбимъ болѣе васъ связываемыхъ. А кто станетъ презирать это, для того настанетъ время суда и научитъ 46 его. Не хочу говорить о послѣдующемъ, чтобы не возмутить души вашей. Прежде всего мы молимся, чтобы намъ не быть къ тому вынужденными; когда же бываемъ вынуждены, то исполняемъ свое дѣло, налагаемъ запрещеніе. Если кто нарушитъ его,

то я, сдѣлавшій свое дѣло, не виновенъ; а ты долженъ будешь отдать отчетъ Тому, кто повелѣлъ мнѣ связывать. Вѣдь, если въ присутствіи царя кто-нибудь изъ предстоящихъ оруженосцевъ получить приказаніе связать кого-нибудь изъ находящихся въ строю и наложить на него оковы, а этотъ не только оттолкнетъ его, но и разломаетъ самыя оковы, то не оруженосецъ получаетъ обиду, а гораздо болѣе царь, давшій такое приказаніе. Подлинно, если (Господь) усвоитъ себѣ то, что дѣлается вѣрующему, то тѣмъ болѣе, когда вы оскорбите поставленныхъ на учительство, Онъ приметъ это за оскорбленіе Его самого. Впрочемъ, не дай Богъ, чтобы кто изъ находящихся въ этой церкви подвергся необходимости—быть связаннымъ. Какъ хорошо—не грѣшить, такъ же полезно—переносить наказаніе (ἐπιτίμην). Будемъ же переносить обличеніе и постараемся не грѣшить, а когда согрѣшимъ, то будемъ переносить наказаніе. Какъ хорошо—не получать ранъ, а когда это случится, то полезно—прилагать къ ранамъ лѣкарство, такъ точно и адѣсь. Впрочемъ, не дай Богъ, чтобы кто нуждался въ подобныхъ лѣкарствахъ: *надѣмся же о васъ лучшихъ и придерживающихся спасенію, аще и тако глаголемъ* (Евр. vi, 9). Мы предложили болѣе сильное (обличеніе) для большаго предостереженія. Лучше мнѣ почитаться отъ васъ строгимъ, суровымъ и гордымъ, нежели вамъ дѣлать неугодное Богу. Надѣмся на Бога, что это обличеніе не будетъ бесполезно для васъ и что вы исправитесь такъ, что слова наши послужатъ къ вашей похвалѣ и чести. Дай же вамъ Богъ проводить жизнь согласно съ волею Божіею, чтобы всѣмъ намъ удостоиться благъ, обѣщанныхъ Богомъ любящимъ Его, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ.

БЕСѢДА V.

Не отъ ангелъ бо когда пріемлетъ, но отъ сѣмене 45 Авраамова пріемлетъ. Отнюду же долженъ бѣ по всему уподобитися братіи (Евр. ii, 16, 17).

1. Желая показать великое снисхожденіе Бога и любовь, какую Онъ имѣетъ къ роду человѣческому, Павелъ послѣ того, какъ сказалъ: *понеже убо дѣти пріобищаея плоти и крови, и той пріискреннѣ пріобищаея тѣхже* (ст. 14), объясняетъ это мѣсто и говорить: *не отъ ангелъ бо когда пріемлетъ*. Не просто, говорить, выслушай сказанное и не почитай какимъ-нибудь обыкновеннымъ дѣломъ того, что Онъ принялъ нашу плоть; вѣдь Онъ не

удостоилъ этого ангеловъ. Потому и выражается такъ: *не отъ ангель бо когда пріемлетъ, но отъ стъмене Авраамова*. Что означаютъ слова его? Не въ ангельское, говорить, естество облекся Онъ, но въ человѣческое. А что значить: *пріемлетъ*? Не ангельское, говорить, естество принявъ Онъ, но наше. Почему же онъ не сказалъ: принявъ, но употребилъ такое выраженіе: *пріемлетъ* 46 (ἐκλαμβάνεται)? Онъ заимствуетъ это выраженіе изъ примѣра бѣгущихъ за тѣми, которые уходятъ отъ нихъ, и употребляющихъ всѣ мѣры къ тому, чтобы настигнуть убѣгающихъ и удержать удаляющихся. Такъ и Христосъ самъ устремился и настигнулъ родъ человѣческій, бѣжавшій отъ Него и бѣжавшій далеко,—мы вѣдь были, говорить (апостоль), *отъ Бога отчуждени далече и безбожни въ мѣртъ* (Еф. п, 12, 13). Здѣсь онъ показываетъ, что (Богъ) сдѣлалъ это единственно по снисхожденію, любви и попеченію объ насъ. Какъ выше, когда говорить: *не вси ли суть служебнии дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ насъ имѣти спасеніе* (Евр. i, 14), онъ показываетъ любовь Его къ роду человѣческому и то, что Богъ много печется о немъ, такъ и здѣсь еще болѣе подтверждаетъ это посредствомъ сравненія, говоря: *не отъ ангель бо пріемлетъ*. Подлинно, великое, чудное и изумительное дѣло, что наша плоть сѣдитъ на небесахъ и удостоивается поклоненія отъ ангеловъ, архангеловъ, серафимовъ и херувимовъ. Пред- 47 ставляя себѣ это, я часто удивляюсь и высокимъ предаюсь мыслямъ о родѣ человѣческомъ, потому что вижу великіе и свѣтлыя начатки и многое попеченіе Божіе о естествѣ нашемъ. И не просто сказалъ (апостоль): отъ людей пріемлетъ, но, желая возвысить ихъ, и показать, какъ великъ и почтененъ родъ ихъ, говорить: *но отъ стъмене Авраамова пріемлетъ. Отнюду же долженъ быти по всему уподобитися братіи*. Что значить: *по всему*? Онъ родился, говорить, воспитывался, возрасталъ, претерпѣлъ все, что слѣдовало, и наконецъ умеръ: вотъ что означаютъ слова: *по всему уподобитися братіи*. Такъ какъ онъ много говорилъ о величїи и высшей славѣ (Христа), то теперь ведетъ рѣчь о домостроительствѣ Его; и посмотри, съ какою мудростію и силою доказываетъ, что Онъ приложилъ большое стараніе, чтобы уподобиться намъ; это—знакъ великаго Его попеченія объ насъ. Сказавъ выше: *понеже убо дѣти приобщившася плоти и крови, и той приискреннѣ приобщися тѣхъже*, (апостоль) и здѣсь говорить: *по всему уподобитися братіи*, т. е. какъ бы такъ говорить: Тотъ, кто такъ великъ, кто есть сіяніе славы и образъ ипостаси, кто сотворилъ вѣка и сѣдитъ одесную Отца, Тотъ восхотѣлъ и потщился сдѣлаться нашимъ братомъ во всемъ, и для того оставилъ ангеловъ и горнія силы, сошелъ къ намъ и принялъ нашу (плоть). И смотри,

сколько Онъ доставилъ благъ: разрушилъ смерть, освободилъ насъ отъ власти діавола, избавилъ отъ рабства, почтилъ своимъ братствомъ, и не только удостоилъ братства, но и другихъ безчисленныхъ (благодѣяній),—Онъ восхотѣлъ быть нашимъ первосвященникомъ предъ Отцемъ: *да милостивъ будетъ*, продолжаетъ (апостоль), *и отрѣнь первосвященникъ въ тѣхъ, яже къ Богу*. Онъ принять, говорить, плоть нашу единственно по челоувѣколюбію, для того, чтобы помиловать насъ. Нѣтъ другой причины такого домогательства Его, кромѣ одной этой; Онъ видѣлъ, что мы повержены на землю, погибаемъ и подвергаемся насилію смерти, и умилосердился. *Во еже*, говорить, *очистити грѣхи людскія, да милостивъ будетъ и отрѣнь первосвященникъ*. Что значитъ: *отрѣнь*? Истинный, сильный, потому что одинъ только Сынъ есть вѣрный первосвященникъ, могущій избавить отъ грѣховъ тѣхъ, которыхъ Онъ первосвященникъ. Потому, чтобы принести жертву, которая могла бы очистить насъ, Онъ сдѣлался челоувѣкомъ. *Въ тѣхъ, яже къ Богу*, присовокупляетъ (апостоль), т. е. въ отношеніи къ Богу. Мы были, говорить, враждебны Богу, были осуждены, преданы безчестію; не было никого, кто бы принесъ за насъ жертву; Онъ видѣлъ насъ въ такомъ состояніи и умилосердился, не только доставивъ намъ первосвященника, но сдѣлавшись самъ первосвященникомъ вѣрнымъ. Потомъ (апостоль) показываетъ, какъ Онъ вѣренъ, продолжая: *во еже очистити грѣхи людскія. Въ немже бо пострада, самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи* (ст. 18).

2. Это, повидимому, весьма уничиженно, смиренно и недостойно Бога. *Въ немже бо*, говорить, *пострада самъ*. Здѣсь онъ говорить о воплотившемся. Можетъ быть, это говорится и для успокоенія слушателей, и во вниманіе къ ихъ немощи. Смыслъ словъ его слѣдующій: (Христосъ), пришедши, самымъ дѣломъ испыталъ то, что мы терпимъ; теперь Ему не безызвѣстны страданія наши; онъ знаетъ не только какъ Богъ, но и какъ челоувѣкъ, познавшій и испытавшій самымъ дѣломъ; Онъ много страдалъ, потому можетъ и намъ сострадать. Хотя Богъ безстрастенъ, но здѣсь (апостоль) говорить о воплощеніи, и какъ бы такъ сказалъ: самая плоть Христова претерпѣла много страданій. Онъ знаетъ, что такое страданіе, знаетъ, что такое искушеніе, и знаетъ не меньше насъ страждущихъ, потому что Онъ самъ страдалъ. Что же значитъ: *можетъ и искушаемымъ помощи*? Иначе сказать: Онъ съ великою готовностію подать руку помощи, будетъ сострадательнъ. Такъ какъ (евреи) думали имѣть большое преимущество предъ (вѣрующими) изъ язычниковъ, то (апостоль) внушаетъ, что они имѣютъ преимущество въ томъ, чѣмъ Богъ

нисколько не унижилъ и (вѣрующихъ) изъ язычниковъ. Чѣмъ же именно? Тѣмъ, что отъ нихъ спасеніе, что напередъ къ нимъ Онъ пришелъ, что отъ нихъ принялъ плоть. *Не отъ ангелъ бо, говоритъ, пріемлетъ, но отъ стѣмене Авраамова пріемлетъ.* Этимъ онъ и воздастъ честь патріарху, и показываетъ, что значить *стѣмя Авраамова*;—напоминаетъ имъ объ обѣтованіи, данномъ Аврааму въ слѣдующихъ словахъ: *землю сію тебѣ дамъ и стѣмени твоему* (Быт. xш, 15), намекая нѣсколько и на близость (ихъ къ Нему) въ томъ, что всѣ произошли отъ одного. Но такъ какъ эта близость была незначительна, то онъ опять переходитъ къ тому же (предмету), останавливается на домостроительствѣ Его во плоти и говоритъ: *во еже очистити грѣхи людскія.* Самое желаніе—сдѣлаться человѣкомъ есть уже знакъ великаго попеченія и великой любви, а теперь не только это, но и безсмертныя блага дарованы намъ отъ Него: *во еже, говоритъ, очистити грѣхи людскія.* Почему онъ не сказалъ: (грѣхи) вселенной, но: *людскія* (τοῦ λαοῦ), тогда какъ поистинѣ Онъ взялъ на себя грѣхи всѣхъ насъ? Потому, что (апостоль) пока ведетъ рѣчь о нихъ (евреяхъ), какъ и ангелъ говорилъ Іосифу: *наречени имя ему Иисусъ: той бо спасетъ люди своя* (Мѣ. 1, 21). Этому и слѣдовало напередъ совершиться, и для того Онъ пришелъ, чтобы спасти ихъ, а потомъ чрезъ нихъ и тѣхъ (язычниковъ), хотя случилось напротивъ. Объ этомъ и (другіе) апостолы въ самомъ началѣ говорили: *вамъ воздвигий Отрока своего посла благословяща васъ* (Дѣян. ш, 26); и еще: *вамъ слово спасенія послая* (Дѣян. хш, 26). Такъ и здѣсь (апостоль) показываетъ благородство іудеевъ, когда говоритъ: *во еже очистити грѣхи людскія.* Такъ онъ теперь говоритъ. А что (Христосъ) отпускаетъ грѣхи всѣхъ, это самъ Онъ объяснилъ какъ при исцѣленіи разслабленнаго, когда сказалъ: *отпущаются тебѣ грѣси твои* (Марк. п, 5), такъ и въ заповѣди о крещеніи: *шедше, говорятъ Онъ ученикамъ, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мѣ. ххvш, 19). Когда Павелъ началъ рѣчь о плоти, то потомъ говоритъ (о Немъ) все уничиженное, нисколько не опасаясь; смотри именно, что говоритъ онъ далѣе: *тѣмже, братіе святая, званія небснаго причастницы, разумѣйте посланника и святителя исповѣданія нашего Иисуса Христа, вторна суща сотворшему его, якоже и Моисей во всемъ дому его* (ш, 1, 2). Намѣреваясь изобразить преимущества Его сравнительно съ Моисеемъ, (апостоль) ведетъ рѣчь о законѣ касательно священства, потому что о Моисеѣ всѣ имѣли высокое мнѣніе. И (здѣсь) онъ уже предуказываетъ сѣмена этого преимущества; но начинаетъ съ плоти, а потомъ переходитъ къ божеству, въ отношеніи котораго не могло быть сравненія. Начиная

сравнивать ихъ по плоти, онъ говоритъ: *якоже и Моисей во всемъ дому его*. Не вдругъ доказываетъ преимущество (Христа предъ Моисеемъ),—чтобы слушатели не отшатнулись и тотчасъ же не заткнули ушей,—потому что, хотя они были вѣрующіе, но въ душѣ своей еще много были преданы Моисею. *Върна суща, говоритъ, сотворившему его*. Что *сотворившему*? Посланника и первосвященника. Не о существѣ говоритъ онъ здѣсь, и не о божествѣ, но пока о преимуществахъ человѣческихъ. *Якоже и Моисей во всемъ дому его*, т. е. въ народѣ, или въ храмѣ. А употребляетъ это выраженіе—*въ дому его*—такъ, какъ иной выразился бы о домашнихъ. Моисей былъ въ народѣ, какъ попечитель и распорядитель въ домѣ. Что здѣсь *домомъ* онъ называетъ народъ, видно изъ прибавленія: *егоже домъ мы есмы* (ст. 6), т. е. мы—созданіе Его. Затѣмъ (показываетъ) преимущество: *множайшей бо славы сей паче Моисеа сподобися*; и опять (говоритъ) о плоти: *елико множайшую честь имать паче дому сотворивый его* (ст. 3).

3. И самъ (Моисей), говоритъ, былъ изъ этого дома. Не сказать: онъ былъ рабъ, а тотъ — Владыка, но прикровенно выразилъ это. Если домомъ былъ народъ, а самъ (Моисей) былъ изъ народа, то слѣдуетъ, что онъ былъ изъ этого дома; такъ и мы обыкновенно говоримъ: такой-то происходитъ изъ такого-то дома. Здѣсь подъ домомъ (апостолъ) не разумѣетъ храма, потому что не Богъ создалъ его, но люди, а *сотворивый его*, т. е. Моисея, есть Богъ. Смотри, какъ онъ прикровенно показываетъ превосходство (Христа предъ Моисеемъ): *въренъ, говоритъ, во всемъ дому его*, между тѣмъ какъ самъ онъ былъ изъ этого дома, т. е. изъ народа. Большую имѣетъ честь предъ произведеніями художникъ ихъ, равно какъ и предъ домомъ — устроившій его. А *сотворивый всяческая, Богъ* (ст. 4). Видишь, что не о храмѣ говорить, но о всемъ народѣ? И Моисей убо *въренъ бы во всемъ дому его, якоже слуга во свидѣтельство глаголатися имъвшимъ* (ст. 5). Вотъ и другое преимущество Сына предъ рабами! Видишь опять, какъ онъ указываетъ на близость (Христа къ Богу-Отцу) наименованіемъ Сына? *Христосъ же, яко же Сынъ въ дому своемъ* (ст. 6). Замѣчаешь, какъ онъ отличаетъ созданіе и Создателя, раба и Сына? Этого входитъ въ отеческій домъ, какъ Владыка, а тотъ, какъ рабъ. *Егоже домъ мы есмы, аще дерзновение и похвалу упования даже до конца извѣстно удержимъ* (ст. 6). Здѣсь опять убѣждаетъ ихъ стоять мужественно и не падать; мы будемъ, говорить, домомъ Божиимъ, подобно Моисею, если только упованіе и надежду, которою хвалимся, твердо сохранимъ до конца; а кто скорбитъ въ искушеніяхъ и падаетъ, тотъ не можетъ хвалиться; кто стыдится и скрывается, тотъ не имѣетъ дерзновенія; кто пе-

чались, тотъ недостойнъ похвалы. Вмѣстѣ съ тѣмъ и хвалить ихъ, когда говорить: *еще дерзновение и похвалу упованія даже до конца извѣстно удержимъ*, выражая, что они начали (имѣть дерзновение и упованіе); только нужно (сохранить) до конца, и не просто стоять, но содержать твердую надежду съ несомнѣнною вѣрою, не колеблясь искушеніями. Не удивляйся, что (о Христѣ) сказано нѣчто человѣческое въ словахъ: *самъ искушенъ бывъ* (гл. п, 18). Если объ Отцѣ, который не воплощался, въ Писаніи говорится: *Господь съ небесе прииде на сыны человѣческія видѣти*, т. е. обстоятельно разсмотрѣть все (Псал. хш, 2), и еще: *сошедъ узрю, еще по воплю ихъ совершаются* (Быт. хvш, 21), и еще: *не можетъ Богъ терпѣти злобы человековъ* (Іер. хlv, 22), гдѣ священное Писаніе выражаетъ величіе гнѣва Божія, — то тѣмъ болѣе о Христѣ, который пострадалъ во плоти, можетъ быть ска-
 50 зано то, что свойственно человѣку. Такъ какъ многіе люди счи-
 тають опытъ самымъ вѣрнымъ средствомъ къ познанію, то (апосто-
 лъ) хочетъ показать, что (Христосъ), который самъ постра-
 далъ, знаетъ, что терпитъ природа человѣческая. *Тѣмже*, гово-
 ритъ, *братіе святая*. Слово: *тѣмже* употребляетъ вмѣсто: поэтому.
Званія небеснаго причастницы. Итакъ, не ищите ничего здѣсь, если
 вы призваны туда, — потому что тамъ награда, тамъ воздаяніе.
 Что же далѣе? *Разумѣйте посланника и святителя исповѣданія*
нашего Иисуса Христа, вѣрна суща сотворшему его, якоже и Мо-
исей во всемъ дому его. Что значитъ: *вѣрна суща сотворшему его*?
 Т. е. пекущагося, предстательствующаго за своихъ и не допу-
 скающаго имъ колебаться какимъ-нибудь образомъ. *Якоже и*
Моисей во всемъ дому его. Т. е. познайте, кто и каковъ первосвя-
 щенникъ нашъ, и вы не будете имѣть нужды въ другомъ утѣ-
 шеніи или ободреніи. Называетъ Его *посланникомъ* потому, что
 Онъ былъ посланъ (отъ Бога-Отца); называетъ первосвященни-
 комъ *исповѣданія нашего*, т. е. вѣры. Хорошо сказано: *якоже Мо-*
исей; какъ тому былъ ввѣренъ народъ, такъ и Ему — предводи-
 тельство народомъ, хотя высшее и въ дѣлахъ вышнихъ. Моисей
 былъ слуга, а Христосъ—Сынъ; тотъ имѣлъ попеченіе о (людяхъ)
 чуждыхъ, а этотъ—о своихъ. *Во свидѣтельство глаголатися имѣ-*
ющимъ. Что говоришь ты? Неужели Богъ принимаетъ свидѣтель-
 ство отъ человѣка? Конечно, такъ. Если Онъ призываетъ во сви-
 дѣтели небо, землю и холмы, когда говоритъ чрезъ пророка:
слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола (Иса. i, 2); и еще:
слышите дебри, основанія земли, яко судъ Господень къ людямъ его
 (Мих. vi, 2),—то тѣмъ болѣе—людей. Что значитъ: *во свидѣтель-*
ство? Чтобы свидѣтельствовать, когда они сдѣлаются безстыд-
 ными: *Христосъ же якоже Сынъ*. Тотъ имѣлъ попеченіе о (лю-

дяхъ) чуждыхъ, а этотъ—о своихъ. И похвалу упованія. Хорошо сказано: *упованія*,—потому что всѣ блага были еще въ надеждѣ; но эту надежду нужно сохранять такъ, чтобы хвалиться, какъ бы дѣйствительностію. Потому (апостолъ) говоритъ: *похвалу упованія*, и присовокупляетъ: *даже до конца извѣстно удержимъ*, такъ какъ мы *упованіемъ спасаемся* (Рим. viii, 24). Если же мы спасаемся въ надеждѣ и ожидаемъ въ терпѣніи, то мы не должны скорбѣть о благахъ настоящихъ и беспокоиться о тѣхъ, которыя обѣщаны въ будущемъ, такъ какъ *упованіе видимою нѣсть упованіе* (Рим. viii, 24). Если, говоритъ, эти блага велики, то мы не можемъ получить ихъ здѣсь, въ настоящей кратковременной жизни. Но для чего же (Богъ) и предсказалъ намъ объ нихъ, если не хотѣлъ даровать ихъ намъ здѣсь? Для того, чтобы обѣщаніемъ привлечь наши души, чтобы надеждою укрѣпить наше усердіе, чтобы ободрить и возвысить наше сердце. Съ такою именно цѣлію сдѣлано все это.

4. Итакъ, не будемъ смущаться; пусть никто не сѣтуетъ, видя порочныхъ людей благоденствующими. Здѣсь нѣтъ воздаянія ни пороку, ни добродѣтели; а если иногда и бываетъ (воздаяніе) пороку и добродѣтели, то не по достоинству ихъ, но слегка, какъ бы въ предвкушеніи суда, чтобы невѣрующіе воскресенію образумились здѣсь хотя такимъ образомъ. Потому, когда мы увидимъ порочнаго богатымъ, не будемъ падать духомъ; 51 когда увидимъ добродѣтельнаго страждущимъ, не будемъ смущаться,—потому что тамъ вѣнцы, тамъ и наказанія. При томъ нѣтъ такого порочнаго человѣка, который былъ бы совершенно порочнымъ, но и въ немъ бываетъ нѣчто доброе; равно нѣтъ и такого добродѣтельнаго, который былъ бы совершенно добродѣтельнымъ, но и у него бываютъ нѣкоторыя прегрѣшенія. Итакъ, когда порочный благоденствуетъ, то знай, что это—къ погибели собственной головы его; онъ здѣсь наслаждается этимъ для того, чтобы, получивъ здѣсь воздаяніе за свое малое добро, подвергнуться тамъ полному наказанію. Тѣмъ болѣе блаженъ тотъ, кто, получая наказаніе здѣсь, чтобы отдать долгъ за всѣ грѣхи свои, отходить отсюда оправданнымъ, чистымъ и неповиннымъ. Этому поучаетъ насъ Павелъ, когда говоритъ: *сею ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и усыпаютъ довольни* (1 Кор. xi, 30), и еще: *предайте таковаго сатинъ во изможденіе плоти, да духъ спасется въ день онъ* (1 Кор. v, 5). И пророкъ говоритъ: *пріять отъ руки Господни сугубы грѣхи* (Иса. xl, 2); также Давидъ: *виждь враги моя, яко умножишася паче влasy главы моя, и ненавидѣніемъ неправды возненавидѣша мя, и остави вся грѣхи моя* (Псал. xlii, 19, 18); и еще пной: *Господи Боже нашъ, миръ даждь намъ: вся бо воздаде*

еси намъ (Иса. ххv, 12). Все это доказываетъ, что добродѣтельныя получаютъ здѣсь наказанія за грѣхи свои. А гдѣ (говорится), что порочные получаютъ здѣсь добро, чтобы тамъ подвергнуться полному наказанію? Послушай Авраама, который говоритъ богачу: *воспріялъ еси благая твоя въ животъ твоимъ, и Лазарь такожде злая* (Лук. хvi, 25). Какія *благая*? Употребляя выраженіе: *воспріялъ еси*, а не: *пріялъ еси*, онъ показываетъ, что оба они получали по заслугамъ, одинъ благоденствіе, а другой бѣдствія, и говоритъ: потому онъ *здѣ утѣшается*, — видишь его чистымъ отъ грѣховъ, — *ты же страждешь*. Итакъ, не будемъ скорбѣть, когда видимъ здѣсь грѣшниковъ благоденствующими, и когда сами страждемъ, будемъ радоваться, потому что это изглаждаетъ наши грѣхи. Не будемъ искать спокойствія, потому что Христосъ возвѣстилъ скорби ученикамъ своимъ, и Павелъ говоритъ: *еси, хотящій благочестно жити о Христѣ Іисусѣ, гоними будешь* (2 Тим. iii, 12). Никто изъ мужественныхъ борцовъ во время борьбы не ищетъ банъ и трапезы, обильной яствами и виномъ; это свойственно не ратоборцу, а человѣку изнѣженному; ратоборецъ терпитъ пыль, (умашеніе) елеемъ, жаръ солнца, многій потъ, скорби и тяжесть подвиговъ. Таково—время борьбы, и, слѣдовательно, полученія ранъ, пролитія крови и скорбей. Послушай, что говоритъ блаженный Павелъ: *такъ подвизаюся, не яко воздохъ біяи* (1 Кор. ix, 26). Будемъ считать всю жизнь предназначенною для подвиговъ, не станемъ никогда искать отдохновенія, не станемъ смотрѣть на страданія, какъ на нѣчто чуждое, потому что и ратоборецъ, когда онъ совершаетъ подвиги, не считаетъ этого чуждымъ для себя. Для успокоенія будетъ другое время; достигать совершенства намъ слѣдуетъ посредствомъ скорбей. Если и нѣтъ ни гоненія, ни притѣсненія, то есть другія скорби, которыя случаются съ нами ежедневно; если мы не переносимъ послѣднихъ, то едва ли перенесли бы первыя. *Искушеніе васъ не достигже*, говоритъ (апостолъ), *точію человеческое* (1 Кор. x, 13). Будемъ же молиться Богу, чтобы не впасть въ искушеніе, а когда впадемъ, то будемъ переносить мужественно.

52 Людямъ благоразумнымъ свойственно—не подвергать себя опасностямъ; а мужественнымъ и любознательнымъ свойственно—стоять твердо, подвергшись опасностямъ. Потому не будемъ подвергать себя (опасностямъ) безъ нужды, потому что это—знакъ дерзости; а когда насъ вынуждаютъ и когда требуютъ обстоятельства, не будемъ уклоняться, потому что это—знакъ робости; если насъ призываетъ (евангельская) проповѣдь, то не будемъ отказываться; просто, безъ причины, безъ нужды и безъ пользы для благочестія, не будемъ стремиться, потому что это—хвастовство и пустое

тщеславіе; а если случится что-нибудь вредное для благочестія, то не будемъ никогда отказываться, хотя бы надлежало претерпѣть тысячи смертей. Не вызывайся на искушенія, когда дѣла благочестія идутъ по твоему желанію,—зачѣмъ навлекать на себя излишнія опасности, не приносящія никакой пользы?

5. Говорю это изъ желанія, чтобы вы соблюдали заповѣди Христа, который повелѣваетъ молиться, чтобы не впасть въ искушеніе, и вмѣстѣ повелѣваетъ. взявъ крестъ, послѣдовать Ему. Эти (заповѣди) не противорѣчатъ одна другой, но весьма согласны между собою. Итакъ, настрой себя, какъ храбрый воинъ, будь всегда съ оружіемъ, бодрствуй, трезвись, постоянно ожидай врага; впрочемъ, самъ не производи браней, потому что это свойственно не воину, а бунтовщику. Когда призываетъ труба благочестія, то немедленно выходи, не жалѣй души, выступай съ великою готовностію на подвиги, ниспровергай ряды противниковъ, сокрушай лице діавола, воздвигай трофей (побѣды); а когда благочестіе не терпитъ никакого вреда, когда никто не искажаетъ нашихъ догматовъ,—разумѣю касающіеся души,—и когда ничто не принуждаетъ дѣлать неугодное Богу, то не будь слишкомъ рьянъ. Жизнь христіанина должна быть полна крови, но не въ смыслѣ пролитія чужой крови, а готовности—пролить собственную. Потому будемъ проливать собственную кровь, когда это нужно за Христа, съ такимъ усердіемъ, какъ будто бы мы проливали воду,—кровь и есть вода, протекающая въ тѣлѣ,—и свергать съ себя плоть съ такою готовностію, какъ будто бы мы снимали одежду. А это случится тогда, когда мы не будемъ привязываться къ имуществу и къ жилищамъ, когда не будемъ увлекаться пристрастіемъ къ (благамъ) настоящимъ. Если посвятившіе себя военной жизни отказываются отъ всего и, куда призываетъ война, туда и отправляются, путешествуютъ и съ охотою терпятъ все, то тѣмъ болѣе намъ, воинамъ Христовымъ, надобно быть такъ же готовыми и такъ же выходить на войну со страстями. Нѣтъ нынѣ гоненія, и дай Богъ, чтобы никогда не было; но есть другая брань, брань противъ любостыжанія, противъ зависти и прочихъ страстей. Описывая эту брань, Павелъ говоритъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти* (Еф. vi, 12). Эта брань предстать всегда; потому онъ желаетъ, чтобы мы были всегда вооруженными: *станите убо*, говоритъ, *препоясани*, — что можетъ относиться и къ настоящему времени,—и внушаетъ, что нужно быть всегда вооруженными. Велика брань противъ языка, велика противъ очей, велика противъ пожеланій: будемъ удерживать ихъ. Вотъ почему онъ съ этого и начинается вооружать воина Христова: *станите убо*, говоритъ, *препоясани чресла ваша*,

и прибавляетъ: *истиною* (Еф. vi, 14). Почему *-истиною*? Потому
 53 что пожеланіе есть обманъ и ложь, какъ и Давидъ сказалъ въ
 одномъ мѣстѣ: *лживіа моя наполнишася поруганій* (Псал. xxxvii, 8).
 Оно не составляетъ удовольствія, но только тѣнь удовольствія.
 Поэтому, говоритъ, *препоясани чресла ваша истиною*, т. е. истин-
 нымъ удовольствіемъ, цѣломудріемъ, честностію.

Онъ зналъ наглость грѣха, и потому увѣщаетъ ограждать
 всѣ наши члены. *Не можетъ бо*, говоритъ (Премудрый), *ярость*
неправедная оправдится (Сир. i, 22); и потому (апостоль) заповѣ-
 дуетъ намъ ограждаться броней и щитомъ. Гнѣвъ есть звѣрь,
 скоро нападающій на насъ, и нужно намъ много оградъ и опло-
 товъ, чтобы задержать его и преодолѣть. Потому-то у насъ преиму-
 щественно эту часть (грудь) Богъ устроилъ изъ костей какъ бы
 изъ какихъ камней, положивъ ему преграду, чтобы онъ (гнѣвъ)
 когда-нибудь не расторгнулъ и, расторгнувъ, не погубилъ легко
 всего человѣка. Онъ есть огонь и великая буря; такъ что дру-
 гой членъ (тѣла) не вынесъ бы его нападенія. И врачи говорятъ,
 что для того подъ сердце подложены легкія, чтобы сердце, уда-
 раясь объ эти мягкія части, какъ бы объ губку, могло успокои-
 54 ться,—чтобы оно, ударяясь въ твердую и жесткую грудь, не
 повредилося отъ частыхъ потрясеній. Потому намъ нужна крѣп-
 кая броня, чтобы всегда удерживать этого звѣря въ спокойствіи.
 Нуженъ намъ и шлемъ на голову, потому что въ ней пребываетъ
 разумъ, и отъ ней можно и спастись, если она будетъ дѣлать
 должное, можно и погибнуть, если —недолжное; поэтому (апо-
 столъ) и говоритъ: *и шлемъ спасенія* (Еф. vi, 17). Мозгъ по при-
 родѣ своей мягокъ; потому онъ и покрытъ сверху теменемъ, какъ
 бы какою черепицею; онъ бываетъ у насъ виновникомъ всего
 добраго и злого, смотря по тому, признаетъ ли должное или не-
 должное. Также и ноги и руки наши имѣютъ нужду въ ору-
 жіи,—не эти руки и не эти ноги, а тоже душевныя,—чтобы одни
 исполняли должное, а другія шли, куда слѣдуетъ. Итакъ, воору-
 жимъ себя такимъ образомъ, и мы будемъ въ состояніи преодо-
 лѣть враговъ и украситься вѣнцемъ побѣды во Христѣ Іисусѣ
 Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава,
 держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

Тѣмже, якоже глаголетъ Духъ святой: днесь, аще гласъ 53
его услышите, не ожесточите сердець вашихъ, якоже
въ прогнѣваніи, во дни искушенія въ пустыни: идѣже
искусиша мя отцы ваши, искусиша мя, и видѣша дѣла
моя четыредесять лѣтъ. Сего ради негодовахъ рода того,
и рѣхъ: присно заблуждаютъ сердцемъ: тѣи же не по-
знаша путей моихъ. Яко кляхся во гнѣвъ моемъ: аще
внидутъ въ покой мой (Евр. ш, 7—11).

1. Упомянувъ о надеждѣ и сказавъ, что *домъ Его мы есмь, аще дерзновение и похвалу упованія даже до конца извѣстно удержи-
мъ*, Павелъ далѣе доказываетъ, что должно имѣть твердую
надежду, и увѣряетъ въ этомъ свидѣтельствомъ Писаній. Будьте
же внимательны, потому что онъ высказалъ это нѣсколько не-
ясно и неудобовразумительно. Поэтому, сказавъ напередъ все
нужное съ нашей стороны и кратко изложивъ вамъ всю сущность
предмета, мы потомъ обратимся къ тому, что написано; и какъ
скоро вы узнаете намѣреніе апостола, то уже не будете имѣть
въ насъ нужды. Онъ говорилъ о надеждѣ и о томъ, что должно
ожидать будущаго и что трудившимся здѣсь непременно будетъ
нѣкоторая награда, возмездіе и успокоеніе. Теперь онъ доказы-
ваетъ это свидѣтельствомъ пророка. Что же говорить онъ? *Тѣмже,
якоже глаголетъ Духъ святой: днесь аще гласъ его услышите, не
ожесточите сердець вашихъ, якоже въ прогнѣваніи, во дни искуше-
нія въ пустыни: идѣже искусиша мя отцы ваши, искусиша мя, и
видѣша дѣла моя четыредесять лѣтъ. Сего ради негодовахъ рода
того, и рѣхъ: присно заблуждаютъ сердцемъ: тѣи же не познаша пу-
тей моихъ. Яко кляхся во гнѣвъ моемъ: аще внидутъ въ покой мой.*
Онъ говоритъ, что есть три рода покоя: одинъ—покой субботы,
въ который Богъ успокоился отъ дѣлъ своихъ; другой—покой 54
палестинскій, когда іудеи (вступивъ въ Палестину) должны были
успокоиться отъ многихъ бѣдствій и трудовъ; третій и истинный
покой—царство небесное, котораго кто достигъ, тотъ истинно
успокаивается отъ трудовъ и скорбей. Такимъ образомъ онъ упо-
минаетъ здѣсь о трехъ (родахъ покоя). Для чего же, рассуждая
объ одномъ, онъ упомянулъ о трехъ? Чтобы показать, что про-
рокъ сказалъ о послѣднемъ; не о первомъ сказалъ онъ, такъ какъ
тотъ былъ уже давно; и не о второмъ, бывшемъ въ Палестинѣ,
такъ какъ и этотъ уже окончился, а онъ говоритъ: *не внидутъ
въ покой мой*. Остается третій, о которомъ онъ и говорить. Впро-

чемъ нужно разсказать эти историческія событія, чтобы сдѣлать слова болѣе ясными. (Іудеи) вышедши изъ Египта, совершивъ длинный путь и получивъ тысячи знаменій силы Божіей, въ Египтѣ, на Черномъ морѣ, въ пустынѣ, пожелали послать соглядатаевъ для обозрѣнія свойствъ (обѣтованной) земли. Когда же посланные, возвратившись, выразили свое удивленіе этой землѣ и сказали, что она обильно приноситъ превосходные плоды, но что ею обладаютъ люди сильные и непобѣдимые, тогда неблагодарные и безчувственные іудеи, вмѣсто того, чтобы вспомнить о прежнихъ благодѣяніяхъ Божіихъ и о томъ, какъ Онъ не только избавилъ ихъ отъ опасности, когда они окружены были войсками египетскими, но и доставилъ имъ возможность овладѣть добычею, также о томъ, какъ въ пустынѣ Онъ разсѣкъ камень и даровалъ обильные потоки воды и ниспосылалъ манну и, вспомнивъ обо всѣхъ этихъ и другихъ чудесахъ, которыя Онъ совершилъ, имѣть вѣру въ Бога,—не подумали ни о чемъ этомъ, какъ будто ничего не было, и, предавшись страху, хотѣли возвратиться опять въ Египетъ, говоря: вывелъ насъ сюда Богъ, **55** чтобы погубить насъ съ дѣтьми и женами (Исх. xiv, 3; Числ. xx, 4). Потому Богъ, разгнѣвавшись на то, что они такъ скоро забыли о прошломъ, поклялся, что поколѣніе, говорившее это, не достигнетъ покоя, — и дѣйствительно, всѣ они погибли въ пустынѣ. Если же Давидъ впослѣдствіи, уже послѣ этого поколѣнія, говорилъ: *днесъ, аще гласъ его услышите, не ожесточите сердцеъ вашихъ, якоже въ прогнѣваніи*,—для чего?—чтобы вамъ не потерпѣть того же, что потерпѣли ваши праотцы, и не лишиться покоя,—то ясно, что онъ указывалъ въ словахъ своихъ на какой-то другой покой. Если бы онъ говорилъ о достигнутомъ ими покоѣ, то для чего сталъ бы опять говорить имъ такъ: *днесъ, аще гласъ его услышите, не ожесточите сердцеъ вашихъ, якоже въ прогнѣваніи*?

Какой же это другой покой, кромѣ царства небеснаго, котораго образъ и подобіе есть суббота? Изложивъ все свидѣтельство, которое заключается въ слѣдующемъ: *днесъ, аще гласъ его услышите, не ожесточите сердцеъ вашихъ, якоже въ прогнѣваніи, во дни искушенія въ пустыни, идже искушиша мя отцы ваши, искушиша мя, и видѣша тѣла моя четыредесать лѣтъ. Сего ради негодовахъ рода того, и рехъ: присно заблуждаютъ сердцеъ: тѣи же не познаша путей моихъ, яко кляхся во гнѣвъ моемъ, аще увидутъ въ покой мой*,—(апостолъ) говорить далѣе: *блюдите, братіе, да не когда будетъ въ нѣкоемъ отъ васъ сердце лукаво невѣріа, во еже отступити отъ Бога жива* (ст. 12). Невѣріе бываетъ отъ жестокости. Какъ отвердѣвшія и грубныя тѣла не уступаютъ

усиліямъ врачей, такъ и ожесточившіяся души не повинуются слову Божію. Вѣроятно, между ними были невѣровавшіе въ истину сказаннаго; потому онъ и говоритъ: *блюдите, да не когда будетъ въ нѣкоемъ отъ васъ сердце лукаво неутрѣя, во еже отступити отъ Бога жива.* Такъ какъ рѣчь о будущемъ принимается не съ такимъ убѣжденіемъ, какъ рѣчь о прошедшемъ, то онъ напоминаетъ имъ объ историческихъ событіяхъ, въ которыхъ также недоставало вѣры. Если, говоритъ, отцы ваши, не уповаъ такъ, какъ должно было уповать, потерпѣли такіа бѣдствія, то тѣмъ болѣе (потерпите) вы, потому что и къ нимъ относится сказанное. Слово: *днесь* означаетъ: *всегда*, пока стоитъ міръ. *Но утѣшайте себе на всякъ день, дондеже днесь нарицается*, т. е. назидайте другъ друга, исправляйте себя, чтобы (и съ вами) не случилось того же. *Да не ожесточится нѣкто отъ васъ лестію грѣховною* (ст. 13).

2. Видишь ли, что грѣхъ производитъ невѣріе? Какъ невѣріе бываетъ причиною порочной жизни, такъ и наоборотъ, когда душа нисходитъ во глубину золъ, то она дѣлается непослушною, а сдѣлавшись непослушною, не хочетъ и вѣрить, чтобы заглушить въ себѣ страхъ. *И рѣша, говоритъ (Писаніе), не узритъ Господь, ниже уразумѣтъ Богъ Іаковъ* (Псал. хсш, 7); и еще: *устны наша при насъ суть: кто намъ Господь есть* (Псал. хі, 5)? и еще: *чего ради прогнѣва нечестивый Бога* (Псал. іх, 34)? и еще: *рече безумекъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ. Расплѣша и омерзѣхъ въ начинаніихъ* (Псал. хш, 1); и еще: *нѣсть страха Божія предъ очима его*; и еще: *усти предъ нимъ обрѣсти беззаконіе свое, и возненавидѣти* (Псал. ххiv, 2, 3). И Христосъ выражаетъ то же самое, когда говоритъ: *всякъ дѣлаяй злая ненавидитъ свѣта, и не приходитъ къ свѣту* (Іоан. ш, 20). Затѣмъ (апостолъ) продолжаетъ: *причастницы бо бывомъ Христу* (ст. 14). Что значить: *причастницы бывомъ Христу*? Мы сдѣлались, говоритъ, причастными Ему; мы и Онъ стали одно; Онъ—Глава, а мы—тѣло Его, сонаслѣдники и сотѣлесники; мы одно тѣло съ Нимъ, отъ плоти Его и отъ костей Его. *Аще точію начатокъ состава даже до конца извѣстенъ удержимъ.* Что значить: *начатокъ состава*? Говоритъ здѣсь о вѣрѣ, которою мы существуемъ, и рождены, и сдѣлались, такъ сказать, единымъ существомъ (съ Нимъ). Потомъ присовокупляетъ: *внегда глаголетъ: днесь аще гласъ его услышите, не ожесточите сердцеъ вашихъ, якоже въ прогнѣваніи* (ст. 15). Здѣсь онъ дѣлаетъ переходъ; а далѣе говоритъ такъ: *да убоимся убо, да не когда оставлену обѣтованію выити отъ покоя его, явится кто отъ васъ лишився. Ибо намъ благовѣствовано есть, якоже и онѣмъ* (iv, 1, 2). *Внегда глаголетъ: днесь аще гласъ его услышите.* Тутъ—днесь значить: всегда.

Потомъ присовокупляетъ: *но не пользова онѣхъ слово слуха, нерас- творенное въроу слышавшихъ* (ст. 2),—объясняя, почему слово не принесло имъ пользы, именно потому они не получили пользы, что не приложили (своей вѣры). Далѣе желая утѣшить ихъ, выражаетъ то же самое въ слѣдующихъ словахъ: *кѣны бо слышавше прогнѣваша, но не вси изшедшии изъ Египта съ Моисеомъ. Коихъ же негодова четьредесять лѣтъ? Не согрѣшившихъ ли, ихже кости падоша въ пустыни? Которымъ же клялся не внити въ покойе его, явѣ, яко противилимся? И видимъ, яко не возмогша внити за невростіе* (ш, 16—19). Повторивъ свидѣтельство, онъ присоединяетъ вопросъ, чтобы сдѣлать слова свои ясными. Глаголетъ, говорить, *днесь аще гласъ его услышите, не ожесточите сердець вашихъ, якоже въ прогнѣваніи*. О какихъ же ожесточившихся онъ напоминаетъ, о какихъ невѣровавшихъ? Не объ іудеяхъ ли? Смыслъ словъ его слѣдующій: и тѣ слышали, говорить, какъ мы слышимъ, но не получили никакой пользы. Итакъ, не думайте, что получите пользу отъ одного слышанія проповѣди; и тѣ слышали, но не получили никакой пользы, потому что не вѣровали. А Халевъ и Іисусъ (Навинъ), которые не смѣшались съ невѣровавшими, т. е. не были согласны, избѣгли наказанія, постигшаго ихъ. И, вотъ, что замѣчательно: не сказано: не согласились, но: не смѣшались, т. е. не приняли участія въ возмущеніи, тогда какъ всѣ прочіе единогласно возстали. Здѣсь, мнѣ кажется, (апостоль) намекаетъ на какое-нибудь смятеніе. *Входимъ бо, говорить, въ покой въровавшихъ* (ст. 3). Потомъ подтверждаетъ это, присовокупляя: *якоже рече: яко клялся во гнѣвъ моему, аще внидутъ въ покой мой, аще и дѣломъ отъ сложенія міра бывшимъ*. Такъ какъ иной могъ сказать, что эти (слова) показываютъ не то, что мы войдемъ, а что они не вошли, то какъ поступаетъ (апостоль)? Сначала онъ старается показать, что какъ первый покой не препятствовалъ другому называться покоемъ, такъ и 57 этотъ не препятствуетъ покою небесному; а потомъ желаетъ показать, что (іудеи) не достигли покоя. А что онъ дѣйствительно такъ говоритъ, видно изъ слѣдующаго прибавленія: *рече бо негдѣ о седмомъ сице: и почи Богъ въ день седмый отъ всякъ дѣлъ своихъ: и въ семъ паки: аще внидутъ въ покой мой* (ст. 4, 5). Видишь, какъ первый не препятствовалъ быть второму покою? Понеже убо, говорить, *остается кѣкимъ внити въ него, и имже прежде благовѣствовано бѣ, не внидоша за непослушаніе: паки кѣкій уставляеть день, днесь, въ Давидѣ глаголя: по толщѣхъ лѣтъхъ, якоже прежде глаголася* (ст. 6, 7). Что означаютъ эти слова? Такъ какъ кто-нибудь, говорить, непременно долженъ войти, а тѣ не вошли, то (Богъ) опредѣляетъ иной третій покой. А что должно

войти и кто-нибудь непременно войдетъ, это онъ, послушаемъ, какимъ образомъ доказываетъ. (Доказываетъ) тѣмъ, что *по толпѣмъ лѣтъмъ* Давидъ опять говоритъ: *днесъ, аще гласъ его услышите, не ожесточите сердець вашихъ, якоже въ прогнѣваніи: аще бы онѣхъ Исусъ упокоилъ, не бы о иномъ дни глаголаъ по сихъ* (ст. 7, 8). Очевидно, онъ говоритъ такъ потому, что кто-нибудь получить будущее воздаяніе. *Убо оставлено есть и сще субботство людемъ Божиимъ* (ст. 9). Откуда это видно? Изъ заповѣди: *не ожесточите сердець вашихъ*. Если бы не было иного субботаства, то имъ не было бы заповѣдано и не было бы повелѣно не дѣлать того же, чтобы и не потерпѣть того же, если бы ихъ не ожидала такая же участь. Какъ же могли бы потерпѣть такую же участь обладающіе Палестиною, если бы не было никакого другого покоя?

3. Хорошо (апостолъ) заключилъ рѣчь; не сказалъ: покой, но: *субботаство*, употребилъ собственно такое названіе, которое радовало его слушателей и нравилось имъ. А подъ субботаствомъ онъ разумѣетъ царство. Какъ въ субботу повелѣно было воздерживаться отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ и заниматься одними только дѣлами служенія Богу, которыя были совершаемы священниками и доставляли пользу душѣ, и ничѣмъ другимъ,—такъ (будетъ) и тогда. Впрочемъ, онъ сказалъ не такъ, а какъ? *Вшедый бо въ покой его, и той почи отъ дѣлъ своихъ, якоже отъ своихъ Богъ* (ст. 10). Какъ Богъ почилъ, говоритъ, отъ дѣлъ своихъ, такъ (почиваетъ) и вшедшій въ покой Его. Такъ какъ онъ говорилъ имъ о покой, и весьма было желательно услышать, когда будетъ этотъ покой, то онъ и заключаетъ рѣчь такимъ образомъ.

Слово: *днесъ* сказалъ онъ для того, чтобы они никогда не теряли надежды. *Утѣшайте, говоритъ, себе на всякъ день, дондеже днесъ нарицается*,—т. е. согрѣшить ли кто, пусть имѣетъ надежду, доколѣ есть *днесъ*. Пусть никто не отчаивается, пока находится въ живыхъ. Особенно же, говоритъ, *да не будетъ сердце лукаво неврїа*; если же и будетъ, то пусть никто не отчаивается, но исправляетъ себя, потому что, пока мы находимся въ этомъ мірѣ, *днесъ* имѣетъ мѣсто. Здѣсь онъ говоритъ не только о неврїи, но и о ропотѣ. *Ихже кости, говоритъ, падоша въ пустыни*. Потомъ, чтобы кто не подумалъ, что тогда просто только не будетъ даровано покоя, онъ присовокупляетъ и наказаніе, говоря: *живо бо слово Божіе, и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходяще даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслямъ сердечнымъ* (ст. 12). 58 Здѣсь онъ говоритъ о гееннѣ и наказаніи. Слово Божіе, говоритъ, проходитъ до сокровенныхъ (убѣжищъ) нашего сердца и

проникаетъ душу. Здѣсь будетъ уже не паденіе костей, не лишеніе земли, какъ тамъ, но (потеря) царства небснаго и преда-
ніе вѣчной гееннѣ, безконечному наказанію и мученію. *Но утѣ-
шайте себе.* Замѣть кротость и доброту его; не сказалъ: укоряйте,
но: *утѣшайте.* Такъ намъ должно поступать съ удрученными
скорбію! То же онъ говорить и въ посланіи къ Солунянамъ: *о-
ра-
зумляйте безчинныя*; относительно же малодушныхъ не такъ,—
но какъ?—*утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготер-
пите ко всѣмъ* (1 Сол. v, 14). Что значить: *утѣшайте?* Иначе
сказать: не лишайте надежды, не приводите въ отчаяніе, потому
что кто не утѣшаетъ удрученнаго скорбію, тотъ приводитъ его
въ большее ожесточеніе. *Да не ожесточится никто отъ васъ ле-
стію грѣховною.* Здѣсь онъ или разумѣетъ обольщеніе отъ діа-
вола,—потому что поистинѣ обольщеніе—не ожидать ничего въ
будущемъ, думать, что наши дѣла не подлежатъ отчету, что
мы не потерпимъ наказанія за здѣшнія дѣла свои, и что не
будетъ воскресенія, — или же здѣсь лѣсть означаетъ беззабот-
ность или отчаяніе,—потому что въ самомъ дѣлѣ обольще-
ніе—говорить: что мнѣ остается? я однажды согрѣшилъ и не
имѣю надежды исправиться. Далѣе (апостолъ) внушаетъ имъ
надежду: *причастники бо,* говорить, *быхомъ Христу,*—какъ бы
такъ говорить: Тотъ, кто столько возлюбилъ насъ, удостоилъ
насъ такихъ благъ, что содѣлалъ насъ своимъ тѣломъ, не
презрѣть погибавшихъ. Помыслимъ, говорить, чего мы удо-
стоились: мы и Христосъ—едино. Не будемъ же питать невѣрія
къ Нему. Здѣсь онъ опять намекаетъ на то, что сказалъ въ дру-
гомъ мѣстѣ: *аще терпимъ, съ нимъ и воцаримся* (2 Тим. ii, 12);
это именно означаютъ слова: *причастники быхомъ*, т. е. мы имѣемъ
участіе въ томъ, что принадлежитъ Христу. Онъ заимствуетъ
убѣжденія то отъ предметовъ пріятныхъ: *причастники,* говорить,
быхомъ Христу, то отъ прискорбныхъ: *да убоимся убо, да не когда
оставлену обѣтованію внити въ покой Его, явится кто отъ васъ ли-
шився,*—потому что это достоверно и извѣстно. *Искушиша мя,* го-
ворить, *и видѣша дѣла моя четыредесять лѣтъ.* Видишь, что не
должно требовать отчета отъ Бога, но вѣровать Ему, спасаетъ
ли Онъ отъ бѣдствій, или нѣтъ? И тѣхъ онъ укоряетъ теперь
за то, что они искушали Бога. Вѣдь тотъ, кто желаетъ получить
доказательства силы, или промышленія, или попеченія (Божія),
еще не вѣруетъ, что Онъ всемогущъ и человеколюбивъ. На это
(апостолъ) намекаетъ и въ настоящемъ посланіи, такъ какъ они,
быть можетъ, желали получить удостовѣреніе и доказательство
Его силы и промышленія о нихъ въ искушеніяхъ. Видишь, какъ
отъ невѣрія всегда происходятъ раздраженіе и гнѣвъ? Что же

онъ говорить (далѣе)? *Убо оставлено есть субботство людямъ Божиимъ.* Замѣть, каковъ порядокъ всей его рѣчи. (Богъ) поклялся, говорить, древнимъ, что они не войдутъ въ покой,—и они не вошли. Потомъ, спустя много времени послѣ нихъ, обращаясь къ іудеямъ, сказалъ: *не ожесточите сердцеъ вашихъ, якоже отцы ваши.* Отсюда видно, что есть другой покой, потому что не о Палестинѣ здѣсь говорится,—они уже владѣли ею, — и не о седьмомъ днѣ,—рѣчь не объ этомъ днѣ, бывшемъ уже давно. Слѣдовательно, онъ указываетъ на нѣкоторый иной, истинный покой.

4. Дѣйствительно, это такой покой, въ которомъ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, въ которомъ нѣтъ ни заботъ, 59 ни трудовъ, ни скорбей, ни страха, поражающаго и потрясающаго душу, но есть одинъ страхъ Божій, исполненный радости. Тамъ не слышатся слова: *въ потъ лица твоего съищи хлѣбъ твой, и: тернія и волчцы возраститъ тебѣ* (Быт. III, 18, 19); нѣтъ тамъ терній и волчцовъ; не слышится: *въ болѣзняхъ родиши чада и: къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. III, 16). Все тамъ—миръ, радость, веселіе, сладость, благодать, кротость, правда, любовь. Нѣтъ тамъ ни зависти, ни ненависти, ни болѣзни, ни этой смерти тѣлесной, ни той—душевной, ни мрака, ни ночи; все тамъ день, все—свѣтъ, все—наслажденіе; нѣтъ ни утомленія, ни пресыщенія, но будетъ постоянное желаніе тѣхъ же благъ. Хотите, чтобы я представилъ вамъ нѣкоторое изображеніе тамошняго состоянія? Это невозможно; впрочемъ, постараюсь изобразить вамъ его, сколько возможно. Обратимъ взоры на небо, когда оно, не омрачаемое никакимъ облакомъ, являетъ намъ вѣнецъ свой; потомъ, послѣ долговременнаго созерцанія красоты его, представимъ, что и подъ нами будетъ не такая земля, какая теперь, но во столько разъ лучшая, во сколько золотой кровь лучше глиняныхъ; представимъ далѣе слѣдующій затѣмъ еще высшій кровь, потомъ ангеловъ, архангеловъ, неисчислимые сонмы безплотныхъ силъ, самое царское жилище Бога, престолъ Отца. Но невозможно, какъ я сказалъ, изобразить всего словомъ; нужно испытать и познать опытомъ. Скажите мнѣ: какъ, полагаете, жилъ Адамъ въ раю? А та жизнь будетъ во столько разъ лучше этой жизни, во сколько небо лучше земли. Но поищемъ другого сравненія. Если бы случилось царствующему нынѣ овладѣть всею вселенною, затѣмъ не имѣть безпокойствъ ни отъ войнъ, ни отъ заботъ, а только принимать почести и наслаждаться, окружать себя множествомъ копыеносцевъ, отовсюду получать потоки золота, и быть въ славѣ, то въ какомъ состояніи, думаете вы, была бы душа его, если бы онъ увидѣлъ, что войны прекратились по всей землѣ? Нѣчто подобное будетъ

и тогда. Впрочемъ и это еще не даетъ намъ достаточнаго изображенія (будущей жизни); потому надобно поискать другого (сравненія). Представь, что царскому дитяти, которое, доколѣ находится въ утробѣ, ничего не чувствуетъ, случилось бы, вышедши оттуда, внезапно вступить на царскій престолъ и не постепенно, а вдругъ получить все. Таково будетъ и тогдашнее состояніе. Или (оно будетъ подобно состоянію) узника, который, потерпѣвъ множество золъ, вдругъ былъ бы возведенъ на царскій престолъ. Но и такимъ образомъ мы еще не представляемъ точнаго изображенія, потому что здѣсь, какія бы кто ни получилъ блага, хотя бы самое царство, въ первый день чувствуетъ живую радость, и во второй, и въ третій, съ теченіемъ же времени, хотя радость еще остается, но не такая, отъ привычки она всегда уменьшается, какова бы ни была; а тамъ (радость) не только не уменьшается, но еще увеличивается. Подумай же, какова она будетъ, когда душа, отшедши отсюда, не станетъ ожидать ни прекращенія, ни измѣненія тѣхъ благъ, а напротивъ приращенія, и (наслаждаться) жизнію, не имѣющею конца, свободно отъ всякой опасности, отъ всякой заботы и скорби, исполненною удовольствій и безчисленныхъ благъ. Если мы, вышедши въ поле и увидѣвъ тамъ палатки воиновъ, одѣтыя покровами, и копы, и шлемы, выпуклости щитовъ, сіяющія блескомъ, приходимъ въ восхищеніе отъ такого зрѣлища; если, удостоившись при томъ увидѣть и царя, шествующаго посреди ихъ, или скачущаго на конѣ съ золотымъ оружіемъ, думаемъ, что мы достигли всего,—то что, полагаешь ты, будетъ тогда, когда ты увидишь вѣчные кровы святыхъ, утвержденныя на небѣ,—вѣдь сказано: *пріимуть вы въ вѣчныя ихъ кровы* (Лук. хvi, 9),—когда увидишь, что каждый сіяетъ свѣтлѣ солнечныхъ лучей, не отъ мѣди и желѣза, но отъ той вѣчной славы, которой блеска не можетъ видѣть глазъ человѣческій? И это будетъ съ людьми; а что сказать о тѣмахъ ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ, престоловъ, господствъ, началъ, властей, которыхъ красота неизъяснима и превосходитъ всякое представленіе? Впрочемъ, доколѣ мы усиливаться изображать непостижимое? *Око не видѣтъ, говоритъ (апостолъ), и ухо не слышитъ, и на сердце чело-вѣку не изыдоша, яже уготова Богъ любящимъ его* (1 Кор. ii, 9). Потому нѣтъ достойнѣе сожалѣнія тѣхъ, которые лишаются этихъ благъ, и блаженнѣе тѣхъ, которые получаютъ ихъ. Да сподобимся же и мы быть въ числѣ этихъ блаженныхъ, чтобы намъ получить вѣчныя блага во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VII.

Потщимся убо внити во оный покой, да не кто въ ту- же притчу противленія впадетъ. Живо бо слово Божіе и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ: и нѣсть тварь неявлена предъ нимъ, вся же нага и объявлена предъ очима его, къ нему же намъ слово (Евр. iv, 11—13).

1. Великое и спасительное дѣло—вѣра; безъ ней спастись невозможно. Но она не можетъ доставить (спасенія) сама по себѣ, а нужна и правая жизнь. Потому Павелъ и предлагаетъ людямъ, уже сподобившимся таинствъ, такое увѣщаніе: *потщимся внити во оный покой*. *Потщимся*, говоритъ, потому что (одна) вѣра недостаточна, а нужно присоединить и (добрую) жизнь, нужно имѣть великое тщаніе. Подлинно, намъ нужно великое тщаніе, чтобы взойти на небо. Вѣдь если не удостоились (обѣтованной) земли потерпѣвшіе столько бѣдствій въ пустынѣ, если они не могли получить земли, потому что роптали и предавались блудодѣянью, то какъ можемъ мы удостоиться небесъ, живя разсѣянно и безпечно? Потому намъ необходимо великое тщаніе. И смотри, не ту только (апостоль) представляетъ опасность, что иначе мы не войдемъ (въ покой),—не сказалъ: *потщимся внити въ покой*, чтобы не лишиться с1 такихъ благъ,—но присовокупилъ то, что особенно трогаетъ людей. Что же именно? *Да не кто въ туже притчу противленія впадетъ*,—т. е. мы должны устремлять туда умъ, надежду, ожиданіе, чтобы не пасть такимъ же образомъ. Примѣръ (іудеевъ) показываетъ, что мы можемъ пасть. *Да не въ туже притчу*, говоритъ онъ; а далѣе, чтобы ты, услышавъ выраженіе: *въ туже*, не подумалъ, будто наказаніе намъ будетъ то же самое, послушай, что онъ присовокупляетъ: *живо бо слово Божіе и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ*. Здѣсь онъ внушаетъ, что и (въ древности) дѣйствовало то же слово Божіе, что оно живетъ и не погибло. Потому, когда слышишь сказанное о словѣ, не думай о простомъ словѣ: оно *острѣйше*, говоритъ, *паче меча*. Замѣть, какое онъ дѣлаетъ приспособленіе, и отсюда научись, для чего и пророки имѣли нужду говорить объ оружіи, о лукѣ и мечѣ. *Аще не обратитесь*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *оружіе свое*

очиститъ, цукъ свой напряже, и уготова и (Псал. vii, 13). Если теперь, послѣ столь долгаго времени и такого преспѣянія, (апостоль) не можетъ тронуть однимъ именемъ слова, но имѣеть нужду въ этихъ выраженіяхъ, чтобы сильнѣе представить сравненіе, то тѣмъ болѣе они нужны были тогда. *Проходящее*, говорить, *даже до раздѣленія души же и духа*. Что это значитъ? Онъ выражаетъ нѣчто страшное: или то, что оно отдѣляетъ духъ отъ души, или то, что оно проникаетъ самыя безтѣлесныя существа, не такъ, какъ мечъ, который (произаетъ) только тѣло. Онъ показываетъ здѣсь, что оно и душу наказываетъ, и внутреннѣйшее испытуетъ, и проникаетъ совершенно всего человѣка. *И судителю помысленіемъ и мыслемъ сердечнымъ. И нѣсть тварь неявлена предъ нимъ*. Этимъ онъ особенно устрашаетъ ихъ. А смыслъ словъ его слѣдующій: если, говорить, вы стоите въ вѣрѣ, но еще не съ полнымъ убѣжденіемъ, то не предавайтесь спокойствію; оно судитъ сокровенное въ сердцѣ, потому что проходитъ и туда, чтобы испытывать и наказывать. Но что я говорю, продолжаетъ онъ, о людяхъ? Хотя бы ты указалъ на ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ и на какія бы то ни было сотворенныя существа,—все открыто предъ очами Его, все явно и ясно, ничто не можетъ укрыться отъ Него. *Вся же нага и объявлена предъ очима его, къ нему же намъ слово*. *Объявлена* (τετραχρῆσμένη), сказать онъ, заимствовавъ это переносное выраженіе отъ кожъ, снимаемыхъ съ закалаемыхъ жертвъ. Когда кто-нибудь, закалавъ жертву, снимаетъ съ животнаго кожу, тогда всѣ внутренности открываются и дѣлаются видными для нашихъ глазъ: такъ и предъ Богомъ открыто все. Замѣть, какъ часто (апостоль) употребляетъ вещественные образы; это зависѣло отъ немощи слушателей. А что они были немощны, это онъ выразилъ, когда назвалъ ихъ *медлительными* (v, 11) и имѣющими нужду въ молоко, а не въ твердой пищѣ. *Вся же нага и объявлена предъ очима его, къ нему же намъ слово*. Что же значитъ: *въ туже притчу противленія*? Здѣсь онъ какъ бы объясняетъ причину, почему (іудей) не уви-
 62 дѣли земли. Они, говорить, получили залогъ силы Божіей, но, тогда какъ слѣдовало вѣровать, предалися болѣе страху, не помыслили ничего высокаго о Богѣ, впали въ малодушіе, и такимъ образомъ погибли. Можно сказать и нѣчто другое, именно: они, совершивъ большую часть пути и будучи уже при самыхъ вратахъ, у самой пристани, потерпѣли кораблекрушеніе. Того же, говорить (апостоль), я опасаясь и за васъ. Вотъ что означаютъ слова: *въ туже притчу противленія*. А что и они много терпѣли, объ этомъ онъ свидѣлствуетъ послѣ, когда говорить имъ: *вспоминайте первыя дни, въ нихже просѣтѣишеся, много подвиговъ*

претерпѣте страданій (х, 32). Итакъ, пусть никто не предается, малодушію, не отчаивается при концѣ подвига и не падаетъ. А есть, подлинно есть такіе люди, которые сначала съ живою ревностію устремляются на подвиги, потомъ же, не желая приложити къ нимъ немногого, теряютъ все. Предки ваши, говоритъ, достаточно могутъ научить васъ не впадать въ то же, чтобы не потерпѣть того же, что потерпѣли они. Это означаютъ слова: *въ туже притчу противленія*. Итакъ, говоритъ, не будемъ ослабѣвать, какъ онъ говоритъ имъ и въ концѣ: *тѣмже ослабленныя руки и ослабленная колѣна исправите* (Евр. xii, 12). *Да не кто, говоритъ, въ туже притчу противленія упадетъ*; а это поистинѣ значить—пасть. Потомъ, чтобы ты, услышавъ: *въ туже притчу противленія упадетъ*, не разумѣлъ здѣсь той же смерти, какой подверглись тѣ (іудеи), смотри, что говоритъ онъ: *живо бо слово Божіе и дѣйственно, и острѣе паче всякаго меча обоюду остра*. Слово сильнѣе всякаго меча поражаетъ души такихъ людей, напоситъ тяжкіе удары, причиняетъ смертельныя раны. И ни доказывать это, ни подтверждать (апостолъ) не имѣетъ нужды, представляя столь ясныя событія. Какая въ самомъ дѣлѣ война, говоритъ, какой мечъ погубилъ тѣхъ (іудеевъ)? Не пали ли они просто сами собою? Итакъ, не будемъ предаваться безпечности потому, что мы еще не потерпѣли того же: *дондеже днесъ нарицается*, намъ пужно быть осторожными. Но высказавъ такія (дѣйствія слова) на душу, чтобы слушатели не остались безпечными, онъ присовокупляетъ и (дѣйствія его) на тѣло; подобно тому, какъ царь поступаетъ съ начальниками, совершившими важныя преступленія, — сперва лишаетъ ихъ военачальства, потомъ снимаетъ съ нихъ поясъ и званіе, и наконецъ, признавъ глашатая, наказываетъ ихъ,—такъ дѣйствуетъ и мечъ духовный. Послѣ этого, чтобы сдѣлать слова свои болѣе поразительными, бесѣдуетъ о Сылѣ и говоритъ: *къ нему намъ слово*, т. е. Ему мы отдадимъ отчетъ въ дѣлахъ. Итакъ, не будемъ падать и предаваться малодушію. Сказаннаго достаточно для вразумленія; но онъ не довольствуется этимъ, а присовокупляетъ еще слѣдующее: *имуща убо архіереа велика, прошедшаго небеса, Іисуса Сына Божія* (ст. 14).

2. А что дѣйствительно съ такою цѣлію онъ сказалъ это, видно изъ дальнѣйшаго: *не имамы бо, прибавляетъ онъ, архіереа не могуща спострадати немощемъ нашимъ* (ст. 15). Для того же онъ и выше сказалъ: *въ немже бо [пострада, самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помози]* (Евр. ii, 18). Смотри, какъ и здѣсь онъ дѣлаетъ то же самое. Смыслъ словъ его слѣдующій: (Христосъ) прошелъ тѣмъ же путемъ, которымъ мы идемъ теперь,

или даже труднѣйшимъ; Онъ испыталъ все человѣческое. Когда (апостолъ) сказалъ: *нѣсть тварь неявлена предъ Нимъ*, то указываетъ на божество; а когда сталъ говорить о плоти Его, то опять говорить нѣчто уничиженное: *имуща убо*, говоритъ, *архіереа велика, прошедшаго небеса*; показываетъ великое Его попеченіе (о людяхъ), о которыхъ Онъ ходатайствуетъ, какъ о своихъ, и не хочетъ, чтобы они падали. Моисей, говоритъ, не вошелъ въ покой, а Онъ вошелъ; и какимъ образомъ, это я объясню. Впрочемъ не удивительно, что (апостолъ) нигдѣ прямо не выразилъ этого: онъ или для того, чтобы (евреи) не думали искать себѣ оправданія, включилъ (Моисея) въ число другихъ, или для того, чтобы не подумали, будто онъ порицаетъ этого мужа, не выразился ясно,—потому что если они, хотя онъ не сказалъ ничего подобнаго, обвиняли его, будто онъ говоритъ противъ Моисея и закона, то гораздо болѣе стали бы обвинять, если бы онъ сказалъ, что (покой есть) не Палестина, а небо. Впрочемъ онъ не все приписываетъ Первосвященнику, но требуетъ нѣкотораго дѣла и отъ насъ, именно: исповѣданія. *Имуща убо*, говоритъ, *архіереа велика, прошедшаго небеса, Иисуса Сына Божія, да держимся исповѣданія*. О какомъ исповѣданіи говоритъ онъ? (Объ исповѣданіи того), что есть воскресеніе, воздаяніе и безчисленныя блага, что Христосъ есть Богъ, что (наша) вѣра—правая: это мы должны исповѣдывать, это содержать. Истинность всего этого очевидна изъ того, что первосвященникъ вошелъ (въ небо) (Евр. ix, 24). Итакъ, будемъ исповѣдывать, чтобы намъ не отпасть; хотя этихъ благъ (здѣсь) и нѣтъ, но мы будемъ исповѣдывать; если бы они были теперь же, то были бы ложью. Истинно и то, что они отложены, потому что Первосвященникъ нашъ великъ: *не имамы бо архіереа не могуца спострадати немощемъ нашимъ*. Онъ не не знаетъ нашего состоянія, какъ многіе изъ первосвященниковъ, которые не знаютъ (не только) страждущихъ, но и того, что такое страданіе. У людей невозможно знать страданій страждущаго тому, кто самъ не испыталъ и не прочувствовалъ ихъ. А нашъ Первосвященникъ испыталъ все; для того Онъ напередъ и испыталъ все, а потомъ восшелъ, чтобы смочь сопострадать. *Но искушена по всяческимъ по подобію, разетъ грѣха*. Какъ выше (апостолъ) сказалъ: *пріискренихъ* (Евр. ii, 14), такъ и здѣсь: *по подобію*, т. е., Онъ подвергался гоненію, заплеванію, поношенію, осмѣянію, клеветѣ, изгнанію, и наконецъ распятію. *По подобію, разетъ грѣха*. Здѣсь внушаетъ и нѣчто другое, именно то, что и находящемуся въ скорби возможно быть безъ грѣха. Когда онъ говоритъ: *по подобію плоти*, то говоритъ не въ томъ смыслѣ, будто (Христосъ принялъ) подобіе плоти, а въ томъ, что Онъ принялъ плоть. Почему

же говорить: *по подобію?* Потому что имѣеть въ виду грѣховную плоть; Его плоть была подобна нашей плоти; по естеству она была одинакова съ нашею, а въ отношеніи къ грѣху не одинакова. *Да приступаемъ убо съ дерзновеніемъ къ престолу благодати Его, да приимемъ милость, и благодать обрящемъ во благовременну помощи* (ст. 16). О какомъ престолѣ благодати говорить онъ? О царскомъ престолѣ, о которомъ сказано: *рече Господь Господеву моему: сяди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (Псал. сѣх, 1). Онъ какъ бы такъ говорить: будемъ приступать съ дерзновеніемъ, потому что мы имѣемъ безгрѣшнаго Первосвященника, побѣждающаго вселенную: *дерзайте*, сказалъ Онъ, *яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. хvi, 33); это значитъ—потерпѣть все и быть чистымъ отъ грѣховъ. Но, скажете, если мы находимся подъ грѣхомъ, а Онъ безгрѣшенъ, то какъ мы будемъ приступать къ Нему съ дерзновеніемъ? Такъ, что (престолъ Его) теперь есть престолъ благодати, а не суда.

Для того и будемъ приступать съ дерзновеніемъ, чтобы получить милость, которой мы желаемъ; а это (желаемое нами) есть именно Его милость и царскій даръ. *И благодать обрящемъ во благовременну помощь.* Хорошо сказать: *во благовременну помощь.* Если, говорить, приступишь теперь, то получишь и благодать и милость, потому что приступишь благовременно; а если приступишь тогда, то уже не получишь, потому что тогда приступать будетъ неблагоприятно; тогда (престолъ Его) уже не будетъ престоломъ благодати. Престолъ благодати существуетъ дотолѣ, пока сидитъ на немъ Царь, подающій благодать; а когда наступитъ кончина, тогда Онъ встанетъ на судъ, потому что сказано: *воскреси Боже, суди земли* (Псал. lxxxi, 8). Можно (здѣсь) сказать и нѣчто другое: *да приступаемъ*, говорить, *съ дерзновеніемъ*, т. е., не имѣя на совѣсти ничего худого, не предаваясь сомнѣнію, потому что таковой (сомнѣвающийся) не можетъ приступать съ дерзновеніемъ. Поэтому и въ другомъ мѣстѣ сказано: *во время пріятно послушати тебе, и въ день спасенія помоги ти* (Ис. xlix, 8). И теперь получаемое согрѣшающими послѣ купели (прощеніе чрезъ) покаяніе есть дѣло благодати. А чтобы ты, услышавъ, что Онъ—Первосвященникъ, не подумалъ, будто Онъ стоитъ (предъ Богомъ, апостолъ) здѣсь же представляетъ Его сидящимъ на престолѣ; между тѣмъ священникъ не сидитъ, но стоитъ. Видишь ли, что первосвященство Его есть слѣдствіе не существа Его, а благодати, снисхожденія и уничиженія? Это благовременно сказать теперь и намъ: будемъ приступать и просить съ дерзновеніемъ, принесемъ только вѣру, и Онъ подастъ намъ все. Теперь время дара; никто не отчаивайся. Время отчаянія тогда наста-

нетъ, когда чертогъ заключится, когда царь войдетъ видѣть возлежащихъ, когда лоно патріарха вмѣститъ тѣхъ, которые будутъ того достойны; а теперь еще нѣтъ, потому что подвиги еще не кончились, борьба еще продолжается, награда еще предстоитъ.

3. Поспѣшимъ же; и Павелъ говорить: *азъ убо тако теку, не яко безцѣстно* (1 Кор. ix, 26). Нужно бѣжать, и неослабно бѣжать. Бѣгушій не смотритъ ни на что, встрѣчаетъ ли онъ луга, или мѣста безплодные. Бѣгушій обращаетъ вниманіе не на зрителей, а на награду: богаты ли они или бѣдны, смѣется ли кто, или хвалить, поносить ли, бросаетъ ли камни, расхищаетъ ли домъ его, увидитъ ли онъ дѣтей, или жену, или что бы то ни было,—онъ никогда не обращается назадъ, но заботится только объ одномъ—бѣжать и получить награду. Бѣгушій не останавливается нигдѣ,—потому что, если покажетъ хотя малое нерадѣніе, то потеряетъ все. Бѣгушій не только не ослабѣваетъ предъ концемъ (бѣга), но тогда и старается бѣжать съ особенною силою. Это я сказалъ противъ тѣхъ, которые говорятъ: въ юности мы подвизались, въ юности мы постились, а теперь состарѣлись. Теперь-то особенно и нужно усилить благочестіе. Не исчисляя мнѣ своихъ старыхъ подвиговъ; но теперь особенно и буди юнымъ и цвѣтушимъ. Кто занимается тѣлесными подвигами, тотъ дѣйствительно, доживъ до сѣдины, уже не можетъ бѣжать попрежнему, потому что весь подвигъ его былъ тѣлесный.

Но ты почему уменьшаешь подвиги? Здѣсь нужна душа, бодрая душа; а душа въ старости укрѣпляется,—тогда она болѣе цвѣтетъ, тогда болѣе возвышается. Какъ тѣло, когда бываетъ одержимо горячкою и другими болѣзнями, хотя бы оно и было крѣпко, изнуряется, а когда освободится отъ этой напасти, то опять пріобрѣтаетъ свою силу, такъ и душа, въ юности бываетъ одержима горячкою, ея тогда особенно обладаетъ любовь къ славѣ, къ пресыщенію, къ сладострастнымъ наслажденіямъ и многимъ другимъ обольщеніямъ; когда же наступаетъ для нея старость, тогда всѣ эти страсти отгоняются, одни временемъ, другія любомудріемъ. Старость, ослабляя силы тѣла, препятствуетъ и душѣ (старцевъ) предаваться страстямъ, хотя бы она и желала, но укрощая ихъ, какъ какихъ-нибудь враговъ, составляетъ ее на мѣстѣ, свободномъ отъ волненій, производитъ въ ней великую тишину и внушаетъ великій страхъ, такъ какъ если не кто другой, то старцы знаютъ, что они умрутъ и, всячески, стоятъ близко къ смерти. Такимъ образомъ, когда съ одной стороны возникаютъ мірскія пожеланія, а съ другой является ожиданіе судилица, укрощающее непокорность души, то она дѣлается болѣе внимательною, если захочетъ. Но не видимъ ли мы,

скажешь ты, стариковъ, которые хуже юношей? Ты указываешь мнѣ на крайнюю порочность: вѣдь и бѣсноватыхъ мы видимъ,—какъ они сами, безъ всякаго (посторонняго) толчка, бросаются въ пропасти. Такъ точно крайняя порочность, когда старикъ страдаетъ болѣзнями юношей; онъ уже не имѣетъ оправданія въ (ссылкѣ на) юность, не можетъ сказать: *грѣхъ юности моя и негоднѣнія моего не помяни* (Псал. ххiv, 7). Оставаясь порочнымъ въ старости, онъ показываетъ, что въ юности онъ былъ такимъ не по невѣдѣнію, не по неопытности, не по (молодому) возрасту, а по нерадѣнію. Только тотъ можетъ сказать: *грѣхъ юности моя и негоднѣнія моего не помяни*, кто поступаетъ прилично старцу, кто въ старости исправился; а кто и въ старости безчинствуетъ попрежнему, то можно ли такому человѣку и называться старцемъ, когда онъ не почитаетъ даже своего возраста? Вѣдь тотъ, кто говоритъ: *грѣхъ юности моя и негоднѣнія моего не помяни*, говоритъ это, какъ человѣкъ, живущій въ старости правильно.

Потому дѣлами старости не лишай себя прощенія и во грѣхахъ юности. Въ самомъ дѣлѣ, не нелѣпо ли, не выходить ли изъ предѣловъ прощенія то, что совершается? Старецъ упивается, сидя въ корчемницахъ; старецъ спѣшить на конскія расталища; старецъ приходитъ на зрѣлища, бѣгая съ толпою, какъ дитя! Поистинѣ стыдно и смѣшно—по наружности украшаться сѣдиною, а внутри имѣть дѣтскій смыслъ. Если какой-нибудь юноша оскорбитъ его, то онъ тотчасъ ставитъ на видъ свои сѣдые волосы. Постыдись же ихъ напередъ самъ ты. Если же ты не стыдишься своей сѣдины, и при томъ будучи старцемъ, то какъ требуешь, чтобы юноша стыдился твоихъ сѣдыхъ волосъ? Ты не чтѣшь сѣдыхъ волосъ своихъ, а позоришь ихъ. Богъ почиталъ тебя сѣдиною, даровалъ тебѣ важное преимущество: почему же ты самъ поступаешься своею честью? Какъ станетъ почитать тебя юноша, когда ты больше его предаешься сладострастію? Сѣдина тогда почтенна, когда украшенный ею дѣйствуетъ такъ, какъ прилично сѣдинѣ; а когда онъ безчинствуетъ подобно юношамъ, тогда бываетъ смѣшнѣе юношей. Какъ можете увѣщевать юношей вы, старцы, упивающіеся до безчестія? Говорю это не съ тѣмъ, чтобы укорять старцевъ,—да не будетъ,—но (чтобы исправить) юношей, потому что поступающіе такимъ образомъ, кажется мнѣ, суть юноши, хотя бы они вступили въ сотый годъ своей жизни; равно какъ и юноши, хотя бы они были маловозрастными дѣтьми, если ведутъ себя цѣломудренно, гораздо лучше старцевъ. Не мои это слова, но Писаніе полагаетъ между ними такое различіе: *старость бо*, говоритъ оно,

честна не многолѣтна, и возрастъ старости житіе нескверно (Прем. Сол. iv, 8, 9).

4. Мы почитаемъ сѣдину не потому, что предпочитаемъ бѣлый цвѣтъ черному, но потому, что она—знакъ добродѣтельной жизни; взирая на нее, мы заключаемъ отъ ней къ сѣдинѣ внутренней. Потому тѣ, которые совершаютъ дѣла, недостойныя сѣдины, становятся еще болѣе смѣшными. Мы почитаемъ царя, и его багряницу и діадему, потому что онѣ—знаки власти; если же увидимъ, что онѣ вмѣстѣ съ багряницею подвергается безчестію, оскорбляется оруженосцами, притѣсняется, ввергается въ темницу, терзается, то, скажи мнѣ, будемъ ли мы почитать багряницу его и діадему? Не будемъ ли напротивъ оплакивать самое его украшеніе? Такъ и ты не требуй себѣ почтенія ради сѣдины, когда самъ подвергаешь ее безчестію; она вѣдь тоже можетъ потребовать отъ тебя отчета за то, что ты позоришь столь свѣтлое и достоуважаемое украшеніе. Не о всѣхъ мы говоримъ это и не просто противъ старости направляемъ рѣчь свою, — я не забылся до такой степени, — но противъ юныхъ душъ, позорящихъ старость; не о старцахъ мы съ прискорбіемъ это говоримъ, но о тѣхъ, которые безчестятъ свою сѣдину. Старецъ есть царь, если захочетъ быть имъ, и даже царь болѣе облеченнаго въ багряницу, если повелѣваетъ страстями, если низводитъ страсти свои въ рядъ оруженосцевъ. Если же онъ увлекается и нислагается съ престола, если становится рабомъ любостыжанія, тщеславія, щегольства, пресыщенія, пьянства, гнѣва и сладострастія, если умащаетъ волосы свои елеемъ и явно безчеститъ возрастъ своими прихотями, то какого наказанія не достоинъ такой (старецъ)? Впрочемъ не будьте такими и вы, юноши; и вамъ непростительно, когда вы грѣшите. Почему? Какъ старецъ можетъ оказаться въ юности, какъ находящіеся въ старости бывають юношами, такъ и наоборотъ; и какъ тамъ убѣленные волосы не спасаютъ никого, такъ и здѣсь черные волосы не служатъ препятствіемъ. Если старца безчестятъ дѣла, о которыхъ я сказалъ, то тѣмъ болѣе юношу; и юношѣ они не могутъ быть простибельны. Юноша можетъ получить извиненіе, когда, призванный къ управленію дѣлами, окажется неопытнымъ, когда будетъ имѣть нужду во времени и опытѣ, но не тогда, когда онъ долженъ оказывать цѣломудріе и мужество, или когда долженъ воздерживаться отъ любостыжанія. Есть дѣла, въ которыхъ юноша осуждается болѣе старца. Этотъ имѣетъ нужду въ большемъ о себѣ попеченіи, потому что старость ослабляетъ силы его; а тотъ, имѣя силы, если захочетъ, удовлетворять своимъ потребностямъ, можетъ ли получить прощеніе, когда онъ не хочетъ

этого, когда похищаетъ болѣе старца, злопамятствуетъ, презираетъ (другихъ), не заботится (о нихъ) болѣе старца, говорить многое безвременно, обижаетъ, злословить, упивается? Если онъ думаетъ, что не можетъ быть осуждаемъ за нарушение цѣломудрія, то и здѣсь, смотри, какъ много имѣетъ онъ средствъ (къ его сохраненію), если захочетъ. Хотя похоть въ немъ возбу- 67
ждается сильнѣе, нежели въ старцѣ, но есть многое такое, что онъ можетъ исполнять легче старца, и укрощать этого звѣря. Что же это такое? Труды, чтеніе, всенощныя бдѣнія, посты.

Но, (скажете) для чего ты говоришь это намъ, не монахамъ? Мнѣ вы говорите это? Скажите лучше Павлу, который говоритъ: *бодрствующе* во всякомъ терпѣніи и молитвѣ (Кол. iv, 2), который говоритъ: *плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. xiii, 14); а онъ писалъ это не монахамъ только, но всѣмъ, живущимъ въ городахъ. Мірянинъ не долженъ ничѣмъ отличаться отъ монаха, кромѣ одного только сожителства съ женою; на это онъ имѣетъ позволеніе, а на все прочее нѣтъ, но во всемъ долженъ поступать одинаково съ монахомъ. И блаженства Христовы изречены не монахамъ только; иначе все погибло бы во вселенной, и мы могли бы укорять Бога въ жестокости. Если блаженства сказаны только для однихъ монаховъ, и мірянину достигнуть ихъ невозможно, а между тѣмъ (Богъ) дозволилъ бракъ, то Онъ самъ по- 68
губилъ всѣхъ; если въ брачной жизни невозможно исполнять свойственное монахамъ, то все исказилось и погибло, кругъ добродѣтелей сталъ тѣсень. Какъ будетъ *честна женитьба* (Евр. xiii, 4), если она служитъ намъ такимъ препятствіемъ къ добродѣтели? Что же слѣдуетъ сказать? Возможно, очень возможно и имѣющимъ женъ быть добродѣтельными, если пожалаютъ. Какимъ образомъ? Если они, имѣя женъ, будутъ, *якоже не имущи*, если не будутъ *радоваться* стяжаніямъ, если будутъ пользоваться міромъ, какъ не пользующіеся (1 Кор. vii, 29—31). Если же нѣкоторые находили въ бракѣ препятствіе (къ добродѣтели), то пусть они знаютъ, что не бракъ служитъ препятствіемъ, а воля, злоупотребляющая бракомъ, подобно какъ не вино производитъ пьянство, но злая воля и неумѣренное его употребленіе. Пользуясь бракомъ умѣренно, и ты будешь первымъ въ царствіи небесномъ и удостоишься всѣхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

67 Всякъ бо первосвященникъ, отъ чловѣкъ пріемлемъ, за чловѣки поставляется, яже къ Богу, да приносить дары же и жертвы о грѣсѣхъ, спострадати могій невѣжествующимъ и заблуждающимъ, понеже и той немощію обложенъ есть: и сего ради долженъ есть якоже о людѣхъ, такожде и о себѣ приносить за грѣхи (Евр. v, 1—3).

1. Теперь блаженный Павелъ намѣревается показать, что этотъ (новый) завѣтъ гораздо лучше ветхаго. Онъ дѣлаетъ это, развивая мысли издалека. Такъ какъ (въ новомъ завѣтѣ) не было ничего вещественнаго или образнаго, какъ-то: ни храма, ни святого святыхъ, ни священника, облеченнаго въ такія украшенія, ни законныхъ обрядовъ, но все высшее и совершеннѣйшее, не было ничего тѣлеснаго, но все духовное, а духовное не такъ сильно дѣйствуетъ на людей немощнѣйшихъ, какъ тѣлесное, поэтому (апостоль) и предлагаетъ все это ученіе. И посмотри на мудрость его: онъ начинаетъ съ перваго священника, постоянно называя его архіереемъ, и на немъ прежде всего показываетъ различіе (между новымъ и ветхимъ завѣтами). Для этого онъ сначала опредѣляетъ, что такое священникъ, показываетъ, какія свойства священника и какіе знаки священства; и такъ какъ здѣсь встрѣчалось недоумѣніе въ томъ, что (Христосъ) не былъ знатнаго рода, не происходилъ изъ священническаго колѣна и не былъ на землѣ священникомъ, и потому иные могли сказать: какой же Онъ священникъ?—то (апостоль) поступаетъ и теперь такъ же, какъ въ посланіи къ Римлянамъ. Тамъ онъ, раскрывая неудобопонятную истину, что вѣра совершаетъ то, чего не могъ совершить трудъ законный и подвигъ жизни, и желая доказать, что казавшееся невозможнымъ исполнилось и оправдалось, указалъ на патріарха (Авраама) и всю рѣчь обратилъ къ тому времени (Рим. iv). Такъ точно и здѣсь онъ указываетъ другой путь къ священству, представляя въ примѣръ тѣхъ, которые получали его прежде. Какъ въ рѣчи о наказаніи онъ представляетъ на видъ не только геенну, но и то, что случилось съ праотцами, такъ точно и здѣсь сначала подтверждаетъ истину предметами настоящими. Хотя слѣдовало бы доказывать земное 68 небеснымъ, но такъ какъ слушатели были немощны, то онъ дѣлаетъ наоборотъ. При этомъ онъ напередъ представляетъ то, что есть общаго (между Христомъ и священникомъ), а потомъ по-

казывается, въ чемъ Онъ имѣетъ преимущество, такъ какъ при сравненіи преимущество усматривается тогда, когда видно, въ чемъ сходство и въ чемъ превосходство; а если этого нѣтъ, то не можетъ быть и сравненія. *Всякъ бо первосвященникъ съ чловѣкъхъ пріемлемъ*; это—общее у Христа (съ священникомъ). *За чловѣчки поставляется, яже къ Богу*; и это общее. *Да приноситъ дары же и жертвы за народъ*; и это (общее), хотя не въполнѣ. Но остальное уже не таково. *Спострадати многій нечужестыяущимъ и заблуждающимъ*; здѣсь уже преимущество. *Понеже и той немощію обложенъ есть, и сего ради долженъ есть якоже о людехъ, такожде и о себѣ приносити за грѣхи*. Далѣе присовокупляетъ еще нѣчто иное, именно, что (священникъ получаетъ священство) отъ другого, а не самъ присваиваетъ его себѣ; и это—общее: *и никтоже самъ себѣ пріемлетъ честь, но званный отъ Бога, якоже и Ааронъ* (ст. 4). Здѣсь онъ предостерегаетъ отъ другого (заблужденія) и показываетъ, что (Христосъ) былъ посланъ отъ Бога. То же часто говорилъ и самъ Христосъ въ бесѣдѣ съ іудеями: *пославый мя боіей мене есть, и: не о себѣ приидохъ* (Іоан. VIII, 42). Здѣсь, кажется мнѣ, онъ также намекаетъ на іудейскихъ священниковъ, какъ на неистинныхъ священниковъ, присвоившихъ себѣ (сапъ) и нарушавшихъ законъ священства. *Тако и Христосъ не себѣ прослави быти первосвященника* (ст. 5). Когда же, скажете, Онъ былъ рукоположенъ? Ааронъ былъ рукополагаемъ неоднократно, именно, при прозябеніи жезла и при нисшествіи огня, истребившаго тѣхъ, которые хотѣли присвоить себѣ священство; а здѣсь подобные люди не только не терпятъ ничего такого, а напротивъ пользуются доброю славой. Откуда же (священство Христово)? Это онъ доказываетъ пророчествомъ. (Священство Христово) не имѣетъ въ себѣ ничего чувственного, ничего видимаго; потому онъ и доказываетъ его пророчествомъ и во времени будущемъ: *но глаголавый, говоритъ, къ нему: Сынъ мой еси ты, азъ днесъ родихъ тя*. Сыну ли сказано это? Да, говоритъ, это сказано Сыну. Но способствуетъ ли это къ разрѣшенію вопроса? И очень, по- 69 тому что въ этомъ заключается предуготовленіе къ рукоположенію отъ Бога. *Якоже и иидѣ глаголетъ: ты еси священникъ во вѣкъ, по чину Мелхиседекову* (ст. 6). Кому сказано это? Кто по чину Мелхиседекову? Никто другой, какъ Онъ, потому что всѣ другіе были подъ закономъ, всѣ соблюдали субботу, всѣ обрѣзывались: *никого другого, говоритъ, никто указать не можетъ. Иже во днехъ плоти своея, колѣнія же и молитвы къ могущему спасти его отъ смерти, съ доплемъ кроткимъ и со слезами принесъ, и услышанъ бывъ отъ благоговѣнства. Аще и Сынъ бжже, обаче навѣче отъ сихъ, яже пострада, послушанію* (ст. 7, 8). Видишь ли, что объясняетъ здѣсь

не что иное, какъ попеченіе и преизбытокъ любви (Христовой)? Что въ самомъ дѣлѣ значить: съ *воплемъ крѣпкимъ*? Евангеліе нигдѣ не говоритъ ни того, что (Христосъ) молясь плакалъ, ни того, что Онъ издавалъ вопль. Видишь ли, что этимъ означается Его снисхожденіе? Потому (апостолъ) не нашелъ достаточнымъ сказать, что Онъ молился, но и—съ *воплемъ крѣпкимъ. И услышанъ бывъ*, говоритъ, *отъ благоговѣинства. Аще и Сынъ бже, обаче навиче отъ сихъ, яже пострада, послушанію: и совершился бысть всѣмъ слушающимъ его виновенъ спасенія вѣчнаго, нареченъ отъ Бога первосвященникъ, по чину Мелхиседекову* (ст. 9, 10). Пусть: съ *воплемъ*, но для чего: съ *крѣпкимъ*? И со слезами *принестъ*, говорить, и *услышанъ бывъ отъ благоговѣинства*. Да устыдятся еретики, отвергающіе дѣйствительность плоти (Христовой). Что говорить (апостолъ)? Сынъ Божій былъ *услышанъ отъ благоговѣинства*. Что же сказать о пророкахъ? И какая послѣдовательность въ словахъ: *услышанъ бывъ отъ благоговѣинства*, и дальнѣйшихъ: *аще и Сынъ бже, обаче навиче отъ сихъ, яже пострада, послушанію*? Кто можетъ сказать это о Богѣ? Кто такъ безуменъ? Какой сумасшедшій можетъ утверждать это? И *услышанъ бывъ*, говоритъ, *отъ благоговѣинства. Аще и Сынъ бже, обаче навиче отъ сихъ, яже пострада, послушанію*. Какому Онъ научился послушанію? Оказавши еще прежде этого послушаніе даже до смерти, какъ Сынъ Отцу, какъ Онъ послѣ научился послушанію?

2. Видишь ли, что это сказано о плоти? И почему, скажи мнѣ, Онъ молился Отцу объ избавленіи отъ смерти, былъ при скорбѣ и говорилъ: *аще возможно есть, да мимоидетъ отъ мене чаша сія* (Мѣ. xxvi, 39)? О воскресеніи же Онъ никогда не молился Отцу, а напротивъ самъ отъ Себя говоритъ: *разорите церковь сію и трети дѣнии воздвигну ю* (Іоан. ii, 19); и еще: *область имамъ положити душу мою, и область имамъ пакы пріяти ю: никтоже возметъ ю отъ мене, но азъ полагаю ю о себѣ* (Іоан. x, 18). Что это значить? Почему Онъ молился? И въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *се восхождимъ во Іерусалимъ, и сынъ человѣческій преданъ будетъ архіереомъ и книжникомъ, и осудятъ его на смерть, и предадутъ его языкомъ на поруганіе и бїеніе и пропятіе, и въ третій день воскреснетъ* (Мѣ. xx, 18, 19); а не говоритъ: воскреситъ Меня Отецъ. Почему же о томъ Онъ молился? Но о комъ Онъ молился? О вѣрующихъ въ Него. Смыслъ словъ (апостола) слѣдующій: Онъ скоро бываетъ услышанъ. Такъ какъ (слушатели) не имѣли надлежащаго о Немъ понятія, то и говорятъ, что Онъ былъ *услышанъ*,—какъ и самъ Онъ въ утѣшеніе ученикамъ говорилъ: *аще бысте любили мя, возрадовастеся бысте убо, яко иду ю Отцу моему, яко Отецъ мой болій мене есть* (Іоан. xiv, 28). По-

чему же не самъ прославилъ Себя Тотъ, кто самъ истощилъ Себя 70 и предалъ Себя (на смерть)? Онъ вѣдь отдалъ *себе*, говоритъ Писаніе, *по грѣсѣхъ нашихъ* (Гал. 1, 4); и еще: *давый себе избавленіе за всѣхъ* (1 Тим. 2, 6). Что же это значить? Очевидно, что Онъ имѣлъ въ виду плоть свою, когда говорилъ о Себѣ униженное. Такъ и здѣсь (апостоль) говоритъ: *еще и Сынъ быше, услышанъ бывъ отъ благоговѣнства*, желая показать, что это было болѣе Его заслугою, нежели дѣломъ благодати Божіей. Таково, говоритъ, было Его благоговѣніе, что и за это Богъ почтилъ Его. *Намыче*, говоритъ, *послушанію*. Здѣсь онъ опять показываетъ, какова бываетъ польза отъ страданій. *И совершився, бысть всѣмъ послушающимъ его виновенъ спасенія*. Если Онъ, будучи Сыномъ, получилъ пользу отъ страданій, научившись послушанію, то тѣмъ болѣе (можемъ получить) мы. Видишь ли, какъ много (апостоль) говоритъ о послушаніи, чтобы они были покорными? Мнѣ кажется, что они часто оказывали непокорность и не слѣдовали тому, что имъ говорилось; на это онъ намекаетъ словами: *немощни бысте слухи*. *Отъ сихъ*, говоритъ, *яже пострада*, Онъ постоянно научался повиноваться Богу. *И совершився*, т. е. посредствомъ страданій. Вотъ въ чемъ состоитъ совершенство, вотъ чрезъ что слѣдуетъ достигать совершенства! И не только самъ Онъ спасся, но и для другихъ это обильно послужило во спасеніе. *Совершився*, говоритъ, *бысть всѣмъ послушающимъ его виновенъ спасенія вѣчнаго*. *Нареченъ отъ Бога первосвященникъ, по чину Мелхиседекову*. *О немже многое намъ слово и неудобъ сказанное* (ст. 11). Намѣреваясь говорить о различіи священства, онъ напередъ обязываетъ ихъ, внушая, что такой снисходительный образъ рѣчи есть млеко, что по младенчеству ихъ онъ болѣе занимается униженнымъ ученіемъ о плоти и говорить о Немъ, какъ о какомъ-либо праведникѣ. При томъ, смотри, онъ и не умолчалъ объ этомъ совершенно, и не высказалъ всего; первое сдѣлалъ для того, чтобы возвысить ихъ умъ, убѣдить ихъ стремиться къ совершенству и не оставаться въ невѣдѣніи высокихъ догматовъ, а второе для того, чтобы не обременить ума ихъ. *О немже*, говоритъ, *многое намъ слово и неудобъ сказанное глаголати, понеже немощни бысте слухи*. *Неудобъ сказанное* потому, что не слушаютъ. Кто имѣетъ дѣло съ людьми невнимательными и не понимающими преподаваемого, тотъ не можетъ вполне объяснить имъ ученія. Можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ, стоящихъ здѣсь, смущается и считаетъ несчастіемъ то, что (апостоль) въ еврейхъ нашель прешаствіе преподавать совершеннѣйшее ученіе. Хотя и здѣсь, я думаю, за исключеніемъ немногихъ, немало такихъ же, такъ что и объ васъ можно сказать то же самое, все же я буду говорить

и для немногихъ. Итакъ, точно ли онъ умолчалъ, или послѣ объяснилъ, подобно тому, какъ онъ сдѣлалъ въ посланіи къ Римлянамъ? Тамъ онъ, заградивъ напередъ уста прекословившимъ и сказавъ: *тъмже убо, о человекче, ты кто еси противъ отечіаи Божіи* (Рим. ix, 10), потомъ предложилъ разрѣшеніе. Такъ и здѣсь, кажется мнѣ, онъ и не вовсе умолчалъ и не высказалъ всего, чтобы возбудить въ слушателяхъ усердіе. Напомнивъ имъ, что въ словахъ его заключается нѣчто великое, смотри, какъ онъ 71 вмѣстѣ съ похвалою соединяетъ обличеніе. Такъ всегда поступалъ мудрый Павелъ, смѣшивая непріятное съ полезнымъ. Напр. въ посланіи къ Галатамъ онъ говоритъ: *течасте добръ: кто вамъ возбрани* (Гал. v, 7)? и еще: *толика пострадасте туне? аще точію и туне* (Гал. ш, 8); и еще: *азъ надѣюся о васъ въ Господь* (Гал. v, 10). То же онъ говоритъ и имъ (евреямъ): *надѣмся же о васъ лучшихъ и придерживающихся спасенія* (Евр. vi, 9). Такимъ образомъ онъ достигаетъ двухъ цѣлей: и не слишкомъ напрягаетъ (умъ), и не дозволяетъ имъ упасть (духомъ). Такъ и должно быть: если примѣры другихъ могутъ ободрить слушателя и возбудить въ немъ соревнованіе, то, когда кто находитъ примѣръ въ самомъ себѣ, когда повелѣвается ему соревновать съ самимъ собою, тогда удобоисполнимость ученія открывается гораздо болѣе. Потому онъ внушаетъ и это, не дозволяетъ имъ падать (духомъ) отъ сильнаго обличенія и не говоритъ имъ такъ, какъ будто они всегда были недобрыми, но выражаетъ, что нѣкогда они были и добрыми. *Ибо должны суще быти учителя лѣтъ ради* (ст. 12). Здѣсь онъ показываетъ, что они увѣровали уже давно, и потому внушаетъ, что они должны наставлять и другихъ. Замѣть, какъ онъ часто принимается говорить о первосвященникѣ и постоянно откладываетъ это; послушай именно, какъ онъ началъ: *имуща архіереа велика, прошедшаго небеса*; и не сказавъ, какъ—*велика*, далѣе говоритъ: *всякъ бо первосвященникъ, отъ человекъ приемлеъ, за человекъ поставляется яже къ Богу*; и еще: *такъ и Христосъ не себе прослави быти первосвященника*. Потомъ сказавъ: *ты еси священникъ во вѣкъ по чину Мелхиседекову*, опять откладываетъ рѣчь объ этомъ и говоритъ: *уже во днѣхъ плоти своея моленія и молитвы принесъ*.

3. Такъ какъ онъ столько разъ отклонялся (отъ главнаго предмета), то, какъ бы оправдываясь, говоритъ: причина этого—въ васъ. Увы какая несообразность. Тѣ, которые должны были учить другихъ, оставались не только учениками, но и послѣдними изъ учениковъ. *Ибо должны суще, говорить, быти учителя лѣтъ ради, наки требуетъ учитися, кая писмена начала словесъ Божіихъ*. Писменами начала онъ называетъ здѣсь ученіе о человеѣ-

чествѣ (Христовомъ). Какъ во внѣшнихъ наукахъ прежде всего должно изучитъ письмена, такъ и въ словѣ Божіемъ прежде должно узнать ученіе о челоѣчествѣ. Видишь ли, по какой причинѣ Павелъ говоритъ объ уничиженномъ? Такъ онъ поступилъ и съ аѣніями, когда бесѣдовалъ съ ними: *мѣта убо, говорили онъ, невѣдѣнія презирая Богъ, нынѣ повелѣваетъ челоѣчкомъ всѣмъ всюду покаяться, зане установилъ есть день, въ оныже хощетъ судити вселенный въ правдѣ, о мужъ, егже представи, тѣру подая всѣмъ, воскреситъ его отъ мертвыхъ* (Дѣян. xvi, 30, 31). Потому, если онъ что говоритъ о высокомъ, говоритъ кратко; а уничиженное разсѣяно во многихъ мѣстахъ посланія. Такимъ образомъ открывается и высокое, потому что весьма уничиженное никакъ не можетъ быть относимо къ божеству. Точно такъ и здѣсь, соблюдая точность, онъ излагаетъ уничиженное въ отношеніи къ челоѣчеству; и причина въ томъ, что слушатели его не могли воспринять совершеннаго. Это онъ особенно выразилъ въ посланіи къ Коринѣянамъ, когда сказалъ: *идѣже бо въ васъ зависти и рвенія и распри, не плотіи ли есте* (1 Кор. iii, 3)? И посмотри на великую мудрость его, какъ онъ всегда обращается соотвѣтственно господствующимъ болѣзнямъ. Тамъ слабость происходила по большей части отъ невѣжества и еще болѣе отъ пороковъ, а здѣсь не только отъ пороковъ, но и отъ постоянныхъ скорбей; потому онъ употребляетъ и выраженія такіа, которыя могутъ показать это различіе,—тамъ онъ сказалъ: *плотіи есте* (1 Кор. iii, 2), а здѣсь, гдѣ болѣе было скорбей, говоритъ: *немоцни бисте*. Тѣ не могли принять, потому что были плотскими; а эти могли,—словами: *понеже немоцни бисте слухи*, онъ выражаетъ, что нѣкогда они были здоровы, сильны, горѣли ревностію, и свидѣлствуетъ, что уже впослѣдствіи они подверглись такой болѣзни. *И бисте требующе млека, а не крѣпкія пищи*. Молокомъ онъ вездѣ называетъ уничиженное ученіе, и здѣсь и тамъ. *Должны суще, говоритъ, быти учителя лѣтъ ради*; какъ бы такъ говорить: потому самому, отчего вы особенно ослабѣли и сдѣлались немоцными, вы и должны быть особенно сильными—*лѣтъ ради*. А молокомъ онъ называетъ уничиженное ученіе потому, что оно приличествуетъ немоцнѣйшимъ; совершеннѣйшимъ же оно не нужно и долго останавливаться на немъ имъ вредно. Потому теперь не должно привносить того, что было подъ закономъ, и не должно почитать (Христа) равнымъ (священнику) потому, что и Онъ первосвященникъ, что и Онъ принесъ жертву и молился съ воплемъ и слезами. И смотри, какъ это намъ кажется неудобопріемлемымъ; а ихъ тогда питало и нисколько не казалось для нихъ неудобопріемлемымъ. Такимъ образомъ слово

Божіе есть истинная пища, питающая душу. А что слово (Божіе) есть пища, это видно изъ слѣдующаго. *И послѣ, сказалъ (Господь), гладъ на землю, не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія слова Господня* (Амос. viii, 11). *Млеко же вы напоите, а не брашномъ* (1 Кор. iii, 2). Не сказалъ: напитать (а: напоите), внушая, что это—не пища; выразился такъ, какъ бы о малыхъ дѣтяхъ, которыя не могутъ питаться хлѣбомъ, для которыхъ это не питье, но пища служить имъ вмѣсто питья. Такъ точно и здѣсь. Не сказалъ: имѣете нужду, но: *высѣ требуютъ млека, а не крѣпкія пища*,—т. е. вы хотѣли, вы сами довели себя до такого состоянія, до такой нужды. *Всякъ бо причащавшійся млека неискусенъ слова правды: младенецъ бо есть* (ст. 13). Что значить: слова правды? Здѣсь, мнѣ кажется, онъ намекаетъ и на образъ жизни. Подобнымъ образомъ и Христосъ сказалъ: *аще не избудетъ правда ваша паче книжничъ и фарисей* (Мѣ. v, 20). Такъ и онъ говоритъ: *неискусенъ слова правды*, т. е. неопытный въ вышнемъ любуудріи, не могущій вести высшей и совершенной жизни. Или здѣсь правдою онъ называетъ Христа и высокое о Немъ ученіе. Сказавъ: *немогши вы слушати*, онъ не прибавилъ, отчего это, а предоставилъ имъ самимъ уразумѣть, не желая сдѣлать слова свои тягостными. Въ посланіи же къ Галатамъ онъ выразилъ свое удивленіе и недоумѣніе (Гал. i, 6), что гораздо болѣе могло послужить къ ихъ утѣшенію, когда тоже случилось съ ними, какъ бы сверхъ его чаянія,—въ этомъ и состоитъ недоумѣніе. Видишь ли, что есть другое младенчество и другое совершенство (кромѣ тѣлеснаго)? Постараемся же быть совершенными этимъ совершенствомъ; можно 73 и въ дѣтскомъ и въ юношескомъ возрастѣ достигнуть этого совершенства, потому что оно—дѣло не природы, а добродѣтели. *Совершенныхъ же есть твердая пища, и мущихъ чувства обучена должимъ ученіемъ въ разсужденіе добра же и зла* (ст. 14). Что это значить? Развѣ они не имѣли изощренныхъ чувствъ и не знали, что добро и что зло? Не о жизни говоритъ онъ въ словахъ: *въ разсужденіе добра же и зла*,—знать это всякому человѣку возможно и легко,—но о правыхъ и высокихъ догматахъ, также неправыхъ и низкихъ ученіяхъ. Дѣтя не умѣетъ различать худой и хорошей пищи, часто беретъ себѣ въ ротъ грязь, принимаетъ вредное и дѣлаетъ все безъ разсужденія. Но это—не совершенство. Таковы тѣ, которые слушаютъ все безъ различія и склоняютъ слухъ къ нелѣпымъ ученіямъ безъ разсужденія. Ихъ онъ и обличаетъ, какъ людей, непрестанно колеблющихся и предающихся то тѣмъ, то другимъ. На это онъ намекаетъ и въ концѣ посланія, когда говоритъ: *въ наученія странна и различна не прилагайтеся* (Евр. xiii, 9). Вотъ что значить: *въ разсужденіе*

добра же и зла. Гортанъ вкушаетъ яства, а душа уразумѣваетъ ученія.

4. Итакъ, будемъ учиться и мы. Если ты услышишь, что (какой-нибудь еретикъ)—не язычникъ и не іудей, то не считай его тотчасъ же христіаниномъ, но узнавай и все другое: вѣдь и манихеи и всѣ еретики принимали на себя эту личину, чтобы такимъ образомъ оболыщать людей простѣйшихъ. Если же мы будемъ имѣть чувства души, навыкомъ приученныя къ различенію добра и зла, то будемъ въ состояніи отличать ихъ. А какимъ образомъ чувства наши дѣлаются приученными? Непрестаннымъ слушаніемъ, упражненіемъ въ Писаніи. Если мы изложимъ ихъ заблужденіе, если ты послушаешь сегодня и завтра, и узнаешь, что они нехороши, то всему научишься, все узнаешь; если не поймешь сегодня, поймешь завтра. *Имущихъ*, говоритъ, *чувствію обучена*. Видишь, что намъ должно упражнять слухъ свой слушаніемъ божественныхъ (Писаній), чтобы не увлекаться странными новизнами? *Обучена*, говоритъ, *въ разсужденіе*, т. е. быть опытными. Одинъ (еретикъ) говоритъ, что нѣтъ воскресенія, другой не ожидаетъ ничего въ будущемъ, третій говоритъ, что есть иной Богъ, четвертый, что (Христосъ) имѣетъ начало отъ Маріи. Посмотри, какъ всѣ сразу впали въ заблужденія отъ неумѣренности, одни прибавивъ, а другіе убавивъ (отъ праваго ученія). Такъ, первая изъ всѣхъ ересей, Маркіонова, измыслила иного Бога, котораго нѣтъ: вотъ прибавленіе! За нею слѣдующая, Савелліева, утверждаетъ, что Сынъ и Отецъ и Духъ — одно лице. Потомъ Маркеллова и Фотинова проповѣдуютъ то же. Далѣе, Павла Самосатскаго, проповѣдуетъ, что Онъ получилъ начало отъ Маріи. Затѣмъ слѣдуетъ Манихейская, поаднѣйшая ересь. А послѣ нихъ—Аріева. Есть и другія. Но мы приняли вѣру просто, такъ что не имѣемъ нужды прилѣпляться къ безчисленнымъ ересямъ и входить въ изслѣдованія, но все то, что вздумаютъ прибавить къ ней, или убавить, считаемъ неправымъ. Какъ законодатели не заставляютъ извѣдывать тысячи мѣръ, но повелѣваютъ держаться той, которая указана, такъ и въ отношеніи къ догматамъ. Но никто не хочетъ внимать Писаніямъ. Если бы мы внимали имъ, то не только не впадали бы въ заблужденія, но и другихъ заблуждающихся удерживали бы и избавляли отъ опасностей. 74 Такъ, сильный воинъ можетъ не только защищать себя, но оберегать и того, кто стоитъ подлѣ него, и избавлять отъ нападенія враговъ. А нынѣ иные даже не знаютъ, что есть Писанія, между тѣмъ какъ Духъ Святой принималъ столько мѣръ, чтобы они сохранились. Обратитесь къ древности, и вы увидите неизреченное человеколюбіе Божіе. (Богъ) вдохновилъ блаженнаго Моисея,

изваяль скрижали, держаль его сорокъ дней на горѣ, и еще столько же другихъ, чтобы дать законъ; потомъ посылалъ пророковъ, потерпѣвшихъ безчисленныя бѣдствія; когда наступила война, въ которую всѣ были взяты въ плѣнъ или истреблены. и книги сожжены, тогда Онъ опять вдохновилъ другого чуднаго мужа, т. е. Ездру, чтобы онъ изложилъ ихъ, составивъ изъ остатковъ. Послѣ того Онъ устроилъ, чтобы они были переведены семьюдесятью (толковниками), которые и перевели ихъ. Пришелъ Христосъ и принялъ ихъ; апостолы же распространили ихъ повсюду, послѣ сотворенныхъ Христомъ знаменій и чудесъ. Что далѣе? Послѣ такихъ дѣйствій написали и апостолы, какъ Павелъ говоритъ: *писана же быша въ наученіе наше, въ нѣхже концы вѣкъ достигоша* (1 Кор. х, 11); и Христосъ сказалъ: *прелъщається, не вѣдуще писанія* (Мѣ. ххп, 29); и еще Павелъ говоритъ: *терпѣніемъ и утѣшеніемъ писаній упованіе имамы* (Рим. ху, 4); и еще: *всяко писаніе богодухновенно и полезно есть* (2 Тим. ш, 16); и еще: *слово Христово да вселяется въ васъ богато* (Кол. ш, 16). Также пророкъ (сказалъ): *въ законъ Господни поучится день и ночь* (Псал. i, 2); и въ другомъ мѣстѣ: *вся новѣсть твоя да будетъ въ законъ Вышняго* (Сир. ix, 20); и еще: *каль сладка гортани моему словеса твоя*,—не сказалъ: слуху моему, но: *гортани моему*,—паче меда и сота устамъ моимъ (Псал. схvш, 103). Также Моисей (сказалъ): *да возглаголюши о нихъ* всегда, востая, сядя, лежа (Втор. vi, 7). И Павелъ въ посланіи къ Тимофею говоритъ: *въ сѣхъ пребывай, въ сѣхъ разумѣвай* (1 Тим. iv, 15). И множество (изреченій) можно бы привести объ этомъ предметѣ. Несмотря на то, есть люди, которые даже не знаютъ, что существуютъ Писанія. Оттого и не бываетъ у насъ ничего здраваго, ничего полезнаго. Когда кто хочетъ узнать военное искусство, то считаетъ необходимымъ изучить военные законы; также, когда кто хочетъ узнать искусство кормчаго или строителя, или какое-нибудь другое, то находитъ необходимымъ изучить все, относящееся къ этому искусству; а здѣсь не видно, чтобы кто дѣлалъ что-нибудь подобное, между тѣмъ какъ эта наука требуетъ неусыпнаго изученія. Что это наука, требующая изученія, объ этомъ, послушай, что говоритъ пророкъ: *прїидите, чада, послушайте мене, стражу Господню научу васъ* (Псал. хххш, 12). Слѣдовательно страхъ Божій дѣйствительно требуетъ изученія. И далѣе говоритъ: *кто есть человекъ, хотяй живѣть* (Псал. хххш, 13)? Здѣсь онъ говоритъ о (будущей) жизни. И еще: *удержи языкъ твой отъ зла, и устыжъ твои еже не глаголати лъсти: уклонися отъ зла, а сотвори благо, зыщи мира и поженіи* и (Псал. хххш, 14, 15). Знаете ли вы, какой сказалъ это пророкъ, или бытописатель, или апостоль, или евангелистъ? Не ду-

маю (чтобы зналъ кто), кромѣ немногихъ; и объ этихъ опять, если мы приведемъ свидѣтельство изъ другого мѣста, можемъ сказать то же. Вотъ я приведу то же самое изреченіе, только выраженное другими словами; *измыйтесь, чисти будите, отгымите лукавства ваша отъ душъ вашихъ предъ очима моима, научитесь добро творити, взыщите суда* (Иса. 1, 16, 17); *удержи языкъ твой отъ зла, и сотвори благо, научитесь добро творити*. Видишь ли, что добродѣтель требуетъ изученія? Тотъ говоритъ: *страху Господню научу васъ; а этотъ: научитесь добро творити*.

Итакъ, знаете ли вы, гдѣ находятся эти (изреченія)? Не думаю (чтобы зналъ кто), кромѣ немногихъ. Между тѣмъ въ каждую седмицу это читается вамъ два или три раза. Чтець, вышедши, сперва говоритъ, чья книга, какого именно пророка, или апостола, или евангелиста, а потомъ и произноситъ его изреченія, чтобы вы лучше замѣтили ихъ и знали не только содержаніе, но и причину написаннаго и то, кто сказалъ это. Но все напрасно, все тщетно. Все ваше усердіе направлено на дѣла житейскія; о духовныхъ же нѣтъ никакой заботы. Потому-то и тѣ (житейскія дѣла) идутъ не по вашему желанію и встрѣчаютъ множество препятствій. Христосъ сказалъ: *ищите царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Мѣ. vi, 33). Все прочее, говоритъ, будетъ дано въ видѣ прибавки. А мы извратили порядокъ, ищемъ земли и благъ земныхъ, какъ будто тѣ (блага небесныя) будутъ даны намъ въ видѣ прибавки. Потому мы и не получаемъ ни тѣхъ, ни другихъ. Образумимся же когда-нибудь, и станемъ стремиться къ благамъ будущимъ; тогда приложится и все прочее. Невозможно, чтобы ищущій благъ божественныхъ не получилъ и человѣческихъ: таково опредѣленіе самой истины, сказавшей это! Итакъ, не будемъ поступать иначе, но станемъ соблюдать заповѣдь Христову, чтобы намъ не лишиться всего; Богъ же самъ силенъ произвести въ насъ сокрушеніе и сдѣлать лучшими, во Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ (Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ІХ.

75 Тѣмже оставше начала Христова слово, на совершеніе да ведемся, не паки основаніе покаяніа полагающе отъ мертвыхъ дѣлъ, и вѣры въ Бога, крещеній ученія, возложенія же рукъ, воскресенія же мертвыхъ, и суда вѣчнаго. И сіе сотворимъ, аще Богъ повелитъ (Евр. vi, 1—3).

1. Слышите ли, какъ Павелъ укоряетъ евреевъ за то, что они желали всегда учиться одному и тому же? И справедливо. *Ибо должны суще, говорить, быти учителя лѣтъ ради, паки требуете учиться, кая писмена начала словесъ Божіихъ* (Евр. v, 12). Боюсь, чтобы и о васъ не пришлось сказать того же: тогда какъ, судя по времени, вамъ надлежало быть учителями, вы даже званія учениковъ не удерживаете, но, постоянно слушая одно и то же и объ одномъ и томъ же, находитесь въ такомъ состояніи, какъ будто бы ничего не слышали; кто спроситъ васъ (о слышанномъ), никто изъ васъ не въ состояніи отвѣчать, кромѣ весьма немногихъ, которые наперечетъ. А отсюда происходитъ немалый вредъ. Невнимательность учащихся часто не позволяетъ учителю, хотя бы онъ и хотѣлъ, перейти къ дальнѣйшему, коснуться предметовъ болѣе таинственныхъ и высокихъ. Какъ при изученіи грамматики, если дитя, постоянно слыша о буквахъ, не удерживаетъ ихъ въ памяти, то необходимо бываетъ непрерывно повторять ему одно и то же, и учащій не перестаетъ (говорить о нихъ) до тѣхъ поръ, пока (ученикъ) не усвоитъ ихъ себѣ въ точности,—весьма вѣдь было бы неблагоразумно, пока онъ не усвоилъ хорошо прежняго, переходить съ нимъ къ дальнѣйшему,—такъ точно и въ церкви: если вы, несмотря на то, что мы постоянно говоримъ вамъ одно и то же, нисколько болѣе не научаетесь, то мы никогда не перестанемъ говорить вамъ объ одномъ и томъ же. Если бы наше слово произносилось для славы и изъ честолюбія, то мы могли бы переходить отъ предмета къ предмету и постоянно простирались впередъ, нисколько не заботясь о васъ, а только о рукоплесканіяхъ вашихъ; но такъ какъ мы заботимся не объ этомъ, но всѣ старанія свои направляемъ къ вашей пользѣ, 76 то мы не перестанемъ говорить вамъ объ одномъ и томъ же до тѣхъ поръ, пока вы не приложите этого къ своей жизни. Многое можно было бы сказать объ языческомъ суевѣріи, о манихеяхъ и маркіонитахъ, и при помощи благодати Божіей поражать ихъ; но подобныя бесѣды теперь несвоевременны. Въ самомъ дѣлѣ,

можно ли говорить о такихъ предметахъ тѣмъ, которые и своего собственнаго не знаютъ надлежащимъ образомъ, которые еще не убѣдились, что любостязаніе есть зло,—можно ли преждевременно переходить съ ними къ чему-нибудь другому? Потому мы не перестанемъ говорить вамъ одно и то же, хотя бы вы слушали, хотя бы нѣтъ; только опасаемся, чтобы, часто повторяя вамъ одно и то же, если вы не будете слушать, не навлечь на неслушающихъ большаго наказанія. Не о всѣхъ я говорю это; я знаю многихъ, которые приходятъ сюда съ пользою, и которые справедливо могли бы обвинять неслушающихъ за то, что послѣдніе задерживаютъ ихъ своимъ невѣжествомъ и невнимательностію. Впрочемъ, и первые отъ этого не терпятъ вреда, потому что и знающимъ полезно часто слышать объ одномъ и томъ же: что мы знаемъ, то еще лучше усвоимъ, если часто будемъ слышать. Напримѣръ, мы знаемъ, что смиренномудріе есть добродѣтель, и что Христосъ часто говорилъ о немъ; но если мы выслушаемъ самыя слова Его и будемъ размышлять о нихъ, то они болѣе подѣйствуютъ на насъ, хотя бы мы слышали ихъ тысячу разъ. Итакъ, благовременно и намъ сказать теперь вамъ: *тѣмъ же оставше начала Христова слово, на совершеніе да ведемся.* А что значитъ: *начала слово*, (апостолъ) самъ объясняетъ далѣе: *не нами, говорить, основаніе покаянія полагающе отъ мертвыхъ дѣлъ, и вѣры въ Бога, крещеній ученія, возложенія же рукъ, воскресенія же мертвыхъ, и суда вѣчнаго.* Если же это—начало, то что иное наше ученіе, какъ не покаяніе отъ мертвыхъ дѣлъ и получаемая отъ Духа вѣра въ воскресеніе мертвыхъ и вѣчный судъ? Что же значитъ: *начало*? Онъ называетъ началомъ не что иное, какъ то, если нѣтъ праведной жизни. Какъ приступающему къ изученію грамоты нужно напередъ узнать буквы, такъ и христіанинъ прежде всего долженъ твердо узнать эти истины и нисколько не сомнѣваться въ нихъ. А кто не имѣетъ познанія о нихъ, тотъ еще не имѣетъ основанія, потому что надобно быть твердымъ (въ познанномъ), стоять и стоять неподвижно. Если бы кто, уже оглашенный и крещенный, лѣтъ черезъ десять послѣ того, имѣлъ нужду снова учиться вѣрѣ, учиться тому, наприм., что нужно вѣровать въ воскресеніе мертвыхъ, то такой человѣкъ не имѣетъ еще основанія и ищетъ еще начала христіанства. А что вѣра есть основаніе, прочее же—зданіе, объ этомъ, послушай, какъ говоритъ самъ (апостолъ): *азъ основаніе положихъ, инъ же назидаетъ. Аще кто назидаетъ на основаніи семъ, злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе* (1 Кор. ш, 10, 12). Потому онъ и говоритъ: *не нами основаніе покаянія полагающе отъ мертвыхъ дѣлъ.*

2. Что значитъ: *на совершеніе да ведемся*? Будемъ достигать,

говорить, самой вершины, т. е. будемъ вести жизнь добродѣтельную. Какъ въ азбукѣ все зависитъ отъ буквы *α*, и какъ отъ основанія зависитъ все зданіе, такъ и чистота жизни отъ полноты вѣры. Безъ нея (полной вѣры) невозможно быть христіаниномъ, какъ не можетъ быть зданіе безъ основанія, и какъ безъ знанія буквъ невозможно знать грамоты. Но какъ (въ этихъ предметахъ), если кто будетъ заниматься однѣми буквами, или кто будетъ оставаться при основаніи, не стараясь возводить самое зданіе, то никогда не будетъ имѣть дальнѣйшихъ успѣховъ, такъ и у насъ: если мы будемъ всегда оставаться при началѣ вѣры, то никогда не достигнемъ до ея совершенства. Не думай, будто вѣра унижается тѣмъ, что она называется началомъ,—въ ней заключается вся сила. Когда (апостоль) говоритъ: *всякъ бо причащайся млека неискусенъ слова правды: младенецъ бо есть* (Евр. v, 13), то онъ не вѣру называетъ молокомъ, но сомнѣніе въ ея истинахъ; оно естѣ знакъ ума слабаго, нуждающагося во многихъ доказательствахъ, самыя же истины—здравы. Совершеннымъ мы называемъ того, кто при вѣрѣ проводитъ и жизнь правую. Если же кто, хотя имѣетъ вѣру, но ведетъ дурную жизнь, и въ самыхъ истинахъ вѣры еще сомнѣвается, оскорбляя этимъ ученіе,—такого мы справедливо можемъ назвать младенцемъ, едва вступившимъ въ начало, такъ что и мы, хотя бы тысячу лѣтъ пребывали въ вѣрѣ, еще младенцы, если остаемся не твердыми въ ней, если не ведемъ сообразной съ нею жизни, если только еще полагаемъ основаніе. А ихъ (евреевъ апостоль) укоряетъ не только за жизнь, но и за нѣчто другое, именно—за то, что они колебались и имѣли нужду полагать основаніе *покаянія отъ мертвыхъ дѣлъ*. Кто переходитъ отъ одного къ другому, одно оставляетъ, а другое принимаетъ, тому нужно отказаться отъ прежняго и оставить расположеніе къ нему, потомъ и переходить къ новому; если же онъ 78 станетъ опять держаться перваго, то какъ можетъ достигнуть второго? Что же, скажете, не о законѣ ли это? Мы отказались отъ него, и не къ нему ли опять возвращаемся? Но это не есть измѣненіе; вѣдь и теперь мы имѣемъ законъ. *Законъ ли убо, говоритъ (апостоль), разоряемъ вторю? Да не будетъ: но законъ утверждаемъ* (Рим. iii, 31). Я говорю о дурныхъ дѣлахъ; кто намѣревается обратиться къ добродѣтели, тотъ напередъ долженъ отказаться отъ пороковъ, и тогда уже вступить (въ жизнь добродѣтельную). Покаяніе не могло содѣлать (вѣрующихъ) чистыми; потому они тотчасъ же крестились, чтобы, чего они не могли сдѣлать сами собою, того достигнуть благодатію Христовою. Слѣдовательно, покаяніе недостаточно для очищенія, а нужно принять крещеніе. Ко крещенію же надобно приступать, отказавшись на-

передъ отъ грѣховъ своихъ и осудивъ ихъ. Что значить: *крещеній ученія*? Крещеніи не много, а одно: почему же онъ сказалъ во множественномъ числѣ? Потому что выше сказалъ: *не какіе основаніе покаянія полагающе*. Если бы они имѣли нужду, чтобы онъ снова крестилъ ихъ, снова оглашалъ, и снова съ начала преподавалъ крещеннымъ, что должно и чего не должно дѣлать, то они всегда оставались бы неисправимыми. *Возложенія же рукъ*. Такъ они получали Духа (Святаго): *и возложшу*, сказано, *Павлу на нѣ руку, прииде Духъ Святый* (Дѣян. xix, 6). *Воскресенія же мертвыхъ*. Это происходитъ при крещеніи и утверждается въ исповѣданіи (вѣры). *И суда вѣчнаго*. Почему объ этомъ говоритъ онъ? Потому, что они, вѣроятно, или колебались послѣ того, какъ утверждали, или худо и нерадиво жили. Поэтому онъ и говорилъ: *бодрствуйте*. Такимъ образомъ онъ сказалъ эти слова, желая исправить ихъ отъ такого нерадѣнія и сдѣлать болѣе внимательными. Нельзя говорить: если мы теперь живемъ нерадиво, то снова окрестимся, снова примемъ оглашеніе и опять получимъ Духа; или такъ: если мы теперь отпали отъ вѣры, то снова чрезъ крещеніе сможемъ омытъ грѣхи и получить то же, чего удостоились прежде. Прельщаетесь, говоритъ онъ, если такъ разсуждаете. *Не возможно бо простѣнныхъ единою, и вкусившихъ дара небеснаго, и причастниковъ бывшихъ Духа Святаго, и добраго вкусившихъ Божія глагола, и силы грядущаго вѣка, и отпадшихъ, какіе обновляти въ покаяніе, второе распинающихъ Сына Божія себѣ, и обличающихъ* (ст. 4—6). Смотри, какъ онъ начинаетъ рѣчь обличительно и рѣшительно: *невозможно*, говоритъ, т. е., и не надѣйся на невозможное. Не сказалъ: неприлично, бесполезно, непозволительно, но: *невозможно*, такъ что для васъ, которые однажды вполне были просвѣщены, не остается ничего, кромѣ отчаянія.

3. Затѣмъ онъ продолжаетъ: *и вкусившихъ дара небеснаго*, т. е., оставленія грѣховъ, *и причастниковъ бывшихъ Духа Святаго, и добраго вкусившихъ Божія глагола*,—здѣсь онъ говоритъ объ ученіи,—*и силы грядущаго вѣка*. Какія силы разумѣетъ онъ? Или (силы) творить чудеса, или залогъ Духа. *И отпадшихъ, какіе обновляти въ покаяніе, второе распинающихъ Сына Божія себѣ и обличающихъ*. Обновляти, говоритъ, въ покаяніе, т. е. чрезъ покаяніе. Что это? Неужели отвергается покаяніе? Нѣтъ, не покаяніе, совсѣмъ нѣтъ, но вторичное обновленіе купелію (крещенія). Онъ, сказавъ: *не возможно обновляти въ покаяніе*, не остановился, но послѣ слова: *не возможно*, присовокупилъ: *второе распинающихъ*. Обновляти, т. е. дѣлать новыми, а новыми дѣлаетъ только купель: обновится, сказано, *яко орля юность твоя* (Псал. сп, 5).

Дѣяствіе же покаянія состоитъ въ томъ, что оно содѣлав-

шихся новыми и потомъ чрезъ грѣхи опять обветшавшихъ избавляетъ отъ этой ветхости и возвращаетъ въ состояніе обновленія; но въ прежнюю свѣтлость возвести уже не можетъ, потому что тамъ (въ крещеніи) все было дѣломъ благодати. *Распинающихъ себѣ*, говорить, *Сына Божія и обличающихъ*. Смыслъ словъ его слѣдующій: крещеніе есть крестъ, потому что *ветхій нашъ человекъ съ нимъ распялся* (Рим. vi, 6); и еще: *сообразны быхомъ подобію смерти его*; и еще: *спогребохомся убо ему крещеніемъ въ смерть* (Рим. vi, 4, 5). Какъ невозможно въ другой разъ распять Христа, потому что это значило бы выставить его на поруганіе, такъ невозможно и креститься вторично. Если *смерть имъ ктому не обладала* (Рим. vi, 9), если Онъ воскресъ, чрезъ воскресеніе сдѣлавшись побѣдителемъ смерти, если Онъ смертію смерть поправъ, то снова распинать Его значить—все прежнее представлять баснею и позоромъ. А кто крестится вторично, тотъ, дѣйствительно, опять распинаетъ Его. Что же значить: *второе распинающихъ*? Опять снова пригвождающихъ Его ко кресту. Какъ Христосъ умеръ на крестѣ, такъ и мы умираемъ въ крещеніи, умираемъ не плотію, но для грѣха. Смотри: тамъ смерть, и здѣсь смерть; Онъ умеръ плотію, а мы умираемъ для грѣха. Въ крещеніи ветхій нашъ человекъ погребается и возстаетъ новый, сообразный подобію смерти Его. Такимъ образомъ, если необходимо опять креститься, то необходимо, чтобы этотъ (новый человекъ) опять умеръ, потому что крещеніе есть не иное что, какъ смерть погружаемаго и востаніе новаго. И хорошо (апостолъ) сказалъ: *второе распинающихъ себѣ*, потому что дѣлающій это постоунаетъ какъ бы забывая о прежней благодати, и располагаетъ жизнь свою безопасно, какъ бы надѣясь на вторичное крещеніе. Потому надобно быть внимательнымъ и осторожнымъ. Что значить: *вкусившихъ дара небеснаго*? Значить: получившихъ отпущеніе грѣховъ, потому что даровать такую благодать свойственно одному Богу, и эта благодать есть всецѣло благодать. *Что убо пребудемъ ли во грѣсѣхъ, да благодать преумножится*? *Да не будетъ* (Рим. vi, 1). Если мы всегда будемъ надѣяться на спасеніе благодатію, то никогда не сдѣлаемся добродѣтельными; гдѣ одна только благодать, тамъ мы можемъ предаться безпечности. Если бы мы знали, что грѣхи наши снова могутъ быть омыты (крещеніемъ), то развѣ перестали бы грѣшить? Не думаю. Много даровъ разумѣетъ здѣсь (апостолъ); а какіе, послушай. Ты удостоился, говорить онъ, столь великаго прощенія, ты, который сидѣлъ во тмѣ, былъ непріателемъ, врагомъ, отверженнымъ, богопротивнымъ, погибшимъ; будучи такимъ, ты вдругъ просвѣтился, сподобился Духа, дара небеснаго, усыповленія, царства небеснаго, таинъ неизреченныхъ и

другихъ благъ, и послѣ того не сдѣлался лучшимъ, и потому, 80
будучи достоинъ погибели и между тѣмъ получивъ спасеніе и
честь, точно совершившій дѣла великія, какъ ты можешь кре-
ститься снова? Двумя доказательствами онъ подтверждаетъ невоз-
можность этого дѣла, и сильнѣйшее изъ нихъ поставляетъ послѣ:
первое состоитъ въ томъ, что удостоившійся такихъ благъ и пре-
давшій все дарованное ему недостойнъ снова получить обновле-
ніе; второе въ томъ, что невозможно снова распять (Сына Бо-
жія),—потому что это значило бы подвергать Его поруганію. Итакъ
нѣтъ, отнюдь нѣтъ второй купели крещенія. Если бы она была, то
была бы и третья, и четвертая, и послѣдующая всегда уничто-
жала бы предъидущую, а ее опять другая, и такъ далѣе до без-
конечности. Сказавъ: *и добраго вкусившихъ Божія глагола, и силы
грядущаго вѣка*, (апостолъ) не раскрываетъ всего этого, но только
намекаетъ, и какъ бы такъ говорить: жить подобно ангеламъ, не
нуждаться ни въ чемъ здѣшнемъ, быть увѣрену, что усыновле-
ніе (Богу) доставляетъ намъ будущія блага, надѣяться войти въ
непреступное святилище,—всему этому научаетъ Духъ. Что озна-
чаетъ: *и силы грядущаго вѣка*? Означаетъ жизнь вѣчную, состояніе
ангельское. Залогъ этого мы уже получили отъ Духа чрезъ вѣру.
Скажи же мнѣ: если бы ты былъ введенъ въ царскіе чертоги и
если бы все, тамъ находящееся, было тебѣ ввѣрено, а ты потомъ
растратилъ бы все, то могло ли бы оно быть ввѣрено тебѣ
снова?

4. Итакъ что же, нѣтъ, скажете, покаянія? Есть покаяніе, но
нѣтъ вторичнаго крещенія. Покаяніе имѣетъ великую силу; оно
можетъ человѣка, сильно погрузившагося во грѣхи, если онъ
захочетъ, освободить отъ бремени грѣховъ и, когда онъ нахо-
дится въ опасности, поставить въ безопасности, хотя бы онъ до-
стигъ самой глубины зла. Это можно видѣть изъ многихъ мѣстъ
(Писанія). *Еда падая не востаетъ*, говоритъ (пророкъ), *или отвра-
щаяйся не обратится* (Іер. viii, 4)? Оно можетъ, если мы захотимъ,
опять изобразить въ насъ Христа; послушай, въ самомъ дѣлѣ,
что говоритъ Павелъ: *чадца моя, имже паки болязную, дондеже
вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. iv, 19); только мы должны при-
ступить къ покаянію. Посмотри на челоуѣколюбіе Божіе: насъ
слѣдовало бы покарать всѣми родами наказанія еще съ самага
начала за то, что, принявъ законъ естественный и получивъ ты-
сячи благъ, мы не познали Владыки и вели жизнь нечистую; но
Онъ не только не наказалъ насъ, а еще даровалъ намъ безчи-
сленныя блага, какъ будто бы мы совершили великіе подвиги.

Мы опять отпали, но Онъ и послѣ того не наказываетъ насъ,
а даровалъ врачество покаянія, которое можетъ уничтожить и

изгладить всѣ грѣхи наши, только если мы знаемъ, въ чемъ состоитъ это врачество и какъ имъ нужно пользоваться. Въ чемъ же состоитъ врачество покаянія и какъ оно употребляется? Во-первыхъ, (оно состоитъ) изъ сознанія своихъ грѣховъ и исповѣданія ихъ. *Беззаконіе мое*, говоритъ (пророкъ), *познахъ, и грѣхи моего не покрыхъ*; и еще: *исповѣмся на мя беззаконіе мое Господеву, и ты оставиши еси нечестіе сердца моего* (Псал. xxxi, 5); и еще: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишиися* (Иса. xliii, 26); и еще: *праведникъ самого себе оглагольникъ въ первословіи* (Притч. xviii, 17). Во-вторыхъ, (покаяніе состоитъ) изъ великаго смиренномудрія; оно есть какъ бы золотая цѣпь, которая, если взять ее за начало, слѣдуетъ вся. Такъ точно, если ты будешь исповѣдывать грѣхи, какъ должно исповѣдывать, то душа смирится, потому что совѣсть, терзая ее, дѣлаетъ смиренною. Съ смиренномудріемъ должно соединять и нѣчто другое, чтобы оно было таково, о какомъ молился блаженный Давидъ, когда говорилъ: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже* (Псал. i, 12); и еще: *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (ст. 19). Сокрушенное сердце не возмущается, не оскорбляетъ, но всегда готово терпѣть страданія, а само не востаетъ. Въ томъ и состоитъ сокрушеніе сердца, когда оно, хотя само бываетъ оскорбляемо, хотя терпитъ зло, остается спокойнымъ и не возбуждается къ мщенію. Послѣ смиренномудрія нужны напряженныя молитвы и обильныя слезы днемъ и ночью. *Измыю*, говоритъ (пророкъ), *на всяку нощь ложе мое: слезами моими постелю мою омочу: утрудихся въздыханіемъ моимъ* (Псал. vi, 7); и еще: *зане пепелъ, яко хлѣбъ, ядохъ, и питіе мое съ плачемъ растворяхъ* (Псал. ci, 10). А послѣ столь усиленныхъ молитвъ нужно великое милосердіе. Оно въ особенности дѣлаетъ сильнымъ врачество покаянія. Какъ во врачебныхъ средствахъ хотя лѣкарство содержитъ въ себѣ много травъ, но главную—одну, такъ и въ покаяніи подобно многоцѣлебной травой бываетъ милосердіе, и даже отъ него зависить все. Послушай, что говоритъ божественное Писаніе: *дадите милостыню, и ося чиста вамъ будутъ* (Лук. xi, 41); и еще: *милостынями и отрою очищаются грѣхи* (Дан. iv, 24); и еще: *огнь горящъ угаситъ вода, и милостыня очиститъ грѣхи многи* (Сир. iii, 30). Далѣе, (нужно) не гнѣваться, не злопамятствовать и прощать всѣмъ грѣхи ихъ: *человѣкъ на челоуѣка, говоритъ (Премудрый), сохраняетъ гнѣвъ, а отъ Господа ищетъ исцѣленія* (Сир. xlviii, 8). *Отпущайте, да отпустится вамъ* (Мѡ. vi, 14). Также (нужно) отклонять братію отъ заблужденій: *обращая, говоритъ (Господь), и утверди братію твою, чтобы отпущены были тебѣ грѣхи твои* (Лук. xii, 82). Еще (нужно) искреннее обращеніе съ священниками: *и аще кто, сказано, грѣхи сотворилъ есть,*

отпустятся ему (Іак. v, 15). (Нужно) защищать обижаемых, не гнѣваться, переносить все кротко.

5. Прежде, нежели вы узнали, что чрезъ покаяніе отпускаются грѣхи, не беспокоились ли вы и не отчаивались ли въ себѣ, зная, что нѣтъ вторичной купели крещенія? Теперь же, когда мы узнали, какимъ образомъ совершается покаяніе и отпущеніе грѣховъ, и что мы можемъ избѣжать всего, если захотимъ воспользоваться имъ, какъ должно, можемъ ли мы получить прощеніе, если не станемъ думать о своихъ согрѣшеніяхъ? Если бы мы исполняли это, то все было бы сдѣлано. Какъ вошедшій въ дверь уже находится внутри, такъ точно и помышляющій о собственныхъ согрѣшеніяхъ. Кто ежедневно помышляетъ о нихъ, тотъ непременно достигнетъ и до ихъ исцѣленія; а кто только говорить: я грѣшенъ, но не представляетъ себѣ грѣховъ своихъ порознь и не говоритъ: въ томъ-то и въ томъ-то я согрѣшилъ,—тотъ никогда не перестанетъ грѣшить, часто будетъ исповѣдываться, но никогда не будетъ думать о своемъ исправленіи. Нужно только начать, а все прочее непременно послѣдуетъ затѣмъ, если только будетъ сдѣланъ приступъ: во всемъ трудны начало и приступъ. Итакъ, положимъ это (основаніе), и все будетъ легко и удобно. 82

Начнемъ же покаяніе, увѣщаю васъ, одинъ съ усиленныхъ молитвъ, другой съ обильныхъ слезъ, третій съ сокрушенія; и послѣднее вѣдь, какъ оно ни мало, не бесполезно: видѣхъ, яко *отечались*, говорить (Господь), *и поиде* сокрушенъ, *и исцѣлихъ* пути его (Іса. lvp, 17—18). Всѣ же вообще (начнемъ) съ милосердія, съ оставленія ближнимъ согрѣшеній ихъ, съ забвенія обидъ, съ воздержанія отъ злопамятства и мстительности, смиряя такимъ образомъ души свои. Если бы мы постоянно вспоминали о грѣхахъ своихъ, то ничто изъ предметовъ внѣшнихъ не могло бы возбудить въ насъ гордость, ни богатство, ни могущество, ни власть, ни слава; когда бы даже мы сидѣли на царскомъ сѣдалищѣ, и тогда плакали бы горько. Блаженный Давидъ былъ царь, и однако говорилъ: *измыю на всяку ночь ложе мое* (Псал. vi, 7); ни багряница, ни діадема нисколько не причиняли ему вреда и не возбуждали въ немъ гордости, потому что онъ сознавалъ, что онъ человѣкъ; онъ имѣлъ сердце сокрушенное, а потому и плакалъ. Что такое дѣла человѣческія? Пепелъ и пыль, прахъ предъ лицомъ вѣтра, дымъ и тѣнь, листъ и цвѣтъ, уносимые вѣтромъ, сонъ, мечта и басня, пустое колебаніе воздуха, легко возбуждаемое, перо возметаемое, теченіе непостоянное, и все, что только можетъ быть еще ничтожнѣе этого. Отчего же, скажи мнѣ, ты много думаешь о себѣ? Какое званіе ты считаешь великимъ? Не консула ли? Многіе, дѣйствительно, не знаютъ ничего выше этого

званія. Но и тотъ, кто не консулъ, нисколько не хуже того, кто былъ въ такомъ блестящемъ многославномъ званіи; тотъ и другой имѣютъ одинаковое достоинство, тотъ и другой одинаково прекратятъ существованіе спустя немного времени. Когда же тотъ былъ консуломъ, скажи мнѣ, сколько времени? Два дня? Это бываетъ и во снѣ. Но здѣсь, скажешь, сонъ. Что же? Развѣ то, что бываетъ днемъ, не сонъ? Почему же, скажи мнѣ, не можемъ называть этого сномъ? Какъ сновидѣнія, по наступленіи дня, оказываются недѣйствительными, такъ и совершающееся днемъ становится недѣйствительнымъ по наступленіи ночи. Ночь и день продолжаютъ одинаково, и равно раздѣлили между собою все время. Потому, какъ днемъ никто не восхищается тѣмъ, что было съ нимъ ночью, такъ и ночью невозможно восхищаться тѣмъ, что бываетъ днемъ. Ты былъ консуломъ? И я былъ; только ты—днемъ, а я—ночью. Но что въ томъ? Ты чрезъ это не имѣешь ничего больше меня, если только не считать преимуществомъ названіе консула и удовольствіе, заключающееся въ однихъ словахъ. Выражу это яснѣе: если, на примѣръ, я скажу: такой-то консулъ, и припишу ему это названіе, то какъ только оно сказано, уже не прошло ли? Таково и все. Консулъ явился, и уже нѣтъ его. Но положимъ, что онъ былъ консуломъ годъ, два, три, четыре года: были ли консулы, которые консульствовали по десяти лѣтъ? Нѣтъ. Не таковъ Павелъ: онъ былъ всегда славенъ при жизни, не день, не два, не десять, не двадцать, не тридцать дней, и не десять лѣтъ, не двадцать и не тридцать; но и по смерти его вотъ уже прошло четыреста лѣтъ, а онъ и теперь еще славенъ, и даже гораздо славнѣе, нежели при жизни. И это еще на землѣ; а славу 83—84 святыхъ на небѣ кто можетъ изобразить словомъ? Потому, увѣщаваю васъ, будемъ искать этой славы, стремиться къ ней, чтобы достигнуть ея, потому что эта слава—истинная слава; а отъ всего житейскаго будемъ удалаться, чтобы намъ получить благодать и милость во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА X.

Земля бо, пившая сходящій на ню множицею дождь, п⁸³ раждающая былія добрая онымъ, имиже и дѣлаема бываетъ, пріемлетъ благословеніе отъ Бога: а износящая тернія и волчець, непотребна есть и клятвы близъ: еяже кончина въ пожженіе (Евр. vi, 7, 8).

1. Со страхомъ мы должны слушать слово Божіе, со страхомъ и великимъ трепетомъ: *работайте, говорить (Псалмопѣвецъ), Господеси со страхомъ и радуйтесе ему съ трепетомъ* (Псал. п, 11). Если же самая радость наша и веселіе должны быть съ трепетомъ, то когда говорится что-нибудь страшное, каково (сказанное) теперь, какого не заслуживаемъ мы наказанія, если безъ трепета слушаемъ сказанное? Показавъ, что отпавшихъ невозможно крестить вторично и что имъ невозможно опять чрезъ купель (крещенія) получить отпущеніе (грѣховъ), и объяснивъ, какъ это страшно, (апостоль) продолжаетъ: *земля бо, пившая сходящій на ню множицею дождь, и раждающая былія добрая онымъ, имиже и дѣлаема бываетъ, пріемлетъ благословеніе отъ Бога: а износящая тернія и волчець, непотребна есть и клятвы близъ: еяже кончина въ пожженіе*. Устрашимся же, возлюбленные! Не Павлова это угроза, не человѣческія это слова; это—Духа Святаго, Христа, глаголавшаго въ Павлѣ. Кто чистъ отъ этихъ терній? Если бы даже мы были чистыми, то и тогда намъ слѣдовало бы не оставаться спокойными, а страшиться и трепетать, какъ бы въ насъ не выросли тернія; а если мы всѣ всецѣло состоимъ изъ терній и волчцовъ, то, скажи мнѣ, какъ мы можемъ оставаться спокойными и безпечными? Что дѣлаетъ насъ безпечными? Если думающій, что онъ стоитъ, долженъ бояться, чтобы не упасть,—*также мняйся стояти*, сказано, *да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. x, 12), — то падшій сколько долженъ заботиться, чтобы востать? Если Павелъ боялся, *да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ будетъ* (1 Кор. ix, 27), если онъ, столь достойный, боялся сдѣлаться недостойнымъ, то мы, уже сдѣлавшіеся недостойными, какое будемъ имѣть оправданіе и прощеніе, не имѣя никакого страха, но исполняя христіанскія обязанности, какъ бы какой-нибудь обычаи, и только для вида? Устрашимся же, возлюбленные! *Открывается бо тѣло Божій съ небесе* (Рим. i, 18). Устрашимся, потому что онъ открывается не только на нечестіе, но и на всякую несправду, малую и великую. Выѣстъ съ тѣмъ (апостоль) указываетъ и на человѣколюбіе Божіе; а дождемъ онъ называетъ уч-

ніе, и что выше онъ говорилъ въ словахъ: *должны суще быти учителя лѣтъ ради*, то же говорить и здѣсь. И во многихъ мѣстахъ Писаніе называетъ ученіе дождемъ: *и облакомъ заповѣмъ, еже не одождити на него дождя*, говорить (Господь) о виноградникѣ (Иса. v, 6); а въ другомъ мѣстѣ то же называется голодомъ хлѣба и жаждою воды (Амос. viii, 11); и еще: *рыка Божія наполнися водъ* (Псал. lxiiv, 10). *Земля бо*, говорить, *пившая сходящій на ню множицею дождь*. Здѣсь онъ выражаетъ, что и принимали и пили слово его, и часто удостоивались слышать его, но не получили отъ того пользы. Если бы, говорить, ты не была воздѣлана, если бы не получала дождей, то зло не было бы столь велико, потому что *еще не быхъ пришелъ*, говорить (Христосъ), *и глаголахъ имъ, грѣха не быша имѣти* (Іоан. xv, 22); если же ты часто пила и принимала, то почему вмѣсто плодовъ ты произрастила нѣчто другое? *Жидакъ*, говорить (Господь), *да сотворитъ гроздіе, сотвори же терніе* (Иса. v, 4). Видишь ли, что Писаніе вездѣ терніемъ называетъ грѣхи? И Давидъ говорить: *возвратихся на страсть, егда унзе ми тернь* (Псал. xxxi, 4). (Тернь) не просто входитъ, а вонзается; и хотя бы его осталось немного, но если онъ не весь будетъ выдернуть, то и самая малая часть его производитъ боль такъ же, какъ и (весь) тернь. Но что я говорю: немного? Даже, послѣ того, какъ онъ будетъ выдернуть, въ ранѣ долго еще остается боль. Потому нужно долго лѣчить и пользоваться, чтобы освободиться отъ ней совершенно; недостаточно только исторгнуть грѣхъ, а нужно иалѣчить и пораженное мѣсто. Боюсь, чтобы не относились къ намъ болѣе, нежели къ другимъ, слова (апостола): *земля, пившая сходящій на ню множицею дождь*; мы вѣдь постоянно пьемъ, постоянно слушаемъ, но тотчасъ же, какъ только восходитъ солнце, теряемъ влагу, и потому произрашаемъ тернія. Какія же это тернія? Послушаемъ Христа, который говорить: *печаль вѣка сего и леть богатства подавляетъ слово, и безъ плюда бываетъ* (Мѣ. xiii, 22). *Земля бо, пившая сходящій на ню множицею дождь, и раждающая былія добрая*.

2. Нѣтъ ничего столь благопотребнаго, какъ чистота жизни, ничего столь прекраснаго, какъ благоустроенная жизнь, ничего столь возжелѣннаго, какъ добродѣтель. *И раждающая*, говорить, *былія добрая оныи, имиже и дѣлаема бываетъ, приѣмлетъ благословеніе отъ Бога*. Здѣсь онъ внушаетъ, что Богъ есть виновникъ всего, и нѣкоторымъ образомъ обличаетъ язычниковъ, которые приписывали произращеніе плодовъ силѣ земли. Не руки земледѣльца, говорить, возбуждаютъ землю къ принесенію плодовъ, но повелѣніе Божіе; потому и выражается такъ: *приѣмлетъ благословеніе отъ Бога*. И смотри: о терніяхъ онъ не сказалъ: *раждаю-*

шая *тернія*, не употребилъ такого одобрительнаго выраженія,—но что?—*износящая тернія*,—какъ бы такъ: извергающая, выбрасывающая. *Непотребна есть и клятвы близъ*. О, какое утѣшеніе заключается въ этихъ словахъ! *Клятвы*, говоритъ, *близъ есть*, а не сказалъ: прокляты; т. е. еще не подверглась проклятiю, а только близка къ нему, но можетъ быть и далека отъ него. И не только этими словами онъ утѣшаетъ, но и слѣдующими; не сказалъ: 85 она непотребна, близка къ проклятiю и будетъ сожжена,—но что? *Еяже кончина въ пожженіе*; выражаетъ, что если она до конца останется такою, то потерпитъ и это. Слѣдовательно, если мы исторгнемъ и сожжемъ терніе, то сможемъ получить многія блага, сдѣлаться благопотребными и удостоиться благословенія. Справедливо называетъ грѣхъ терніемъ въ словахъ: *износящая тернія и волчець*, потому что (грѣхъ), если крѣпко станешь держаться его, вонзается и колетъ, и даже на видъ бываетъ безобразенъ. Итакъ, укоривъ ихъ достаточно, устрашивъ и обличивъ, (апостоль) потомъ утѣшаетъ, чтобы не поразить ихъ слишкомъ много и чтобы они не сдѣлались безпечными, потому что человекъ лѣнивый, когда его (слишкомъ много) наказываютъ, дѣлается еще болѣе лѣнивымъ. Потому (апостоль) и не за все одобряетъ ихъ, чтобы они не возгордились, и не за все укоряетъ, чтобы не сдѣлать ихъ болѣе безпечными, но сказавъ немного укоризнъ, въ дальнѣйшихъ словахъ предлагаетъ великое утѣшеніе, чтобы такимъ образомъ достигнуть своей цѣли. Что же онъ говоритъ? *Надѣмся же о васъ, возлюбленніи, лучшихъ и придерживающихся спасенія, еще и тако глаголемъ* (ст. 9), т. е., говоримъ это не потому, чтобы мы отчаялись въ васъ или считали васъ исполненными терній, а потому, что боимся, какъ бы не случилось этого; лучше внушить вамъ страхъ словами, нежели на дѣлѣ испытывать скорбь. Это особенно и показываетъ мудрость Павла. Онъ не сказалъ: думаемъ, предполагаемъ, ожидаемъ, уповаемъ,—но что? *Надѣмся*. Такъ и въ посланіи къ Галатамъ онъ говоритъ: *азъ надѣюсь о васъ въ Господѣ, яко ничтоже ино разумѣти будете* (Гал. v, 10); не сказалъ: разумѣете, но: *разумѣти будете*; такъ какъ (галатійцы) были тогда весьма достойны осужденія и (апостоль) не могъ хвалить ихъ за дѣла настоящія, то хвалить за будущія: *ничтоже ино*, говоритъ, *разумѣти будете*. А здѣсь онъ хвалитъ (евреевъ) за дѣла настоящія: *надѣмся же о васъ, возлюбленніи, лучшихъ и придерживающихся спасенія, еще и тако глаголемъ*. Но такъ какъ за дѣла настоящія онъ не могъ хвалить ихъ много, то заимствуетъ утѣшеніе отъ дѣлъ прошедшихъ и говоритъ: *необидитъ бо Богъ забыть дѣла вашего и труда любви, юже покажете во имя его, послуживше святымъ и служаще* (ст. 10). О,

какъ онъ ободрить и укрѣпить души ихъ, вспомнивъ о прежнихъ дѣлахъ и представивъ необходимость надѣяться, что Богъ не забудь (ихъ подвиговъ)! Подлинно, кто не убѣжденъ въ правосудіи Божию и въ томъ, что Онъ воздастъ каждому по заслугамъ настоящей жизни, тотъ неизбѣжно грѣшитъ и говоритъ, что Богъ неправеденъ. Потому онъ и внушилъ имъ необходимость исполнѣ надѣяться на будущее воздаяніе. Кто отчаивается въ настоящемъ и падаетъ духомъ, того можно ободрить будущимъ. Такъ и въ посланіи къ Галатамъ (Павелъ) говоритъ: *течаєте добръ: кто вамъ возбрани* (Гал. v, 7)? и еще: *только пострадаете туне? аще точію и туне* (Гал. iii, 4); и какъ здѣсь съ обличеніемъ онъ соединяетъ одобреніе, когда говоритъ: *должны суще быти учителя лѣтъ ради* (Евр. v, 12), такъ и тамъ: *чуждуюся, яко тако скоро прелагается* (Гал. i, 6). Съ укоризною (высказывается) и похвала,—потому что мы удивляемся тогда, когда падаетъ что-нибудь великое. Видишь ли, какъ въ самомъ обличеніи и обвиненіи скрывается похвала? И не отъ себя только одного онъ говоритъ это, но отъ лица всѣхъ; не сказалъ: надѣюсь, но: *надѣемся о васъ лучшихъ*, т. е. лучшаго. Здѣсь онъ говоритъ или объ ихъ жизни, или о воздаяніи. Сказавъ выше: *непотребна есть, клятвы близъ, сяже кончина въ пожженіе*, потомъ, чтобы они не подумали, что онъ говоритъ это объ нихъ, тотчасъ же присовокупляетъ: *необдильзъ бо Богъ забыти дѣла вашего и труда любве, и тѣмъ выражается, что не объ нихъ онъ говоритъ—аще и тако глаголемъ*. Если же не объ насъ говоришь, то для чего касаешься, называя лѣнливыми, и внушаешь страхъ, напоминая о терніяхъ? *Желаемъ*, говоритъ онъ, *да кійждо васъ являетъ тожде тѣцаніе ко изыщенію упованія даже до конца: да не лѣнливи будете, но подражатели насъ слѣдствующихъ обѣтованія вѣроу и долготерпѣніемъ* (ст. 11, 12).

3. *Желаемъ*, говоритъ; слѣдовательно, не на словахъ только хотимъ этого. Но чего, скажи, ты желаешь? *Желаемъ*, чтобы вы были добродѣтельными,—не осуждая васъ за прежнее, а опасаясь за будущее. Не сказалъ также: осуждая не за прошедшее, а за настоящее, такъ какъ вы развратились и сдѣлались безпечными. Но смотри, какъ кротко онъ выразилъ это, и не произнесъ укоризны. Что же говоритъ онъ? *Желаемъ же, да кійждо васъ являетъ тожде тѣцаніе даже до конца*. Удивительна Павлова мудрость: онъ не высказываетъ прямо, что они ослабѣли, что они пали,—потому что сказать: *желаемъ, да кійждо васъ*, значитъ сказать: *желаю*, чтобы ты былъ тщателенъ всегда, чтобы, каковъ ты былъ прежде, такимъ былъ и теперь и на будущее время; этимъ онъ дѣлаетъ свое обличеніе болѣе кроткимъ и удобопріемлемымъ. Не сказалъ также: *хочу*, что показывало бы учительскую власть, но говорить:

желаемъ, употребляя выраженіе, показывающее отеческую любовь и означающее больше, нежели: *хочу*, и какъ бы такъ говорить: простите, если мы скажемъ что-нибудь непріятное. *Желаемъ же, да кійждо васъ являетъ тожде тѣсаніе ко извѣщенію упованія вашего даже до конца*. Что это значить? Надежда, говоритъ, переносить, она подкрѣпляетъ; не ослабѣвайте же и не отчаивайтесь, чтобы надежда ваша не оказалась лишнею; кто дѣлаетъ добро, тотъ и надѣется на добро, и никогда не отчаивается. *Да не лѣннивы будете: еще только да не будете*, хотя выше онъ сказалъ: *понеже немощни бысте слухи* (Евр. v, 11). Но замѣть, тамъ онъ указалъ только на неспособность слушать, а здѣсь хотя употребляетъ подобное выраженіе, все же намекаетъ на нѣчто другое: вмѣсто того, чтобы сказать: не оставайтесь лѣннивыми, онъ сказалъ: *да не лѣннивы будете*. Опять виновность ихъ отодвигаетъ на будущее время, говоря: *да не лѣннивы будете*; а такъ какъ будущее время еще не существуетъ, то мы и не можемъ быть виновными. Тотъ, кого, какъ лѣнниваго, убѣждаютъ быть старательнымъ въ настоящее время, можетъ сдѣлаться еще болѣе лѣннивымъ; но не то 87 бываетъ съ тѣмъ, кого (убѣждаютъ исправиться) на будущее время. *Желаемъ же, говоритъ, да кійждо васъ*. Великая любовь! (Павель) равно печется о великихъ и малыхъ, о всѣхъ помнитъ, никого не презираетъ, но одинаковое оказываетъ попеченіе о каждомъ и всѣмъ отдаетъ равную честь; этимъ онъ еще болѣе располагаетъ принять слова его, несмотря на ихъ строгость. *Да не будете лѣннивы*, говоритъ. Какъ бездѣйствіе вредитъ тѣлу, такъ и неупражненіе въ добрѣ дѣлаетъ душу безпечною и слабою. *Но подражатели наслѣдствующихъ обѣтованія вѣроу и долготерпѣніемъ*. Кто эти (наслѣдники), онъ объясняетъ далѣе. Напередъ онъ сказалъ: подражайте прежнимъ вашимъ добрымъ дѣламъ; а потомъ, чтобы они не спросили: какимъ?—онъ указываетъ на праотца (Авраама), представляя примѣры добрыхъ дѣлъ въ собственныхъ ихъ дѣлахъ, а въ доказательство того, что они не забыты, примѣръ праотца. Это онъ дѣлаетъ для того, чтобы они не говорили, что они, какъ недостойные, забыты и оставлены, но знали, что проводить жизнь среди искушеній есть удѣлъ особенно доблестныхъ людей, и что Богъ всегда такъ поступалъ съ мужами дивными и великими. Нужно, говоритъ, переносить все съ долготерпѣніемъ, потому что это и значить вѣровать. Если бы я сказалъ: вотъ я даю тебѣ, и ты тотчасъ же получилъ бы, то чему тебѣ и вѣровать? Здѣсь не было бы мѣста твоей вѣрѣ, но я предупреждаю и даю по обѣщанію. Если же я скажу: вотъ я даю тебѣ, но дамъ чрезъ сто лѣтъ, и ты не будешь отчаиваться, то, значить, ты считаешь меня достойнымъ вѣры и имѣешь обо мнѣ

надлежащее мнѣніе. Видишь ли, что невѣріе часто происходитъ не только отъ безнадежности, но и отъ малодушія и нетерпѣнія, а не зависитъ отъ обѣщавшаго? *Необидливъ бо, говоритъ, Богъ забыти дѣла вашего и труда любви, юже покажете во имя его, послуживше святымъ и служаще.* Важное даетъ онъ о нихъ свидѣтельство, указывая не только на дѣла ихъ, но и на дѣла усердныя, подобно какъ онъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: не только же, но и себе вѣдаша Господеви и намъ (2 Кор. viii, 5). *Юже покажете во имя его, послуживше святымъ и служаще.* Смотри, какъ онъ опять утѣшаетъ ихъ, прибавляя: *служаще*; еще и теперь вы служите, говоритъ онъ, ободряя ихъ и внушая, что они дѣлали это не для людей, но для Бога. *Юже покажете*, говоритъ, не просто для святыхъ, но для Бога; это именно означаютъ слова: *во имя его*, въ которыхъ онъ какъ бы такъ говоритъ: вы дѣлали все во имя Его. Потому Тотъ, кто принялъ отъ васъ такое усердіе и любовь, никогда не презритъ васъ и не забудетъ.

4. Слыша это, будемъ служить святымъ, увѣщевая васъ. А святъ всякій вѣрующій, потому самому, что онъ вѣрующій; хотя бы онъ былъ мірянинъ, онъ святъ. *Святится бо, говоритъ (апостоль), мужъ невѣренъ о женѣ, и жена невѣрна о мужи* (1 Кор. vii, 14). Видишь: вѣра доставляетъ освященіе. Если мы увидимъ и мірянина въ несчастіи, подадимъ руку помощи. Не о тѣхъ только мы должны заботиться, которые живутъ въ горахъ; они, конечно, святы и по жизни и по вѣрѣ, но и тѣ святы по вѣрѣ, а многіе изъ нихъ и по жизни. Не (будемъ поступать такъ, что), когда увидимъ монаха въ темницѣ, то пойдемъ къ нему, а когда мірянина, то не пойдемъ; и послѣдній тоже святъ, и тоже братъ нашъ. Но что, скажешь, если онъ нечистъ и пороченъ? Послушай, что говоритъ Христосъ: *не судите, да не судимы будете* (Мат. vii, 1). Ты дѣлай для Бога. Но что я говорю? Хотя бы даже язычника мы увидѣли въ несчастіи, и ему надобно оказать добро, и вообще всякому человѣку, находящемуся въ несчастныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе вѣрующему мірянину. Послушай, что заповѣдуетъ Павелъ: *да дѣлаете благое ко всѣмъ, паче же къ ближнимъ въ гнѣвъ* (Гал. vi, 10). Я не понимаю, откуда взялось (противное мнѣніе) и какимъ образомъ усилился у насъ (противный) обычай. Кто отыскиваетъ только монашествующихъ, хочетъ оказывать добро только имъ однимъ, и между ними еще дѣлаетъ различіе и говоритъ: если онъ не достоинъ, если онъ не праведенъ, если онъ не творитъ знаменій, я не подамъ ему руку помощи,—тотъ отнимаетъ самую главную часть у милостыни, и все остальное со временемъ также уничтожить; напротивъ, истинная милостыня тогда и бываетъ, когда она оказывается грѣшникамъ

или виновнымъ; милосердіе въ томъ и состоитъ, что милуетъ не тѣхъ, которые исправны, а тѣхъ, которые согрѣшили. А чтобы ты убѣдился въ этомъ, послушай, что говоритъ Христосъ въ слѣдующей притчѣ. *Человѣкъ нѣкій, говоритъ Онъ, сходяще отъ Іерусалима во Іерихонъ, и въ разбойники упаде. Тѣ избивши его, оставили на дорогѣ полумертваго. По случаю одинъ левитъ шелъ тою дорогою и, увидѣвъ его, прошелъ мимо; такъ же поступилъ и нѣкоторый священникъ,—прошелъ мимо. Но послѣ нихъ шелъ одинъ самарянинъ и оказалъ великое состраданіе къ нему: обвязалъ его раны, возлилъ на нихъ масло, посадилъ его на осла, привезъ въ гостиницу и сказалъ ея содержателю: позаботься о немъ и,—замѣть великую любовь,—если что болѣе издержишь, я отдамъ тебѣ. Затѣмъ (Христосъ) спросилъ: кто убо ближній мнѣ-тиса быти упавшему въ разбойники? И когда законникъ отвѣчалъ: сотовѣривый милость съ нимъ, тогда Онъ сказалъ: иди, и ты твори такожде (Лук. х, 30—37). Замѣть эту сказанную (Господомъ) притчу; не сказалъ Онъ, что іудей самарянину, но что самарянинъ оказалъ такое милосердіе. Отсюда мы научаемся, что должно заботиться о всѣхъ равно, а не приснимъ только по вѣрѣ дѣлать добро, о другихъ же не думать. Такъ и ты, когда увидишь кого-нибудь страждущимъ, не изслѣдуй о немъ ничего; онъ имѣетъ право на помощь уже потому, что страждетъ. Если ты помогаешь, ослу, когда видишь, что онъ издыхаетъ, и не спрашиваешь, чей онъ, то тѣмъ болѣе не должно спрашивать о человѣкѣ, чей онъ; онъ Божій, хотя бы онъ былъ язычникъ, хотя бы іудей. Если онъ и невѣрный, но нуждается въ помощи. Если бы тебѣ дозволено было изслѣдовать и судить, то ты могъ бы говорить это; но теперь самое несчастіе не позволяетъ тебѣ дѣлать изслѣдованія. Если не должно судить здоровыхъ и изслѣдовать чужія дѣла, то тѣмъ болѣе страждущихъ. Иначе что (будетъ)? Развѣ ты видѣлъ его счастливымъ, благоденствующимъ, что говоришь, будто онъ золъ и пороченъ? Онъ страждетъ; если же ты видишь его страждущимъ, то не говори, что онъ пороченъ. Когда мы видимъ человѣка благоденствующаго, тогда, пожалуй, можемъ сказать это объ немъ; но когда видимъ человѣка страждущаго и нуждающагося въ помощи, то не слѣдуетъ говорить, что онъ пороченъ; это—знакъ жестокости, безчеловѣчія и высокомерія. Кто, скажи мнѣ, былъ незаконнѣе іудеевъ? Богъ наказывалъ ихъ, и наказывалъ справедливо, весьма справедливо; однако же къ тѣмъ, которые страдали имъ, Онъ благоволилъ, а тѣхъ, которые радовались ихъ несчастію, наказывалъ. *И не страдаху, говорить (пророкъ), ничегоже въ сокрушеніи Іосифовѣ (Амос. vi, 6).* И въ другомъ мѣстѣ говорится: *искупи убиваемыхъ, не щади (Притч.**

ххiv, 11). Не сказано: развѣдай, и узнай, кто они, хотя по большей части отводимые на смерть бываютъ порочны, но сказано просто: *искупи*, кто бы они ни были. Въ этомъ особенно и состоитъ милосердіе. Кто благодѣтельствуєтъ другу, тотъ, безъ сомнѣнія, дѣлаєтъ это не для Бога; а кто—человѣку незнакомому, тотъ дѣлаєтъ исключительно для Бога. (Премудрый) говоритъ: *не щади денегъ и, хотя бы все пришлось надержать, отдай; а мы, видя изнуряемыхъ, мучимыхъ, претерпѣвающихъ страданія, жесточе тысячи смертей, и часто несправедливо, жалѣемъ денегъ и не жалѣемъ братій; бережемъ бездушное и не думаемъ о душѣ.* Между тѣмъ Павелъ повелѣваетъ съ *кротостію* наставлять *противныя*, *еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины, и возникнутъ отъ диаволскія стѣны, живи уловлены отъ него въ свою его волю* (2 Тим. ii, 25, 26). *Еда како*, говоритъ: видишь ли, какого долготерпѣнія исполнены слова его? Будемъ же и мы подражать ему и не считать никого безнадежнымъ. Рыболовы, ввергая сѣти въ море, часто ничего не вытаскиваютъ, но бросивъ въ послѣдній разъ, получаютъ все. Такъ и мы не отчапваемся, но надѣмся, что вы вдругъ явите намъ зрѣлые плоды. И земледѣлецъ, посѣявъ сѣмена, терпитъ одинъ день и другой, и долго ожидаетъ, а потомъ вдругъ видитъ вездѣ проросшіе плоды. Это, надѣмся, будетъ и съ вами, благодатію и человѣколюбіємъ Господа нашего Ісуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

89 Аврааму бо обѣтована Богъ, понеже ни единѣмъ имяше большимъ клятися, клятсѣ собою, глаголя: воистинну благословія благословлю тя и умножая умножу тя. И тако долготерпѣвъ получи обѣтованіе. Человѣцы бо большимъ кленутся, и всякому ихъ прекословію кончина во извѣщеніе клятвы есть (Евр. vi, 13—16).

1. Сильно тронувъ евреевъ и достаточно внушивъ имъ страхъ, (апостолъ) утѣшаетъ ихъ сначала похвалами, а потомъ,—что гораздо дѣйствительнѣе,—тѣмъ, что они непремѣнно получаютъ ожидаемое. Это утѣшеніе онъ заимствуетъ отъ событій не настоящихъ, но прошедшихъ, что для нихъ было болѣе убѣдительно. Какъ при угрозахъ наказаніемъ онъ особенно устрашаетъ событіями настоящими, такъ при обѣщаніи наградъ утѣшаетъ событіями прошедшими, указывая на то, какъ Богъ обыкновенно

поступаетъ, т. е. что Онъ не скоро исполняетъ обѣщанія, но спустя долгое время. Поступаетъ же Онъ такъ для того, чтобы представить сильнѣйшее доказательство своего могущества и въ насъ возбудить вѣру, чтобы люди, проводящіе жизнь въ скорбяхъ и не получающіе ни обѣщаній, ни наградъ, не ослабѣвали въ подвигахъ. Имѣя возможность представить многихъ, (апостолъ) оставляетъ всѣхъ другихъ и указываетъ на Авраама, какъ въ виду важности лица, такъ особенно потому, что съ нимъ это случилось, какъ и говоритъ онъ въ концѣ посланія: *си вси издалеча видѣвши обѣтованія и цѣловавши, не пріяша обѣтованія, да не безъ насъ совершенство приимутъ* (Евр. хі, 13, 39, 40). *Аврааму бо, говоритъ, обѣтовая Богъ, понеже ни единѣмъ имѣше большимъ клятися, клятеся собою, глаголя: воистинну благословя благословлю тя и умножая умножу тя. И тако долготерпѣвъ получи обѣтованіе.* Какъ же въ концѣ онъ говоритъ: *не пріяша обѣтованія*, а здѣсь: *долготерпѣвъ получи обѣтованіе*? Какимъ образомъ не получилъ и по- 90 лучилъ? Не объ одномъ и томъ же онъ говоритъ здѣсь и тамъ, но внушаетъ двоякое утѣшеніе. Обѣтоваль (Богъ) Аврааму, и обѣтованіе, о которомъ здѣсь говорится, исполнилъ спустя долгое время; а то (обѣтованіе), о которомъ тамъ говорится, было не таково. *И тако долготерпѣвъ получи обѣтованіе.* Видишь ли, что не одно только обѣтованіе совершило все, но и долготерпѣніе? Здѣсь онъ внушаетъ имъ страхъ, выражая, что часто обѣтованіе не исполняется по малодушію (людей). Это доказалъ онъ примѣромъ (израильскаго) народа, который малодушествовалъ и потому не получилъ обѣтованія, а примѣромъ Авраама доказываетъ противное. Въ концѣ онъ внушаетъ еще нѣчто большее: говоритъ, что (другіе) и долготерпѣвши, не получили, и однако не предавались унынію. *Человѣцы бо большимъ кленутся, и всякому ихъ прекословію кончина во извѣщеніе клятва есть: Богъ же, понеже ни единѣмъ имѣше большимъ клятися, клятеся собою.* Правильно. Но кто былъ клявшійся Аврааму? Не Сынъ ли? Нѣтъ, говоришь ты. Почему же такъ говоришь? Напротивъ, именно Онъ; впрочемъ я не стану спорить. Когда Онъ клянется тою же самою клятвою: *аминь, аминь глаголю вамъ*, то не ясно ли, что это за неимѣніемъ никого выше, кѣмъ бы клясться? Какъ клялся Отецъ, такъ и Сынъ клянется самимъ Собою: *аминь*, говоритъ, *аминь глаголю вамъ*. Здѣсь (апостолъ) напоминаетъ имъ о тѣхъ клятвахъ, которыя часто произносилъ Христосъ, когда говорилъ: *аминь, аминь глаголю тебѣ: струяй въ мя не умретъ во вѣки* (Іоан. хі, 26). Что значитъ: *и всякому ихъ прекословію кончина во извѣщеніе клятва есть*? Иначе сказать: этимъ разрѣшаются недоумѣнія во всякомъ спорномъ случаѣ, не въ такомъ-то или такомъ-то, но во всякомъ.

Богу нужно было вѣрить и безъ клятвы; но въ немже лишше *хотя Богъ показати наслѣдникомъ обѣтованія непреложное совѣта своего, ходатайствова клятвою* (ст. 17). Здѣсь (апостоль) разумѣть и вѣрующихъ; потому и упоминаеть о такомъ обѣтованіи, которое относилось ко всѣмъ намъ вообще. *Ходатайствова, говорить, клятвою*. Опять и здѣсь онъ говоритъ о Сынѣ, который есть посредникъ между людьми и Богомъ. *Да двѣма вещми непреложными, въ нихже не возможно солгати Богу* (ст. 18). Какою и какою? Тѣмъ, что сказалъ и обѣщалъ, и тѣмъ, что къ обѣтованію присоединилъ клятву. Такъ какъ у людей считается болѣе достовѣрнымъ то, что подтверждено клятвою, поэтому и присоединилъ клятву.

2. Видишь ли, что (Богъ) смотритъ не на собственное достоинство, но, съ цѣлью убѣдить людей, попускаеть говорить о Себѣ и недостойное Его, именно для того, чтобы удостовѣрить. Касательно Авраама, (апостоль) показываетъ, что все было дѣломъ Божиимъ, а не дѣломъ его долготерпѣнія,—когда Богъ благоволилъ присоединить клятву, когда, подобно тому какъ люди клянутся, поклялся и Богъ самимъ Собою. Люди клянутся Имъ, какъ большимъ, а Онъ клялся не какъ большимъ, и однако исполнилъ. Клятва самимъ Собою не одинакова у человѣка и Бога, потому что человѣкъ не имѣеть власти надъ собою. Итакъ, видишь, это сказано (апостоломъ) не столько по отношенію къ Аврааму, сколько по отношенію къ намъ. *Да крѣпкое, говорить, утѣшеніе имамы прибѣгнѣе ятися за предлагающее упованіе*. Выше онъ сказалъ: *долготерпѣвъ получи обѣтованіе*, и теперь говоритъ (*да крѣпкое утѣшеніе имамы*); впрочемъ, не прибавилъ: понеже клялся (Богъ). А въ чемъ состоитъ клятва, это Онъ объяснилъ словами: *клятися большимъ*. Такъ какъ родъ человѣческій недовѣрчивъ, то (Богъ) нисходитъ къ тому, что свойственно намъ; Онъ клянется для насъ,—хотя недовѣрчивость и недостойна Его,—подобно тому, какъ Онъ *намыче отъ сихъ, яже пострада* (Евр. ш, 8), потому что люди считаютъ болѣе достовѣрнымъ дознанное на опытѣ. Что значить: *за предлагающее упованіе*? На основаніи тѣхъ (обѣтованій), говорить, мы ожидаемъ будущаго, потому что если они спустя долгое время исполнились, то и это непременно исполнится. Такъ бывшее съ Авраамомъ удостовѣряеть насъ въ будущемъ. *Еже аки котву имамы души тверду же и извѣстну и взождящую во внутреннѣйшее завѣсы: идѣже предтеча о насъ ониде Иисусъ, по чину Мелхиседекову первосвященникъ бывъ во вѣки* (ст. 19, 20). Насъ, живущихъ въ этомъ мірѣ и еще не отошедшихъ отъ жизни, (апостоль) представляетъ уже достигшими обѣщаннаго, потому что надеждою мы уже на небѣ. Надѣйтесь, говорить онъ,

потому что это **непремѣнно** исполнится; а въ удостовѣреніе говорить: лучше сказать, **надеждою** вы уже достигли этого. Не сказать: мы входимъ **внутрь** (завѣсы), но: она вошла **внутрь**, что справедливѣе и **убѣдительнѣе**. Какъ якорь, спущенный съ корабля, не позволяетъ ему носиться по волнамъ, какіе бы вѣтры ни колебали его, но **прикрѣпляясь** къ нему, дѣлаетъ его неподвижнымъ, такъ и **надежда**. И смотри, какое близкое представилъ онъ сравненіе; не указалъ на основаніе, которое не такъ здѣсь приличествовало бы, но на якорь. Посредствомъ него корабль, находящійся въ **открытомъ морѣ** и повидимому не укрѣпленный, стоитъ на водѣ какъ бы на сушѣ, колеблется и не колеблется. О людяхъ **весьма твердыхъ** и **любомудрыхъ** Христосъ 92 прилично употребляетъ то выраженіе (основаніе): *иже, говорить, созда грамину свою на камени* (Мѡ. VII, 24); а о людяхъ, не совсемъ твердыхъ и принужденныхъ руководиться надеждою, Павелъ справедливо употребилъ это выраженіе (якорь). Волненіе и сильная буря колеблутъ судно; но надежда не позволяетъ ему носиться по волнамъ, какіе бы вѣтры ни нападали на него, такъ что если бы мы не имѣли ея, то давно утонули бы, и не только въ дѣлахъ духовныхъ, но и въ житейскихъ она оказываетъ великую силу, какъ-то: въ торговлѣ, въ земледѣліи, на войнѣ; кто не будетъ имѣть ея въ виду, тотъ и не примется за дѣло. (Апостолъ) называетъ ее не просто **якоремъ**, но **вѣрнымъ** и **твердымъ**, чтобы показать несомнѣнность ея для спасенія тѣмъ, которые утверждаютъ на ней; потому и прибавляетъ еще: *входящую во внутреннѣйшее зазасы*. Что это значить? То же что—достигающую до неба. Потомъ присовокупляетъ и удостовѣреніе,—чтобы она была не только надеждою, но и надеждою совершенно истинною; послѣ клятвы приводитъ еще нѣчто другое, именно, доказательство отъ дѣлъ: *предтеча о насъ овиде Иисусъ*. Предтеча есть тотъ, кто идетъ предъ кѣмъ-нибудь, какъ напр. Іоаннъ—(предтеча) Христовъ. И не просто: *овиде*, но: *идже предтеча о насъ овиде*, такъ что и мы должны слѣдовать за нимъ, потому что между предтечею и слѣдующими за нимъ не должно быть большого разстоянія,—иначе онъ не былъ бы предтечею. Предтеча и слѣдующіе за нимъ должны быть на одномъ и томъ же пути; дѣло перваго — идти впереди, а послѣднихъ — слѣдовать за нимъ. *По чину*, говорить, *Мелхиседекову первосвященникъ бысть во отки*. Вотъ и еще иное утѣшеніе — въ томъ, что нашъ первосвященникъ выше и гораздо лучше (первосвященниковъ) іудейскихъ, не только по способу (избранія), но и по мѣсту, и по скиніи, и по завѣту, и по личности. Впрочемъ это говорится (о Христѣ) по плоти.

3. Итакъ, нужно быть лучшими и для тѣхъ, у кого Онъ

первосвященникомъ; насколько велико различіе между Аарономъ и Христомъ, настолько же велико различіе должно быть между нами и іудеями. Смотри, мы имѣемъ горѣ жертвеннаго агнца, горѣ первосвященника, горѣ жертву. Потому мы должны приносить такія жертвы, которыя могли бы быть возложены на такомъ жертвенникѣ,—не овецъ и воловъ, не кровь и тукъ. Все это прекратилось, а вмѣсто того введено словесное служеніе. Что такое словесное служеніе? Душевное, духовное,—*Богъ*, говорится (въ Писаніи), *есть Духъ, и иже кланяется ему, духомъ и истинною доостоитъ кланятися* (Іоан. іv, 24),—такое, для котораго ненужно ни тѣла, ни орудій, ни мѣстъ; таковы: кротость, цѣломудріе, милосердіе, незлобіе, долготерпѣніе, смиренномудріе. Такія жертвы еще въ ветхомъ завѣтѣ издавна предуказаны. *Пожрите Богу*, говоритъ Давидъ, *жертву правды* (Псал. іv, 6); и еще: *тебѣ пожру жертву хвалы* (Псал. cxv, 8); и еще: *жертва хвалы прославитъ мя* (Псал. xlix, 23); и еще: *жертва Богу духъ сокрушенъ* (Псал. i, 19); и еще: *чегого Господь ищетъ отъ тебе, разве еже ходити съ нимъ* (Мих. vi, 8)? *всесожженій и о грѣсъ не взыскавъ еси: тогда рече: се прииду еже сотворити волю твою, Боже* (Псал. xxxix, 7, 8); и еще: *вскую мнѣ кадило отъ Савы приносите* (Іер. vi, 20); и другой (пророкъ): *отстави отъ мене гласъ пѣсней твоихъ, и пѣсни органовъ твоихъ не послушаю* (Амос. v, 23); но, вмѣсто того, *милости хочу, а не жертвы* (Осіа vi, 6).

Видишь, какими жертвами нужно благоугождать Богу? Видишь, что тѣ жертвы давно уже прекратились, а эти введены вмѣсто нихъ? Ихъ мы и будемъ приносить. Тѣ—жертвы людей богатыхъ и достаточныхъ, а эти—жертвы добродѣтели; тѣ—внѣшнія, а эти—внутреннія; тѣ можетъ приносить всякій, а эти—немногіе. Насколько человекъ лучше овцы, настолько эта жертва (выше) той, потому что здѣсь ты приносишь въ жертву свою душу. Есть и еще жертвы, поистинѣ—всесожженія; это—тѣла святыхъ мучениковъ; у нихъ святы и душа и тѣло; они исполнены великаго благоуханія. И ты, если захочешь, можешь приносить такую жертву. Какимъ образомъ, когда ты не можешь предавать тѣла своего на сожженіе? Ты можешь (предавать себя) другому огню, напр., огню произвольной нищеты, огню скорби. Когда кто-нибудь, имѣя возможность жить роскошно и великолѣпно, умерщвляетъ себя жизнію подвижническою и прискорбною, то не есть ли это—всесожженіе? Умертви тѣло свое и распни его, и ты также получишь вѣнецъ мученичества. Что тамъ совершаетъ мечъ, то здѣсь пусть совершаетъ усердіе. Пусть не воспламеняется и не овладѣваетъ (тобою) сребролюбіе, но пусть пожигается и истребляется эта безумная страсть духовнымъ

огнемъ, пусть отсѣкается мечемъ Духа. Это—добрая жертва, для которой не нуженъ священникъ, но только самъ приносящій ее,—жертва прекрасная, которая совершается на землѣ, но тотчасъ же принимается на небѣ. Не дивимся ли мы, какъ въ древности сошелъ огонь и истребилъ все (3 Цар. xiv, 38)? Можетъ и нынѣ сходить огонь, гораздо болѣе чудный, и истреблять все предлагаемое, или лучше, не истреблять, но возносить на небо,—такъ какъ онъ не въ пепелъ превращаетъ дары, но приносить Богу.

Таковы были приношенія Корнилія: *молитвы твоя*, сказано (ему), и *милостыни твоя* *выидоша на память предъ Бога* (Дѣян. ix, 11). Вотъ прекрасное сочетаніе! Тогда и мы бываемъ услышаны, когда сами слышимъ приходящихъ къ намъ нищихъ. *Иже затыкаетъ*, говорится (въ Писаніи), *ушеса своя, еже не послушати немощнаго*, молитвы того не послушаетъ Богъ (Притч. xxi, 13); *блаженъ разумѣваяй на нища и убога: въ день люте избавитъ его Господь* (Псал. xlv, 2). Это не иной какой-нибудь день, но тотъ день, который будетъ тяжкимъ для грѣшниковъ. Что значить: *разумѣваяй*? Понимающій, что такое нищій, вникающій въ его бѣдствіе,—вѣдь кто постигнетъ его бѣдствіе, тотъ, конечно, тотчасъ окажетъ ему милость. Когда ты увидишь нищаго, то не отворачивайся отъ него, но тотчасъ подумай, каковъ былъ бы ты самъ, если бы былъ на его мѣстѣ, чего хотѣлъ бы ты получить отъ всѣхъ? *Разумѣваяй*, говоритъ. Представь, что и онъ свободенъ такъ же, какъ ты, имѣетъ одинаковую съ тобою благородную природу, и все у него общее съ тобою; и между тѣмъ его, который нисколько не хуже тебя, ты часто не равняешь даже съ своими собаками; эти вполне насыщаются хлѣбомъ, а тотъ нерѣдко засынаетъ голоднымъ, такъ что свободный становится ниже твоихъ рабовъ. Но рабы, скажешь, оказываютъ намъ услуги. Какія, объясни мнѣ? Они тебѣ хорошо служатъ? Но если я докажу, что и онъ оказываетъ тебѣ услугу гораздо больше ихъ,—что ты скажешь? Онъ предстанетъ въ день суда, и избавитъ тебя отъ огня. Могутъ ли всѣ рабы сдѣлать что-нибудь подобное? Когда умерла Тавиба (Дѣян. ix), кто воскресилъ ее? Рабы ли, окружавшіе ее, или бѣдныя? А ты не хочешь поставить свободнаго наравнѣ даже съ рабами. Вотъ сильная стужа; нищій лежитъ на помостѣ, одѣтый въ рубище, умирая съ холода, скрежеща зубами, и видомъ и одеждою возбуждая состраданіе; но ты, одѣтый тепло и опьянѣвшій, проходишь мимо (не обращая на него вниманія). Какъ же ты желаешь, чтобы Богъ избавилъ тебя, когда находишься въ несчастіи? Ты часто говоришь: если бы я былъ въ такомъ положеніи, что кто-нибудь много согрѣшилъ бы противъ меня, то я простилъ бы его,—Богъ ли не проститъ мнѣ? Не говори этого;

самъ ты презираешь того, который даже ни въ чемъ не согрѣшилъ противъ тебя, и которому ты могъ бы помочь. Если же ты презираешь такого (человѣка), то какъ Богъ простить тебѣ грѣхи твои противъ Него? Не заслуживаетъ ли это геенны? И вотъ что странно: нерѣдко тѣло мертвое, безжизненное, уже не чувствующее почестей, ты прикрываешь множествомъ разнообразныхъ позолоченныхъ одеждъ; а тѣло страждущее, болѣзненное, мучимое и изнуряемое голодомъ и холодомъ, ты презираешь; болѣе угождаешь тщеславію, нежели страху Божію. И, о, если бы только это! Но тотчасъ (начинаются еще) укоризны на подходящаго (бѣдняка). Почему, говоришь ты, онъ не работаетъ? Зачѣмъ ѣсть хлѣбъ, не трудясь? Но ты самъ, скажи мнѣ, своими ли трудами приобрѣлъ то, что имѣешь? Не отцовское ли получилъ наслѣдство? А если бы ты и трудился, то неужели поэтому ты можешь укорять другого? Развѣ ты не слышалъ словъ Павла: *вы же не стужайте доброе творяще!* И это говорить послѣ того, какъ сказалъ: *аще кто не хочетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Сол. ш, 18, 10). Но онъ, говоришь ты, обманщикъ.

4. Что говоришь ты, человѣкъ? Изъ-за одного хлѣба и одежды ты называешь его обманщикомъ? Но онъ тотчасъ продастъ ее, говоришь ты. А ты самъ хорошо ли распоряжаешься всѣмъ своимъ имуществомъ? Какъ, неужели всѣ нищіе сдѣлались такими отъ праздности? Неужели никто отъ кораблекрушеній, никто отъ судилищъ, никто отъ воровъ, никто отъ несчастій, никто отъ болѣзней, никто отъ какихъ-нибудь другихъ обстоятельствъ? Между тѣмъ мы, слыша бѣднаго, жалующагося на подобныя несчастія, вызывающаго громкимъ голосомъ, устремляющаго взоры на небо, съ открытою головою, съ распущенными волосами, одѣтаго въ рубище, тотчасъ называемъ его обманщикомъ, плутомъ, лицемеромъ. Не стыдно ли тебѣ? Кого ты называешь обманщикомъ? Если не хочешь ничего дать, то, по крайней мѣрѣ, не поноси человѣка. Но, говоришь ты, онъ имѣетъ средства и притворяется. Это служить къ осужденію тебя, а не его; онъ знаетъ, что имѣетъ дѣло съ людьми жестокосердыми, скорѣе со звѣрями, нежели съ людьми, и что, сколько бы онъ ни произносилъ жалобныхъ словъ, никого не тронетъ, а потому и принужденъ принимать на себя видъ еще болѣе жалкій, чтобы преклонить твою душу. Когда мы увидимъ, что кто-нибудь подходитъ къ намъ въ опрятной одеждѣ, то говоримъ: онъ обманщикъ, онъ подходитъ въ такомъ видѣ, чтобы показать, что онъ изъ благородныхъ; а когда увидимъ кого-нибудь въ противоположнаго свойства одеждѣ, то укоряемъ и его. Что же имъ дѣлать? О, жестокость! О, безчувственность! Для чего, говоришь ты, они обнажаютъ изувѣченные члены? Для

тебя. Если бы мы были сострадательны, то имъ ненужно было бы прибѣгать къ такимъ средствамъ; если бы они могли трогать съ перваго взгляда, то не ухищрялись бы подобнымъ образомъ. Какой несчастный захотѣлъ бы такъ вопить, принимать на себя отвратительный видъ, вмѣстѣ съ обнаженною женою рыдать предъ всѣми, вмѣстѣ съ дѣтьми посыпать себя пепломъ? Что можетъ быть хуже такой крайности? Но и за это мы не только не оказываемъ имъ состраданія, а еще осуждаемъ ихъ. Какъ же послѣ того мы можемъ негодовать, что Богъ не внемлетъ нашимъ молитвамъ? Какъ можемъ роптать, что Онъ не удовлетворяетъ нашимъ прошеніямъ? Не страшно ли это, возлюбленные? Но, говоришь ты, я часто подавалъ. А ты развѣ не каждый день принимаешь пищу? Развѣ ты отталкиваешь дѣтей, хотя они и часто просятъ тебя? О, безстыдство! Ты называешь нищаго безстыднымъ. Самъ, похищая чужое, ты не считаешь себя безстыднымъ; а просящій хлѣба безстыденъ? Ужели ты не знаешь, какъ сильна потребность желудка? Не дѣлаешь ли ты все для него? Не оставляешь ли ты для него духовныхъ предметовъ? Тебѣ обѣщано небо и царствіе небесное; а ты, покоряясь насилію его (желудка), не переносишь ли все и не пренебрегаешь тѣмъ (обѣщаннымъ)? Вотъ истинное безстыдство! Не видишь ли ты увѣчныхъ старцевъ? Но,—о, злословіе!—этотъ, говорите вы, даетъ въ долгъ по столько-то золотныхъ, а тотъ по столько-то, и между тѣмъ выпрашиваютъ (милостыни). Вы рассказываете басни и сказки малыхъ дѣтей, которыя они всегда слышатъ отъ своихъ нянекъ; я не думаю, не вѣрю, не можетъ быть. Такой-то даетъ деньги въ ростъ, а самъ при своемъ достаткѣ проситъ милостыни? Для чего же, скажи мнѣ? Что можетъ быть постыднѣе прошенія милостыни? Лучше умереть, нежели просить. Но доколѣ мы будемъ жестокосердыми? Какъ, неужели всѣ они даютъ деньги въ ростъ? Неужели всѣ обманщики? Неужели нѣтъ ни одного дѣйствительно нищаго? Есть, говоришь ты, и много. Почему же ты не оказываешь помощи имъ, если ты точно знаешь жизнь ихъ? Нѣтъ, это—предлогъ и отговорка. *Всякому просящему у тебе дай, и томящаго отъ тебе заяти не оторати* (Мѡ. v, 42; Лук. vi, 30); *буди рука твоя простерта, а не согбена* (Сир. iv, 35). Мы не поставлены быть судьями жизни другихъ; иначе мы никому не подадимъ милостыни. Когда ты молишься Богу, то не говоришь ли: *не помани грѣховъ моихъ* (Псал. xlv, 7)? Такъ и о нищемъ, хотя бы онъ былъ великій грѣшникъ, думай то же и не поминай грѣховъ его. Нынѣ время челоувѣколюбія, а не строгаго суда, — милости, а не осужденія. Онъ хочетъ ѣсть: если желаешь, дай ему; если же не желаешь, откажи, не изслѣдуя, почему онъ бѣденъ

и несчастенъ. Для чего ты и самъ не подаешь ему, и желающихъ подать отклоняешь? Вѣдь когда кто-нибудь услышитъ отъ тебя, что этотъ (нищій)—обманщикъ, а тотъ—лицемѣръ, ростовщикъ, то не подастъ ни тому, ни другому, подумавъ, что они всѣ таковы. Извѣстно, какъ легко мы вѣримъ худому, и какъ не
 96 легко — хорошему. Мы должны быть не просто милосерды, но *якоже Отецъ нашъ небесный* (Мѡ. v, 48). Онъ питаетъ и блудниковъ, и прелюбодѣевъ, и обманщиковъ, и вообще всякаго рода злодѣевъ. Въ настоящемъ мірѣ необходимо быть и такого рода многимъ; Онъ же всѣхъ одѣваетъ, и никто никогда не умиралъ съ голоду, развѣ только по собственной волѣ.

Такъ и мы должны быть милосерды. Если кто проситъ у тебя и находится въ нуждѣ, помощи ему. Но мы нынѣ дошли до такого безумія, что поступаемъ такъ не только съ нищими, ходящими по переулкамъ, но и съ монашествующими: онъ, говорятъ, обманщикъ! Не внушалъ ли я вамъ и прежде, что если мы будемъ подавать всѣмъ безъ разбора, то постоянно будемъ оказывать милосердіе; а если станемъ изслѣдывать, то никогда не окажемъ милосердія? Что говоришь ты? Неужели онъ притворяется для того, чтобы получить хлѣба? Если бы онъ просилъ талантовъ золота и серебра, или драгоценныхъ одеждъ, или рабовъ, или чего-нибудь подобнаго, то справедливо можно было бы назвать его обманщикомъ; но если онъ не проситъ ничего такого, а только пищи и одежды, вещей самыхъ умѣренныхъ, то, скажи мнѣ, свойственно ли это обманщику? Оставимъ эту неумѣстную, сатанинскую, пагубную разборчивость. Когда кто-нибудь станетъ говорить, что онъ принадлежитъ къ клиру, или называть себя священникомъ, тогда развѣдай, распроси, потому что общеніе съ такимъ человѣкомъ безъ изслѣдованія не безопасно,—здѣсь великая опасность. А когда кто-нибудь проситъ пищи, то не изслѣдуй; здѣсь ты не столько даешь, сколько самъ принимаешь. Вспомни, если хочешь, какъ Авраамъ оказывалъ гостепріимство всѣмъ приходящимъ. Если бы онъ дѣлалъ изслѣдованія о приходящихъ къ нему, то не принялъ бы ангеловъ; можетъ быть, не считая ихъ ангелами, онъ вмѣстѣ съ другими отказалъ бы и имъ; но такъ какъ онъ принималъ всѣхъ, то принималъ и ангеловъ. Развѣ за жизнь принимающихъ отъ тебя Богъ даетъ тебѣ награду? Нѣтъ,—за твое расположеніе, за твое милосердіе, за великое человѣколюбіе, за доброту. Если будетъ она, то и ты получишь всѣ блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XII.

Сей бо Мелхиседекъ, царь Салимскій, священникъ Бога ^{95—96}вышняго, иже срѣте Авраама возвращася отъ сѣча царей, и благослови его, емуже и десятину отъ всѣхъ отдѣли Авраамъ, первѣе убо сказуется царь правды, потомъ же царь Салимскій (еже есть царь мира), безъ отца, безъ матери, безъ причта рода, ни начала днемъ, ни животу конца имѣя, уподобленъ же Сыну Божию пребываетъ священникъ выну (Евр. vii, 1—3).

1. Павелъ, желая показать различіе между новымъ и ветхимъ завѣтами, во многихъ мѣстахъ указываетъ на это различіе, и въ самомъ началѣ говоритъ о немъ, и далѣе, научая слушателей, предуготовляетъ ихъ. Въ самомъ началѣ онъ указалъ на это, когда сказалъ, что *(Богъ) глаголаше (отцемъ) во пророцѣхъ, а намъ съ Сыномъ, тѣмъ многочастнѣе и многообразнѣе, а намъ чрезъ Сына*. Потомъ сказавъ о Сынѣ, кто Онъ и что совершилъ, преподавъ увѣщаніе повиноваться Ему, чтобы не подвергнуться участи, одинаковой съ іудеями, объяснивъ, что Онъ есть первосвященникъ по чину Мелхиседекову, неоднократно выразивъ желаніе раскрыть это различіе и уже многое предуготовивъ къ тому, обличивъ ихъ за ихъ слабости, и потомъ ободривъ и утвердивъ, чтобы они не унывали, — (апостолъ) наконецъ приступаетъ къ объясненію самаго различія предъ ободренными слушателями: вѣдь человѣкъ, упавшій духомъ, не легко можетъ принять слышанное. А чтобы ты убѣдился (въ справедливости ⁹⁷этого), послушай Писанія, которое говоритъ: *и не послушаа Моисеа отъ малодушія* (Исх. vi, 9). Потому онъ, напередъ разсѣявъ ихъ уныніе многими, и грозными и кроткими, внушеніями, затѣмъ уже и приступаетъ къ раскрытію этого различія. Что же говоритъ онъ? *Сей бо Мелхиседекъ, царь Салимскій, священникъ Бога вышняго*. И вотъ что удивительно: въ самомъ прообразѣ онъ открываетъ великое между ними различіе: онъ всегда, какъ я сказалъ, доказываетъ прообразомъ истину, прошедшимъ настоящее, по немощи слушателей. *Сей бо, говоритъ, Мелхиседекъ, царь Салимскій, священникъ Бога вышняго, иже срѣте Авраама, возвращася отъ сѣча царей, и благослови его: емуже, и десятину отъ всѣхъ отдѣли Авраамъ*. Изложивъ кратко все событіе, онъ разсматриваетъ его съ таинственной стороны, и прежде всего начинается съ имени: *первое убо, говоритъ, сказуется царь правды*. Справедливо: *седекъ* значить — правда, а *мелхи* — царь; слѣдовательно,

Мелхиседекъ—*царь правды*. Видишь ли точность въ самыхъ выраженіяхъ? Кто же этотъ царь правды, какъ не Господь нашъ Іисусъ Христосъ? *Потомъ же царь Салимскій*,—отъ имени города,—*еже есть царь мира*, потому что *салимъ* имѣеть такое значеніе. Это опять относится ко Христу, потому что Онъ сдѣлалъ насъ праведными и умиротворилъ *яже на небеси и яже на землѣ*. Кто изъ людей—царь правды и мира? Никто; таковъ только Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Затѣмъ (апостоль) представляетъ другую особенность: *безъ отца*, говоритъ, *безъ матери*, *безъ причта рода*, *ни начала дней*, *ни животу конца имѣя*, *уподобленъ же Сыну Божію*, *преступаетъ священникъ выну*. Такъ какъ ему повидному противорѣчили слова: *ты еси священникъ во вѣкъ по чину Мелхиседекову*,—вѣдь Мелхиседекъ умеръ и не былъ священникомъ во вѣкъ,—то, смотри, какъ онъ объясняетъ это. Чтобы никто не возразилъ: кто можетъ сказать это о человѣкѣ?—онъ говоритъ: я разумѣю это не въ собственномъ смыслѣ, т. е., мы не знаемъ ни того, кого имѣлъ Мелхиседекъ отцемъ и кого матерью, ни того, когда онъ родился и когда скончался. Но что въ томъ, скажешь (что мы не знаемъ)? Развѣ поѣтому, что мы не знаемъ, онъ и не умеръ, или не имѣлъ родителей? Справедливо говоришь ты; онъ и умеръ и имѣлъ родителей. Почему же онъ *безъ отца*, *безъ матери*? Почему *ни начала дней*, *ни животу конца имѣя*? Почему? Потому, что объ этомъ не упоминается въ Писаніи. Что же это значитъ? То, что какъ онъ *безъ отца*, поскольку нѣтъ его родословія, такъ Христосъ таковъ на самомъ дѣлѣ.

2. Здѣсь открывается безначальность и безконечность (Сына). Какъ мы не знаемъ ни начала дней, ни конца жизни (Мелхиседека), потому что не написано, такъ мы не знаемъ этого и касательно Іисуса, но не потому, что не написано, а потому, что у Него дѣйствительно этого нѣтъ. Первый есть прообразъ, и потому объ немъ только не написано; а послѣдній есть истина, и потому у Него дѣйствительно этого нѣтъ. Какъ по отношенію къ именамъ у перваго только названія: *царь правды и мира*, а у послѣдняго самое дѣло, такъ и здѣсь къ первому относятся только названія, а къ послѣднему самое дѣло. Какъ же (о Сынѣ говорится, что) Онъ имѣеть начало? И здѣсь Сынъ называется безначальнымъ не въ томъ смыслѣ, будто Онъ не имѣеть виновника,—это невозможно: Онъ имѣеть Отца: иначе какъ Онъ былъ бы Сыномъ?—но въ томъ, что Онъ не имѣеть ни начала, ни
93
конца своего бытія. *Уподобленъ же Сыну Божію*. Въ чемъ это подобіе? Въ томъ, что мы не знаемъ ни начала, ни конца какъ того, такъ и другого; но перваго потому, что не написано, а втораго потому, что онъ не имѣеть ихъ. Вотъ въ чемъ сходство.

Если бы у нихъ было сходство во всемъ, то они не были бы одинъ прообразомъ, а другой истинною, но были бы оба прообразами. То же самое можно видѣть и въ картинахъ; и въ нихъ есть нѣкоторое сходство, есть и несходство (съ оригиналомъ); въ простомъ очертаніи есть нѣкоторое сходство по виду, а когда бывають наложены краски, тогда ясно открывается различіе; есть сходство и несходство. *Видите же, говорить (апостоль), сликъ сей, емуже и десятину далъ есть Авраамъ патриархъ отъ избранныхъ* (ст. 4). Доселѣ онъ раскрывалъ прообразъ; теперь съ увѣренностію представляетъ (Христа) превосходитѣйшимъ всего, что было истиннаго у іудеевъ. Если таковъ прообразъ Христовъ, если онъ столько выше не только священниковъ, но и самого праотца священниковъ, то что сказать объ истинѣ? Видишь ли, съ какою силою доказываетъ Его превосходство? *Видите же, говорить, сликъ сей, емуже и десятину далъ есть Авраамъ патриархъ отъ избранныхъ*. Избранными называется добыча. Нельзя сказать, что далъ ее, какъ участнику въ войнѣ, потому что говорится: *грѣхъ (Авраама) возвращающаго отъ стѣнъ царей*; очевидно, что онъ оставался дома, и что (Авраамъ) далъ ему начатки пріобрѣтеннаго имъ самимъ. *И пріемлющій убо священство отъ сыновъ Левіиныхъ заповѣдь имутъ одесѣтствовати люди по закону, сирѣчь, братію свою, аще и отъ чреслъ Авраамовыхъ изшедшую* (ст. 5). Таково, говоритъ, преимущество священства, что люди, равночестные по происхожденію и имѣющіе одного и того же прародителя, дѣлаются гораздо выше другихъ; потому и получаютъ отъ нихъ десятины. Если же найдется кто-нибудь такой, кто возьметъ съ нихъ самихъ десятину, то не стануть ли они на ряду съ мірянами, а онъ на ряду съ священниками? При томъ (Мелхиседекъ) не былъ равенъ имъ и по происхожденію, но происходилъ изъ другого рода; слѣдовательно (Авраамъ) не далъ бы иноплеменику десятины, если бы не видѣлъ въ немъ высокой чести. Увы, что случилось! Здѣсь (апостоль) выразилъ болѣе, нежели въ посланіи къ Римлянамъ, когда онъ рассуждалъ о вѣрѣ. Тамъ онъ говоритъ, что Авраамъ есть праотецъ и нашего и іудейскаго состоянія; а здѣсь говоритъ о немъ совершенно не то, и доказываетъ, что необрѣзанный гораздо выше его. Чѣмъ же онъ доказываетъ? Тѣмъ, что самъ Левій далъ десятину? *Авраамъ, говорить онъ, далъ есть*. Какъ же, скажете, это относится къ намъ? Къ вамъ особенно и относится, потому что вы, конечно, не станете доказывать, что левиты выше Авраама. *Не причитаемый же родомъ къ нимъ одесѣтствова Авраама*. И не просто сказалъ это, но еще присовокупилъ: *и имущаго обѣтованія благослови* (ст. 6). Такъ какъ это всегда считалось у іудеевъ важнымъ, то онъ до-

казываетъ превосходство одного предъ другимъ и примѣнительно къ общему сужденію всѣхъ: *безъ всякаго же прекословія*, говорить, *мнѣе отъ большаго благословляется* (ст. 7), т. е. всякій знаетъ, что меньшій благословляется большимъ. Слѣдовательно, прообразъ Христовъ былъ выше и этого, кто имѣлъ обѣтованія. *И здѣ убо десятины человецы умирающіи приѣмлютъ: тамо же свидѣтельствуемый, яко живъ есть* (ст. 8). А чтобы не сказали: для чего ты обращаешься къ давнимъ временамъ?—какое отношеніе къ нашимъ священникамъ того, что Авраамъ далъ десятину?—скажи о томъ, что касается насъ,—для этого (апостоль) продолжаетъ: *и да сие речу*. Прекрасно выражается, не высказывая мысли своей ясно, чтобы не поразить слушателей. *Авраамомъ и Левій, приѣмляй десятины, десятины далъ есть* (ст. 9). Какимъ образомъ? *Еще бо въ чреслѣхъ отчичъ бже, егда сръте его Мелхиседекъ* (ст. 10), т. е. въ немъ былъ Левій и, еще не родившись, чрезъ него далъ десятину. И смотри, не сказалъ: левиты, но *Левій*, съ намѣреніемъ—чрезъ это еще болѣе доказать превосходство. Видишь ли, какое различіе между Авраамомъ и Мелхиседекомъ—прообразомъ нашего первосвященника? Здѣсь видно преимущество по власти, а не по необходимости. Тотъ далъ десятину, что слѣдуетъ священнику; а этотъ благословилъ, что свойственно высшему. Это преимущество переходитъ и на потомковъ. Удивительно и побѣдоносно (апостоль) опровергъ все іудейское; потому онъ и сказалъ прежде: *немоцни бисте* (Евр. v, 11), что хотѣлъ предложить эти истины,—чтобы они не отвратили слуха. Такова мудрость Павлова: онъ напередъ предуготовляетъ, а потомъ уже приступаетъ къ тому, что намѣренъ говорить. Родъ человѣческій не скоро убѣждается и требуетъ многихъ попеченій, даже больше, нежели растенія. Тамъ свойство тѣлъ и земли, которое уступаетъ рукамъ земледѣльцевъ; а здѣсь свободная воля, которая допускаетъ частныя перемѣны и избираетъ то одно, то другое, потому что удобопреклонна ко злу.

3. Потому намъ нужно постоянно смотрѣть за собою, чтобы не задремать: *се, говорить* (Псалмонѣвецъ), *не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля*, и еще: *не даждь во смятеніе ноги твоея* (Псал. cxh, 3, 4). Не сказалъ: не смущайся, но: *не даждь*; слѣдовательно, давать зависить отъ насъ, а не отъ кого-нибудь другого; если мы захотимъ стоять прямо и неподвижно, то не придемъ въ смятеніе; это именно онъ выразилъ приведенными словами. Что же? Неужели ничто (не зависить) отъ Бога? Все отъ Бога, но не такъ, чтобы нарушалась и наша свобода. Если все отъ Бога, то за что же, скажешь, обвинять насъ? Но для того я и прибавилъ: не такъ, чтобы нарушалась наша свобода. Все здѣсь зависить и

отъ насъ, и отъ Него; намъ слѣдуетъ напередъ избирать доброе, а когда мы выберемъ, тогда и Онъ оказываетъ свое содѣйствіе.

Онъ не предупреждаетъ нашего желанія, чтобы не нарушилась наша свобода; когда же мы выберемъ, тогда Онъ подаетъ намъ великую помощь. Почему же, если это зависитъ и отъ насъ, Павелъ говорить: *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Рим. ix, 16)? Во-первыхъ, онъ приводитъ это не какъ собственную мысль, но какъ слѣдствіе изъ предъидущаго и прежде раскрытаго предмета,—послѣ того какъ сказалъ: написано: *помилую, сегоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю* (Рим. ix, 15), онъ прибавилъ: *также убо ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога*. Будешь ли еще послѣ этого говорить: за что же обвинять? Во-вторыхъ, и то можно сказать, что кому принадлежитъ большая часть, тому онъ и приписываетъ все; наше дѣло предъизбрать и восхотѣть, а дѣло Божіе — привести въ исполненіе и довершить. Такъ какъ большая часть принадлежитъ Богу, то (апостоль) и приписываетъ все Ему, выражаясь по обычаю человѣческому. И мы вѣдь такъ дѣлаемъ, напримѣръ, видимъ домъ хорошо выстроенный и говоримъ: это все—дѣло архитектора, хотя не все принадлежитъ ему, но также и работникамъ, и господину, доставлявшему матеріалъ, и многимъ другимъ; но такъ какъ большая часть дѣла зависѣла отъ него, то мы и говоримъ, что 100 все это—его дѣло. Точно такъ и здѣсь. Подобнымъ образомъ о народѣ, гдѣ его много, мы говоримъ: тамъ всѣ; а гдѣ немного, то говоримъ: нѣтъ никого. Такъ и Павелъ здѣсь говоритъ: *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога*. Этими словами онъ преподаетъ два весьма важныхъ урока: первый, чтобы не превозноситься добрыми дѣлами, которыя мы совершаемъ; второй, чтобы, совершая добрая дѣла, приписывать исполненіе ихъ Богу. Сколько бы, говорить, ты ни трудился, сколько бы ни старался,—не считай добраго дѣла своимъ, потому что если бы ты не получилъ помощи свыше, то все было бы напрасно. Если ты будешь имѣть успѣхъ въ своихъ трудахъ, то, очевидно, при помощи свыше, впрочемъ когда и самъ ты трудишься, когда обнаруживаешь желаніе. Не то онъ сказалъ, будто мы трудимся напрасно, но то, что мы напрасно трудимся въ такомъ случаѣ, если все считаемъ своимъ, если не приписываемъ большей части Богу. Богъ благоволилъ не все оставить Себѣ, чтобы не показалось, будто Онъ увѣнчиваетъ насъ напрасно, и не все предоставилъ намъ, чтобы мы не впали въ гордость. Если, и совершая меньшую часть, мы такъ много превозносимся, то что было бы, если бы мы были виновниками всего? Многое сдѣлалъ Богъ для истребленія въ насъ гордости. *И еще рука его высока*, говорить (пророкъ) (Иса. v.

25). Сколькимъ страстямъ Онъ попустилъ овладѣвать нами, чтобы уничтожить нашу надменность? Сколькими окружилъ насъ звѣрями? Подлинно, когда кто-нибудь говорить: что это? для чего это?—тогда говорить вопреки волѣ Божій. (Богъ) поставилъ тебя среди такихъ ужасовъ, и ты не смиренномудрствуешь; но если получишь въ чемъ-нибудь хотя малый успѣхъ, тотчасъ возносишься надменностію до самого неба.

4. Оттого и бываютъ весьма быстрыя перемѣны и паденія,—и однако мы не вразумляемся ими; оттого частые и неожиданные смертные случаи,—и однако мы живемъ, какъ будто безсмертные, какъ будто никогда не имѣющие умереть; похищаемъ чужое, предаемся любостыжанію, какъ будто никогда не будемъ отдавать отчета; сооружаемъ зданія, какъ будто здѣсь останемся вѣчно. Ни слово Божіе, каждодневно возглашаемое намъ, ни самыя событія не вразумляютъ. Нѣтъ дня, нѣтъ даже часа, въ который не видно было бы похоронъ,—и все напрасно, ничто не трогаетъ нашей безчувственности. Отъ несчастій другихъ мы не можемъ, или правильнѣе, не хотимъ дѣлаться лучшими; лишь когда сами страдаемъ, тогда сокрушаемся, а какъ скоро Богъ отниметъ руку свою, мы опять поднимаемъ собственную руку. Никто не думаетъ о горнемъ, никто не пренебрегаетъ земнымъ, никто не взираетъ на небо; какъ свиньи смотрятъ внизъ, наклонившись къ брюху и валяясь въ грязи, такъ и многіе изъ людей остаются нечувствительными, оскверняя себя гнуснѣйшею 101 грязью. Въ самомъ дѣлѣ, лучше замараться отвратительною грязью, нежели грѣхами, потому что замаравшійся грязью скоро можетъ омыться и сдѣлаться подобнымъ тому, кто никогда не попадалъ въ эту нечистоту, а впавшій въ ровъ грѣха получаетъ оскверненіе, которое не смывается водою, но требуетъ продолжительнаго времени, искренняго раскаянія, слезъ, рыданій, плача гораздо большаго и сильнѣйшаго, нежели какой бываетъ при (потерѣ) самыхъ близкихъ сердцу. Грязь пристаётъ къ намъ отъ вѣи, потому мы скоро и очищаемъ ее; а нечистота грѣха рождается внутри, потому мы съ трудомъ уничтожаемъ ее и очищаемся. *Отъ сердца бо, говорятъ (Господь), исходятъ помысленія злая, прелюбодѣнія, любодѣнія, татѣи, лжесвидѣтельства* (Мѡ. хv, 19). Потому и пророкъ говорить: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже* (Псал. i, 19); и другой: *омый отъ лукавства сердце твое, Иерусалиме* (Іер. iv, 14). Видишь, что совершеніе добраго дѣла зависитъ и отъ насъ и отъ Бога? И еще: *блаженни чистии сердцею, яко тѣи Бога узрятъ* (Мѡ. v, 8).

Постараемся же быть чистыми по мѣрѣ силъ нашихъ; очистимъ себя отъ грѣховъ. А какъ можно очиститься? Этому на-

учаетъ пророкъ. когда говорить: *измыйтеся, чисти будите, отъимите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима моима* (Иса. I, 16). Что значить: *предъ очима моима*? Иные кажутся непорочными, но только предъ людьми, а предъ Богомъ являются гробами новопленными. Потому (Богъ) и говорить: *очиститесь такъ, чтобы Я видѣлъ (васъ чистыми)*. *Научитесь добро творити, възвѣстите суда, обидимаго и убогаго оправдите: и приидите, и истязжися, глаголетъ Господь: и еще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ уболю: еще же будутъ яко чераленое, яко волну уболю* (Иса. I, 17, 18). Видишь, что напередъ намъ самимъ нужно очищать себя, а потомъ уже и Богъ очищаетъ насъ? Онъ сначала сказалъ: *измыйтеся, чисти будете*; а потомъ присовокупилъ: *азъ уболю*. Итакъ, никто изъ людей, хотя бы дошедшихъ до крайней степени зла, не долженъ отчаиваться; хотя бы ты, говорить, приобрѣлъ навъкъ и даже вошелъ въ природу самаго зла, не бойся. Для этого Онъ и беретъ въ примѣръ краски, не легко выводимыя, но входящія почти въ самое существо вещей, и говорить, что Онъ обратитъ ихъ въ противоположное состояніе. Не сказалъ просто: *омою*, но: *яко снѣгъ и яко волну уболю*.—чтобы подать намъ благую надежду. Слѣдовательно, велика сила покаянія, если оно дѣлаетъ насъ чистыми, какъ снѣгъ, и бѣлыми, какъ волна, хотя бы грѣхъ предварительно запятналъ наши души. Итакъ, постараемся сдѣлаться чистыми; (Богъ) не заповѣдуетъ намъ ничего труднаго: *судите*, говорить Онъ, *сиру, и оправдите вдовицу*. Видишь ли, какъ часто и много Богъ говорить о милостынѣ и о защищеніи обижаемыхъ? Будемъ же совершать эти добрыя дѣла, и мы благодатию Божіею достигнемъ будущихъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ.

БЕСѢДА XIII.

Аще убо совершенство левитскимъ священствомъ было (людіе бо на немъ взаконени быша), кая еще потреба, по чину Мелхиседекову, иному востати священнику, а не по чину Ааронову глаголатися? Прелагаему бо священству, по нужди и закону премѣненіе бываетъ. О немже бо глаголются сія, колѣну иному причастися, отъ негоже никтоже приступи ко олтарю. Явѣ бо, яко отъ Іуды возсія Господь нашъ, о немже колѣнѣ Моисей о священствѣ ничесоже глагола (Евр. vii, 11—14).

1. *Аще убо*, говорить, *совершенство левитскимъ священствомъ было*. Сказавъ о Мелхиседекѣ, показавъ, сколько онъ былъ выше

Авраама, и объяснивъ великое между ними различіе, теперь онъ начинаетъ показывать различіе самыхъ завѣтовъ, какъ одинъ изъ нихъ несовершенъ, а другой совершенъ. Впрочемъ и теперь еще не приступаетъ къ самому дѣлу, а сначала разсуждаетъ о священствѣ и завѣтѣ, потому что для невѣрныхъ было болѣе убѣдительнымъ предлагать доказательства отъ предметовъ уже принятыхъ и прежде извѣстныхъ. Онъ доказалъ, что Мелхиседекъ былъ гораздо выше Левія и Авраама, явившись въ отношеніи къ нимъ священникомъ. Это же онъ доказываетъ теперь съ другой стороны. Съ какой именно? Со стороны священства нынѣшняго и іудейскаго. И посмотри на великую мудрость его: чѣмъ, повидимому, Христосъ отдѣлялся отъ священства, такъ какъ не
 102 былъ *по чину Ааронову*, то самое и приводитъ въ доказательство Его священства, а прочихъ исключаетъ. Онъ дѣлаетъ это, представляя себя самого какъ бы сомнѣвающимся, почему (Христосъ) называется священникомъ не по чину Ааронову, и потомъ разрѣшаетъ недоумѣніе. И я, говорить, недоумѣваю, почему Онъ былъ не по чину Ааронову. Это онъ выражаетъ словами: *аще убо совершенство левитскимъ священствомъ было*. А слова: *какая еще потреба* весьма усиливаютъ мысль. Если бы Христосъ по плоти былъ священникомъ по чину Мелхиседекову прежде, а потомъ уже явился законъ и (священство) по чину Ааронову, то справедливо иной могъ бы сказать, что послѣднее совершеннѣе и, будучи введено послѣ, упраздняетъ первое; но если Христосъ (является) послѣ и принимаетъ другой образъ священства, то очевидно, что по причинѣ несовершенства всего прежняго. Положимъ, говорить, что все прежнее исполнилось и нѣтъ ничего несовершеннаго въ (прежнемъ) священствѣ: для чего же нужно было еще *глаголатися по чину Мелхиседекову, а не по чину Ааронову*? Для чего (Богъ), оставивъ Аарона, вводитъ другое священство — Мелхиседеково? *Аще убо совершенство левитскимъ священствомъ было*, т. е., если бы посредствомъ левитскаго священства достигаемо было совершенство въ дѣлахъ, въ ученіи, въ жизни. Замѣть, какъ постепенно онъ идетъ впередъ. Сказавъ, что Христосъ *по чину Мелхиседекову*, онъ доказалъ, что священство по чину Мелхиседекову выше, потому что 'самъ (Мелхиседекъ) выше; затѣмъ онъ доказываетъ то же въ отношеніи времени, т. е.,
 103 что (Христосъ) послѣ Аарона, слѣдовательно и выше. А что означаютъ слѣдующія слова: *людіе бо на немъ взаконени быша*? Что значить: *на немъ*? Имъ руководятся, чрезъ него совершаютъ все, и нельзя сказать, что оно было дано для другихъ. *Людіе на немъ взаконени быша*, т. е. имъ пользуются и пользовались, и нельзя сказать, что оно, само будучи совершенно, не руководило народа.

На немъ *законенн быша*, т. е. имъ руководились. Какая же нужда въ другомъ священствѣ, если бы это было совершенно? *Прелагаему бо священству по нужди и закону премѣненіе бываетъ*: если нужно быть другому священнику, или лучше, другому священству, то нужно быть и другому закону. Это (сказано) противъ тѣхъ, которые говорятъ: *какая была нужда въ новомъ завѣтѣ?* Онъ могъ бы привести свидѣтельства изъ пророчества: *сей заимъ, егже заимъ отцемъ вашимъ* (Дѣян. III, 25); но разсуждаетъ пока о священствѣ. И смотри, какъ хотѣлъ внушить это. Сказавъ: *по чину Мелхиседекову*, онъ отвергъ чинъ Аароновъ, такъ какъ не сказалъ бы: *по чину Мелхиседекову*, если бы тотъ былъ лучше. А когда введено другое священство, то долженъ быть и другой завѣтъ, потому что невозможно священнику быть безъ завѣта, законовъ и постановленій, или принявшему другое священство руководствоваться прежнимъ завѣтомъ. Здѣсь представлялось возраженіе: какъ можно быть священникомъ, не будучи левитомъ? Но (апостолъ), предуготовивъ отвѣтъ на это въ вышесказанномъ, теперь уже не предлагаетъ разрѣшенія, а говоритъ объ этомъ мимоходомъ: я сказалъ, говоритъ онъ, что священство перемѣнено, слѣдовательно долженъ быть перемѣненъ и завѣтъ; перемѣненъ не только по образѣ дѣйствій и постановленіямъ, но и по колѣну, такъ какъ слѣдовало (перемѣнить его) и по колѣну. Какимъ образомъ? *Прелагаему бо*, говоритъ, *священству*, т. е., оно перешло изъ колѣна въ колѣно, изъ священническаго въ царское, для того, чтобы и царское и священническое составили одно. И замѣтъ таинство: сначала было колѣно царское, а потомъ священническое, подобно какъ и во Христѣ, который былъ царемъ всегда, а священникомъ сталъ тогда, когда принялъ плоть, когда принесъ жертву. Видишь ли перемѣну? То, что было предметомъ возраженія, онъ представляетъ необходимымъ послѣдствіемъ событій: *о немже бо*, говоритъ, *слагается сія, колѣну иному причастия, отъ негоже никтоже приступи ко олтарю. Нѣтъ бо, яко отъ Іуды возсія Господь нашъ, о немже колѣнъ Моисей о священствѣ ничегоже слагала*. Смыслъ словъ его слѣдующій: и я знаю и говорю, что это колѣно не имѣло священства, и никто изъ него не былъ священникомъ,—это именно означаютъ слова: *никтоже приступи ко олтарю*,—но во всемъ произошла перемѣна. Такъ, нужно было перемѣниться закону и ветхому завѣту, потому что и самое колѣно перемѣнено. Видишь ли, какъ онъ показываетъ еще иное различіе (завѣтовъ) отъ различія колѣнъ? И не только этимъ онъ доказываетъ ихъ различіе, но и со стороны лица (первосвященника), и завѣта, и образа дѣйствій, и самого прообраза. *Иже не по закону заповѣди плотскія бысть, но по силѣ животи неразрушаемаго* (ст. 16).

2. *Бысть, говорить, священникомъ не по закону заповѣди плотскія, — потому что тотъ законъ имѣлъ много плотского. И хорошо назвалъ его заповѣдію плотскою: все, что онъ опредѣлялъ, было плотское. Такъ, предписанія: обрѣжь плоть, помажь*
 104 *плоть, омой плоть, очисти плоть, остриги плоть, свяжи плоть, питай плоть, отдыхай плотію, — все это, скажи мнѣ, развѣ не плотскія (заповѣди)? Если хочешь знать, каковы и тѣ блага, которыя онъ обѣщаль, послушай: долготѣіе, говорить, для плоти, молоко и медъ для плоти, покой для плоти, наслажденіе для плоти. По такому-то закону Ааронъ получилъ священство; но Мелхиседекъ — не такъ. И лишше еще явъ есть, яко по подобію Мелхиседекову востаетъ священникъ инъ (ст. 15). Что явъ есть? Неодинаковость того и другого священства, различіе, преимущество того, кто былъ не по закону заповѣди плотскія. Кто? Мелхиседекъ? Нѣтъ, — Христосъ. Но по силѣ живота неразрушаемаго. Свидѣтельствуется бо, яко ты еси священникъ во вѣкъ по чину Мелхиседекову (ст. 17), т. е. не временный, не ограниченный предѣломъ, но по силѣ живота неразрушаемаго. Этимъ (апостоль) выражаетъ, что (Христосъ) сталъ священникомъ собственною силою и Отчею, силою безконечной жизни. Хотя такое выраженіе не соотвѣтствуетъ выраженію: не по закону заповѣди плотскія, потому что слѣдовало бы сказать: а по (заповѣди) духовной; но онъ подъ именемъ плотской разумѣетъ временную, подобно какъ и въ другомъ мѣстѣ говорить: даже до времени исправленія надлежащая оправданія плоти (Евр. ix, 10). По силѣ живота, т. е. потому, что Онъ живетъ собственною силою. Апостоль сказалъ, что закону претъненіе бываетъ, и показалъ — какимъ образомъ; а затѣмъ приводитъ причину: умъ человѣческій болѣе всего удовлетворяется тогда, когда знаетъ причину, и чрезъ то возвышается въ вѣрѣ, потому что мы тогда болѣе вѣруемъ, когда знаемъ и причину и основаніе, по которому что-нибудь бываетъ. Отлаганіе убо бываетъ, говорить, прежде бышій заповѣди за немощное ея и неполезное (ст. 18). Здѣсь возстаютъ на насъ еретики, которые говорятъ: вотъ и Павелъ назвалъ заповѣдь недоброю. Но послушай внимательно; онъ не сказалъ: потому что она не добра, или не хороша, но — за немощное ея и неполезное. И въ другомъ мѣстѣ онъ доказываетъ ея немощь, когда говоритъ: въ немже немоществоваше плотію (Рим. viii, 3). Слѣдовательно, не заповѣдь немощна, но мы. Ничтоже бо совершилъ законъ (ст. 19). Что значитъ: ничтоже совершилъ? Никого, говорить, онъ не довелъ до совершенства, такъ какъ его не слушались. Даже если бы его и слушались, и тогда онъ не сдѣлалъ бы никого совершеннымъ и добродѣтельнымъ. Впрочемъ (апостоль) не говорить этого здѣсь, но (го-*

ворить), что онъ не имѣлъ силы,—и справедливо, потому что письма его повелѣвали: дѣлай то-то, и не дѣлай того-то, предлагали только (повелѣнія), но не сообщали силы. Не такова наша надежда. Что значить: *отлаганіе*? Отмѣна, отверженіе. А чего именно, это онъ объясняетъ, продолжая: *прежде бывшія заповѣди*; такъ онъ называетъ законъ, потому что онъ уже отмѣненъ за свою немоць; онъ прежде былъ, но прошелъ и устарѣлъ по своей немощи. *Отлаганіе* есть отмѣна того, что имѣло силу. Отсюда и видно, что онъ имѣлъ силу, но оставленъ, потому что былъ совсѣмъ безуспѣшенъ. Итакъ, законъ былъ со- 105
вершенно бесполезенъ? Нѣтъ, онъ былъ полезенъ, и весьма полезенъ, но онъ не могъ дѣлать людей совершенными.

Поэтому (апостолъ) и говорить: *ничтоже бо совершилъ законъ*: все въ немъ было прообразомъ, все—тѣнію, и обрѣзаніе, и жертвы, и суббота, все не могло проникать въ душу, а потому прошло и отмѣнено. *Приведеніе же есть лучшему упованію, имже приближаемся къ Богу*: и по сликѣ не безъ клятвы (ст. 20). Видишь ли, какъ необходима была здѣсь клятва? Потому (апостолъ) и рассуждать много о томъ, что Богъ клялся, и клялся для большаго удостовѣренія. *Приведеніе же лучшаго упованія*. Что это значить? И законъ, говорить, имѣлъ упованіе, но не такое; прежде благоудовлившіе (Богу) надѣялись наслѣдовать землю и не терпѣть никакого бѣдствія, мы же, если угодимъ Богу, надѣемся наслѣдовать не землю, а небо; или даже, что гораздо важнѣе, надѣемся стать близъ Бога, приблизиться къ самому престолу Отчому, служить Ему вмѣстѣ съ ангелами. И смотри, какъ онъ мало-помалу раскрываетъ эти (истины); прежде онъ сказалъ: *входящую во внутреннѣйшее завѣсы* (Евр. vi, 19); а здѣсь: *имже приближаемся къ Богу*. И по сликѣ не безъ клятвы. Что значить: и по сликѣ не безъ клятвы? Т. е. не безъ клятвеннаго увѣренія. Вотъ еще иное различіе. Это обѣщано, говорить, не просто: *Они бо безъ клятвы священники быша: сей же съ клятвою чрезъ глаголющаго къ нему: клятеся Господь, и не раскается, ты еси священникъ во откъ по чину Мелхиседекову: потоліку лучшаго завѣта бысть испоручникъ Іисусъ. И они множайши священники быша, зане смертію возбранени суть пребывати: сейже, занеже пребываетъ во тѣхъ, непреступное имать священство* (ст. 21—24). (Апостолъ) указываетъ два преимущества (новозавѣтнаго священства): то, что оно не имѣетъ конца, подобно подзаконному, и то, что оно установлено съ клятвою. Все это онъ доказываетъ лицомъ Христа, принявшаго (это священство): *по силѣ, говорить, живота неразрушаемаго*, также клятвою, потому что Богъ клялся, и самымъ дѣломъ, потому что тотъ законъ, говорить, отмѣненъ, такъ какъ

былъ немощенъ, а этотъ стоитъ, такъ какъ имѣетъ силу. То же онъ дѣлаетъ и со стороны священника. Какимъ образомъ? Доказывая, что Онъ одинъ; а Онъ не былъ бы одинъ, если бы не былъ безсмертенъ; какъ прежнихъ священниковъ было много, потому что они были смертны, такъ Онъ одинъ, потому что Онъ — безсмертенъ. *Потомуку лучшаго завѣта бысть испоручникъ Иисусъ:* Богъ клялся Ему, что Онъ всегда будетъ священникомъ; а Богъ не сдѣлалъ бы этого, если бы Онъ не былъ живъ. *Тѣмже и спасти до конца можетъ приходящихъ чрезъ него къ Богу, всегда живъ сый, во еже ходатайствовати о нихъ* (ст. 25).

3. Видишь ли, что (апостоль) говорить это (о Христѣ) по плоти? Показавъ, что Онъ священникъ, благовременно потомъ говорить, что Онъ ходатайствуетъ. И въ другомъ мѣстѣ, когда Павелъ говорить: *уже и ходатайствуетъ о насъ* (Рим. VIII, 26; 1 Тим. II, 5), то разумѣть, что Онъ ходатайствуетъ какъ первосвященникъ. Въ самомъ дѣлѣ, Тотъ, кто *воскрешаетъ мертвыхъ, иже хочетъ, и живетъ тако, якоже Отецъ*, какъ можетъ ходатайствовать, когда нужно спасать? Какъ можетъ ходатайствовать Тотъ, во власти котораго находится весь судъ (Іоан. III, 19)? Какъ можетъ ходатайствовать Тотъ, который посылаетъ ангеловъ, чтобы однихъ ввергнуть въ пещь, а другихъ спасти (Мѡ. XIII, 8)? *Тѣмже, говорить, и спасти можетъ* (ст. 25). Онъ спасаетъ потому, что не умираетъ, потому, что Онъ *всегда живъ* и не имѣетъ преемника; а если не имѣетъ преемника, то и можетъ ходатайствовать за всѣхъ. Здѣшніе первосвященники, какъ бы они ни были славны, были только на то время, пока были, напримѣръ, Самуиль и всѣ подобные, а послѣ того уже нѣтъ, потому что умерли; а Онъ не таковъ, но спасаетъ *до конца*. Что значитъ: *до конца*? (Апостоль) внушаетъ нѣкоторое великое таинство: не только здѣсь, говорить, но и тамъ Онъ спасаетъ *приходящихъ чрезъ него къ Богу*. Какъ спасаетъ? *Всегда живъ сый во еже ходатайствовати о нихъ*. Видишь ли, сколько уничиженнаго онъ сказалъ (о Христѣ) по человѣческой Его природѣ? Онъ не однажды, говорить, ходатайствовалъ и получилъ, но всегда, когда нужно ходатайствовать о нихъ; это и означаетъ выраженіе: *до конца*. *До конца*, т. е. не въ настоящее только время, но и тамъ въ будущей жизни. Слѣдственно, Ему нужно непрестанно молиться? Но справедливо ли это? Даже и люди праведные часто однимъ прошеніемъ получали все: какъ же Онъ будетъ молиться непрестанно? И для чего Онъ сѣдитъ вмѣстѣ съ Отцемъ? Видишь ли, что здѣсь говорится о Немъ уничиженное по Его снисхожденію? Смыслъ словъ слѣдующій: не бойтесь ничего, не говорите: да, Онъ хотя и любитъ насъ и имѣетъ дерзновеніе предъ Отцемъ, но не мо-

жеть жить всегда; Онъ всегда живъ. Таковъ бо намъ подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ, безскверненъ, отлученъ отъ грѣшникъ (ст. 26). Видишь ли, что все это сказано о человѣчествѣ (Христовомъ)? Когда же я говорю: о человѣчествѣ, то разумѣю челоуѣчество, соединенное съ божествомъ, не раздѣляя ихъ, но внушая понимать это по надлежащему. Итакъ, видишь ли отличіе первосвященника (отъ ветхозавѣтныхъ)? Все вышесказанное (апостолъ) соединилъ въ словахъ: *искушена по всяческімъ по подобію, развѣ грѣха* (Евр. iv, 15). Таковъ бо намъ, говорить, подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ. Что значить: незлобивъ? Не причастный злу, не коварный. А что Онъ дѣйствительно таковъ, послушай пророка, который говоритъ: *ниже обрѣтется лъсть во устѣхъ его* (Иса. lш, 9). Можетъ ли кто-нибудь сказать это о Богѣ? Кто не постыдится сказать, что Богъ не коваренъ, не лъстивъ? А о Христѣ по плоти это сказать можно. *Преподобенъ, безскверненъ*: и этого нельзя сказать о Богѣ, потому что Онъ по существу своему непороченъ. *Отлученъ отъ грѣшникъ*. И это ли только одно доказываетъ Его превосходство? Не доказываетъ ли и самая жертва? Да, жертва. Какимъ образомъ? *Иже не имать*, говорить, *по вся дни нужды, якоже первосвященники, прежде о своихъ грѣсѣхъ жертвы приносити, потомъ же о людскихъ: сіе бо сотвори единою, себе принесъ* (ст. 27). Что—сіе? Здѣсь (апостолъ) начинаетъ говорить о превосходствѣ духовной жертвы. Онъ сказалъ о различіи между священниками (ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ), сказалъ о различіи между завѣтами (ветхимъ и новымъ);—хотя не вполне, однакоже сказалъ; здѣсь наконецъ начинаетъ говорить и о самой жертвѣ. Когда ты слышишь, что Христосъ есть священникъ, то не думай, что Онъ священнодѣйствуетъ постоянно; Онъ совершилъ священнодѣйствіе однажды, и затѣмъ возсѣлъ (одесную Отца). Чтобы ты не думалъ, будто Онъ стоитъ горѣ и священнодѣйствуетъ, (апостолъ) показываетъ, что это было дѣломъ домостроительства. Какъ Онъ былъ рабомъ, такъ же и священникомъ и священнослужителемъ; какъ, будучи рабомъ, Онъ не остался рабомъ, такъ, будучи и священнослужителемъ, Онъ не остался священнослужителемъ,—потому что священнослужителю свойственно не сидѣть, а стоять. Здѣсь (апостолъ) выражаетъ величіе жертвы, которая одна, будучи принесена однажды, имѣла столько силы, сколько не имѣли всѣ другія виѣствѣ. Впрочемъ онъ еще не объ этомъ говоритъ, а пока только о слѣдующемъ: *сіе бо сотвори единою*. Что—сіе? *Потреба*, говорить, *имѣти что и сему, еже принесеть* (Евр. viш, 3), не за Себя,—какъ Онъ, будучи безгрѣшенъ, могъ приносить жертву за Себя?—а за людей. Что говоришь? Не-

ужели Онъ не имѣть нужды приносить за Себя и настолько силенъ? Да, говорить. Чтобы ты не подумалъ, будто въ словахъ: *сотвори единою* говорится и объ Немъ, послушай, что говоритъ (апостолъ) далѣе: *законъ бо челоѣки поставляетъ первосвященники, имущія немощь* (ст. 28). Поэтому они всегда приносятъ жертвы и за себя самихъ; а Онъ, какъ сильный и неимѣющій грѣха, для чего будетъ приносить за Себя? Слѣдовательно, Онъ принесъ жертву не за Себя, но за людей, и при томъ однажды. *Слово же клятвенное, еже по законъ, Сына во вѣки совершенна*. Что значить — совершенна? Смотри: Павелъ не поставляетъ буквально противоположныхъ выраженій; послѣ словъ: *имущія немощь*, онъ не сказать: Сына сильного, но: *совершенна*, что также, можно сказать, означаетъ сильного. Видишь ли, что слово: *Сынъ* сказано въ противоположность *рабу*? Подъ немощію же онъ разумѣетъ или грѣхъ, или смерть. Что значить: *во вѣки*? Не теперь только безгрѣшнаго, говорить, но всегда. Если же Онъ совершенъ, если Онъ никогда не грѣшитъ, если Онъ вѣчно живетъ, то для чего Ему и приносить жертвы за насъ многократно? Впрочемъ этого (апостолъ) пока еще не доказываетъ, а доказываетъ только то, что не принесъ жертвы за Себя. Итакъ, если мы имѣемъ такого первосвященника, то будемъ подражать Ему и идти по стопамъ Его. Нѣтъ другой жертвы; одна очистила насъ; а затѣмъ огонь и геенна. Для того (апостолъ) такъ часто и повторяетъ: одинъ священникъ, одна жертва, — чтобы кто-нибудь, думая, что ихъ много, не сталъ грѣшить безъ опасенія.

4. Потому мы, сподобившіеся этой печати, вкусившіе этой жертвы, участвующіе въ безсмертной трапезѣ, будемъ сохранять свое благородство и честь, такъ какъ отпаденіе не безопасно. И тѣ, которые еще не удостоились этого, пусть не будутъ самонадѣянны, такъ какъ кто грѣшитъ съ тѣмъ, чтобы принять святое крещеніе при послѣднемъ издыханіи, тотъ часто не получаетъ его. Повѣрьте мнѣ: не для возбужденія въ васъ страха я скажу то, что намѣреваюсь сказать. Я знаю многихъ, съ которыми это случилось, которые много грѣшили въ ожиданіи просвѣщенія (крещеніемъ); но въ день кончины отошли, не принявъ его. Богъ далъ крещеніе для того, чтобы разрѣшать грѣхи, а не для того, чтобы умножать грѣхи. Если же кто будетъ пользоваться имъ для того, чтобы свободнѣе предаваться большимъ грѣхамъ, то такой виновенъ въ безпечности. Такой, если бы не было крещенія, жилъ бы воздержнѣе, не ожидая отпущенія (грѣховъ). Видишь ли, какъ на насъ исполняются слова: *сотворимъ злая, да придутъ блага* (Рим. ш, 8)? Потому, увѣщаю васъ, которые еще не при-

108. няли таинства: бодрствуйте; пусть не приступаетъ никто изъ васъ

къ добродѣтели, какъ наемникъ, какъ неблагодарный, какъ къ чему-либо тяжкому и невыносимому; напротивъ будемъ приступать къ ней съ усердіемъ и радостію. Если бы не была обѣщана награда, то неужели не слѣдовало бы быть добродѣтельнымъ? Но будемъ добродѣтельными по крайней мѣрѣ изъ-за награды. Не стыдно ли, не крайне ли безсовѣстно говорить: если не дашь мнѣ награды, то я и не буду цѣломудреннымъ? Могу сказать на это вотъ что: хотя бы ты и сохранялъ цѣломудріе, ты никогда не будешь цѣломудреннымъ, если дѣлаешь это изъ-за награды; ты вѣдь нисколько не цѣнишь добродѣтели, если не любишь ея за нее саму. Впрочемъ, Богъ, по великой нашей немощи, благоволитъ побуждать насъ къ ней по крайней мѣрѣ наградою; но мы и при этомъ не дѣлаемся добродѣтельными. Положимъ, если хотите, что какой-нибудь человѣкъ, совершившій множество грѣховъ, отходить, сподобившись крещенія, хотя это, я думаю, бываетъ не часто: какъ, скажи мнѣ, онъ отойдетъ туда? Онъ не будетъ осужденъ за дѣла свои, но не будетъ имѣть и дерзновенія, — и справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ, проживши сто лѣтъ, не сдѣлаетъ ни одного добраго дѣла, но только то, что не грѣшилъ, или даже и не это, но только то, что спасся одною благодатію, а другихъ увидитъ увѣнчанными, прославленными и превознесенными, то, скажи мнѣ, можетъ ли онъ не унывать, хотя и не впадетъ въ геенну? Объясню это примѣромъ. Представимъ двухъ воиновъ; пусть одинъ изъ нихъ воруетъ, обижаетъ, захватываетъ чужое; а другой пусть не дѣлаетъ ничего такого, но ведетъ себя хорошо, оказываетъ много доблестей, на войнѣ одерживаетъ побѣды, обогащая руку свою кровію; послѣ, съ теченіемъ времени, пусть онъ изъ того званія, въ какомъ былъ вмѣстѣ съ воромъ, будетъ возведенъ на царскій престолъ и облечется въ порфиру, а воръ пусть останется тамъ же, гдѣ и былъ, но только по милости царской будетъ свободенъ отъ наказанія за свои проступки, поставленъ на послѣднемъ мѣстѣ и подчиненъ власти царя: не будетъ ли этотъ послѣдній, скажи мнѣ, чувствовать скорби, видя, что тотъ, который былъ равенъ ему, достигъ самой высоты почестей, прославился и управляетъ вселенною, а онъ остается въ низкомъ состояніи, и самое избавленіе отъ наказанія получилъ не съ честію, но по одной милости и человѣколюбію царя? Царь простилъ его и освободилъ отъ осужденія, но онъ самъ со стыдомъ будетъ вести жизнь. И другіе не будутъ удивляться ему, потому что, при такихъ милостяхъ, мы удивляемся не получившимъ дары, но подающимъ ихъ, и чѣмъ выше эти дары, тѣмъ стыднѣе получающимъ ихъ, если они были виновны въ великихъ грѣхахъ. Какими глазами будетъ онъ смо-

трѣть на тѣхъ, которые находятся въ царскихъ чертогахъ, показываютъ множество своихъ ранъ и подвиговъ, тогда какъ онъ самъ не имѣетъ показать ничего, но и самое избавленіе получилъ единственно по человѣколюбію Божию? Какъ если бы какой-нибудь человѣкоубійца, воръ, или прелюбодѣй, ведомый на казнь, былъ освобожденъ отъ ней по чьей-нибудь просьбѣ и получилъ приказаніе явиться въ преддверіе царскихъ чертоговъ, то онъ не въ состояніи былъ бы смотрѣть ни на кого, хотя и освобожденъ отъ наказанія,—такъ точно и онъ.

3. Впрочемъ, когда говорится о царствіи, не подумайте, что 109 всѣ удостоятся одного и того же. Если здѣсь въ царскихъ чертогахъ бывають и епархи, и приближенные царя, и еще низшіе сановники, и занимающіе мѣсто такъ называемыхъ десятскихъ (δεκάτων), хотя великое различіе между епархомъ и десятскимъ, то тѣмъ болѣе будетъ такъ въ горнихъ царскихъ обителяхъ. Говорю это не отъ себя; но Павелъ полагаетъ тамъ еще большее различіе. Какое различіе, говоритъ онъ, солнца отъ луны и звѣздъ и малѣйшей изъ звѣздъ, такое же будетъ и въ царствіи небесномъ; и для всякаго очевидно, что различіе между солнцемъ и малѣйшею звѣздою гораздо большее, нежели между такъ называемымъ десятскимъ и епархомъ. Солнце вдругъ освѣщаетъ всю вселенную и дѣлаетъ ее свѣтлою, закрываетъ луну и звѣзды; а звѣзда часто бываетъ невидима, даже и во мракѣ; есть много звѣздъ, которыхъ мы не видимъ. Итакъ, когда мы увидимъ другихъ, сдѣлавшихся солницами, а сами займемъ мѣсто малѣйшихъ звѣздъ, которые даже невидимы, то какое намъ будетъ утѣшеніе? Нѣтъ, увѣщаваю васъ, не будемъ такъ безпечны, не будемъ такъ лѣнивы, не станемъ небрежно принимать подаваемое отъ Бога спасеніе, но будемъ дѣлать изъ него куплю и умножать его. Хотя бы иной былъ только оглашеннымъ, но онъ знаетъ Христа, знаетъ вѣру, слушаетъ слово Божіе, не далеко отъ боговѣдѣнія, понимаетъ волю Владыки своего; почему же онъ медлитъ, для чего выжидаетъ и откладываетъ?

Нѣтъ ничего лучше добродѣтельной жизни, и здѣсь и тамъ, и у просвѣщенныхъ и у оглашенныхъ. И что, скажи мнѣ, намъ предписано труднаго? Имѣй жену, говоритъ заповѣдь, и будь воздерженъ. Неужели, скажи мнѣ, это трудно? И какъ (можетъ быть это труднымъ), когда многіе и безъ жены бывають воздержными, не только христіане, но и язычники? Что язычникъ совершаетъ изъ тщеславія, того неужели ты не совершишь изъ страха Божія? *Отъ мнѣній твоихъ, говорить (Писаніе), дай бѣднымъ* (Тов. IV, 7). Неужели это трудно? Но и здѣсь осудить насъ язычники, расточавшіе все свое имѣніе изъ одного тщеславія.

Не сквернословы. Неужели это трудно? Но если бы и не было 110 повелѣно, не слѣдовало ли бы намъ самимъ сдѣлать это, чтобы не показаться безчестными? Напротивъ сквернословіе трудно, какъ видно изъ того, что человѣкъ стыдится въ душѣ и краснѣетъ, когда случится ему сказать что-нибудь подобное, и даже не рѣшится сказать, если не будетъ въ нѣяномъ видѣ. Почему, сидя на торжищѣ, ты не дѣлаешь этого, хотя бы и дѣлалъ у себя дома? Не ради ли присутствующихъ? Почему не вдругъ сдѣлаешь это и при женѣ своей? Не потому ли, чтобы не оскорбить ея? Такъ, чтобы не оскорбить жены своей, ты не дѣлаешь этого; оскорбляя же Бога, не стыдишься? А Онъ воздѣсуущъ и слышитъ все. *Не упивайся виномъ*, сказано (Еф. v, 18),—и хорошо (сказано), потому что само по себѣ пьянство развѣ не наказаніе? Не сказать: изнурай тѣло, но что? *Не упивайся*, т. е. не давай ему воли такъ, чтобы оно свергло съ себя власть души. Какъ, неужели не нужно заботиться о тѣлѣ? Нѣтъ, не это говорю я, но—не угождай его похотямъ. Такъ и Павелъ повелѣваетъ, когда говоритъ: *и плоти угодія не творите съ похоти* (Рим. xiii, 14). Не похищай чужого, сказано, не будь любостяжатеlemъ, не клянись. Какихъ трудовъ требуетъ и это, какихъ подвиговъ? Не злословъ, сказано, не клевети. Трудно ли это? А противное дѣйствительно трудно, потому что, когда ты скажешь о комъ что-нибудь худое, то тотчасъ подвергаешься опасности и сомнѣнію: не слышалъ ли тотъ, о которомъ ты сказалъ, хотя бы онъ былъ человѣкъ важный, хотя бы неважный; если онъ человѣкъ важный, то ты тотчасъ на самомъ дѣлѣ испытаешь опасность; а если неважный, то онъ отплатитъ тебѣ тѣмъ же, и даже гораздо большимъ; онъ наскажетъ о тебѣ еще болѣе худого. Нѣтъ,—ничего труднаго, ничего тяжкаго намъ не заповѣдано, если только мы захотимъ; а если не захотимъ, то и самое легкое покажется намъ труднымъ. Что легче ѣды? Но многіе, по крайней изнѣженности, тяготеютъ и этимъ. Я слышу, какъ многіе говорятъ, что и ѣда составляетъ трудъ. Нѣтъ никакого труда во всемъ вышесказанномъ, если только захочешь; въ желаніи заключается все, послѣ высшей благодати. Будемъ же желать добраго, чтобы намъ сподобиться п вѣчныхъ благъ, благодатию и человеколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XIV.

- 109 Глава же о глаголемыхъ, такова имамы первосвященника, иже сѣде одесную престола величества на небесѣхъ, святымъ служителъ и скиніи истиннѣй, юже водрузи Господь, а не человекъ (Евр. viii, 1, 2).

1. Павелъ, всегда подражая своему Учителю, говоритъ то объ уничиженномъ, то о высокомъ, такъ что уничиженное пролагаетъ путь къ высокому, а послѣднее руководить къ первому, чтобы видящіе высокое знали, что уничиженное было дѣломъ снисхожденія (Христово). Такъ онъ поступаетъ и здѣсь. Сказавъ, что себе *принесъ*, и показавъ, что Онъ есть первосвященникъ, (апостоль) продолжаетъ: *глава же о глаголемыхъ, такова имамы первосвященника, иже сѣде одесную престола величества на небесахъ*. Это уже свойственно не священнику, но Тому, чей Онъ священникъ. *Святымъ служителъ*. Не просто служителъ, но *святымъ служителъ*. И *скиніи истиннѣй, юже водрузи Господь, а не человекъ*. Видишь ли снисхожденіе (Христово)? Не задолго предъ этимъ (апостоль) отличалъ (Его отъ другихъ), когда говорилъ: *не вси ли суть служебнии дуси?* и потому имъ не сказано: *сѣди одесную мене* (Евр. i, 13, 14). Говоритъ такъ потому, что сѣдѣющій, безъ сомнѣнія, не есть служителъ; слѣдовательно (здѣсь называя Его служителемъ) говоритъ это объ Немъ по плоти. *Скинією* же онъ называетъ здѣсь небо, и, желая показать отличіе ея отъ іудейской, присовокупляетъ: *юже водрузи Господь, а не человекъ*. Смотри, какъ онъ этими словами ободрилъ души увѣровавшихъ изъ іудеевъ. Можетъ быть, они воображали, что у насъ нѣтъ такой скиніи; но вотъ, говоритъ онъ, нашъ священникъ — великій и гораздо большій (ветхозавѣтнаго), принесшій болѣе чудную жертву. Но не одни ли это слова, не хвастовство ли и самообольщеніе? Для этого онъ напередъ подтвердилъ (свои слова) клятвою, а потомъ сталъ говорить и о скиніи. Различіе скиніи было очевидно уже изъ предъидущаго, но онъ доказываетъ его еще съ другой стороны: *юже водрузи Господь*, говоритъ, *а не человекъ*. Гдѣ тѣ, которые говорятъ, что небо движется? Гдѣ тѣ, которые утверждаютъ, что оно шаровидно? То и другое здѣсь опровергается. *Глава же*, говоритъ, *о глаголемыхъ*. Главою всегда называется самое важное. Здѣсь онъ опять низводитъ рѣчь свою: сказавъ о высокомъ, безъ опасенія говорить теперь объ уничиженномъ. Далѣе, чтобы ты зналъ, что слово — *служитель* употреблено по отношенію къ человѣчеству (Христову), смотри, какъ

онъ еще объясняетъ это: *всякъ бо первосвященникъ, говоритъ, во еже приносить дары же и жертвы поставляемъ бываетъ: тѣмъ же потреба имѣти что и саму, еже принесетъ* (ст. 3). Слыша, что (Христось) сѣдитъ, не подумай, что Онъ несправедливо названъ первосвященникомъ; первое, т. е. сѣдѣніе, есть знакъ божескаго достоинства, а послѣднее есть знакъ великаго челоуѣколюбія и попеченія объ насъ. Потому о послѣднемъ (апостоль) распространяется и говоритъ болѣе подробно, опасаясь, чтобы не уменьшить перваго. Поэтому же къ тому самому онъ склоняетъ рѣчь свою и теперь, такъ какъ нѣкоторые спрашивали: для чего (Христось) умеръ, будучи священникомъ? Священникъ не бываетъ безъ жертвоприношенія; слѣдовательно и Ему надлежало принести жертву. И съ другой стороны, такъ какъ онъ сказалъ, что (Христось) находится *вышше (небесъ)*, то теперь говоритъ и доказываетъ, что Онъ есть священникъ во всѣхъ отношеніяхъ, и по Мельхиседеку, и по клятвѣ, и по принесенію жертвы. Отсюда онъ составляетъ другое необходимое умозаключеніе: *аще бы бо былъ на земли, говоритъ, не бы былъ священникъ, сущимъ священникамъ приносящимъ по закону дары* (ст. 4). Если, говоритъ, Онъ—священникъ, какъ и дѣйствительно, то Ему слѣдовало быть въ другомъ мѣстѣ; будучи на землѣ, Онъ не былъ бы священникомъ. Почему? Онъ не приносилъ жертвъ, не священнодѣйствовалъ,—и справедливо,—потому что здѣсь были священники. (Апостоль) доказываетъ, что (Христу) невозможно быть священникомъ на землѣ. Почему? Потому что иначе, говоритъ, не было бы и воскресенія.

Здѣсь необходимо сосредоточить вниманіе и вникнуть въ мысль апостола. Онъ опять показываетъ различіе священства (ветхозавѣтнаго и Христова). *Иже, говоритъ, образу и стѣни служатъ небесныхъ* (ст. 5). Что называетъ онъ здѣсь небеснымъ? Духовное; оно хотя совершается на землѣ, но достойно небесъ. Когда Господь нашъ Иисусъ Христось предлежитъ закланнымъ (агнцемъ), когда нисходитъ Духъ, когда сѣдящій одесную Отца присутствуетъ здѣсь, когда (вѣрующіе) посредствомъ купели дѣлаются сынами и гражданами небесными, когда мы находимъ тамъ свое отечество, градъ и гражданство, когда для здѣшняго становимся чуждыми, то все это не есть ли небесное?

2. Что же? Развѣ пѣснопѣнія не небесныя? Развѣ не то, что поютъ горѣ божественныя лики безплотныхъ силъ, согласно съ ними воспѣваемъ и мы здѣсь долу? Развѣ и жертвенникъ не небесный. Какимъ образомъ? Нѣтъ на немъ ничего плотскаго; все предлежащее духовно: не превращается въ пепелъ, дымъ и смрадъ наша жертва, но дѣлаетъ все предлежащее чистымъ и

свѣтлымъ. Развѣ не небесны эти священнодѣйствія, которыхъ служители еще донинѣ слышатъ сказанныя имъ слова: *имже держите, держатся: имже отпустите, отпустятся* (Іоан. хх, 23)? Развѣ не небесны всѣ (ихъ священнодѣйствія), когда они имѣютъ и ключи неба? *Иже, говоритъ, образу и стѣни служатъ небесныхъ, якоже глаголахо бысть Моисею, хотящу сотворити скинію: виждь бо, рече, сотвориши вся по образу, показанному ти на горѣ* (ст. 5). Такъ какъ слухъ нашъ менѣе способенъ къ воспринятію, нежели зрѣніе,—мы вѣдь не такъ хорошо передаемъ душѣ то, что слышимъ, какъ то, что видимъ собственными глазами,—то Богъ показалъ все (Моисею). Или объ этомъ говорить (апостолъ) въ словахъ: *образу и стѣни*, или разумѣть храмъ, потому что прибавляетъ: *виждь, сотвориши вся по образу, показанному ти на горѣ*, — а это говорится только объ устройствѣ храма,—или разумѣть и жертвы, и все прочее; не погрѣшитъ тотъ, кто скажетъ и это (послѣднее), потому что Церковь небесна и есть не что иное, какъ небо. *Нынѣ же лучшее улучи служеніе, по елику и лучшаго заѣта есть ходатай* (ст. 6). Видишь ли, насколько настоящее служеніе лучше того служенія? То—образъ и тѣнь, а это—истина. Впрочемъ, это несколько не доставляло слушателямъ ни пользы, ни утѣшенія. Потому (апостолъ) и присовокупляетъ то, что особенно могло доставить имъ радость: *имже на лучшихъ, говоритъ, обтѣвованныхъ узаконися*. Сказавъ о мѣстѣ, о священникѣ и жертвѣ, теперь онъ излагаетъ различіе самыхъ завѣтовъ. И прежде онъ доказывалъ, что ветхій завѣтъ былъ немощенъ и бесполезенъ, и, чтобы показать его недостатки, смотри, какіе употреблялъ доводы. Въ одномъ мѣстѣ онъ сказалъ (о новомъ завѣтѣ): *по силѣ живота неразрушаемаго*; въ другомъ (о ветхомъ) сказалъ: *отлаганіе бываеетъ преждебывшихъ заповѣди*; затѣмъ еще (о новомъ) выразилъ нѣчто великое, когда сказалъ: *имже приближаемся къ Богу*. Здѣсь же онъ возводитъ насъ на небо и показываетъ, что вмѣсто храма у насъ небо, и что тѣ священнодѣйствія были прообразами нашихъ, п такимъ образомъ возвысивъ служеніе, онъ, наконецъ, справедливо возвышаетъ и священство. Но, какъ я сказалъ, особенно радостное для слушателей онъ излагаетъ въ словахъ: *имже на лучшихъ обтѣвованныхъ узаконися*. Откуда это видно? Изъ того, что тотъ (ветхій) отмѣненъ, а на его мѣсто введенъ этотъ (новый), который потому и получилъ силу, что онъ лучше. Какъ выше (апостолъ) говорилъ: *аще убо совершенство левитскимъ священствомъ было, какъ еще потреба по чину Мелхиседекову иному востати священнику?* такъ и здѣсь онъ употребляетъ такое же умозаключеніе: *аще бо бы первый онъ непороченъ былъ, не бы второму исколоси нѣсто* (ст. 7), т. е. если бы не имѣлъ никакого недостатка, если бы

дѣлать людей непорочными. А что именно это онъ говорить, выслушай слѣдующее: *укоряя же ихъ, глаголетъ; не сказать: укоряя его (т. е. законъ), но: укоряя ихъ, глаголетъ: се днѣ грядутъ, глаголетъ Господь, и совершу на домъ Израилевъ и на домъ Иудовъ заветъ новъ, не по завету, егоже сотворишъ отцемъ ихъ, въ день, въ онѣже емшу ми ихъ за руку извести ихъ отъ земли Египетскія: зане тиѣ не пребыша въ заветѣ моемъ, и азъ не радихъ о нихъ, глаголетъ Господь* (ст. 8, 9). Такъ, скажешь; но откуда видно, что (ветхій заветъ) окупчился? (Апостоль) доказаль это и со стороны священника; а теперь прямыми словами еще яснѣе доказываетъ, что онъ отмѣненъ. Какимъ образомъ? *На лучшихъ, говоритъ, обѣтованіихъ.* Можетъ ли, скажи мнѣ, быть равенство между небомъ и землею? Заветъ, какъ онъ и тамъ не отвергаетъ обѣтованій, чтобы и въ этомъ отношеніи не унижать ветхаго завета. Прежде онъ сказалъ: *приближаемся къ Богу упованіемъ лучшимъ*, выражая, что и тамъ было упованіе; и здѣсь говоритъ: *на лучшихъ обѣтованіихъ*, выражая, что и тамъ были обѣтованія. Но такъ какъ (евреи) постоянно роптали, то—*се днѣ грядутъ, глаголетъ Господь, и совершу на домъ Израилевъ и на домъ Иудовъ заветъ новъ*; не древній, говоритъ, какой-нибудь заветъ; а чтобы они не могли подумать этого, то опредѣляетъ и время: не просто говоритъ: *по завету, егоже сотворишъ отцемъ ихъ*,—чтобы не подумали о бывшемъ при Авраамѣ или при Ноѣ,—но опредѣляетъ, какой именно заветъ: *не по завету, говоритъ, егоже сотворишъ отцемъ ихъ, жившимъ во время исхода; потому и присовокупляетъ: въ день, въ онѣже емшу ми ихъ за руку извести ихъ отъ земли Египетскія: зане тиѣ не пребыша въ заветѣ моемъ, и азъ не радихъ о нихъ, глаголетъ Господь.*

3. Видишь ли, что начало зла отъ насъ? *Тѣмъ, говоритъ, вначалѣ не пребыша; слѣдовательно, нерадѣніе отъ насъ, а все доброе, т. е. всѣ благодѣянія—отъ Бога.* Здѣсь (Богъ) какъ бы представляетъ оправданіе, приводя и самую причину, почему Онъ оставилъ ихъ. *Яко сей заветъ, егоже заветую долу Израилеву по онѣхъ днѣхъ, глаголетъ Господь, дая законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу ихъ: и буду имъ Богъ, и тиѣ будутъ мѣмъ люди* (ст. 10). Это говоритъ Онъ о новомъ заветѣ, послѣ того какъ сказалъ: *не по завету, егоже сотворишъ.* И какое другое различіе между ними, если не это? Если же кто-нибудь скажетъ, что этимъ выражается не отличіе (поваго завета), а то, что онъ данъ въ сердца ихъ, что здѣсь показывается различіе не заповѣдей, а способовъ ихъ сообщенія,—заветъ будетъ, говоритъ, уже не на письмѣ, а на сердцахъ,—тотъ пусть докажетъ, что это когда-нибудь было у іудеевъ. Нельзя доказать этого: и по воз-

вращеніи ихъ изъ Вавилона завѣтъ данъ былъ имъ опять письменный. Апостолы же, какъ я могу доказать, ничего не приняли на письмѣ, но все приняли въ сердца Духомъ Святымъ. Потому Христосъ и сказалъ имъ: *той, пришедъ, воспомянетъ вамъ вся, и научитъ вы* (Іоан. xiv, 26). *И не имать научити кійждо искренняго своего и кійждо брата своего, глаголя: познай Господа: яко еси утѣдять мя отъ мала и даже до велика ихъ. Зане милостивъ буду неправдамъ ихъ, и грѣховъ ихъ, и беззаконій ихъ не имамъ помянути кому* (ст. 11, 12). Вотъ и другой признакъ: *отъ мала, говорить, и даже до велика ихъ утѣдять мя, и не будутъ говорить: познай Господа*. Когда же это сбылось, если не нынѣ? Наше (ученіе) извѣстно, а ихъ не извѣстно, но заключено въ углу. Съ другой стороны, вещь называется новою тогда, когда она вторая (послѣ первой) и содержитъ въ себѣ что-нибудь болѣе въ сравненіи со старою. Также новою называется и та вещь, отъ которой что-нибудь одно отдѣлено, а другое нѣтъ. Напримѣръ: если бы кто-ни-
114 *будь въ старомъ домѣ, готовомъ разрушиться, оставивъ все, разобралъ основаніе, то мы говоримъ, что онъ сдѣлалъ его новымъ, вынувъ одно и вставивъ другое. Такъ и небо называется новымъ тогда, когда оно не остается мѣдянымъ, но ниспосылаетъ дождь; и земля называется новою, когда она не остается безплодною, но измѣняется (въ плодоносную); и домъ называется новымъ, когда въ немъ одно уничтожается, а другое остается. Такимъ образомъ, и завѣтъ хорошо названъ новымъ, въ знакъ того, что прежній завѣтъ сдѣлался ветхимъ, потому что не приносилъ никакого плода. А чтобы точнѣе узнать это, прочитай, что говоритъ Аггей, что—Захарія, что—ангелъ (Малахія), въ чемъ обличаетъ (іудеевъ) Ездра. Какимъ же образомъ они приняли (завѣтъ новый)? Какимъ образомъ никто изъ нихъ не вопрошалъ Господа, если они преступали завѣтъ и даже не знали его? Видишь ли, какъ твое (мнѣніе) неосновательно? Я настаиваю на томъ, — что именно онъ (нашъ завѣтъ) долженъ быть въ собственномъ смыслѣ названъ новымъ. Иначе, я не допускаю и того, будто о немъ сказаны слова: *будетъ небо ново* (Иса. lxv, 17). Въ самомъ дѣлѣ, почему, когда во Второзаконіи говорится: *будетъ небо мѣдяно*, не дѣлается ограниченія: если послушаете, то будетъ новое (ххviii, 23)? Я, говорить (Богъ), потому дамъ другой завѣтъ, что они не остались въ прежнемъ. Это видно изъ слѣдующихъ словъ (апостола): *неможное бо закона, съ немже немоществоваше плотію* (Рим. viii, 3); и еще: *что искушаете Бога, возложить иго на вы ученикомъ, егоже ни отцы наши, ни мы возмогахомъ понести* (Дѣян. xv, 10)? *Зане тѣмъ, говорить, не пребыша*. Здѣсь показывается, что Богъ удостоилъ насъ высшаго и духовнаго. *Во всю землю, говорить (пророкъ), изыде**

ощаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ (Псал. хviii, 5). Это значить: не имать глаголати кійждо искреннему своему: познай Господа. И еще: наполнится земля вѣдѣнія Господа, якоже вода многа покрываетъ морс (Аввак. ii, 14). Внѣгда же глаголетъ новъ, говорить (апостолъ), обветшии перваго. А обветшавающее и состарѣвающееся близъ есть истлѣнія (ст. 13). Смотри, какъ онъ раскрылъ сокровенное, самую мысль пророка. Онъ почтилъ законъ, не назвавъ его прямо ветхимъ; однако и выразилъ это, потому что, если бы тотъ (завѣтъ) былъ новымъ, то онъ не назвалъ бы новымъ установленнаго послѣ него. Такимъ образомъ онъ выражаетъ нѣчто большее и особенное, когда говоритъ, что тотъ обветшалъ; потому онъ и отмѣняется, разрушается и уже не существуетъ. Основываясь на (словахъ) пророка, онъ съ большимъ дерзновеніемъ говоритъ (о ветхомъ завѣтѣ) и съ пользою показываетъ, что нашъ (завѣтъ) теперь процвѣтаетъ, а тотъ устарѣлъ. Употребивъ названіе: обветшавающее, онъ прибавляетъ отъ себя еще другое: состарѣвающееся, и потомъ выводитъ изъ всего слѣдующее заключеніе: близъ есть истлѣнія. Слѣдовательно, ветхій завѣтъ не просто замѣненъ новымъ, но какъ устарѣвшій, какъ бесполезный. Потому (апостолъ) и говорилъ: за немоцное и непалезное; и еще: ничтоже совершилъ законъ; и еще: аще бо бы первый онъ непороченъ былъ, не бы второму искалося мѣсто. Что значить: непороченъ? Полезенъ, силенъ. Онъ говоритъ это не съ тѣмъ, чтобы представить (ветхій завѣтъ) достойнымъ осужденія, но чтобы собственно показать его недостаточность; какъ если бы кто-нибудь сказалъ: этотъ домъ не безъ порока, т. е. имѣетъ недостатки, ветхъ; или: эта одежда не безъ порока, т. е. скоро рвется. Такъ и онъ не называетъ здѣсь (ветхаго завѣта) худымъ, 113 но только имѣющимъ недостатки и несовершенства.

4. Такъ и мы новы, или лучше, были новыми, но теперь обветшали, и потому близки къ истлѣнію и погибели. Впрочемъ, если мы захотимъ, то можемъ уничтожить эту обветшалость. Невозможно сдѣлать этого купелію (крещенія), но поканіемъ здѣсь возможно. Итакъ, если есть въ насъ что-либо ветхое, уничтожимъ; если есть какая-нибудь ржавчина, какая-нибудь скверна или нечистота, изгладимъ и будемъ чистыми, чтобы Царь возжелалъ нашей красоты. И дошедшіе до крайняго безобразія могутъ возвратитъ ту красоту, о которой говорить Давидъ: слыши боги, и висице, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея (Псал. xlii, 11, 12). Забвеніе не доставляетъ красоты, красоты душевной. О какомъ же говорить онъ забвеніи? (Забвеніи) грѣховъ. Онъ обращаетъ рѣчь къ церкви изъ язычниковъ и увѣщаетъ ее не вспоминать родите-

лей, т. е. приносящихъ жертвы идоламъ,—а она образовалась именно изъ такихъ людей. Не сказалъ: не участвуй въ этомъ. но даже, что гораздо болѣе, не приводи себѣ и на память. То же онъ говорить и въ другомъ мѣстѣ: *не помяну имени изъ устнама моима* (Псал. хv, 4); и еще: *яко да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ* (Псал. хvi, 4). Это еще не великая добродѣтель; или лучше сказать, хотя и великая, но не такова, какъ та. Что же онъ говорить тамъ? Не сказалъ: не возглаголи о дѣлахъ отцевъ, но: даже не вспоминай, не приводи ихъ себѣ на память. Видишь ли, какъ далеко онъ хочетъ отогнать отъ насъ зло? Кто не вспоминаетъ, тотъ и не думаетъ; кто не думаетъ, тотъ и не говоритъ; а кто не говоритъ, тотъ не будетъ и дѣлать. Видишь ли, сколько путей (ко злу) онъ заграждаетъ для насъ,—на какое разстояніе удаляетъ насъ отъ самаго большаго (изъ золъ)? Будемъ же внимать ему и мы, и забудемъ злодѣянія наши, впрочемъ не грѣхи, совершенные нами: вспомни о нихъ, говорить (Господь), ты первый, и Я не вспомню (Ефес. v, 10—13). Такъ, мы не только должны вспоминать о хищеніи, но и возратить похищенное; это значить—приводить зло въ забвеніе, истребить самый помыслъ о хищеніи и никогда не допускать его къ себѣ, а то, что уже сдѣлано, исправить. А какимъ образомъ мы можемъ достигнуть забвенія зла? Памятованіемъ о благодѣяніяхъ Божіихъ. Если мы будемъ непрестанно помнить о Богѣ, то уже не сможемъ помнить о злѣ: *аще, говорить (Псалмопѣвецъ), поминахъ тя на постели моей, на утреннихъ поучахъ съ тя* (Псал. lxx, 7). Хотя и всегда нужно помнить о Богѣ, но особенно тогда, когда умъ находится въ покоѣ, когда чрезъ это памятованіе онъ можетъ судить себя, когда онъ можетъ удержатъ въ памяти. Днемъ, если мы и будемъ вспоминать, привходящія другія заботы и безпокойства изглаждаютъ это (вспоминаніе); а ночью можно помнить постоянно: 116 тогда душа находится въ мирѣ и спокойствіи, тогда она въ пристави и безопасности: *яже глаголетъ, говорить (Псалмопѣвецъ), съ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитесь* (Псал. iv, 5). Слѣдовало бы и днемъ помнить объ этомъ; но такъ какъ вы находитесь въ безпрестанныхъ заботахъ и развлекаетесь житейскими дѣлами, то вспоминайте о Богѣ по крайней мѣрѣ на постели,—размышляйте о Немъ въ утреннее время. Если мы будемъ заниматься этимъ поутру, то безъ всякой опасности будемъ выходить на дѣла свои; если благоговѣніемъ и молитвою напередъ умилостивимъ Бога, то и послѣ не встрѣтимъ никакого врага, а если и встрѣтишь, то посмѣешься ему, имѣя въ защиту Бога. Торжище—это война; ежедневныя дѣла—это сраженіе, волненіе и буря. Потому намъ нужно оружіе; а молитва и есть великое ору-

жіе; нужны попутные вѣтры, нужно быть свѣдущимъ во всемъ, чтобы провести время дня безъ кораблекрушеній и ранъ, такъ какъ много подводныхъ камней встрѣчается ежедневно, и часто нашъ корабль разбивается и тонетъ.

Потому намъ нужно молиться, особенно утромъ и ночью. Многие изъ васъ часто видали олимпійскія игры, и не только видали, но еще поощряли и одобряли ратоборцевъ, одинъ того, другой—другого. Вы слѣдовательно знаете, какъ во дни борьбы, и даже въ самыя ночи, глашатай всю ночь ни о чемъ другомъ не беспокоится и ни о чемъ другомъ не заботится, какъ только о томъ, чтобы ратоборецъ, вышедши, не посрамилъ себя; а тѣ, которые сидятъ подлѣ трубача, внушаютъ ему, чтобы онъ даже ни съ кѣмъ не разговаривалъ, чтобы, истощивъ духъ, не возбудить смѣха. Если же тотъ, кто намѣревается ратоборствовать предъ людьми, такъ много прилагаетъ старанія, то гораздо болѣе слѣдуетъ постоянно стараться и заботиться намъ, которыхъ вся жизнь есть борьба. Итакъ, пусть будетъ у насъ каждая ночь всенощнымъ бдѣніемъ; будемъ стараться, чтобы намъ, вышедши днемъ, не подвергнуться осмѣянію. И, о, если бы только осмѣянію! Но нынѣ сѣдить одесную Отца самъ подвигоположникъ, внимательно слушающій, не скажемъ ли мы чего-нибудь непристойнаго, или ненужнаго,—такъ какъ Онъ судія не только дѣлъ, но и словъ. Будемъ же, возлюбленные, бодрствовать всю ночь; если мы захотимъ, то и у насъ будутъ цѣнители,—при каждомъ изъ насъ находится ангелъ. Между тѣмъ мы спимъ непробудно всю ночь,—и, о, если бы только это! Но многіе дѣлаютъ даже и тогда много непотребнаго; одни ходятъ въ дома разврата, а другіе превращаютъ свои собственные въ дома разврата, приводя къ себѣ блудницъ: такъ мало они заботятся о добромъ ратоборствѣ! Иные упиваются и сквернословятъ; иные производятъ шумъ; иные проводятъ всю ночь въ дѣлахъ порочныхъ, совершая болѣе зла, нежели спящіе; иные высчитываютъ свои доходы; иные мучатся другими заботами, охотнѣе дѣлая все, нежели то, что нужно для ратоборства. Потому, увѣщаваю васъ, оставимъ все и будемъ заботиться только объ одномъ, какъ бы намъ получить награду и быть увѣнчанными; будемъ дѣлать все, чѣмъ можемъ получить обѣтованныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человеколюбіемъ (Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XV.

117 Имѣяше убо первый (завѣтъ) оправданія службы, святое же людское. Скинїя бо сооружена бысть первая, въ нейже свѣтильникъ и трапеза, и предложеніе хлѣбовъ, яже глаголется святая. По вторѣй же завѣсѣ скинїя, глаголемая святая святыхъ, злату имущи кадильницу, и ковчегъ завѣта окованъ всюду златомъ: въ немже стамна злата имущая манну, и жезлъ Аароновъ прозябшій, и скрижали завѣта: превышше же его херувимы славы, осѣняющіи счистилице: о нихже не лѣтъ нынѣ глаголати подробну (Евр. ix, 1—5).

1. Доказавъ со стороны священника, священства и завѣта, что (ветхій завѣтъ) долженъ былъ окончиться, (апостолъ) теперѣ доказываетъ то же со стороны самаго устройства скинїи. Какимъ образомъ? Когда говоритъ о святомъ и святомъ святыхъ. Святое есть образъ прежняго времени, потому что тамъ все совершалось съ жертвоприношеніями; а святое святыхъ есть образъ настоящаго. Словомъ—святое святыхъ (апостолъ) означаетъ и небо, и завѣсу неба, и плоть (Христову), входящую внутрь завѣсы: *завѣсою*, говоритъ, *сирѣчь, плотию своею* (Евр. x, 20). Впрочемъ нужно объяснить это мѣсто съ самаго начала. Что же онъ говоритъ? *Имѣяше убо первый*. Кто первый? Завѣтъ. *Оправданія службы*. Что значить: *оправданія*? Знаки или постановленія; какъ бы такъ говорить: тогда онъ имѣлъ ихъ, а теперѣ не имѣетъ,—и этимъ уже выражаетъ, что (ветхій завѣтъ) отмѣненъ: *имѣяше убо*, говоритъ, такъ что теперѣ онъ, хотя бы и оставался, уже не имѣетъ (силы). *Святое же людское*. Людскимъ называетъ его потому, что всѣмъ дозволялось входить въ него; въ одномъ и томъ же эданїи назначено было мѣсто, гдѣ стояли священники, гдѣ іудеи, прозелиты, назореи. Такъ какъ оно было доступно и язычникамъ, то и называетъ его людскимъ (*κοσμικόν*, мірскимъ); іудеи же не были мірскими. *Скинїя бо*, говоритъ, *сооружена бысть первая, яже глаголется святая, въ нейже свѣтильникъ, и трапеза, и предложеніе хлѣбовъ*. Это—мірскіе знаки. *По вторѣй же завѣсѣ*,—слѣдовательно, не одна была завѣса, но была завѣса и внѣ (святаго),—*скинїя, глаголемая святая святыхъ*. Смотри, какъ онъ называетъ то и другое скинїею, потому что она какъ бы шатромъ осѣняла находившееся тамъ. *Злату имущи кадильницу*, говоритъ, *и ковчегъ завѣта окованъ всюду златомъ: въ немже стамна злата*

и мучая манну, и жезлъ Аароновъ прозябшій, и скрижали завета. Всѣ эти вещи были священны и служили ясными памятниками іудейской неблагодарности. *И скрижали завета*,—Моисей разбилъ ихъ,—и манну: когда (іудей) роптали, тогда (Моисей) и повелѣлъ, на память потомкамъ, положить ее въ золотую стамнѹ. *И жезлъ Аароновъ, прозябшій*,—потому что они возмутились; іудей были неблагодарны и, непрестанно получая благодѣянія, забывали ихъ, потому, по повелѣнію законодателя, все это было положено въ золотой ковчегъ, чтобы передать памяти потомковъ. Превыше же ея херувимы славы, осеняющіи очистилище. Что значить: *херувимы славы*? Значить—или славные, или подчиненные Богу. Хорошо также онъ указываетъ, что они находились выше, выражая, что есть предметы выше тѣхъ вещей. *О нижеже*, говорить, не лѣтъ нынѣ глаголати подробно. Здѣсь онъ намекаетъ, что все это были не однѣ только видимыя вещи, но и знаки чего-то другого. *О нижеже*, говорить, не лѣтъ нынѣ глаголати подробно,—можетъ быть, потому, что это требуетъ продолжительнаго объясненія. Смыслъ же тако устроенныхъ, въ первую убо скинью выну вхождаху священники службы совершающе (ст. 6). Т. е., хотя это и было, но іудей не участвовали въ этомъ, потому что не видѣли этого; слѣдовательно, было не столько для нихъ, сколько для тѣхъ, для кого служило прообразомъ. Во вторую же единую въ лѣто единъ архіерей, не безъ крове, юже приноситъ за себе и о людскихъ нечестивостехъ (ст. 7). Видишь ли самые прообразы, здѣсь уже предложенные? Чтобы не сказали: какъ можетъ быть одна жертва, какъ первосвященникъ (Христосъ) однажды принесть ее?—(апостолъ) показываетъ, что такъ было издревле: святѣйшая и страшная (жертва) была одна. Такъ-то (іудей) были приготовляемы издревле: и тогда, говорить, архіерей приносилъ жертву однажды. Хорошо также сказано: не безъ крове; не безъ крови, хотя и не такой крови (какъ нынѣ), потому что и служеніе было не таково. Это означало, что настанетъ (жертва), которая не будетъ истребляться огнемъ, но болѣе обнаруживаться кровію. Такъ какъ подъ жертвою (апостолъ) разумѣетъ крестъ, при которомъ не было ни огня, ни дровъ, и который не былъ приносимъ много разъ, по однажды принесенъ (обогранный) кровію, то показываетъ, что и ветхозавѣтная жертва была такова же и приносилась однажды съ кровію. Юже приноситъ, говорить, за себе и о людскихъ нечестивостехъ. Смотри, не сказалъ: о грѣхахъ, но: нечестивостехъ, чтобы они не высокоумствовали: хотя бы, говорить, ты согрѣшилъ невольно, но и при нежеланіи своемъ ты допустилъ не вѣдѣніе, и потому никто не можетъ быть чистымъ. Вездѣ онъ прибавляетъ: за себе, выражая, что Христосъ—первосвященникъ,

гораздо высшій іудейскаго. Дѣйствительно, если Онъ былъ непричастенъ грѣхамъ нашимъ, то какъ Онъ могъ принести жертву за Себя? Для чего же, спросишь, (апостолъ) и сказалъ это? Для указанія на высшее. Доселѣ не было разсужденія; а далѣе онъ разсуждаеть и говоритъ: *сіе являющу Духу Святому, яко не у явися святыхъ путь, еще первѣй скиніи имущей стояніе* (ст. 8). Для того, говорить, это было такъ устроено, чтобы мы знали, что святое святыхъ, т. е. небо, еще недоступно. Впрочемъ, на томъ основаніи, что мы не входимъ въ него, мы не должны думать, будто его нѣтъ; мы не могли входить и во святое святыхъ. *Яже притча*, говорить, *во время настоящее* (ст. 9).

2. Какое время онъ называетъ наступающимъ? Время прежде пришествія Христова; а время послѣ пришествія Христова уже не есть наступающее. Какъ въ самомъ дѣлѣ оно можетъ быть наступающимъ, когда оно уже наступило и оканчивается? И еще пѣчто другое онъ выражаетъ адѣсь: *яже притча*, говорить, *во время настоящее*, т. е. было прообразомъ. *Въ немже дарове и жертвы приносятся, не могуцїи по совѣсти совершити служащаго* (ст. 9). Видишь ли, какъ ясно онъ показалъ адѣсь, что значить: *ничто* 119 *же совершилъ законъ, и: аще бы первѣй онъ непороченъ былъ? Какъ? По совѣсти*. Жертвы не очищали души, но касались только тѣла: онѣ были по закону заповѣди плотскія. Подлинно, онѣ не могли очистить ни прелюбодѣянїя, ни убійства, ни святотатства. Вотъ (заповѣдано было): это ѣшь, а этого не ѣшь, — хотя все это безразлично. *Точїю ѡ брашнахъ, и питїяхъ и различныхъ омовенїихъ*. Это, говорить, пей; хотя о питїи ничего не было заповѣдано, но (апостолъ) сказалъ такъ для выраженія маловажности этихъ предметовъ: *и различныхъ омовенїихъ, и оправданїихъ плоти, даже до времени исправленїя лежащая* (ст. 10). Вотъ, въ чемъ состоитъ оправданїе плотское. Здѣсь онъ отвергаетъ жертвоприношенїя, показывая, что они не имѣли никакой силы и что они существовали только до времени исправленїя, т. е. оставались до времени, которое исправляетъ все. *Христосъ же прииде архїерей грядущихъ благъ, большею и совершеннѣйшею скинію, нерукотворенною* (ст. 11). Здѣсь онъ разумѣетъ плоть (Христову). И хорошо называлъ ее большею и совершеннѣйшею, такъ какъ Богъ-Слово и вся сила Духа обитаетъ въ ней: *не ѡ мѣру бо Богъ даетъ Духа* (Іоан. III, 34); называетъ ее совершеннѣйшею, какъ безукоризненную и совершившую большїя дѣла. *Сирѣчь, не сея твари*. Вотъ, почему она большая; она не была бы отъ Духа, если бы человѣкъ устроилъ ее. *Не сея твари*, т. е. не такого устройства, какъ твари, но духовнаго: она устроена Духомъ Святымъ. Видишь ли, какъ онъ называетъ тѣло (Христово) и скинію, и завѣсою, и небомъ? *Болъ-*

шею и совершеннѣйшею, говорить, *скинію*; и далѣе: *завѣсою, сирѣчь, плотію своею* (I, 20); и еще: *во внутреннѣйшее завѣсы* (VI, 19); и еще: *вниде во святая святыхъ, да явится лицу Божію* (IX, 24). Для чего же онъ дѣлаетъ это? Чтобы научить насъ, что въ томъ и другомъ прообразъ—одно и то же значеніе. Именно: небо есть завѣса, потому что завѣса такъ же отдѣляетъ святое, какъ и плоть скрываетъ божество; равно и плоть, заключающая божество, есть скинія; и небо есть также скинія, потому что тамъ внутри пребываетъ священникъ. *Христосъ же, говорить, пришедъ архіерей*; не сказалъ: сдѣлавшись, но: *пришедъ*, т. е. пришедши на это самое дѣло и не преемствовавъ какому-нибудь другому, не такъ, чтобы напередъ пришедъ, а потомъ сдѣлался (первосвященникомъ), но былъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ пришедъ. Также не сказалъ: *пришедъ архіерей* жертвоприношеній, но: *грядущихъ благъ*, такъ какъ невозможно изобразить все словомъ. *Ни кровію козлею, ниже телчею* (ст. 12),—потому что все измѣнилось. *Но своею кровію вниде единою во святая*: вотъ здѣсь онъ разумѣетъ небо. *Единою*, говорить, *вниде во святая, вѣчное искупленіе обрѣтый*. Слово: *обрѣтый* выражаетъ, что это дѣло—одно изъ весьма дивныхъ и неожиданныхъ, какъ Онъ однимъ входомъ приобрѣлъ вѣчное спасеніе. Далѣе слѣдуетъ доказательство: *аще бо кровь козлія и телчая, и пепелъ юнцій, кропящій оскверненія, освящаетъ къ плотстѣй чистотѣ: каковы паче кровь Христова, иже Духомъ Святымъ себе принесетъ* 120 *непорочно Богу, очиститъ совѣсть вашу отъ мертвыхъ дѣлъ, во еже послужити Богу живому* (ст. 18, 14). Если, говорить, кровь воловъ можетъ очищать плоть, то гораздо болѣе кровь Христова можетъ омыть нечистоту души. Чтобы подъ словомъ—*освящаетъ* ты не разумѣлъ здѣсь чего-нибудь важнаго, онъ объясняетъ и показываетъ различіе того и другого очищенія, какъ послѣднее высоко, а первое низко,—и справедливо,—потому что тамъ была кровь воловъ, а здѣсь (кровь) Христова. Впрочемъ, онъ не удовольствовался именемъ (Христа), но излагаетъ и способъ принесенія Имъ жертвы: *иже, говорить, Духомъ Святымъ себе принесетъ непорочно Богу*, т. е., эта непорочная жертва была чиста отъ грѣховъ. А выраженіе: *Духомъ Святымъ* показываетъ, что она принесена не при посредствѣ огня, или чего-нибудь другого. *Очиститъ, говорить, совѣсть вашу отъ мертвыхъ дѣлъ*. И хорошо сказалъ: *отъ мертвыхъ дѣлъ*, потому что какъ тамъ, если кто прикасался къ мертвецу, осквернялся, такъ и здѣсь, если кто прикасается къ мертвому дѣлу, оскверняется въ совѣсти. *Во еже послужити, говорить, Богу живому и истинному*. Здѣсь онъ выражаетъ, что совершающій мертвыя дѣла не можетъ служить живому Богу. Справедливо говорить: *Богу живому и истинному*, означая, что и приносимое Ему должно

быть таково же; слѣдовательно, приносимое нами живо и истинно, а приносимое іудеями мертво и ложно,—и это справедливо.

3. Итакъ, никто, имѣющій мертвыя дѣла, пусть не приходитъ сюда; если прикоснувшемуся къ мертвому тѣлу запрещалось входить (въ скинію), то гораздо болѣе—имѣющему мертвыя дѣла,—это оскверненіе самое отвратительное. А мертвыя дѣла—это всѣ тѣ, которыя не имѣютъ жизни, которыя издають зловоніе. Какъ мертвое тѣло неспособно ни къ какому чувствованію и смущаетъ приближающихся къ нему, такъ и грѣхъ скоро поражаетъ мыслительную способность и не оставляетъ въ покоѣ самую душу, но тревожитъ ее и мучитъ. Говорятъ, что зараза, какъ скоро появляется, тотчасъ причиняетъ вредъ тѣламъ. Таковъ и грѣхъ: онъ подобенъ заразѣ, только повреждаетъ не воздухъ напередъ и потомъ тѣла, но прямо вторгается въ душу.

Не замѣчаешь ли ты, какъ зараженные горятъ, какъ они мечутся, какое издають зловоніе, какъ отвратительны ихъ лица, какъ всѣ они нечисты? Таковы и грѣшники, хотя они и не видятъ этого. Не хуже ли, скажи мнѣ, всякаго одержимаго горячкою преданный страсти корыстолюбія или сладострастія? Не нечистѣе ли онъ всякаго такого, совершая и допуская все постыдное? Что можетъ быть отвратительнѣе корыстолюбца? На что рѣшаются блудницы, или выступающія на зрѣлищахъ, на то (рѣшится) и онъ; и даже скорѣе, можетъ быть, тѣ не рѣшатся, нежели онъ. Что я говорю: рѣшится? Онъ и раболѣпствуетъ предъ тѣми, предъ кѣмъ не слѣдуетъ, и бываетъ дерзокъ тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, и никогда не держитъ себя ровно: часто людямъ порочнымъ, неблагонамѣреннымъ, развратникамъ, которые гораздо хуже и ничтожнѣе его, онъ угождаетъ и льститъ, а другихъ, благородныхъ и вполне добродѣтельныхъ людей, поноситъ и оскорбляетъ. Видишь ли въ томъ и другомъ случаѣ его неблагородство и безстыдство? Онъ и скромнѣе чрезъ мѣру, и высокомернѣе. Блудницы остаются дома, виновныя въ томъ, что за
121 деньги продаютъ свое тѣло; но онѣ представляютъ въ свое оправданіе бѣдность и крайній голодъ, хотя и это отнюдь не можетъ оправдать ихъ, потому что можно кормиться трудами. А корыстолюбецъ не остается дома, но идетъ посреди города, предавая не тѣло, но душу свою діаволу; сообщается и совокупляется съ нимъ, какъ бы съ блудницею, и, вполне удовлетворивъ своей похоти, удаляется; и видятъ это не два, или три человѣка, но весь городъ. Блудницы обыкновенно отдаются каждому, кто даетъ золото; кто бы ни предложилъ имъ плату, рабъ или свободный, единоборецъ или кто-нибудь другой, онѣ принимаютъ; а тѣхъ, которые ничего не предлагаютъ, хотя бы они были благороднѣе

всѣхъ, безъ денегъ не допускаютъ къ себѣ. То же дѣлаютъ и корыстолюбцы; чистыхъ мыслей, когда онѣ не доставляютъ денегъ, не допускаютъ, а мыслей грязныхъ и дѣйствительно звѣроподобныхъ держатся изъ-за денегъ и безстыдно усвояютъ ихъ, погубляя такимъ образомъ красоту души своей. Какъ блудницы бываютъ безобразны, черны, грубы, толсты, нестройны, неблаговидны и вообще отвратительны, таковы и корыстолюбивыя души, которыя даже вѣнскими притираниями не могутъ скрыть своего безобразія. Когда безобразіе доходитъ до крайности, тогда никакія ухищренія не могутъ прикрыть его. Безстыдство производитъ блудницъ, какъ говоритъ пророкъ: *не хотѣла еси постыдиться ко естѣмъ, лице жены блудницы бысть тебѣ* (Іер. ш, 8). То же можно сказать и корыстолюбцу: не постыдился ты никого, не того или другого, но никого. Какъ именно? Онъ не стыдится ни отца, ни сына, ни жены, ни друга, ни брата, ни благодѣтеля, и вообще никого. Что я говорю: друга, брата и отца? Онъ не стыдится самого Бога, но считаетъ все баснею, смѣется (надъ всѣмъ), будучи упоенъ сильною страстію, не хочетъ слышать ничего, что можетъ принести ему пользу, и даже,—о, безуміе!—говорить: горе тебѣ, мамоны, и не имѣющему тебя. Здѣсь я разрываюсь отъ гнѣва: горе тѣмъ, которые говорятъ это, хотя бы они говорили въ шутку. Не угрожалъ ли Богъ, скажи мнѣ, такую угрозою: *не можете дѣла господинова работати* (Мѡ. vi, 24)? А ты ослабляешь Его угрозу, дерзая говорить это къ собственному вреду своему. Не говорятъ ли Павелъ, что (лихонимство) есть идолослуженіе, и не называетъ ли онъ лихонимца идолослужителемъ (Кол. ш, 5; Ефес. v, 5)? А ты стоишь и смѣешься, подобно публичнымъ женщинамъ, предаваясь смѣху, подобно играющимъ на сценѣ.

4. Оттого все низверглось и пало; смѣхотворствомъ сдѣлалось у насъ все—и взаимное обращеніе, и вѣжливость; нѣтъ ничего обстоятельнаго, ничего твердаго. Говорю это не по отношенію только къ мірянамъ, но знаю, кого разумѣю,—и церковь вѣдь наполняется смѣхомъ. Одинъ скажетъ острое слово, и смѣхъ тотчасъ распространяется между сидящими; и къ удивленію, даже во время самой молитвы многіе не перестаютъ смѣяться; діаволъ всюду торжествуетъ, всѣхъ связалъ, всѣми обладаетъ; Христосъ безчестится и изгоняется; церковь ставится ни во что. Ужели вы не слышите словъ Павла, который говоритъ: *сквернословіе, и буслословіе, и кощунны* да изъемятся отъ васъ (Еф. v, 4)? Кощунство онъ поставляетъ вмѣстѣ съ сквернословіемъ: а ты смѣешься? Что такое *буслословіе*? То, что не доставляетъ никакой пользы. А ты все же смѣешься? И ты, монахъ, ослабляешь лице свое? Распавшійся (для міра), предавшійся сѣтованію, скажи мнѣ: чему

ты смѣшся? Слышалъ ли ты, чтобы Христось когда-нибудь дѣлалъ это? Никогда,—напротивъ скорбѣлъ Онъ часто. Когда Онъ смотрѣлъ на Іерусалимъ, плакалъ; когда представлялъ себѣ предателя, возмущался; когда намѣревался воскресить Лазаря, плакалъ; а ты смѣшся? Если тотъ, кто не скорбитъ о грѣхахъ другихъ людей, достоинъ осужденія, то можетъ ли удостоиться прощенія тотъ, кто не скорбитъ о своихъ собственныхныхъ грѣхахъ и смѣется? Настоящее время есть время печали и скорби, сокрушенія и смиренія, борьбы и подвиговъ; а ты смѣшся? Ужели не знаешь, какъ обличена была Сарра? Ужели не слышишь словъ Христа, который говоритъ: *горе смѣющимся, яко возрыдають* (Лук. vi, 25)? То же поешь ты каждый день. Въ самомъ дѣлѣ, что, скажи мнѣ, говоришь ты? Развѣ (говоришь): смѣялся? Нѣтъ. А что? *Утрудихся воздыханіемъ моимъ* (Псал. vi, 7). Но, быть можетъ, нѣкоторые до того разсѣянны и легкомысленны, что даже смѣются и при этой укоризнѣ, именно потому, что мы говоримъ теперь о смѣхѣ; таково свойство легкомыслія, таково—разнузданности, что даже укоризна нечувствительна.

Священникъ Божій стоитъ, вознося молитву за всѣхъ,—а ты, ничего не стыдясь, смѣшся? Онъ съ трепетомъ за тебя возноситъ молитвы,—а ты оказываешь пренебреженіе? Или ты не слышишь словъ Писанія, которое говоритъ: горе презрителямъ (Товит. xiii)? Ужели не трепещешь и не содрогаешься? Когда тыходишь въ царскіе чертоги, соблюдаешь приличіе и въ одеждѣ, и во взглядѣ, и въ походкѣ, и во всемъ прочемъ; а здѣсь, гдѣ истинные царскіе чертоги, такіе же, какъ и на небесахъ, ты смѣшся? Конечно, ты не видишь этого; но знай, что ангелы всюду здѣсь присутствуютъ и особенно въ домѣ Божіемъ предстоятъ Царю, и все исполнено этихъ безплотныхъ силъ. То же скажу я и женамъ, которыя при мужьяхъ не скоро осмѣлятся дѣлать это, если же и дѣлають, то не всегда, но только во время веселія; а здѣсь (дѣлають) всегда. Ты, жена, покрываешь голову, и чему смѣшся, скажи мнѣ, сидя въ церкви? Ты пришла сюда исповѣдать грѣхи свои, припасть къ Богу, просить и молиться о сдѣланныхъ тобою согрѣшеніяхъ, и это дѣлаешь со смѣхомъ? Какъ же ты можешь умиловитъ Его? Но скажешь: что за зло—смѣхъ? Не смѣхъ—зло, но зло то, когда онъ бываетъ безъ мѣры, когда онъ неумѣстенъ. Способность смѣха дана намъ для того, чтобы мы употребляли ее, когда увидимъ друзей послѣ долгой разлуки, чтобы, когда увидимъ какого-нибудь изнуреннаго и павшаго духомъ, ободрить его улыбкою, а не для того, чтобы хохотать и постоянно смѣяться; способность смѣха внѣдрена въ нашу душу для того, чтобы душа иногда получала облегченіе, а не

для того, чтобы она разслаблялась. И плотская похоть лежить въ нашей природѣ, но отсюда не слѣдуетъ, будто непременно нужно удовлетворять ей или употреблять ее безъ мѣры; но нужно управлять ею, и мы не говоримъ: она вѣдрена въ насъ, потому мы и должны удовлетворять ей. Служи Богу со слезами, чтобы ты могъ омыть грѣхи. Знаю, что многіе насмѣхаются надъ нами и говорятъ: опять слезы. Но поэтому-то и пора слезъ. Знаю, иные съ важностію говорятъ: *да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ* (1 Кор. 123 XV, 32). Но вспомни, что *суета суетствій, всяческая суета* (Еккл. 1, 2). Не я говорю это, но тотъ, кто испыталъ все: *создахъ ми дома, говоритъ онъ, насадихъ ми виноградъ, сотворихъ ми куптили водныя, виночерпцы и виночерпицы* (Еккл. II, 4—6). И послѣ всего этого что говорить онъ? *Суета суетствій, всяческая суета*. Итакъ, будемъ плакать, возлюбленные, будемъ плакать, чтобы поистинѣ посмѣяться, чтобы поистинѣ возрадоваться во время дѣйствительной радости. Настоящая радость всегда смѣшана съ печалію 124 и никогда не бываетъ чистою; а та—радость дѣйствительная, непритворная, не заключающая въ себѣ ничего неискренняго, не имѣющая никакой примѣси. Будемъ же радоваться тою радостію, будемъ стараться—ее получить; а получить ее возможно не иначе, какъ избирая здѣсь не пріятное, но полезное, и даже испытывая нѣкоторую скорбь добровольно, и съ благодарностію перенося все случающееся. Такимъ образомъ мы сможемъ сподобиться и царствія небеснаго, благодати и человеколюбіемъ (Господа нашего Ісуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XVI.

И сего ради новому завѣту ходатай есть, да смерти, 123 бывшей во искупленіе преступленій въ первомъ завѣтѣ, обѣтованіе вѣчнаго наслѣдія примутъ званніи. Идѣже бо завѣтъ, смерти нужно есть вноситься завѣщающаго. Завѣтъ бо мертвыхъ извѣстенъ есть: понеже ниче соже можетъ, егда живъ есть завѣщаваяй. Тѣмъ же ни первый безъ крове обновленъ бысть (Евр. IX, 15—18).

1. Такъ какъ, вѣроятно, были многіе малолушныя, которые потому особенно, что Христосъ умеръ, не вѣрили обѣтованіямъ Его, то Павелъ, желая рѣшительно опровергнуть такое мнѣніе, представляетъ примѣръ, заимствованный изъ общаго обычая. Какой

же это (обычай)? Потому самому, говорить онъ, и надобно быть увѣреннымъ. Почему? Потому что завѣщанія бываютъ дѣйствительны и получаютъ силу не при жизни завѣщателей, но послѣ ихъ смерти. Поэтому онъ и начинается такъ рѣчь: *новому завету, говорить, ходатай есть*. Завѣщаніе составляется въ послѣдній день предъ смертію. Это завѣщаніе дѣлаетъ однихъ наслѣдниками, а другихъ лишаетъ наслѣдства. Такъ и здѣсь о наслѣдникахъ Христосъ говоритъ: *хочу, да идѣже есмь азъ, и ти будете* (Іоан. хvп, 24); и опять о лишенныхъ наслѣдства послушай, что Онъ говоритъ: *не о вѣсѣхъ молю, но о струющихъ словесе ихъ ради въ мя* (Іоан. хvп, 20). Въ завѣщаніи бываетъ относящееся къ завѣщателю и относящееся къ принимающимъ завѣщаніе, и говорится, что они должны получить и что сдѣлать. Такъ и здѣсь: послѣ безчисленныхъ обѣтованій (Христосъ) предлагаетъ имъ и заповѣдь: *заповѣдь новую, говорить, даю вамъ* (Іоан. хп, 34). Еще: завѣщаніе должно имѣть свидѣтелей; и послушай опять, что Онъ говоритъ: *азъ есмь свидѣтельствующій о мнѣ самомъ и свидѣтельствуемъ о мнѣ посланный мя Отецъ* (Іоан. vп, 18); также объ Утѣшительѣ говоритъ: *той свидѣтельствуемъ о мнѣ* (Іоан. хv, 26); и посылая двѣнадцать апостоловъ, Онъ сказалъ: *свидѣтельствуйте предъ Богомъ* (Іоан. хv, 17; 1 Тим. v, 21). *И сего ради, говорить (Павелъ), новому завету ходатай есть*. Что такое—*ходатай*? Ходатай не есть властелинъ дѣла, котораго онъ посредникъ; дѣло—само по себѣ, а посредникъ самъ по себѣ. Напримѣръ: при бракѣ бываетъ посредникъ, но онъ не женихъ, а только содѣйствующій вступающему въ бракъ. Такъ и здѣсь. Сынъ сталъ посредникомъ между Отцемъ и нами. Отецъ не хотѣлъ оставить намъ этого наслѣдства; Онъ гнѣвался на насъ и былъ недоволенъ нами, какъ отступившими отъ Него; (Сынъ) сталъ посредникомъ между нами и Имъ и умо-
124 лилъ Его. И смотри, какъ Онъ сталъ посредникомъ: Онъ принялъ на Себя обвиненіе и оправданіе, передалъ намъ (волю) Отца и при этомъ подвергся смерти. Мы оскорбили (Бога) и должны были умереть, но Онъ умеръ за насъ и содѣлалъ насъ достойными завѣта. Такимъ образомъ завѣтъ сталъ твердымъ, такъ какъ онъ заключенъ уже не съ недостойными. Вначалѣ Богъ заключилъ съ нами завѣтъ, какъ отецъ съ дѣтьми; но когда мы сдѣлались недостойными, то слѣдовало быть не завѣту, а наказанію. Что же ты, говорить (апостолъ), превозносишься закономъ? Онъ довелъ насъ до такого грѣховнаго состоянія, что мы никогда не спаслись бы; если бы Владыка нашъ не умеръ за насъ, то законъ нисколько не помогъ бы намъ, потому что онъ былъ немощенъ. Впрочемъ, онъ доказываетъ это не однимъ только общимъ обвиненіемъ, но и событіями ветхаго завѣта, что въ особенности

могло подѣйствовать на нихъ. Но, скажутъ, тамъ никто не умираетъ: какимъ же образомъ былъ утвержденъ тотъ (завѣтъ)? Точно такимъ же. Какъ? И тамъ кровь, равно какъ и здѣсь кровь. Не удивляйся, что тамъ не Христова кровь; тамъ вѣдь былъ прообразъ; потому (апостолъ) и говоритъ: *тѣмъ же ни первый безъ крови обновленъ есть*. Что значитъ: *обновленъ есть*? Сталъ крѣпкимъ, утвержденъ. *Тѣмъ же*, т. е. поэтому, говорить, нуженъ былъ прообразъ какъ завѣта, такъ и смерти.

2. Но почему, скажи мнѣ, была окроплена книга завѣта? *Реченный бо, говорить, бывшей всякой заповѣди по закону отъ Моисея есть людямъ, приемы кровь козлию и телчюю съ водою и волною червеною и иссопомъ, самыя же тѣя книги и вся люди покропи, глагола: сѣя кровь завета, егже завета къ вамъ Богъ* (ст. 19, 20). Почему же, скажи мнѣ, окропляется книга завѣта и народъ? Потому, что та кровь и все прочее было прообразомъ чистѣйшей крови, которая была прообразована издревле. Почему съ иссопомъ? Потому, что онъ, какъ вещество плотное и мягкое, сдерживалъ кровь. Для чего вода? Она была употреблена въ знакъ очищенія водою. А для чего волна? И она была употреблена для того, чтобы удерживать кровь. (Апостолъ) показываетъ, что здѣсь вмѣстѣ были и кровь и вода, потому что крещеніе есть образъ страданія Христова. *И скинию же и вся сосуды служебныя кровію такожде покропи. И едва не вся кровію очищаются по закону и безъ кровопролитія не бываетъ оставленіе* (ст. 21, 22). Почему онъ сказалъ: *едва не*? Почему сдѣлалъ такое ограниченіе? Потому что тамъ не было совершеннаго очищенія и совершеннаго отпущенія грѣховъ, но было полусовершенное и даже гораздо меньшее: ¹²⁵ а здѣсь—*сѣя есть кровь*, говорить (Господь), *новаго завета, яже за вы изливаема во оставленіе грѣховъ* (Мф. xxvi, 28). Гдѣ же книга, которая очищала ихъ души? Они сами были книгами новаго завета. Гдѣ сосуды служебныя? Они сами. Гдѣ скинія? Опять. они сами. *Яко вселюся въ нѣе, говорить (Богъ), и похожду* (2 Кор. vi, 16). Но здѣсь нѣтъ окропленія ни волною червеною, ни иссопомъ. Почему же? Потому, что это очищеніе было не тѣлесное, но духовное, и эта кровь духовная. Почему? Потому, что она происходила не изъ тѣла безсловесныхъ (животныхъ), но изъ гѣла, устроеннаго Духомъ. Этою кровію окропилъ насъ не Моисей, а Христосъ, посредствомъ слова, сказаннаго имъ: *сѣя кровь новаго завета во оставленіе грѣховъ*. Это слово, вмѣсто иссопа напитанное кровію, окропляетъ всѣхъ. Тамъ очищалось тѣло отъ вѣ, такъ какъ очищеніе было тѣлесное, а здѣсь—очищеніе духовное, которое входитъ въ душу и очищаетъ, не только окропляя, но содѣлываясь источникомъ въ душахъ нашихъ. Посвященные въ

тайны знаютъ, о чемъ я говорю. Тамъ была окропляема поверхность (тѣла) и окропленный опять омывался, а не всегда ходилъ окровавленнымъ; здѣсь же не такъ, но кровь смѣшивается съ самымъ существомъ души, дѣлая ее крѣпкою и чистою и доводя ее до неописуемой красоты. Такимъ образомъ (апостолъ) доказываетъ, что смерть служила не только къ утвержденію, но и къ очищенію. Смерть, и особенно крестная, казалась чѣмъ-то пагубнымъ; но (апостолъ) говоритъ, что она служила очищеніемъ, и очищеніемъ важнымъ, и при томъ въ дѣлахъ высокихъ. Для этого, т. е. ради этой крови, были прежде жертвоприношенія; для этого были агнцы, для этого было все. *Нужда убо бже образомъ небесныхъ сими очищатися: самѣмъ же небеснымъ лучшимъ жертвами паче сихъ* (ст. 28). Какъ они—образы небесныхъ? И что онъ называетъ нынѣ небеснымъ? Не небо ли? Не ангеловъ ли? Нѣтъ, но наши (священнодѣйствія). Наши (священнодѣйствія) на небесахъ и небесны, хотя совершаются на землѣ. Такъ и ангелы бывають на землѣ, но называются небесными; и херувимы являлись на землѣ, но они небесны. Что я говорю: являлись? Они пребываютъ на землѣ, какъ бы въ раю,—и однако, при всемъ томъ, они небесны. *И наше житіе на небесахъ есть* (Филип. III, 20), хотя мы живемъ здѣсь. *Самѣмъ же небеснымъ*, т. е. по любомудрію нашему призваннымъ туда. *Лучшими жертвами паче сихъ*. Лучшее называется лучшимъ по отношенію къ чему-нибудь хорошему. Слѣдовательно хороши были и образы небснаго. Они не были нехорошими, какъ образы; иначе было бы нехорошо и то, чего они служить образами.

8. Итакъ, если мы небесны, если мы получили такое достоинство, то будемъ бояться, чтобы намъ не остаться на землѣ; а и нынѣ, кто хочетъ, можетъ не быть на землѣ. Быть или не быть на землѣ зависитъ отъ воли и образа жизни. Вотъ напри-
 мѣръ: о Богѣ говорятъ, что онъ пребываетъ на небѣ. Почему? Не потому, чтобы Онъ былъ заключенъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ,—да не будетъ,—и не потому, чтобы земля была лишена Его присутствія; но по отношенію и близости Его къ ангеламъ.
 126 Такимъ образомъ, если и мы близки къ Богу, то мы—на небѣ. Что мнѣ до неба, когда я созерцаю Владыку неба, когда самъ становлюсь небомъ? *Приидемъ*, говоритъ (Господь), *азъ и Отецъ мой, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. XIV, 23). Сдѣлаемъ же душу нашу небомъ. Небо по природѣ своей ясно, оно не дѣлается темнымъ и во время бури; тогда не оно само измѣняетъ видъ, но собравшіяся облака закрываютъ его. Небо имѣетъ солнце: и мы имѣемъ Солнце правды. Можно, сказать я, одѣлаться какъ бы небомъ; еще скажу — можно сдѣлаться даже

лучше неба. Какимъ образомъ? Когда мы будемъ имѣть Владыку солнца. Небо вездѣ чисто и свѣтло и не измѣняется ни во время бури, ни во время ночи; такъ и мы не должны подвергаться этому ни во время скорбей, ни во время козней діавола, но оставаться чистыми и свѣтлыми. Небо высоко и далеко отстоитъ отъ земли; будемъ таковы и мы, отрѣшився отъ земли и вознесемся на эту высоту. А какъ мы можемъ отрѣшиться отъ земли? Если будемъ размышлять о небесномъ. Небо гораздо выше и дождей и бурь, и никто не можетъ достать его; то же, если захотимъ, можетъ быть и съ нами. Оно кажется измѣняющимся, а между тѣмъ не измѣняется; такъ и мы, хотя и кажемся страждущими, но не должны подвергаться страданію. Какъ во время бури многіе не видятъ красоты неба и думаютъ, что оно измѣнилось, но любомудрые знаютъ, что оно нисколько не измѣнилось, такъ и об насъ, во время скорбей, многіе думаютъ, что мы измѣнились и что скорбь коснулась самаго сердца нашего, но любомудрые знаютъ, что она не коснулась насъ. Будемъ же небомъ, взойдемъ на эту высоту, и тогда люди покажутся намъ не отличающимися отъ муравьевъ; разумъ не однихъ только бѣдныхъ и богатыхъ, но будетъ ли то военачальникъ, или царь, мы не замѣтимъ отсюда ни царя, ни простолюдина, не различимъ, чтѣ золото и чтѣ серебро, какая шелковая одежда, и какая пурпуровая; всѣ покажутся намъ какъ бы мухами, когда мы будемъ находиться на этой высотѣ; тамъ нѣтъ ни шуму, ни волненія, ни крика. Но какъ можно, скажешь, подняться на эту высоту человѣку, находящемуся на землѣ? Не словами одними я докажу тебѣ это, но, если хочешь, представлю тебѣ людей, которые на самомъ дѣлѣ достигли этой высоты. Кто же это? Разумъ Павла и подобныхъ ему, которые, живя на землѣ, были на небѣ. Что я говорю: на небѣ? Они были выше неба и другого неба, и восходили до самаго Бога. *Кто ны, говорить онъ, разлучитъ отъ любве Божіей? Скорбь ли, или тѣснота; или гладъ, или гоненіе, или нагота, или беда, или меч* (Рим. viii, 35)? И еще: *не смотрящимъ на ны видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. iv, 18). Видишь ли, какъ онъ не взиралъ на то, что здѣсь? А чтобы ты убѣдился, что онъ былъ выше небесъ, послушай, какъ онъ говоритъ: *извѣстися бо, яко ни смерть, ни животъ, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Христовой* (Рим. viii, 38, 39).

4. Видишь ли, какъ мысль, прошедши все, поставила его выше не только этого творенія и этихъ небесъ, но и всякихъ 127 другихъ, если бы они были? Видишь ли высокій умъ? Видишь ли, какимъ сдѣлался, когда захотѣлъ, скинотворецъ, проводившій

всю жизнь свою на площади? Нѣтъ, подлинно никакого нѣтъ препятствія—превзойти всѣхъ, когда мы захотимъ. Если мы дѣлаемъ такіе успѣхи въ искусствахъ, которыя весьма трудны для многихъ, то тѣмъ болѣе въ томъ, что не требуетъ такого труда. Что труднѣе, скажи мнѣ, какъ ходить по натянутому канату, какъ бы по ровному мѣсту, и ходя на высотѣ одѣваться и раздѣваться, какъ бы сидя на постели? Не кажется ли намъ это дѣло такъ страшнымъ, что мы не хотимъ на него даже смотрѣть, но ужасаемся и дрожимъ при одномъ на него взглядѣ? Что труднѣе, скажи мнѣ, какъ поставить на лице свое шесть и, посадивъ на него ребенка, производить тысячи (упражнений) и забавлять зрителей? Что труднѣе, какъ играть шарами на мечяхъ? Что труднѣе, скажи мнѣ, какъ изслѣдовать глубину моря? И безчисленное множество другихъ искусствъ можно было бы привести; но всѣхъ ихъ легче добродѣтель и искусство — взойти на небо, если мы захотимъ: здѣсь нужно только захотѣть, и всего достигнешь. Здѣсь нельзя сказать: не могу,—это значило бы обвинять Создателя; вѣдь если Онъ создалъ насъ не могущими, и между тѣмъ повелѣлъ (сдѣлать это), то вина падаетъ на Него. Отчего же, скажешь, многие не могутъ? Оттого, что не хотятъ. А отчего не хотятъ? Отъ лѣности; а если захотятъ, то конечно смогутъ. Потому и Павелъ говоритъ: *хочу, да вси человецы будутъ, якоже и азъ* (Рим. vii, 7); онъ зналъ, что всѣ могутъ быть такими же,

128 какъ онъ; а если бы не могли, то онъ и не сказалъ бы этого. Хочешь ли быть добродѣтельнымъ? Положи только начало. Скажи мнѣ: во всѣхъ искусствахъ, когда мы хотимъ заняться ими, довольствуемся ли мы однимъ хотѣніемъ, или принимаемся и за дѣло? Напримѣръ: кто хочетъ сдѣлаться кормчимъ, тотъ не говоритъ только: хочу, и этимъ довольствуется, но принимается и за дѣло. Кто хочетъ сдѣлаться торговцемъ, тотъ не говоритъ только: хочу, но принимается и за дѣло. Кто хочетъ путешествовать, тотъ не говоритъ только: хочу, но принимается и за дѣло. Такъ и во всемъ: не достаточно одного только хотѣнія, но нужно присоединять и дѣло. А ты, желая взойти на небо, только говоришь: хочу? Но какъ же, возразишь, ты самъ сказалъ, что достаточно одного хотѣнія? Хотѣнія вмѣстѣ съ дѣлами, принимающагося за дѣло, дѣятельнаго. Намъ содѣйствуетъ и помогаетъ Богъ; только мы должны рѣшиться, только должны приступить къ тому на дѣлѣ, только должны приложить стараніе, только должны имѣть душевное расположеніе, — и все будетъ. А если будемъ спать и похрапывая надѣяться взойти на небо, то какъ мы сможемъ получить наслѣдіе небесное? Будемъ же имѣть хотѣніе, увѣщаваю васъ, будемъ желать. Для чего мы собираемъ все для

настоящей жизни, которую завтра оставимъ? Будемъ пещись о добродѣтели, которой достанетъ намъ на весь вѣкъ; будемъ постоянно соблюдать ее,—и получимъ вѣчныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатию и человеколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XVII.

Не въ рукотворенная бо святая вниде Христосъ, про- 127
тивообразная истинныхъ, но въ самое небо, нынѣ да явится лицу Божію о насъ: ниже да многажды приносить себѣ, якоже первосвященникъ входитъ во святая святыхъ по вся лѣта съ кровію чуждею: понеже подобаше бы ему множицею страдати отъ сложенія міра: нынѣ же единою въ кончину вѣковъ во отъметаніе грѣха жертвою своею явился (Евр. ix, 24—26).

1. Іудеи много превозносились храмомъ и скиніею; потому и говорили: *храмъ Господень, храмъ Господень* (Іер. vii, 4). Нигдѣ на землѣ не было построено подобнаго храма ни по драгоценности, ни по красотѣ, ни по чему иному, потому что Богъ, заповѣдавъ построить его, повелѣлъ сдѣлать это съ большимъ великолѣпіемъ, да и сами (іудеи) были склонны и привязаны болѣе къ тѣлесному. У него въ стѣнахъ были позолоченные камни, о чемъ желающій можетъ узнать изъ второй книги Царствъ и изъ книги Іезекіиля, равно и о томъ, сколько талантовъ золота было на него издержано. Построеніе второго (храма) было еще блистательнѣе по красотѣ и по всему прочему. И не поэтому только онъ былъ драгоцененъ, но и потому, что былъ одинъ. Красота его привлекала всѣхъ, потому что туда приходили съ концевъ земли, изъ Вавилоніи и Ѣгипта. Это выражаетъ Лука въ Дѣяніяхъ, когда говоритъ: *бяху же тамъ живущіи Паряне и Мидяне и Еламѣте, и живущіи въ Месопотаміи, въ Іудеи же и Каппадокіи, въ Понтѣ и во Асіи, во Фригіи же и Памфиліи, во Египтѣ и странахъ Ливіи, яже при Кириніи* (Дѣян. п, 5—10). Итакъ, изъ всѣхъ странъ вселенной приходили туда, и велика была слава этого храма. Что же дѣлаетъ Павелъ? Что сдѣлалъ онъ касательно 128
жертвъ, то же дѣлаетъ и здѣсь; какъ имъ онъ противопоставилъ смерть Христову, такъ здѣсь храму противопоставляетъ цѣлое небо. Но не въ этомъ только показывается различіе, а и въ томъ, что нашъ священникъ ближе къ Богу: *да явится, прибавляетъ*

онъ, *лицу Божію*. Такимъ образомъ, онъ доказываетъ важность дѣла не только небомъ, но и самымъ входомъ,—потому что не чрезъ одни прообразы, какъ здѣсь, но самого Бога (Христось) видитъ тамъ. Видишь ли, что все уничиженное сказано о Немъ по снисхожденію Его? Удивительно ли послѣ этого, что (Павель) представляетъ его ходатайствующимъ, какъ первосвященника? *Ниже да многажды, говоритъ, приноситъ себе, якоже первосвященникъ входитъ во святая по вся лѣта съ кровію чуждею. Не въ рукотворенная бо святая вииде Христось, противообразная истинныхъ.* Итакъ, это—истина, а то—прообразы; тотъ храмъ былъ построенъ по подобію неба небесъ. Но что говоришь? Неужели, если бы не вошелъ въ небо, то не явился бы (лицу Божію) Онъ, вездѣ сущій и все наполняющій? Очевидно, что все это говорится о плотнi Его. *Да явится, говоритъ, лицу Божію о насъ.* Что значитъ: *о насъ*? Онъ вошелъ, говоритъ, съ жертвою, могущею умиловитъ Отца. Для чего же, скажи мнѣ? Развѣ Онъ былъ врагомъ (Божіимъ)? Изъ числа ангеловъ были враги Богу, а Онъ не былъ врагомъ. А что ангелы были враги, объ этомъ послушай, что говоритъ (апостолъ): *примири ти, аще земная, аще ли небесная* (Кол. 1, 20). Потому справедливо сказано, что Онъ вошелъ въ небо, *нынѣ да явится лицу Божію о насъ.* Онъ и нынѣ предстоить, но за насъ.

Ниже да многажды приноситъ себе, якоже первосвященникъ входитъ во святая святыхъ по вся лѣта съ кровію чуждею. Видишь ли, сколько противоположеній? Многажды, однажды; съ кровію чужжою, съ своею. Великое различіе! Христось самъ и жертва и священникъ. *Понеже, говоритъ, подобаше бы ему множицею страдати отъ сложенія міра.* Здѣсь онъ открываетъ нѣкоторый догматъ: если бы, говоритъ, Ему надлежало многократно приносить жертвы, то надлежало бы многократно и распинаться. *Нынѣ же единою въ кончину отковъ.* Почему—*въ кончину отковъ*? Послѣ множества грѣховъ; если бы все это произошло вначалѣ и никто не увѣровалъ бы, то дѣло домостроительства осталось бы бесполезнымъ; Христу не надлежало умирать вторично, чтобы исправить и этотъ недостатокъ; когда же съ теченіемъ времени явилось множество грѣховъ, тогда благовременно Онъ и явился. То же (апостолъ) говорить и въ другомъ мѣстѣ: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. v, 20). *Нынѣ же, говоритъ, единою въ кончину отковъ во отъметаніе грѣха жертвою своею явися. И якоже лежитъ челоуѣкомъ единою умрети, потомъ же судъ* (ст. 27).

2. Доказавъ, что не надлежало умирать многократно, (апостолъ) показываетъ теперь и то, почему Онъ умеръ однажды. *Лежитъ, говоритъ, челоуѣкомъ единою умрети.* Итакъ, Онъ умеръ однажды за всѣхъ людей. Какъ, развѣ мы уже не умираемъ

прежнюю смертію? Умираемъ, но не остаемся въ ней; а это не значитъ умирать. Власть смерти и истинная смерть есть та, когда умершій уже не имѣетъ возможности возвратиться къ жизни; если же послѣ смерти онъ оживетъ, и при томъ лучшею жизнію, то это не смерть, а успеніе. Смерть могла удержать у себя всѣхъ; потому Христосъ и умеръ, чтобы освободить насъ. *Тако и Христосъ единою принесеся* (ст. 28). Кѣмъ *принесеся*? Очевидно, самъ собою. Здѣсь показывается въ Немъ не только священника, но и приношеніе, и жертву; потомъ присовокупляетъ и причину, почему Онъ *принесеся*. *Единою*, говорятъ, *принесеся во еже вознести многихъ грѣхи*. Почему же онъ сказалъ: *многихъ*, а не: всѣхъ? Потому, что не всѣ увѣровали. Онъ умеръ за всѣхъ, чтобы спасти всѣхъ, сколько отъ Него зависить,—смерть Его и сильна была спасти всѣхъ отъ гибели,—но Онъ *вознесъ грѣхи* не всѣхъ, потому что сами не захотѣли. Что же значитъ: *вознести грѣхи*? Какъ во время приношенія, которое совершаемъ, мы возносимъ и грѣхи, когда говоримъ: остави намъ согрѣшенія, которыя мы содѣлали волею или неволею, т. е. сначала упоминаемъ о нихъ, а потомъ испрашиваемъ оставленія,—такъ было и здѣсь. Когда же Христосъ сдѣлалъ это? Послушай, какъ Онъ самъ говоритъ: *и за нихъ азъ свящу себе* (Іоан. хvii, 19). Вотъ, какъ Онъ вознесъ грѣхи: взялъ ихъ отъ людей и вознесъ къ Отцу, не для того, чтобы постановить приговоръ противъ нихъ, но чтобы простить. *Второе*, говорятъ, *безъ грѣха явится ждущимъ его во спасеніе*. Что значитъ: *безъ грѣха*? Не съ тѣмъ, чтобы взять грѣхи, и 130 не за грѣхи придетъ въ другой разъ, чтобы опять умереть; Онъ и однажды умеръ не потому, что долженъ былъ умереть. Для чего же *явится*? Чтобы наказать, говорятъ; впрочемъ не выражаетъ этого (прямо), но съ отрадой: *безъ грѣха явится ждущимъ его во спасеніе*, такъ какъ уже нѣтъ надобности въ жертвѣ, чтобы спасти ихъ, но для этого нужны дѣла. *Сънь бо*, говорятъ, *имый законъ грядущихъ благъ, не самый образъ вещей* (х, 1), т. е. не самую истину. Какъ въ живописи, пока набрасываютъ рисунокъ, получается какая-то тѣнь, а когда положить краски и наведутъ цвѣта, тогда дѣлается изображеніе,—такъ было и съ закономъ. *Сънь бо имый законъ грядущихъ благъ, не самый образъ вещей*, т. е. жертвы, отпущенія (грѣховъ). На всякое дѣло: *тѣмъ же жертвами, ихже приносятъ выну, никогда же можетъ приступающихъ совершити: понеже не престали бы быти приносими, ни единому кому имущимъ свѣдѣніе о грѣсѣхъ служащимъ, единою очищеннымъ: но въ нихъ воспоминаніе грѣховъ на каждо лѣто. Невозможно бо крови юнчей и козлей отпущати грѣхи. Тѣмъ же входя въ міръ глаголетъ: жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же совершилъ ми еси: все-*

сожженій и о грѣсѣхъ не благоволилъ еси. Тогда рече: се иду: въ главизнѣ книжнѣй написася о мнѣ: еже сотворити волю твою, Боже. Выше глаголя: яко жертвы и приношенія и всесожженій и о грѣсѣхъ не восхотѣлъ еси, ниже благоволилъ еси, яже по закону приносятся: тогда рече: се иду сотворити волю твою, Боже. Отъсѣмлетъ первое, да второе поставитъ (ст. 1—9). Видишь ли опять, какое изобиліе (въ рѣчи апостола)? Эта жертва, говоритъ, одна, а грѣхъ много; потому онѣ и не были сильны, что ихъ было много.

3. Дѣйствительно, скажи мнѣ, для чего нужно было много жертвъ, если бы достаточно было одной? Множество жертвъ и то, что онѣ приносились непрестанно, показываетъ, что онѣ никогда не очищали (приносившихъ). Какъ лѣкарство, когда оно сильно, полезно для здоровья и способно уничтожить всякую болѣзнь, совершаетъ все, будучи приложено однажды; то самое, что оно совершаетъ все, будучи приложено однажды и уже больше не прикладываясь, показываетъ его силу, и то, что оно больше не прикладывается, есть слѣдствіе его дѣйствія; если же оно прикладывается непрестанно, то это явный знакъ, что оно не имѣетъ никакой силы,—потому что достоинство лѣкарства въ томъ и состоитъ, чтобы прикладываться однажды, а не часто,—такъ точно и здѣсь. Почему они непрестанно лѣчились одними и тѣми же жертвами? Если бы они были свободны отъ всѣхъ грѣховъ, то жертвы не были бы приносимы ежедневно,—между тѣмъ было опредѣлено приносить ихъ за весь народъ непрестанно, и вечеромъ и днемъ. Такимъ образомъ совершаемое ими было обвиненіемъ во грѣхахъ, а не разрѣшеніемъ грѣховъ, обличеніемъ немощи, а не знакомъ силы. Такъ какъ первая жертва не оказывала дѣйствія, то приносилась вторая; а такъ какъ и эта не помогала, то третья,—такимъ образомъ это и служило обличеніемъ грѣховъ. Итакъ, приношеніе жертвъ было обличеніемъ грѣховъ, а непрестанное (приношеніе) обличеніемъ немощи. А въ дѣлѣ Христовомъ напротивъ: Онъ принесъ однажды, и этого довольно навсегда. И хорошо назвалъ (апостольскія жертвы) противоположными; дѣйствительно, они были только прообразомъ, но не имѣли силы, подобно какъ на картинахъ изображеніе имѣетъ образъ человѣка, но не имѣетъ силы его. Подлинникъ и образъ имѣютъ нѣчто общее между собою; въ образѣ есть сходство, но нѣтъ силы. Такъ точно въ отношеніи неба и сѣни: она была похожимъ на него образомъ,—такъ какъ была святою,—но сила и все прочее у нея не тѣ. Что значитъ: *во отъсѣченіи грѣха жертвою своею явится*? Что значитъ: *отъсѣченіе*? Т. е. посрамленіе; грѣхъ уже не имѣетъ дерзновенія, потому что онъ посрамленъ. Какимъ образомъ? Онъ долженъ былъ достигнуть наказанія (людей смертію), но не достигъ

нѣтъ, а самъ потерпѣлъ насиліе; когда хотѣлъ погубить всѣхъ, тогда самъ былъ истребленъ. *Жертвою своею*, говорить, *явился*, т. е. явился къ Богу и предсталъ предъ Нимъ. Итакъ, не думай, что если священникъ приносилъ жертвы многократно каждый годъ, то дѣлалъ это просто и не по причинѣ немощи. Если не по причинѣ немощи, то для чего же это дѣлалось? Если бы не было ранъ, то не было бы нужды и въ лѣкарствахъ. Вотъ для чего, говорить (апостолъ), повелѣно приносить жертвы непрестанно,—по причинѣ немощи и для напоминанія о грѣхахъ. Что же? Развѣ мы не приносимъ каждый день? Приносимъ, но мы совершаемъ воспоминаніе о смерти Его, и эта жертва одна, а не много. Какъ одна, а не много? Такъ, что она принесена однажды, подобно той, которая была приносима во святомъ святыхъ. Та была прообразомъ ея, и эта—ея же образъ. Мы постоянно приносимъ одного и того же Агнца, а не одного сегодня, другого завтра, но всегда одного и того же. Такимъ образомъ, эта жертва одна. Хотя она приносится во многихъ мѣстахъ, но развѣ много Христовъ? Нѣтъ, одинъ Христосъ вездѣ, и здѣсь полный, и тамъ полный, одно тѣло Его. И какъ приносимый во многихъ мѣстахъ Онъ—одно тѣло, а не много тѣлъ, такъ и жертва одна. Онъ нашъ Первосвященникъ, принесшій жертву, очищающую насъ; ее приносимъ и мы теперь, тогда принесенную, но не оскудѣвающую. Это совершается въ воспоминаніе бывшаго тогда: *сѣ творите, сказано, съ мое воспоминаніе* (Лук. xii, 19). Не другую жертву, какъ тогдашній первосвященникъ, но ту же мы приносимъ постоянно; или лучше сказать, совершаемъ воспоминаніе жертвы.

4. Такъ какъ я упомянулъ объ этой жертвѣ, то хочу сказать вамъ, посвященнымъ въ тайны, немногое,—немногое по объему, но заключающее въ себѣ великую силу и пользу; слова мои не отъ насъ, но отъ Духа Божія. Что же такое? Многіе причащаются этой жертвы однажды во весь годъ, другіе дважды, а иные нѣсколько разъ. Слова наши относятся ко всѣмъ, не только къ присутствующимъ здѣсь, но и къ находящимся въ пустынѣ,—потому что они причащаются однажды въ годъ, а иногда и черезъ два года. Что же? Кого намъ одобрить? Тѣхъ ли, которые причащаются однажды, или тѣхъ, которые—часто, или тѣхъ, которые—рѣдко? Ни тѣхъ, ни другихъ, ни третьихъ, но причащающихся съ чистою совѣстію, съ чистымъ сердцемъ, съ безукоризненною жизнію. Такіе пусть всегда приступаютъ; а не такіе—ни однажды. Почему? Потому, что они навлекаютъ на себя судъ, осужденіе, наказаніе и мученіе. Не удивляйся этому: какъ пища, сама по себѣ питательная, когда попадаетъ въ разстроенный желудокъ, производитъ вредъ и разстройство во всемъ (тѣлѣ), и

дѣлается причиною болѣзни, такъ бываетъ и съ страшными тайнами. Ты сподобляешься трапезы духовной, трапезы царской, и потомъ опять оскверняешь уста нечистотою? Ты намащаешься миромъ, и потомъ опять наполняешься зловоніемъ? Скажи мнѣ, увѣщевая: приступая къ причащенію чрезъ годъ, неужели ты думаешь, что сорока дней тебѣ достаточно для очищенія твоихъ грѣховъ за все время? А потомъ, по прошествіи недѣли, опять предаешься прежнему? Скажи же мнѣ: если бы ты, выздоровливая въ теченіе сорока дней отъ продолжительной болѣзни, потомъ опять принялся за ту же пищу, которая причинила болѣзнь, то не потерялъ ли бы ты и предшествовавшаго труда? Очевидно, что такъ. Если же такимъ образомъ извращается естественный порядокъ, то тѣмъ болѣе нравственный. Напримѣръ: мы отъ природы одарены зрѣніемъ и имѣемъ отъ природы здоровые глаза; но часто по болѣзни наше зрѣніе повреждается. Если же естественныя свойства извращаются, то не гораздо ли болѣе нравственныя? Сорокъ дней ты употребляешь на возстановленіе здорова души, а быть можетъ даже не сорокъ,—и думаешь умиловити Бога? Ты шутишь, человѣкъ. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы запретить вамъ приступать однажды въ годъ, но болѣе желая, чтобы вы непрестанно приступали къ святымъ тайнамъ. Для того и священникъ возглашаетъ тогда, призывая святыхъ, и этимъ возгласомъ какъ бы испытываетъ всѣхъ, чтобы никто не приступалъ неприготовленнымъ. Какъ въ стадѣ, гдѣ много здоровыхъ овецъ, а много и пораженныхъ коростю, необходимо отдѣлать послѣднихъ отъ здоровыхъ, такъ и въ Церкви, гдѣ есть овцы здоровыя и больныя, этимъ возгласомъ священникъ отдѣляетъ послѣднихъ отъ первыхъ, оглашая всѣхъ такимъ страшнымъ изреченіемъ, а святыхъ вызываетъ и приглашаетъ. Такъ какъ ни одинъ человѣкъ не можетъ знать души ближняго, — *кто бо, говорить (апостолъ), вѣсть отъ чловѣкъ, яже въ чловѣцѣ, точію духъ чловѣка (живущій) въ немъ* (1 Кор. п, 11)? — то и дѣлаетъ такой возгласъ послѣ совершенія всего жертвоприношенія, чтобы никто безъ вниманія и какъ случилось не приступалъ къ духовному источнику. И въ стадѣ,—ничто не препятствуетъ употребить опять то же сравненіе,—больныхъ (овецъ) мы запираемъ, держимъ въ темнотѣ, кормимъ другою пищею, лишая ихъ и чистаго воздуха, и свѣжей травы, и вѣшняго источника. Такъ и адѣсь, этотъ возгласъ служить какъ бы вмѣсто узъ. Ты не можешь сказать: я не зналъ, я не понималъ, что такое дѣло угрожаетъ опасностію, — особенно, когда и Павелъ засвидѣтельствовалъ это. Или скажешь: я не читалъ? Но это служить не къ

оправданію твоему, а къ осужденію; каждый день ты ходишь въ церковь,—и этого еще ты не узналъ?

5. Впрочемъ, чтобы ты не могъ представить и этого пред- 133
лога, для того священникъ, какъ бы какой глашатай, поднявъ руку вверхъ, ставъ на возвышеніи, будучи видимымъ для всѣхъ, при страшной тишинѣ, громкимъ голосомъ произноситъ грозное воззваніе, которымъ однихъ призываетъ, а другихъ отлучаетъ. дѣлая это не рукою, а словомъ, гораздо дѣйствительнѣйшимъ руки. Это воззваніе, достигая нашего слуха, какъ бы рукою, однихъ отталкиваетъ и отвергаетъ, а другихъ привлекаетъ и представляетъ. Скажи мнѣ, прошу тебя, на олимпійскихъ играхъ не выходить ли глашатай, взывая громкимъ и сильнымъ голосомъ: не можетъ ли кто обвинить въ чемъ-нибудь этого человѣка, не рабъ ли онъ, не воръ ли, не безнравственный ли?—хотя тѣ подвиги не душевные и не нравственные, а требующіе тѣлесной силы? Если же тамъ, гдѣ совершаются подвиги тѣлесные, тщательно изслѣдуется нравственность, то тѣмъ болѣе это нужно здѣсь, гдѣ весь подвигъ принадлежитъ душѣ. Такъ, и предъ нами теперь стоитъ глашатай, не головы каждого касающійся и влекущій, но касающійся вдругъ внутренней головы всѣхъ; не вызываетъ онъ постороннихъ обвинителей, но всѣхъ противъ самихъ себя; не говоритъ: не можетъ ли кто обвинить этого человѣка, а что?—не обвиняетъ ли кто себя самого? Когда онъ говоритъ: *святая святыхъ*, то говоритъ: кто не святъ, тотъ не приступай. Не просто говоритъ: чистый отъ грѣховъ, но: святой; а святымъ дѣлаетъ не одно только отпущеніе грѣховъ, но и нѣженіе Духа и обиліе дѣлъ благихъ. Не того только хочу, говоритъ, чтобы вы омылись отъ нечистоты, но чтобы были бѣлыми и прекрасными. Если вавилонскій царь изъ плѣнныхъ юношей избралъ видныхъ и красивыхъ (Дан. 1, 4), то тѣмъ болѣе намъ, предстоящимъ царской трапезѣ, должно быть прекрасными въ душѣ, имѣть золотое украшеніе, чистую одежду, царскую обувь, благообразное лице души, облекши ее въ это золотое украшеніе и опоясавъ истиною. Такой пусть приступаетъ и прикасается къ царскимъ сосудамъ. А если кто, будучи одѣтъ въ рубище, загрязненъ и запыленъ, захочетъ приступить къ царской трапезѣ, то извѣстно, чему онъ подвергнется, и сорока дней ему недостаточно будетъ для омовенія грѣховъ, совершенныхъ во все (прошедшее) время. Если недостаточно для этого геенны, хотя она вѣчна,—а для этого она и вѣчна,—то тѣмъ болѣе такого крат- 134
каго времени. Вѣдь мы оказываемъ не сильное, а слабое покаяніе. Предстоятъ царю слѣдуетъ преимущественно евнухамъ; подъ

евнухами я разумѣю людей съ свѣтлою душою, не имѣющихъ никакой нечистоты и никакого порока, возвышенныхъ умомъ, имѣющихъ око души кроткое и зоркое, строгое и бодрое, а не сонливое и дремлющее, исполненное совершенной свободы, чуждое безстыдства и наглости, бдительное, здравое, не очень при-скорбное и печальное, но и не разсѣянное и безпечное. Въ нашей власти усовершенить такимъ образомъ свое око и сдѣлать его зоркимъ и прекраснымъ. Когда мы не будемъ устремлять его на дымъ и прахъ,—таковы всѣ блага человѣческія, — но на тонкія струи, на легкое вѣяніе вѣтра, на предметы возвышенные, великіе и исполненные совершеннаго спокойствія, чистоты и радости, то скоро приобрѣтемъ такое (око) и укрѣпимъ его такимъ пріятнымъ созерцаніемъ. Видишь ли человѣка любостыжательнаго и имѣющаго большое богатство,—не устремляй туда ока своего: это грязь, дымъ, дурное испареніе, тьма, великая тѣснота, безпокойное изнуреніе. Видишь ли человѣка, упражняющагося въ добродѣтеляхъ, довольствующагося своимъ, стоящаго на широкомъ пути спокойствія, не сокрушающагося и не пекущагося ни о чемъ здѣшнемъ,—на немъ останови (око свое), туда устреми его, и сдѣлаешь его гораздо лучшимъ и свѣтлѣйшимъ, услаждая его не земными цвѣтами, но цвѣтами добродѣтели, цѣломудріемъ, кротостію и всѣми другими. Ничто такъ не смущаетъ ока нашего, какъ нечистая совѣсть: *смятесе*, говорить (Псалмопѣвецъ), *отъ ярости око мое* (Псал. vi, 8); ничто такъ не омрачаетъ его. Избавь его отъ этого зла, и ты сдѣлаешь его чистымъ и крѣпкимъ, всегда исполненнымъ надеждъ благихъ. Будемъ же всѣ мы, какъ эту, такъ и другія способности души устроить такъ, какъ желаетъ Христосъ, чтобы, сдѣлавшись достойными поставленной надъ нами Главы, намъ отойти туда, куда Онъ хочетъ: *хошу*, говоритъ Онъ, *да идѣже есмь азъ, и тиѣ будутъ со мною, да видятъ славу мою* (Іоан. хvii, 24), которой да сподобимся всѣ мы во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVIII.

Выше глаголя, яко жертвы и приношенія и всесоже- 133—134
ній и о грѣсѣхъ не восхотѣлъ еси, ниже благоволилъ
еси, яже по закону приносятся: тогда рече: се иду со-
творити волю твою, Боже. Отъемлетъ первое, да второе
поставитъ. О нейже воли освящени есмы принесеніемъ
тѣла Иисусъ Христова единою. И всякъ убо священ-
никъ стоитъ на всякъ день служа, и тыяжде множицею
принося жертвы, яже никогдаже могутъ отъяти грѣ-
ховъ: онъ же едину о грѣсѣхъ принесъ жертву, всегда
сѣдитъ одесную Бога, прочее ожидая, дондеже поло-
жатся врази его подножіе ногъ его (Евр. x, 8—13).

1. Въ предъидущемъ (апостолъ) доказаль, что жертвы без-
полезны для совершеннаго очищенія, что они были только про-
образомъ и весьма недостаточны. Такъ какъ при этомъ предста-
влялось ему возраженіе: если онѣ прообразы, то почему онѣ, съ
пришествіемъ истины, не перестали, не прекратились, но еще
приносятся (іудеями)?—то здѣсь онъ и рѣшаетъ это, показывая,
что онѣ уже не приносятся, какъ прообразы, и Богъ не прини-
маетъ ихъ. Онъ опять доказываетъ это не изъ новаго завѣта, но
изъ пророковъ, приводя изъ древности сильнѣйшее свидѣтель-
ство на то, что (жертвы) прекратились и перестали, и что (іудеи)
совершенно напрасно приносятъ ихъ, всегда противясь Духу
Святому. При томъ усиленно доказываетъ, что онѣ прекратились
не теперь, но съ самаго пришествія Христова, или лучше, еще
прежде Его пришествія,—что не Христосъ положилъ конецъ имъ,
но сначала онѣ были отмѣнены, а потомъ уже Онъ пришелъ;
прежде онѣ прекращены, и тогда послѣдовало Его пришествіе.
Чтобы они не сказали: мы могли и безъ этой жертвы (Христо- 135
вой) благоугождать Богу,—Онъ ожидалъ, пока жертвы обличатся
сами собою, и тогда уже пришелъ, потому что *жертвы*, говорить,
и *приношенія не восхотѣлъ еси*. Этимъ онъ отвергнулъ все и,
сказавъ вообще, говорить и въ частности: *всесожеженій и о грѣсѣхъ
не благоволилъ еси*. Приношеніемъ же было все прочее, кромѣ
жертвъ. Тогда рече: *се иду*. О комъ это сказано? Не о комъ дру-
гомъ, какъ о Христѣ. Здѣсь (апостолъ) нисколько не обвиняетъ
приносившихъ, показывая, что (Богъ) не принимаетъ жертвъ не
за пороки ихъ, какъ сказалъ онъ въ другомъ мѣстѣ, но потому,
что наконецъ раскрылась недостаточность самаго дѣла и обна-
ружилось, что оно не имѣетъ никакой силы, и уже неблаговре-

менно. Какъ же согласить это съ частымъ приношеніемъ жертвъ? Не только, говорить, изъ частаго (приношенія ихъ) видно, что онъ немощны и не приносятъ никакой пользы, но и изъ того, что Богъ не принимаетъ ихъ, какъ бесплодныя и бесполезныя. То же самое выражено и въ другомъ мѣстѣ, когда сказано: *аще бы восхотѣлъ еси жертвы, далъ быхъ убо* (Псал. I, 18). Отсюда очевидно, что не хочетъ ихъ. Итакъ, не жертвъ хочетъ воля Божія, а отъбны жертвъ; слѣдовательно, нѣтъ воли (Божіей) на то, чтобы онъ приносился. Что значитъ: *созворити волю твою*? Значить—предать Себя самого,—на это воля Божія. *О нейже воли освящени есмы*. Здѣсь онъ инымъ образомъ доказываетъ, что не жертвы очищаютъ людей, а воля Божія. Итакъ, ужели же на приношеніе жертвъ нѣтъ воли Божіей? Но удивительно ли, что теперь нѣтъ на это воли Божіей, если и вначалѣ не было на то воли Его? *Кто бо*, говоритъ (Богъ), *изыска сія изъ рукъ вашихъ* (Иса. I, 12)? Почему же Онъ самъ учредилъ (жертвоприношенія)? По снисхожденію. Подобнымъ образомъ и Павелъ выражается, когда говоритъ: *хочу, да еси человецы будутъ, якоже и азъ*, воздержными (I Кор. VII, 7); а въ другомъ мѣстѣ предлагаетъ такой совѣтъ: *хочу юнымъ посягати, чада раждати* (I Тим. V, 14). Онъ представляетъ два хотѣнія, но не оба принадлежать ему, хотя онъ заповѣдуетъ; первое отъ него самого,—потому онъ и представляетъ его безъ причины,—а послѣднее не отъ него самого, хотя и оно не противно волѣ его,—потому онъ прибавляетъ и причину. Именно, сказавъ выше противъ молодыхъ вдовицъ, что онъ *разсвирѣпѣють противу Христа*, онъ потомъ и говоритъ: *хочу юнымъ посягати, чада раждати*. Такъ точно и здѣсь (Богъ) учредилъ жертвоприношенія по снисхожденію; а первоначально не было Его волею, чтобы приносился жертвы. Такъ и о смерти Онъ говоритъ: *не хочу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іезек. XVIII, 23), а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Онъ не только хочетъ, но и сильно желаетъ этого (ст. 30), хотя то и другое (повидимому) взаимно противорѣчатъ, такъ какъ сильное желаніе есть напряженное хотѣніе. Какъ же Онъ и не хочетъ и желаетъ и при томъ сильно желаетъ? То же нужно сказать и здѣсь. *О нейже воли освящени есмы*; а какъ мы *освящени есмы*, самъ объясняетъ, присовокупляя: *принесеніемъ тѣла Іисуса Христова единою*. *И всякъ убо священникъ стоитъ на всякъ день служа, и тѣяжде множицею принося жертвы*. Стоять свойственно служащему; слѣдовательно сидѣть свойственно Тому, кому служить: *онъ же едину о грѣсѣхъ принесъ жертву, всегда сидитъ одесную Бога, прочее ожидая, дондеже положатся врази его подножіе ногъ его*. Единымъ бо приношеніемъ совершилъ есть во вѣки освящае-

мытъ. Свидѣтельствуеъ же намъ и Духъ святой (ст. 12—14). Сказавъ, что (жертвы) уже не приносятся, подтвердивъ это изъ Писанія и не изъ Писанія, представивъ и изреченіе пророческое: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси*, теперь говорить, что Богъ уже отпустилъ грѣхи. Въ этомъ онъ опять удостовѣряетъ свидѣтельствомъ Писанія: *свидѣтельствуеъ же намъ*, говоритъ, *Духъ святой*. По реченному бо прежде: *сей заветъ, егоже заветѣю къ нимъ по днѣхъ оныхъ, глаголетъ Господь, дая законы моя на сердца ихъ и въ помышленіихъ ихъ напишу ихъ, и грѣховъ ихъ и беззаконій ихъ не имамъ памянути ктому*. А идѣже отпущеніе сихъ, ктому нѣсть приношенія о грѣсѣхъ (ст. 15—18). Итакъ, (Богъ) отпустилъ грѣхи, когда далъ (новый) заветъ; а этотъ заветъ Онъ далъ за жертву (Христову). Если же Онъ отпустилъ грѣхи за эту одну жертву, то уже нѣтъ нужды въ другой. *Сидитъ одесную Бога, прочее ожидая*. Для чего это замедленіе? Да *положатся враги его подножіе ногъ его*. Единъ-ли бо приношеніемъ совершилъ есть во евки освящаемыхъ. Но, быть можетъ, скажетъ кто-нибудь: почему Онъ не тотчасъ положилъ ихъ? Изъ-за вѣрныхъ, которые имѣли родиться и возродиться. И откуда видно, что они будутъ положены? Изъ того, что Онъ *сидитъ*. Здѣсь (апостолъ) опять припоминаетъ свидѣтельство, въ которомъ говорится: *дондеже положитъ враги подъ ногама своимъ*; а враги Его—іудеи. Далѣе, послѣ того, какъ сказать: *дондеже положатся враги его подножіе ногъ его*,—а (враги эти) сильно возставали,—онъ высказываетъ все послѣдующее, касающееся вѣры. Кто враги Его, какъ не всѣ невѣрующіе, также и демоны? Дѣйствительно, не одни только іудеи. И чтобы выразить высшую степень подчиненія ихъ, не сказалъ: подчинятся, но: *положатся* подъ ноги Его. Не будемъ же въ числѣ враговъ Его; а враги Его не тѣ только, т. е. невѣрующіе и іудеи, но и тѣ, которыхъ жизнь исполнена нечистоты: *зане мудрованіе плотское вражда на Бога: закону бо Божію не покарятся: ниже бо можетъ* (Рим. viii, 7). Что же, скажешь, не укоризна ли это? Укоризна, и сильная: злой человѣкъ, пока онъ золь, не можетъ покоряться; но раскаяться и сдѣлаться добрымъ—онъ можетъ.

2. Отвергнемъ же плотскія мудрованія. А какія — плотскія? Тѣ, которыя утучняютъ и услаждаютъ тѣло, но причиняютъ вредъ душѣ, каковы, напримѣръ: богатство, роскошь, слава, любовь плотская; все это относится къ плоти. Не будемъ же любить приращенія богатства, но будемъ всегда искать бѣдности; она—великое благо. Но, скажешь, она дѣлаетъ человѣка уничиженнымъ и жалкимъ? Это намъ и нужно, потому что приносить намъ великую пользу. *Нищета*, говоритъ (Премудрый), *мужа смиряетъ* (Притч. x, 4); также Христосъ (говоритъ): *блаженни нищии духомъ*

(Мѣ. v, 3). О томъ ли ты скорбишь, что стоишь на пути, ведущемъ къ добродѣтели? Развѣ ты не знаешь, что она (бѣдность) доставляетъ намъ великое дерзновеніе? Но, скажешь, *мудрость нищаго уничижена* (Еккл. ix, 16); и въ другомъ мѣстѣ сказано: *богатства и нищеты не даждь ми* (Притч. xxx, 8); и еще: *изъими меня отъ печи убожества* (Иса. xlviii, 10). Можетъ ли быть зломъ бѣдность или богатство, если *богатство и нищета отъ Господа* (Сир. xi, 14)? Почему же такъ сказано? Это было сказано въ ветхомъ завѣтѣ, когда богатство считалось весьма важнымъ, а бѣдность была презираема, одно было проклятіемъ, а другое—благословеніемъ. А теперь не такъ. Хочешь ли слышать похвалу бѣдности? Ее переносилъ Христосъ: *сынъ же человѣческій*, сказалъ Онъ, *не имать, гдѣ главы поклонити* (Мѣ. viii, 20); также ученикамъ Онъ говорилъ: *не стяжите злата, ни сребра, ни двою ризу* (Мѣ. x, 9). И Павелъ говоритъ въ посланіи: *яко ничтоже имущіи, а вся содержаще* (2 Кор. vi, 10). И Петръ сказалъ хромому отъ рожденія: *сребра и злата нѣсть у мене* (Дѣян. iii, 6). И въ самомъ ветхомъ завѣтѣ,—когда удивлялись богатству,—кто, скажи мнѣ, были чудные мужи? Не Ілія ли, не имѣвшій ничего, кромѣ милоти? Не Елисей ли? Не Іоаннъ ли? Потому никто не долженъ считаться низкимъ за бѣдность; не бѣдность унижаетъ, а богатство, заставляющее нуждаться во многомъ и побуждающее угождать многимъ. Кто, скажи мнѣ, былъ бѣднѣ Іакова, который говорилъ: *еще дастъ ми Господь хлѣбъ ясти и ризы облещися* (Быт. xlviii, 20)? Не имѣли ли дерзновенія Ілія и Іоаннъ и имъ подобныя? Не обличалъ ли одинъ Ахаава, а другой Ирода? Этотъ говорилъ: *не достоинъ тебѣ имѣти жену Филиппа брата твоего* (Марк. vi, 18); а Ілія съ дерзновеніемъ говорилъ Ахааву: *не развращаю азъ Израиля, но развѣ ты и домъ отца твоего* (3 Цар. xviii, 18). Видишь ли, какое дерзновеніе сообщаетъ бѣдность? Богатый есть рабъ; онъ подвергается убыткамъ и представляетъ возможность всякому желающему причинить ему вредъ; неимѣющій же ничего не боится (лишенія имущества) ни съ публичнаго торга, ни по судебному приговору. Если бы бѣдность лишала дерзновенія, то Христосъ не заповѣдалъ бы бѣдности ученикамъ своимъ, посылая ихъ на дѣло, требовавшее великаго дерзновенія. Бѣдный есть человѣкъ весьма сильный, не-откуда ему получить обиду или потерпѣть вредъ; а богатый открытъ для нападеній со всѣхъ сторонъ, и съ нимъ бываетъ то же, какъ если бы кто тащилъ за собою множество длинныхъ веревокъ,—его легко можетъ поймать всякій, а человѣка нагого поймать не легко. Такъ бываетъ и съ богатымъ: рабы, золото, поля, множество дѣлъ, тысячи заботъ, обстоятельствъ, нуждъ — дѣлають его удобоуловимымъ для всѣхъ.

3. Итакъ, пусть никто не считаетъ бѣдности причиною безчестія. Предъ добродѣтелию все богатство вселенной хуже грязи, меньше соломинки. Будемъ же стремиться къ ней, если хотимъ войти въ царство небесное. *Продаждь, сказалъ (Господь), имѣніе твое, и даждь нищиму, и имѣти имѣши сокровище на небеси* (Мѡ. xix, 21); и еще: *неудобъ богатый видѣть съ царствіе небесное* (ст. 23). Видишь ли, что даже надобно искать (бѣдности), если нѣтъ ея? Такое она составляетъ благо! Она — руководительница по пути, ведущему къ небу, помазаніе для ратоборства, великое и дивное училище, безопасная пристань. Но, скажешь, я имѣю нужду во многомъ и не хочу ни отъ кого принимать милостыни? Въ этомъ отношеніи богатый ниже тебя. Ты, быть можетъ, просишь милостыни для пропитанія; а онъ безстыдно (проситъ) безчисленнаго множества вещей по любостыжанію. Богатые нуждаются во многихъ. Что я говорю: во многихъ? Часто даже въ такихъ людяхъ, которые недостойны ихъ самихъ; напримѣръ: они часто нуждаются въ войнахъ и рабахъ. А бѣдный не нуждается и въ самомъ царѣ; если же онъ въ чемъ-нибудь и нуждается, то ему удивляются, что онъ самъ поставилъ себя въ такое положеніе, тогда какъ могъ быть богатымъ. Итакъ, никто пусть не обвиняетъ бѣдность, какъ бы причину безчисленныхъ золъ, и не противорѣчить Христу, который назвалъ ее совершенствомъ добродѣтели, когда сказалъ: *аще хочешь совершенъ быти* (Мѡ. xxi, 19). Это Онъ 138 выразилъ словами, показалъ и дѣлами, преподавалъ и чрезъ учениковъ. Будемъ же искать бѣдности; она — величайшее благо для внимательныхъ. Можетъ быть, нѣкоторые изъ слушателей и предубѣждены противъ этого. Охотно вѣрю: такъ сильна эта болѣзнь у многихъ людей и такъ велика власть богатства, что многие не могутъ выносить отреченія отъ него даже на словахъ, и относятся къ нему съ предвзятою мыслию. Пусть же удалится такая мысль отъ души христіанина; нѣтъ никого богаче человека, избравшаго бѣдность добровольно и охотно. Такъ ли? Я утверждаю это, и, если хотите, объясню, что добровольно избравшій бѣдность богаче самого царя. Тотъ нуждается во многомъ, заботится и боится, чтобы не оказалось недостатка для содержанія войска; а этотъ имѣетъ всего вдоволь, не боится ничего, а если и боится, то не въ такой степени. Кто же богатъ, скажи мнѣ, тотъ ли, кто каждый день заботится, старается собрать, какъ можно больше, и боится, чтобы въ чемъ-нибудь не оказалось недостатка, или тотъ, кто ничего не собираетъ, живетъ въ совершенномъ довольствѣ и ни въ чемъ не нуждается? Добродѣтель и страхъ Божій, а не деньги, сообщаютъ дерзновеніе; деньги же доводятъ и до рабства: *мзда и дарове*, говорить (Премудрый),

ослабляютъ очи премудрыхъ, и якоже бразды на устьяхъ отираютъ обличенія (Сирах. xx, 29). Смотри, какъ Петръ, бѣдный, наказалъ богатаго Ананію. Не богачъ ли былъ этотъ и не бѣднякъ ли тотъ? Но вотъ, съ какою властію тотъ обращается къ нему и говоритъ: *рцы ми, аще на толицѣ село отдаста?* А этотъ съ робостію отвѣчаетъ: *ей, на толицѣ* (Дѣян. v, 8). Но могу ли я, скажешь, быть Петромъ? Можно и тебѣ быть Петромъ, если захочешь бросить то, что имѣешь; раздѣли, отдай бѣднымъ, послѣдуй Христу, — и будешь такимъ же. Какъ, скажешь, вѣдь онъ творилъ чудеса? Но это ли, скажи мнѣ, сдѣлало Петра дивнымъ, или дерзновеніе, приобрѣтенное жизнію? Не слышишь ли, что Христосъ говоритъ: *не радуйтесь, яко дуси вама повинуются* (Лук. x, 20); и еще: *аще хочещи совершенъ быти, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси* (Мѣ. xix, 21)? Послушай также, что говоритъ Петръ: *сребра и злата нѣсть у мене: но еже имаю, сіе ти даю* (Дѣян. ш, 6); слѣдовательно, кто имѣетъ золото и серебро, тотъ не имѣетъ этого. Отчего же, скажешь, многіе не имѣютъ ни того, ни другого? Оттого, что они бѣдны не добровольно; а набирающіе бѣдность добровольно имѣютъ всѣ блага. Если они не воскрешаютъ мертвыхъ и не исцѣляютъ хромыхъ, то у нихъ есть благо, которое важнѣе всего, — они имѣютъ дерзновеніе предъ Богомъ, и услышать въ будущій день блаженныя слова: *приидите, благословеннии Отца моего*, — что лучше этого? — *наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахъ бо, и дасте ми ясти: возжадахъ, и напоисте мя: страненъ быхъ, и сведосте мене: нагъ, и одѣясте мене: боленъ быхъ, и въ темницѣ, и приидосте ко мнѣ. Наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѣ. xxv, 34—36). Будемъ же избѣгать любостыжанія, чтобы намъ получить царство небесное; будемъ питать бѣдныхъ, чтобы напитать Христа, чтобы сдѣлаться сонаслѣдниками Его, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу съ Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIX.

Имуще убо дерзновение, братіе, входити во святая кровію Ісуса путемъ новымъ и живымъ, егоже обновилъ есть намъ завѣсою, сирѣчь плотію своею, и іерея велика надъ домомъ Божиимъ, да приступаемъ со истиннымъ сердцемъ во извѣщеніи вѣры, окроплени сердцы отъ совѣсти лукавыя, и измовени тѣлесы водою чистою, да держимъ исповѣданіе упованія неуклонное (Евр. x, 19—23).

1. (Апостолъ) показалъ, какое различіе между первосвященниками, жертвами, скиніею, завѣтомъ и обѣтованіями, и именно—великое, потому что одно временное, а другое вѣчное, то проходящее, а это пребывающее, то несовершенное, а это совершенное, то прообразъ, а это истина: *не по закону, говоритъ, заповѣди плетскія бысть, но по силѣ живота неразрушаемаго* (Евр. vii, 16); и еще: *ты еси священникъ во вѣкъ* (vii, 17),—вотъ вѣчность нашего Священника; и о завѣтахъ говоритъ, что тотъ—ветхій: *обветшавшее и состарѣвающееся близъ есть истинна* (viii, 13), а этотъ—новый и имѣющій отпущеніе грѣховъ, тотъ же вовсе не таковъ: *ничтоже бо, говоритъ, совершилъ есть законъ* (vii, 19); и еще: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси* (x, 5); тотъ рукотворенный, а этотъ нерукотворенный, тотъ имѣлъ кровь козловъ, а этотъ кровь Владыки, тотъ—священника стоявшаго, а этотъ—сѣдящаго. Такъ какъ все то меньше, а это больше, то (апостолъ) и говоритъ: *имуще убо дерзновение, братіе*. Почему—*дерзновение*? По причинѣ отпущенія грѣховъ. Какъ отъ грѣховъ происходитъ стыдъ, такъ отъ прощенія всѣхъ ихъ—дерзновение; и не только отъ этого, но и отъ того, что мы сдѣлались сонаслѣдниками (Христа) и сподобились такой любви Его. *Входити во святая*. Что онъ разумѣетъ подъ этимъ вхожденіемъ? Входъ въ небо и доступъ къ духовнымъ тайнамъ. *Егоже обновилъ есть намъ*, т. е., который Онъ устроилъ и которымъ самъ первый прошелъ; обновленіемъ называется начало употребленія; Онъ самъ, говоритъ, устроилъ его и самъ прошелъ имъ. *Путемъ новымъ и живымъ*: адъсь онъ выражаетъ полноту надежды. *Новымъ*, говоритъ, старается показать, что мы имѣемъ все высшее, такъ какъ теперь отверсты врата небесныя, чего не было даже при Авраамѣ. Хорошо онъ сказалъ: *путемъ новымъ и живымъ*: первый путь былъ путемъ смерти, низводившимъ въ адъ, а этотъ—путемъ жизни; не сказалъ: жизни, но назвалъ его *живымъ*, выражая, что онъ

остається такимъ постоянно. *Завѣсомъ*, говорить, *сирѣчь плотию своею*. Эта плоть первая проложила путь, который, какъ говорить (апостолъ), Онъ обновилъ и по которому Онъ самъ благоволилъ пройти. Справедливо плоть названа завѣсомъ,—потому что, когда она вознеслась, тогда и открылось небесное. *Да приступаемъ*, говорить, *со истиннымъ сердцемъ*. Кто—*да приступаемъ*? Кто святъ по вѣрѣ, по духовному служенію. *Со истиннымъ сердцемъ*, во *извѣщеніи отры*,—потому что здѣсь нѣтъ ничего видимаго: и священникъ, и жертва, и жертвенникъ невидимы. Хотя и тамъ священникъ не былъ видимъ, стоялъ внутри, а всѣ прочіе, весь 140 народъ, внѣ, но здѣсь (апостолъ) выражаетъ не только то, что нашъ Священникъ вошелъ во святое,—на это онъ указалъ словами: *іерей велика въ дому Божіемъ*,—но что входимъ и мы. Потому онъ говоритъ: *во извѣщеніи отры*; можно вѣдь вѣровать и съ сомнѣніемъ, какъ напр. и нынѣ есть много людей, которые говорятъ, что для однихъ будетъ воскресеніе, а для другихъ нѣтъ; это не полнота вѣры. Вѣровать должно такъ, какъ (мы увѣрены) въ предметахъ видимыхъ и даже гораздо больше; здѣсь, касательно предметовъ видимыхъ, можно и ошибиться, а тамъ нѣтъ; здѣсь мы воспринимаемъ чувствомъ, а тамъ духомъ. *Окропимъ сердца отъ совѣсти лукавыя*: здѣсь онъ доказываетъ, что требуется не только вѣра, но и добродѣтельная жизнь, и то, чтобы не сознавать за собою ничего худого. Въ святое не допускаются тѣ, которые не ведутъ себя вполнѣ такъ,—потому что оно—святое и святое святыхъ; слѣдовательно, сюда не входитъ никто изъ нечистыхъ: Тѣ омывали тѣло, а мы совѣсть; нужно и нынѣ омываться, но уже добродѣтелію. *И измочени тѣлеси водою чистою*. Здѣсь онъ говоритъ о купели (крещенія), которая очищаетъ не тѣло, а душу. *Вѣренъ бо есть общаваемый*. Что *общаваемый вѣренъ* есть? То, что нужно отойти (изъ здѣшней жизни) и войти въ царство (небесное). Потому не изслѣдуй, не требуй доказательствъ: наши (предметы) требуютъ вѣры. *И да разумѣваемъ друга друга въ поощреніи любви и добрыхъ дѣлъ, не оставляюще собранія своего, якоже есть нѣкимъ обычай, но друга друга подвизающе: и толико паче, елико видите приближающийся день* (ст. 24, 25). И опять въ другомъ мѣстѣ: *Господь близъ, ни о чемъ же печетесь* (Филип. IV, 6). *Нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе* (Рим. XIII, 11); и еще: *время прекращено есть прочее* (1 Кор. VII, 29). Что значитъ: не *оставляюще собранія своего*? Онъ имѣетъ въ виду, что отъ собранія и взаимнаго общенія происходитъ великая сила. *Идѣже бо, говорить (Господь), еста два или трие собраніи во имя мое, ту есмь посредъ ихъ* (Мѡ. XVIII, 20); и еще: *да будутъ едино, якоже и мы едино есмы* (Іоан. XVII, 11); и еще: *у всѣхъ бѣ сердце и душа*

сина (Дѣян. iv, 32). Но не поэтому только (онъ указываетъ) на собраніе, а и потому, что отъ него умножается любовь; за умноженіемъ же любви необходимо слѣдуютъ и дѣла по Богѣ. *Молтва же, говорится, бѣ прилежна, бываемая отъ народа* (Дѣян. xii, 5). *Якоже есть нѣкимъ обычай*. Здѣсь онъ предлагаетъ не только увѣщаніе, но и укоризну. *И да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ*. Онъ знаетъ, что и это происходитъ отъ собранія. Какъ желѣзо остритъ желѣзо, такъ и общеніе другъ съ другомъ умножаетъ любовь. Если камень, ударяясь о камень, издаетъ огонь, то не тѣмъ ли болѣе душа, сообщаясь съ душою? Замѣть, онъ не говоритъ: въ (поощреніи) ревности, но: *въ поощреніи любве*. Что значить: *въ поощреніи любве*? Чтобы болѣе и болѣе любить и быть любимыми. Прибавляетъ еще: *и добрыхъ дѣлъ, чтобы они прониклись соревнованіемъ*. И справе- 141 дливо: если дѣла имѣютъ больше силы для назиданія, нежели слова, то и вы, говоритъ, имѣете многихъ учителей, оправдывающихъ ученіе дѣлами. Что значить: *да приступаемъ со истиннымъ сердцемъ*? Это значить—безъ лицемерія: *горе сердцу страшному и рукамъ ослабленнымъ* (Сир. ii, 12). Пусть не будетъ, говорить, у васъ лжи; не будемъ говорить одно, а думать другое, потому что это—ложь; не будемъ малодушествовать, потому что это несвойственно искреннему сердцу,—малодушіе вѣдь происходитъ отъ невѣрія. А какимъ образомъ достигнуть этого? Если мы будемъ имѣть въ себѣ полную вѣру. *Окроплены сердца*. Почему онъ не сказалъ: очищенные, но: *окроплены*? Чтобы показать различіе окропленій и то, что одно отъ Бога, а другое отъ насъ: окропить и омыть совѣсть—отъ Бога, а приступить искренно и съ полною вѣрою—отъ насъ. Далѣе (апостолъ) укрѣпляетъ вѣру, указывая на истинность Обѣщавшаго. Что значить: *и измовеки тѣлеси водою чистою*? Онъ говоритъ (о водѣ) или дѣлающей чистыми, или не имѣющей крови. Затѣмъ присовокупляетъ (то, что составляетъ) совершенство, — любовь. *Не оставляюще*, говоритъ, *собранія своего*, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, расторгавшіе собранія. Это онъ запрещаетъ имъ,—потому что *братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ* (Притч. xvi, 19). Но *да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве*. Что значить: *да разумѣваемъ другъ друга*? Т. е., кто добродѣтеленъ, тому будемъ подражать, будемъ смотрѣть на него, чтобы любить и быть любимыми; а отъ любви происходить добрыя дѣла.

2. Великое благо—собраніе. Оно дѣлаетъ любовь пламеннѣе, а отъ нея происходятъ всѣ блага; нѣтъ блага, которое не происходило бы отъ любви. Будемъ же укрѣплять любовь другъ къ другу, потому что *исполненіе закона любви есть* (Рим. xiii, 10). Не

нужно намъ ни трудовъ, ни подвиговъ, если мы любимъ другъ друга; это—путь, который самъ собою ведетъ къ добродѣтели. Какъ на большой дорогѣ, кто найдетъ ея начало, тотъ идетъ по ней, не нуждаясь въ проводникѣ, такъ и въ любви: улови только ея начало, и сейчасъ же она поведетъ и направитъ тебя. *Любы, говорить (апостолъ), долготерпитъ, милосердствуетъ, не мыслитъ зла* (1 Кор. хш, 4). Пусть каждый размыслитъ съ самимъ собою, какъ онъ поступаетъ въ отношеніи къ себѣ; такъ же пусть поступаетъ и въ отношеніи къ ближнему. Никто не завидуетъ себѣ, желаетъ себѣ всѣхъ благъ, предпочитаетъ себя всему, старается дѣлать все въ свою пользу. Если такимъ же образомъ мы будемъ расположены и къ другимъ, то прекратятся всѣ бѣдствія, не будетъ ни вражды, ни любостыжанія. Кто въ самомъ дѣлѣ станетъ отнимать у себя самого? Никто, а скорѣе — совершенно напротивъ.

Итакъ, будемъ имѣть все общимъ и не перестанемъ собираться вмѣстѣ. Если мы будемъ дѣлать это, злопамятству не останется мѣста. И дѣйствительно, кто станетъ злопамятствовать противъ себя самого? Кто станетъ гнѣваться на себя самого? Напротивъ, не прощаемъ ли мы себѣ все? Если такимъ же образомъ мы будемъ расположены и къ ближнимъ, то злопамятства никогда не будетъ. Но возможно ли, скажешь, любить ближняго, 142 какъ себя самого? Если бы этого не исполняли другіе, то ты справедливо могъ бы думать, что это невозможно; если же исполняли, то очевидно, что у насъ не бываетъ этого по нашему нерадѣнію. Съ другой стороны, Христосъ не заповѣдуетъ ничего невозможнаго, такъ что многіе даже превзошли Его заповѣди. Кто же исполнилъ это? Павелъ, Петръ, весь сонмъ святыхъ. Впрочемъ, если я скажу, что они любили ближнихъ, то не скажу ничего важнаго; они любили враговъ такъ, какъ другой не могъ бы любить близкихъ къ себѣ. Кто изъ насъ рѣшился бы идти въ геенну за близкихъ къ себѣ, имѣя возможность войти въ царство? Никто. Но Павелъ рѣшался на это за враговъ, бросавшихъ въ него камнями, бичевавшихъ. Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, какое извиненіе, если мы друзьямъ не оказываемъ и малѣйшей части той любви, какую Павелъ оказывалъ врагамъ? И еще прежде него блаженный Моисей за враговъ, хотѣвшихъ побить его камнями, желалъ быть изглаженнымъ изъ книги Божіей (Исх. ххш, 32). Также Давидъ, видя гибель враговъ своихъ, говорилъ: *азъ есмь пастырь согрѣшителей, а сіи что сотвориши* (2 Цар. ххiv, 17)?—и, имѣя Саула въ рукахъ своихъ, не хотѣлъ умертвить его, но оставилъ въ живыхъ, тогда какъ самъ подвергался опасности. Если же такъ было въ ветхомъ за-

вѣтъ, то какое прощеніе получимъ мы, живущіе въ новомъ, и не достигшіе даже той мѣры любви, какой они (достигали)? Если мы не войдемъ въ царство небесное, *еще не избудетъ правда наши лаче книжники и фарисей* (Мѡ. v, 20), то какъ мы войдемъ въ него, если будемъ имѣть меньше ихъ? *Любите*, говорятъ (Господь), *враги ваши*, и будете подобными Отцу вашему, который на небесахъ (Мѡ. v, 44, 48). Люби же врага; не ему ты (чрезъ это) благодѣтельствуешь, а себѣ самому. Какъ? Дѣлая это, ты уподобляешься Богу. Онъ, если будетъ любимъ тобою, немного пріобрѣтеть, потому что будетъ любимъ подобнымъ себѣ рабомъ; а ты, если будешь любить подобнаго себѣ раба, то пріобрѣтешь много, потому что сдѣлаешься подобнымъ Богу. Видишь ли, что не ему ты благодѣтельствуешь, а самому себѣ? Награда уготована не ему, а тебѣ. Но что, скажешь, если онъ пороченъ? Тѣмъ большая готовится тебѣ награда; и за самую порочность его ты долженъ быть благодаренъ, если онъ, несмотря на множество благодѣній, остается порочнымъ; если бы онъ не былъ весьма порочнымъ, то тебѣ не была бы уготована великая награда. Такимъ образомъ самый этотъ поводъ къ нелюбви, возраженіе, что онъ пороченъ, должно быть побужденіемъ къ любви. Если не будетъ противника, то не будетъ и случая къ полученію вѣнцовъ. Не видишь ли, какъ борцы наполняютъ мѣшки пескомъ и такимъ образомъ упражняются? А тебѣ нѣтъ нужды прибѣгать къ этому; жизнь полна людьми, которые могутъ упражнять тебя и дѣлать крѣпкимъ. Не видишь ли, какъ деревья, чѣмъ болѣе колеблутся вѣтрами, тѣмъ дѣлаются крѣпче и плотнѣе? Будемъ же и мы долготерпѣливыми, и сдѣлаемся крѣпкими: *долготерпѣливъ мужъ*, сказано, *много отъ разумъ: малодушный же крѣпко безуменъ* (Притч. xiv, 29). Замѣчаешь, какая похвала первому, и какая укоризна послѣднему? *Крѣпко безуменъ*, т. е. совершенно. Потому не будемъ малодушными въ отношеніи другъ къ другу. Не отъ вражды это происходитъ, а отъ слабости души; если же она будетъ крѣпкою, то будетъ легко переносить все, не потонетъ ни отъ чего и войдетъ въ тихую пристань, которой 143—144
да сподобимся достигнуть всѣ мы, благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XX.

143 Волею бо согрѣшающимъ намъ по пріятіи разума истины, ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва, страшно же нѣкое чаяніе суда, и огня ревность, поаясти хотящаго сопротивныя (Евр. х, 26, 27).

1. Деревья, которыя, будучи посажены и сберегаемы со всею заботливостію руками земледѣльца, не доставляютъ никакого вознагражденія за труды, исторгаются съ корнемъ и бросаются въ огонь. То же самое бываетъ и съ просвѣщенными (крещеніемъ). Если мы, будучи насаждены Христомъ и сподобившись духовнаго орошенія, окажемъ потомъ жизнь безплодную, то насъ ожидаетъ геенскій огонь и неугасимый пламень. Потому Павелъ, предложивъ увѣщаніе о любви и плодоношеніи добрыхъ дѣлъ, представивъ къ тому отрадныя побужденія, — именно въ томъ, что мы имѣемъ входъ во святое и новый туда путь, который намъ открылъ (Христосъ), — теперь опять внушаетъ то же самое, представляя побужденія болѣе прискорбныя. Сказавъ: *не оставляюще собранія своего, якоже есть нѣкимъ обычай, но другъ друга подвизающе, и толико паче, елико видите приближающийся день*, — хотя и этого достаточно было для увѣщанія, — присовокупляетъ: *волею бо согрѣшающимъ намъ по пріятіи разума истины*. Необходимы, говорить, добрыя дѣла и очень необходимы: *волею бо согрѣшающимъ намъ по пріятіи разума истины, ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва*. Смысль словъ его слѣдующій: ты очистился, избавился отъ грѣховъ, сдѣлался сыномъ (Божіимъ); если и послѣ этого возвратишься на прежнюю блевотину, то тебя ожидаетъ уже отверженіе, огонь и тому подобное, — потому что нѣтъ второй жертвы. Здѣсь опять встрѣчаются намъ люди, какъ отвергающіе покаяніе, такъ и медлящіе приступить къ крещенію; послѣдніе говорятъ, что имъ небезопасно приступить къ крещенію, если нѣтъ вторичнаго отпущенія грѣховъ; а первые утверждаютъ, что небезопасно преподавать тайны согрѣшившимъ, если нѣтъ вторичнаго отпущенія грѣховъ. Что же намъ сказать тѣмъ и другимъ? То, что (апостолъ) говоритъ это не съ такою цѣлію; онъ не отвергаетъ покаянія или помилованія чрезъ покаяніе, не отлучаетъ падшаго и не повергаетъ его въ отчаяніе; онъ не врагъ нашего спасенія; но что? Онъ отвергаетъ вторичное крещеніе. Не сказалъ: уже нѣтъ покаянія, или: уже нѣтъ отпущенія (грѣховъ), но: уже нѣтъ жертвы, т. е. уже нѣтъ второго креста; его онъ называетъ жертвою. *Единимъ при-*

пошениемъ, говорить, совершилъ есть во отки освящаемыхъ, — не такъ, какъ приносились іудейскія (жертвы), не часто. Потому онъ и говорилъ неоднократно о жертвѣ, что она одна и одна, — съ цѣлью показать не только то, что она отличается отъ іудейскихъ (жертвъ), но и предохранить слушателей, чтобы они не ожидали другой жертвы по закону іудейскому. *Волею бо, говорить, согрѣшающимъ намъ.* Замѣчаешь, какъ онъ снисходителенъ? *Волею, говорить, согрѣшающимъ намъ.* Слѣдовательно, для (согрѣшавшихъ) невольно есть прощенье. *По пріятію разума истины.* 144 Разумѣть здѣсь иди Христа, или всѣ догматы. *Ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва.* Но что? *Страшно же нѣкое чашіе суда, и ожня ревность, поласти хотящаго сопротивныя.* Сопротивными онъ называетъ не только невѣрующихъ, но и дѣлающихъ противное добродѣтели, и внушаетъ, что тому же огню подвергнутся и наши (грѣшники), которому противники. Потомъ, желая выразить свирѣпость этого огня, какъ бы раздуваетъ его и говоритъ: *огня ревность, поласти хотящаго сопротивныя.* Какъ дикій звѣрь, раздраженный, разсвирѣпѣвшій и разъярившійся, не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не схватитъ и не пожретъ кого-нибудь, такъ и тотъ огонь, точно распляемый ревностію, кого схватитъ, того уже не отпускаетъ, но пожираетъ и терзаетъ. Далѣе (апостолъ) приводитъ оправданіе такой угрозы, — что она сообразна и справедлива. Этимъ самымъ, т. е. когда намъ показываютъ ея справедливость, мы располагаемся къ вѣрѣ. *Отверглся кто закона Моисеева, говорить, безъ милосердія при двоихъ или тріехъ свидѣтеляхъ умираетъ* (ст. 28). *Безъ милосердія, говорить; не было тамъ никакого снисхожденія, никакой милости, хотя это былъ законъ Моисеевъ, который предписывалъ многое. Что значить: при двоихъ или тріехъ? Когда, говорить, свидѣтельствовали два или три человѣка, то виновные тотчасъ подвергались наказанію. Если же въ ветхомъ завѣтѣ полагалось такое наказаніе, когда кто отвергалъ законъ Моисея, то не тѣмъ ли болѣе здѣсь? Потому онъ и говорить: колико мните горшія сподобится муки иже Сына Божія поправый, и кровь заветную скверну возмннѣ, и Духа благодати укоривый* (ст. 29)?

2. А какимъ образомъ попираетъ кто-либо Сына Божія? Если, приобщаясь Его въ тайнахъ, онъ совершаетъ грѣхи, то скажи мнѣ, не попираетъ ли Его? Не презираетъ ли Его? Какъ попираемыхъ людей мы ставимъ ни во что, такъ и согрѣшавшіе ставятъ ни во что Христа, потому и грѣшатъ. Ты сталъ тѣломъ Христовымъ, и отдаешь себя діаволу, чтобы онъ попиралъ тебя? *И кровь, говорить, скверну возмннѣ.* Что значить: *скверну*? Не-чистоту, или нисколько не лучшею всего другого. *И Духа благо-*

дати укоривши,—потому что не принимающій благодѣянїя оскорбляетъ благодѣтеля. (Христось) сдѣлалъ тебя сыномъ; а ты хочешь быть рабомъ? Онъ пришелъ поселиться у тебя; а ты вводишь къ себѣ злые помыслы? Христось хочетъ обитать у тебя; а ты попираешь Его объяденїемъ, пьянствомъ? Послушайте вы, недостойно приобщающіеся таинъ; послушайте, недостойно приступающіе къ этой трапезѣ: *не дадите*, говоритъ Онъ, *святая псамъ, да не поперутъ ихъ ногами своими* (Мѣ. VII, 6), т. е. чтобы не пренебрегли, чтобы не оплевали. Но (апостоль) сказалъ не такъ, а еще страшнѣе; онъ поражаетъ души страхомъ, такъ какъ это могло подѣйствовать на нихъ не меньше увѣщанїя. Онъ показываетъ различіе (отверженїя закона Моисеева и попраиїя крови Христовой), а имъ самимъ предоставляетъ судить о наказанїи за послѣднее, какъ о дѣлѣ очевидномъ. *145* *Колико мните*, говоритъ, *горшія сподобится муки?* Здѣсь, мнѣ кажется, онъ разумѣетъ таинства. Далѣе приводитъ и свидѣтельство: *страшно есть*, говоритъ, *еже впасти въ руки Бога живаго. Писано бо есть: мнѣ отмщенїе, азъ воздамъ, глаголетъ Господь: и пакы: Господь судитъ людей своими* (ст. 80, 31). Мы впадемъ, говоритъ, въ руки Господа, а не въ руки людей. Если не покаетесь, то впадете въ руки Божїи. Это страшно; а то—впасть въ руки людей—ничего не значить. Когда мы видимъ, говоритъ, что кто-либо здѣсь наказывается, то не будемъ бояться настоящаго, но будемъ страшиться будущаго: по милости бо Его и гнѣвъ Его, *и на грѣшниковъ почіетъ ярость его* (Сир. V, 7). Словами: *мнѣ отмщенїе, азъ воздамъ*—указываетъ здѣсь и на нѣчто другое. Это сказано о врагахъ, дѣлающихъ зло, а не о терпящихъ зло. Такимъ образомъ онъ здѣсь и утѣшаетъ, какъ бы такъ говорить: Богъ всегда пребываетъ и живетъ; потому, если (враги) не получаютъ возмездїя нынѣ, то получаютъ послѣ; имъ должно стелать, а не намъ; мы впадаемъ въ ихъ руки, а они—въ руки Божїи; не терпящій зло страдаетъ, а дѣлающій зло; равно и не благодѣтельствуемый получаетъ благодѣянїе, а благодѣтельствующій.

Зная это, будемъ твердыми въ терпѣнїи зла и готовыми на благодѣянїя. А это будетъ тогда, когда мы станемъ презирать деньги и славу. Освободившійся отъ этихъ страстей свободнѣе всѣхъ людей и богаче самого облеченнаго въ багряницу. Не видишь ли, сколько бываетъ зла изъ-за денегъ? Не говорю, сколько отъ любостыжанїя, а сколько—отъ пристрастїя къ деньгамъ? Такъ, напр., кто-нибудь потерялъ деньги,—и вотъ онъ живетъ жианїю, которая несноснѣ самой смерти. О чемъ, человекъ, скорбишь ты? О чемъ плачешь? О томъ ли, что Богъ освободилъ тебя отъ лишней обузы? О томъ ли, что ты не сидишь больше

въ страхъ и трепетъ? Если кто-нибудь привяжетъ тебя къ со-
кровищу и прикажетъ сидѣть тамъ постоянно и бодрствовать
надъ чужимъ (имуществомъ), то ты сѣтуешь и негодуешь; но
когда ты самъ привязалъ себя къ нему несноснѣйшими узами,
то почему скорбишь, будучи освобожденъ отъ такого рабства?
Подлинно, эти горести и эти радости—слѣдствіе предразсудка.
Мы должны хранить имущество такъ, какъ будто оно у насъ
чужое. Теперь къ женамъ обращаю рѣчь свою. Когда у какой-
либо жены есть одежда, истканная изъ золота, то она часто вы-
трясаетъ ее, завертываетъ въ полотно, тщательно сохраняетъ,
дрожитъ надъ нею и не пользуется ею. Точно она умерла, или
овдовѣла, или, если не случилось ничего такого, боится, чтобы,
износивъ ее отъ частаго употребленія, не лишиться ея; если
другой не лишаетъ, то она сама лишаетъ себя по скупости. Но
уступила ли ей другая? Это еще неизвѣстно; а если и уступила, то
и та пользуется ею точно также. Если бы кто-нибудь осмотрѣлъ
содержимое домовъ, то нашелъ бы, что самыя дорогія одежды и
самыя лучшія вещи берегутся такъ, какъ будто бы онѣ были
живыми влѣстителями. (Жена) не употребляетъ ихъ часто, но
боится и дрожитъ, предохраняетъ ихъ отъ моли и другихъ иста-
чивающихъ платье насѣкомыхъ, обкладываетъ большую часть
ихъ мази и ароматами и не всѣхъ удостоиваетъ взглянуть
на нихъ,—только сама съ мужемъ часто и старательно ихъ рас- 146
кладываетъ.

3. Не справедливо ли, скажи мнѣ, Павелъ назвалъ любо-
стяжаніе идолослуженіемъ? Какую честь тѣ (язычники) оказы-
ваютъ идоламъ, такую же они—одеждамъ и золотымъ вещамъ.
Доколѣ мы будемъ заниматься грязью? Доколѣ будемъ приль-
пяться къ глинямъ и кирпичамъ? Какъ тѣ (іудеи) работали царю
египетскому, такъ мы работаемъ діаволу, и получаемъ удары
бичами гораздо тяжчайшіе. Не прими этихъ словъ за преувели-
ченіе: чѣмъ душа выше тѣла, тѣмъ тяжелѣе раны, которыя мы
наносимъ себѣ каждый день своими заботами, соединенными со
страхомъ и трепетомъ. Но если мы захотимъ раскаяться, если
захотимъ возвести очи къ Богу, то Онъ пошлетъ намъ не Мон-
сея и Аарона, но слово свое и сердечное сокрушеніе. Оно при-
шедши освободитъ наши души отъ горькаго рабства, изведетъ
насъ изъ Египта, изъ этихъ бесполезныхъ и напрасныхъ хло-
потъ, изъ этого рабства, не доставляющаго никакой пользы. Тѣ
по крайней мѣрѣ выпли съ золотыми вещами, въ вознагражде-
ніе за труды; а мы (не получаемъ) ничего,—и если бы только
ничего! Но теперь мы получаемъ не золотыя вещи, а египетскія
бѣдствія,—грѣхи, казни и мученія. Научимся же находить свою

пользу, научимся терпѣть потери; это достойно христіанина. Будемъ пренебрегать золотыми одеждами; будемъ пренебрегать деньгами, чтобы не пренебречь намъ своего спасенія; будемъ пренебрегать деньгами, чтобы не пренебречь намъ своей души. Она понесетъ наказаніе, она потерпитъ мученіе; все прочее остается здѣсь, а она отходить туда. Для чего же, скажи мнѣ, для чего ты мучишь самъ себя, и не чувствуешь? Говорю это любостязательнымъ. Нужно сказать и тѣмъ, которые терпятъ отъ любостязанія: переносите мужественно обиды отъ любостязательныхъ; они губятъ себя самихъ, а не васъ; у васъ они отнимаютъ имущество, а себя лишаютъ Божія благоволенія и помощи. А кто лишился (благоволенія Божія), тотъ, хотя бы владѣлъ всѣмъ богатствомъ вселенной, бѣднѣе всѣхъ; равно какъ бѣднѣйшій изъ всѣхъ, но имѣющій (это благоволеніе), богаче всѣхъ. *Господь*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *посетъ мя и ничтоже мя лишитъ* (Псал. ххп, 1). Скажи мнѣ: если бы ты имѣла мужа великаго и дивнаго; который бы любилъ тебя и заботился о тебѣ, и при томъ если бы ты знала, что онъ будетъ живъ всегда и ты не умрешь прежде него, и предоставилъ бы онъ тебѣ все свое имущество, такъ что ты пользовалась бы имъ, какъ своимъ,—то захотѣла ли бы ты приобрѣтать что-нибудь? И даже, если бы ты лишилась всего, не считала ли бы ты себя богатою? О чемъ же ты скорбишь? О томъ ли, что не имѣешь богатства? Но знай, что у тебя отнять поводъ ко грѣхамъ. О томъ ли, что лишилась имущества? Но ты приобрѣла благоволеніе Божіе. Какъ, скажешь, приобрѣла? (Апостолъ) сказалъ: *почто не паче обидѣли есте* (1 Кор. vi, 7)? и еще: *о всемъ благодарите* (1 Сол. v, 18); (Христосъ) сказалъ: *блаженни нищии духомъ* (Мѣ. v, 3). Подумай же, какого сподобишься ты благоволенія, если покажешь это на дѣлѣ. Отъ насъ требуется только одно—за все благодарить Бога, и мы будемъ имѣть все въ изобиліи. Напр., ты потерялъ 147 десять тысячъ литръ золота? Тотчасъ благодари Бога, и чрезъ это обращеніе къ Нему и свою благодарность ты уже приобрѣтаешь сто тысячъ. За что, скажи мнѣ, ты ублажаешь Іова: за то ли, что онъ имѣлъ столько верблюдовъ, стадъ и рабочаго скота, или за сказанныя имъ слова: *Господь даде, Господь отъять* (Іов. i, 21)? И діаволъ вредитъ намъ не для того, чтобы только отнять у насъ имущество,—онъ знаетъ, что оно ничто,—но чтобы чрезъ это заставить насъ сказать что-нибудь богохульное. Такъ и блаженнаго Іова онъ хотѣлъ сдѣлать не только бѣднякомъ, но и богохульникомъ. Когда онъ лишился его всего, то, смотри, что говоритъ ему чрезъ жену: *рцы глаголю нѣкій ко Господу и умри* (Іов. ii, 9). Да вѣдь ты, лукавый, уже лишился его

всего! Но не того, говорить, я домогался; того, для чего я все дѣлалъ, я еще не достигъ; я старался лишить его помощи Божіей; для того и имущества лишилъ его; вотъ чего я хочу,—а то ничего не значить; если это мнѣ не удастся, то онъ не только не потерпитъ никакого вреда, но еще получить пользу.

4. Видишь, что и злой демонъ знаетъ, какой вредъ бываетъ отъ этого? Для того, какъ видишь, онъ и строилъ козни чрезъ жену. Послушайте, мужья, которые имѣете женъ, привязанныхъ къ богатству и вынуждающихъ васъ богохульствовать: помните Іова. Впрочемъ посмотримъ, если угодно, на великую кротость его и на то, какъ онъ заградилъ уста женѣ. *Вскую, говорить, яко едина отъ безумныхъ женъ возлаголала еси* тако (Іов. п, 10). Подлинно, *тлятъ обычаи благи бѣсѣды злы* (1 Кор. хv, 33). Онѣ и всегда портятъ, но особенно во время несчастій; тогда предлагающіе дурные совѣты бываютъ сильны, потому что если душа и сама по себѣ склонна къ нетерпѣнью, то не гораздо ли болѣе тогда, когда есть еще совѣтникъ? Не готова ли она тогда броситься даже въ пропасть? Жена—великое благо, но и великое зло. И смотри, какимъ образомъ (дѣволъ) старался подкопать эту крѣпкую стѣну. Такъ какъ лишеніе имущества не преодолѣло его и всѣ потери не произвели ничего важнаго, но самъ (врагъ) былъ обличенъ, что напрасно онъ говорилъ: *еще не съ лица тѣя благословитъ* (Іов. i, 11),—то онъ вооружаетъ противъ него жену. Видишь ли, чего онъ домогался? Но отнюдь не болѣе помогла ему и эта хитрость. Такъ и мы, если будемъ переносить все съ благодарностью, то получимъ то же (что Іовъ); а если не получимъ, то насъ ожидаетъ большія награда. Такъ было и съ 148 этимъ адамантовымъ мужемъ. Когда онъ доблестно перенесъ все, тогда (Богъ) далъ ему и богатство; когда онъ доказалъ дѣволу, что не изъ-за этого онъ служить (Богу), тогда далъ ему и это. Такъ поступаетъ Богъ: когда видитъ, что мы не привязываемся къ благамъ житейскимъ, тогда и даетъ ихъ намъ; когда видитъ, что мы предпочитаемъ имъ блага духовныя, тогда даетъ намъ и блага вещественныя; не даетъ же ихъ прежде, чтобы мы не забыли о духовныхъ. Такимъ образомъ Онъ, шадя насъ, не даетъ намъ благъ вещественныхъ, чтобы хотя противъ воли отклонить насъ отъ нихъ. Нѣтъ, скажешь, напротивъ, когда я получу ихъ, тогда удовлетворюсь и тѣмъ болѣе стану благодарить (Бога). Лжешь ты, человѣкъ; тогда особенно ты и будешь лѣгнись. Почему же, скажешь, Онъ многимъ даетъ? Но откуда видно, что Онъ даетъ? Кто же, скажешь, даетъ другой? Собственное ихъ любостыжаніе, грабительство. А почему Онъ попускаетъ это? Потому же, почему (пускаетъ) убійство, воровство, наси-

ліе. А что, скажешь, думать о тѣхъ, которые получаютъ наслѣдство отъ родителей, несмотря на то, что они сами исполнены безчисленныхъ пороковъ? Какъ Богъ попускаетъ имъ пользоваться этимъ? Такъ же, какъ Онъ попускаетъ вора́мъ, убійца́мъ и другимъ злодѣямъ. Нынѣ время не суда, а благоустроєнія жизни. Какъ я прежде говорилъ, такъ и теперь скажу: они подвергнутся большому наказанію, если, наслаждаясь всѣми благами, не сдѣлаются оттого лучшими. Не всѣ будутъ наказаны одинаково, но оставшіеся злыми, несмотря на благодѣянія, будутъ мучиться больше, а жившіе въ бѣдности—меньше. Что это справедливо, о томъ послушай, какъ говорить Давидъ: не далъ ли Я тебѣ, говорить, все (имущество) *господина твоего* (2 Цар. хп, 8). Итакъ, когда ты увидишь, что молодой человѣкъ безъ трудовъ получилъ отцовское наслѣдство и остался злымъ, то будь увѣренъ, что ему готовится наказаніе сильнѣйшее и мученіе жесточайшее. Потому будемъ подражать не такому человѣку, но тому, кто наслѣдовалъ добродѣтель, кто приобрѣлъ духовное богатство: горе, говорить (Псалмопѣвецъ), *надъющимся на богатство свое* (Псал. хlviii, 7); и еще: *блаженнѣ болящися Господа* (Псал. cxviii, 1). Въ числѣ которыхъ, скажи мнѣ, хочешь быть ты? Конечно, въ числѣ ублажаемыхъ. Подражай же имъ, а не тѣмъ, чтобы и тебѣ получить уготованныя имъ блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXI.

- 147 Воспоминайте же первыя дни, въ нихже просвѣтившеся многъ подвигъ претерпѣсте страданій: ово убо, поношеніи и скорбми позоръ бывше: ово же, общницы бывше живущимъ тако. Ибо и узамъ спострадасте и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте, вѣдаяще имѣти себѣ имѣніе на небесѣхъ пребывающее и лучшее (Евр. х, 32—34).

1. Отличнѣйшіе изъ врачей, сдѣлавъ глубокой разрѣзъ и этою раною усиливъ боли, стараются облегчить страданія больного члена, успокоить и утѣшить скорбящую душу, и потому уже не дѣлаютъ новаго разрѣза, но и сдѣланный стараются облегчить лѣкарствами успокоительными и способными уничтожить

сильныя боли. То же сдѣлалъ и Павелъ. Потрясши ихъ души и 148
 приведши въ сокрушеніе напоминаніемъ о гееннѣ, убѣдивъ ихъ,
 что непременно погибнетъ всякій, ругающійся надъ благодатію
 Божіею, и доказавъ законами Моисея, что (такіе люди) погиб-
 нутъ и подвергнутся тяжкимъ мученіямъ, подтвердивъ слова
 свои и другими свидѣтельствами и сказавъ: *страшно есть еже*
пасти въ руцѣ Бога живаго,—теперь, чтобы пораженныя силь-
 нымъ страхомъ души ихъ не впали отъ скорби въ отчаяніе, онъ
 утѣшаетъ ихъ похвалами и увѣщаніями и представляетъ имъ
 для соревнованія собственный (ихъ примѣръ). *Вспоминайте же,*
говорить, первыя дни, въ нѣхже просвѣтившеся, много подвиговъ пре-
терпѣте страданій. Много значить увѣщаніе (заимствованное)
 отъ дѣлъ. Тому, кто началъ дѣло, слѣдуетъ продолжать, чтобы
 имѣть успѣхъ. Онъ какъ бы такъ говорить: когда вы еще всту-
 пали, когда были только учениками, и тогда показали такое усер- 140
 діе, такое мужество; а теперь не такъ. Кто предлагаетъ подоб-
 ное увѣщаніе, тотъ весьма сильно дѣйствуетъ собственнымъ (ихъ
 примѣромъ). И смотри: не просто сказалъ: *подвигъ претерпѣте*,
 но съ прибавленіемъ: *много*. И не сказалъ: *искушенія*, но: *под-*
вигъ; это выраженіе означаетъ одобреніе и величайшую похвалу.
 Потомъ входитъ въ подробности, распространяя рѣчь свою и вы-
 сказывая многія похвалы. Какъ? *Ово убо, поношенни*, говорить, *и*
скорбни позоръ быше. Поношеніе сильно дѣйствуетъ на сердце,
 способно взволновать душу и помрачить разумъ. Объ этомъ, по-
 слушаи, какъ говоритъ пророкъ: *быша слезы моя мнѣ хлѣбъ день*
и ночь, онегда глаголахся мнѣ на всякъ день: гдѣ есть Богъ твой
 (Псал. хл, 4)? и еще: *аще бы врагъ поносилъ ми, претерпѣлъ быхъ*
убо (Псал. лч, 13). Родъ человѣческій весьма тщеславенъ; потому
 онъ легко уловляется и этимъ. И не просто сказалъ: *поношенни*,
 но еще выразительнѣе: *позоръ быше.* Когда кто терпитъ поноше-
 ніе наединѣ, и тогда бываетъ прискорбно; но гораздо больше,
 когда—при всѣхъ. Представь, какъ тяжело было имъ, отказав-
 шимся отъ низкаго іудейства, обратившимся къ лучшей жизни
 и презрѣвшимъ отеческіе (обычай), терпѣть зло отъ своихъ до-
 машнихъ и не имѣть никакой защиты. Не могу сказать, гово-
 рить, что вы, претергивая это, скорбѣли; напротивъ вы даже
 весьма радовались. Это онъ выразилъ словами: *ово же общницы*
быше живущимъ тако. Ибо и *узамъ спострадасте*; здѣсь онъ ука-
 зываетъ на апостоловъ. Не только, говорить, вы не посрамились
 предъ домашними, но приняли участіе и въ другихъ, терпѣв-
 шихъ то же. Этимъ онъ предлагаетъ имъ и утѣшеніе. Не ска-
 залъ: *переносили мои скорби*, сдѣлались *моими* общниками, но
 просто: *узамъ спострадасте.* Видишь ли, что онъ говорить о себѣ

и другихъ узникахъ? Вы (говорить) не считали узы узами, но вели себя, какъ мужественные ратоборцы: не только въ своихъ страданіяхъ не нуждались въ утѣшеніи, но служили утѣшеніемъ и для другихъ. *И разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріяте.* О, какая полнота вѣры! Потомъ приводитъ и причину, побуждая ихъ не только къ подвигамъ, но и къ непоколебимости въ вѣрѣ. Видя, говорить, расхищеніе своего богатства, вы терпѣли, потому что созерцали богатство невидимое, какъ видимое, — что свойственно истинной вѣрѣ, которую и доказали самыми дѣлами. Расхищеніе могло быть отъ насилія хищниковъ, такъ что никто не могъ воспрепятствовать этому, и отсюда еще не видно, что вы терпѣли расхищеніе изъ-за вѣры. Впрочемъ, отчасти и видно: вы, если бы захотѣли, могли бы не подвергаться расхищенію, не увѣровавъ; но вы сдѣлали гораздо больше, — перенесли это съ радостію; это — дѣло вполне апостольское и достойное тѣхъ мужественныхъ душъ, которыя радовались, подвергаясь бичеванію. *Они же, сказано, идяху отъ лица собора радующеся, яко за имя Его сподобилися безчестію пріяти* (Дѣян. 7, 41). Кто переноситъ это съ радостію, тотъ показываетъ, что онъ уже имѣетъ нѣкоторую награду, и что дѣло его есть не потеря, а приобрѣтеніе. Слово: *пріяте* указываетъ на ихъ добровольное терпѣніе. Какъ же вы рѣшились и приняли? *Въдвѣце, говорить, имѣти себѣ имѣніе на небесѣхъ пребывающее и лучшее.* Что значить: *пребывающее?* Прочное, не погибающее такъ, какъ здѣшнее.

2. Похваливъ ихъ, онъ потомъ говорить: *не отлагайте убо дерзновенія вашего, еже имать мздовозданіе велико* (ст. 35). Что говоришь? Не сказалъ: вы потеряли дерзновеніе ваше, приобрѣтите его снова, — чтобы они не впали въ отчаяніе, — но: вы имѣете его, не теряйте, — чѣмъ сильнѣе воодушевляетъ ихъ и придаетъ имъ силы. Вы, говорить, имѣете дерзновеніе, чтобы снова приобрѣсти потерянное; для этого требуется большій трудъ, а не потерять имѣющагося — не такъ. Къ Галатамъ онъ пишетъ напротивъ: *чадца моя, имже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. 4, 19); и справедливо. Они оказывали безпечность, потому для нихъ нужна была рѣчь болѣе обличительная; а тѣ (оказывали) нѣкоторое малодушіе, потому для нихъ нужна была (рѣчь) болѣе снисходительная. *Не отлагайте убо, говорить, дерзновенія вашего;* слѣдовательно, они имѣли великое дерзновеніе предъ Богомъ. *Еже имать, говорить, мздовозданіе велико.* Что это значить? Мы, говорить, тогда получимъ его. Если же онъ уготовано въ будущемъ, то не должно искать его здѣсь. Потомъ, чтобы кто-нибудь не сказалъ: вотъ съ нашей стороны все сдѣлано, — онъ предупреждаетъ такую мысль ихъ и какъ бы такъ го-

ворить: если вы знаете, что имѣете на небесахъ имѣніе лучшее, то ничего не ищите здѣсь; вы имѣете нужду въ терпѣніи, а не въ умноженіи подвиговъ, чтобы остаться при томъ же, чтобы не потерять даннаго вамъ; для васъ ненужно ничего другого, кромѣ того, чтобы стоять, какъ стоите, чтобы, дошедши до конца, вы могли получить обѣщанное. *Терпѣнія бо, говоритъ, имате потребу, да волю Божию сотворше, примете обѣтованіе* (ст. 36). Вамъ нужно только одно—терпѣть замедленіе (въ исполненіи обѣщаннаго), а не снова подвизаться. Вы близъ самаго вѣнца, перенесли всѣ подвиги, узы, скорби, расхищеніе вашего имѣнія: что же (остается вамъ)? Вы находитесь близъ того, чтобы быть увѣнчанными; переносите только одно—замедленіе вѣнца. Какое великое утѣшеніе! Онъ утѣшаетъ ихъ такъ, какъ если бы кто-нибудь говорилъ съ ратоборцемъ, который побѣдилъ всѣхъ и не имѣетъ ни одного соперника, но, ожидая вѣнца, теряетъ терпѣніе, пока придетъ начальникъ борьбы и возложитъ на него вѣнецъ, и въ нетерпѣніи хочетъ уйти и убѣжать, не вынося жажды и жара. Это и онъ выражаетъ, и что говоритъ? *Еще бо мало елико елико, грядый приидетъ, и не укоснитъ* (ст. 37). Чтобы они не сказали: когда же придетъ?—онъ ободряетъ ихъ словами Писанія. И въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: *нынѣ ближайшее намъ спасеніе* (Рим. хш, 11), онъ ободряетъ ихъ тѣмъ, что остается немного времени. При томъ говоритъ не отъ себя, но словами Писанія. Если же тогда говорили: *мало елико елико, грядый приидетъ и не укоснитъ*, то, очевидно, что теперь Онъ еще ближе. Такимъ образомъ и за ожиданіе получитъ немалая награда. *А праведный, говоритъ, отъ вѣры живъ будетъ: и аще обинетъ, не благоволитъ душа моя о немъ* (ст. 38). Сильно то увѣщаніе, когда кто докажетъ, что исполнившіе все могутъ все потерять изъ-за малой слабости. *Мы же нѣсмы обиновенія въ погибель, но вѣры въ снабженіе души* (ст. 39). *Есть же вѣра, уповасмыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ. Въ сей бо свидѣтельствоваши быша древніи* (хї, 1, 2). Вотъ какое онъ употребляетъ выраженіе: *обличеніе*, говоритъ, *невидимыхъ*! Слово—*обличеніе* употребляется о вещахъ, совершенно очевидныхъ. Такимъ образомъ вѣра, говоритъ, есть созерцаніе неявнаго и ведетъ къ такому же полному убѣжденію въ невидимомъ, какъ въ видимомъ. Какъ невозможно не вѣрить видимому, такъ невозможно быть вѣрѣ, когда кто не убѣжденъ въ невидимомъ вполне такъ же, какъ въ видимомъ. Предметы надежды представляются неимѣющими дѣйствительности, но вѣра доставляетъ имъ дѣйствительность, или лучше, не доставляетъ, но въ этомъ и состоитъ ихъ дѣйствительность; такъ напр. воскресенія еще не было и нѣтъ въ дѣйствительности, но надежда

дѣласть его дѣйствительнымъ въ нашей душѣ. Вотъ что значитъ: *уповаемыхъ извѣщеніе*. Итакъ, если (вѣра) есть увѣренность въ предметахъ невидимыхъ, то какъ вы хотите увидѣть ихъ, чтобы отпасть отъ вѣры и праведности,—такъ какъ *праведный отъ вѣры живъ будетъ*? Если вы хотите увидѣть ихъ, то вы уже не вѣрующіе. Вы трудились, говорить, вы подвизались; и я говорю это; но потерпите; въ этомъ и состоятъ вѣра; не ищите всего здѣсь.

3. Это сказано евреямъ, но увѣщаніе относится и ко многимъ изъ собравшихся здѣсь. Какъ и какимъ образомъ? Къ малодушнымъ, къ нетерпѣливымъ. Когда они видятъ, что злые счастливы въ дѣлахъ своихъ, а они сами несчастливы, то унываютъ и скорбятъ, желая наказанія и отмыщенія тѣмъ, или ожидая себѣ награды за труды свои. *Еще мало елико елико, грядый придетъ, и не укуситъ*, говорилъ тогда Павелъ. Скажемъ это и мы малодушнымъ. Наказаніе непременно будетъ, непременно придетъ; воскресеніе и все съ нимъ связанное уже при дверяхъ. Откуда, скажешь, это видно? Не говорю—изъ пророковъ, потому что у меня рѣчь не къ христіанамъ только; но хотя бы то былъ язычникъ, я смѣло обращаюсь и къ нему, предлагаю доказательства и ему, и научу его; а какъ—послушай. Многое предсказалъ Христосъ. Если бы это не сбылось, то ты могъ бы не вѣровать и тому; если же все это сбылось, то почему ты сомнѣваешься въ остальномъ? Труднѣе было повѣрить, пока ничего не сбылось, нежели не вѣрить, когда все сбылось. Но лучше поясню мысль свою примѣромъ. Христосъ предсказалъ, что Іерусалимъ будетъ взятъ и подвергнется такому разрушенію, какого не было никогда, и что онъ болѣе уже не будетъ возстановленъ,—и предсказаніе оправдалось самымъ дѣломъ (Лук. xix, 44). Предсказалъ, что будетъ великая скорбь (Мѣ. xxiv, 21),—и сбылось. Предсказалъ, что проповѣдь распространится, какъ посѣянное горчичное зерно,—и мы видимъ, что съ каждымъ днемъ она болѣе и болѣе распространяется по вселенной (Лук. xiii, 19). Предсказалъ, что оставившіе отца, или мать, или братьевъ, или сестеръ, будутъ имѣть и отцевъ и матерей,—и это, какъ видимъ, исполняется на дѣлѣ (Мѣ. xix, 29). Предсказалъ: *въ мѣръ скорбни будетъ: но держайте, азъ побѣдихъ мѣръ* (Іоан. xvi, 33), т. е. никто не преодолѣетъ васъ,—и это, какъ видимъ, сбылось на дѣлѣ. Предсказалъ, что *врата ада не одолѣютъ церкви*, и при томъ го-
152 нимой, и что никто не истребитъ проповѣди (Мѣ. xvi, 18),—и объ (исполненіи) этого предсказанія свидѣлствуютъ событія. Такія предсказанія тогда были весьма невѣроятны. Почему? Потому, что всѣ они состояли въ словахъ, а доказательства ска-

завному еще не было представлено. Теперь же все это тѣмъ больше заслуживаетъ вѣры.

Предсказалъ, что когда *проповѣсться евангеліе въ мѣ языкѣмъ, тогда придетъ кончина* (Мѣ. ххiv, 14),—и вотъ мы уже достигли кончины: большая часть вселенной уже оглашена (Евангеліемъ), и затѣмъ предстоитъ кончина. Устрашимся, возлюбленные! Что, скажи мнѣ, — тебя беспокоитъ это кончина? Она дѣйствительно близка, но предѣлъ жизни и кончина каждаго гораздо ближе. *Дніе лѣтъ нашихъ, говорить (Псалмопѣвецъ), въ нихже седмицѣ сѣмь лѣтъ: аще же въ силахъ, осмидесятъ лѣтъ* (Псал. lxxxix, 10). День суда близокъ: устрашимся хотя этого. *Братъ не избавитъ, избавитъ ли человекъ* (Псал. xlviii, 8)? Во многомъ мы будемъ раскаиваться тогда; но въ смерти никто не исповѣтся Ему (Псал. vi, 6). Потому Давидъ говорить: *предваримъ лице его во исповѣданіи* (Псал. xciv, 2), т. е. пришествіе Его. Здѣсь все, что мы сдѣлаемъ, имѣетъ силу; а тамъ уже нѣтъ. Скажи мнѣ: если бы кто-нибудь поставилъ насъ на короткое время въ раскаленной печкѣ, то не употребили ли бы мы всѣхъ мѣръ къ своему освобожденію, хотя бы потребовалось растратить имущество, или отдать себя въ рабство? Какъ мпогіе, впадши въ тяжкія болѣзни, охотно согласились бы отдать все, чтобы освободиться отъ нихъ, если бы только имъ предоставленъ былъ выборъ! Если же здѣсь непродолжительная болѣзнь такъ мучить насъ, то что мы станемъ дѣлать тамъ, когда раскаяніе не будетъ приносить никакой пользы? Сколькихъ мы исполнены теперь пороковъ, и не чувствуемъ? Другъ друга угрызаемъ, другъ друга терзаемъ, оскорбляя, обвиняя, клеветая, завидуя славѣ ближнихъ. И смотри, какое тяжкое зло: когда кто хочетъ истребить доброе мнѣніе о ближнихъ, то говорить: такой-то говорилъ мнѣ о немъ то-то, — прости мнѣ, Господи, не осуди меня, — я передаю только слухъ. Для чего же и говоришь ты, если самъ не вѣришь? Для чего передаешь? Для чего распространеніемъ слуха дѣлаешь его вѣроятнымъ? Для чего передаешь разсказъ, когда онъ невѣренъ? Ты самъ не вѣришь ему, и просишь Бога, чтобы Онъ не осудилъ тебя? Не говори же, а молчи, и избавь себя отъ всякаго страха.

4. Не знаю, откуда вошла въ людей эта болѣзнь: мы стали болтливы; въ нашей душѣ не держится ничего. Послушай одного мудреца, который, увѣщевая, говорить: *слышалъ ли еси слово? да умереть съ тобою: не убойся, не расторгнетъ тебе* (Сирах. xix, 10); и еще: *услышалъ слово буй, и поболѣлъ, якоже раждающая отъ лица младенца* (ст. 11). Мы готовы на обвиненія, скоры на осужденія. Если бы мы не сдѣлали никакого другого зла, то и

это одно достаточно для того, чтобы погубить насъ, свести въ геенну, причинить намъ тысячи бѣдъ. А чтобы ты точнѣе узналъ это, послушай пророка, который говоритъ: *судя на брата твоего клеветалъ еси* (Псал. хлх, 20). Но не я, говоришь, а другой. Нѣтъ,—ты. Если бы ты не говорилъ, то другой не услышалъ бы; а если бы и услышалъ, то ты не былъ бы виновникомъ грѣха. Недостатки ближнихъ должно замалчивать и прикрывать; а ты подъ предлогомъ доброжелательства выставляешь ихъ на показъ, дѣлаешься если не обвинителемъ, то раскащикомъ, болтуномъ, глупцомъ. О, ужасъ! Въмѣстѣ съ нимъ ты срамишь себя самого, и не чувствуешь? Смотри, сколько золь происходитъ отсюда: ты прогнѣвляешь Бога, огорчаешь ближняго, дѣлаешь себя самого повиннымъ наказанію. Не слышалъ ли, что Павелъ говоритъ о вдовицахъ? *Не точію праздны, говоритъ, учатся обходить дома, но и блядивы и любопытны, глаголющія, яже не подобаетъ* (1 Тим. v, 13). Такимъ образомъ даже и тогда, когда бы ты вѣрилъ сказанному о твоёмъ братѣ, не слѣдуетъ пересказывать, а тѣмъ болѣе, когда не вѣришь. О себѣ ты всегда заботишься, опасаясь, чтобы не быть осуждену отъ Бога? Бойся же, чтобы не быть тебѣ осуждену и за болтливость. Здѣсь ты не можешь сказать: Богъ не осудитъ меня за болтливость,—потому что это дѣло есть болтливость. Для чего ты распространяешь слухъ? Для чего умножаешь зло? Оно можетъ погубить насъ. Потому и говоритъ Христосъ: *не судите, да не судими будете* (Мѡ. vii, 1). Но мы нисколько не думаемъ объ этомъ, и примѣръ фарисея не вразумляетъ насъ. Онъ сказалъ правду: *нѣсмь, якоже сей мытарь*, сказалъ тогда, когда никто не слушать его,—и однако осужденъ (Лук. хviii, 11). Если же онъ осужденъ, высказавъ правду и когда никто не слушалъ его, то какому подвергнутся мученію тѣ, которые всюду разглашаютъ ложное и такое, въ чемъ сами не увѣрены, подобно болтливымъ женщинамъ? Чего не потерпятъ они? Положимъ же на уста свои дверь и ограждение. Отъ болтливости произошло безчисленное множество золь: разстраи-
154 вались семейства, разрывались узы дружбы, совершались тысячи другихъ бѣдствій. Не старайся же, человѣкъ, узнавать то, что касается ближняго. Но ты болтливъ, ты имѣешь этотъ недостатокъ? Говори лучше о своихъ дѣлахъ Богу,—и это не будетъ недостаткомъ, а приобрѣтеніемъ; говори о своихъ дѣлахъ друзьямъ, друзьямъ истиннымъ и правдивымъ, на которыхъ ты полагаешься, чтобы они молились о грѣхахъ твоихъ. Если будешь говорить о чужихъ дѣлахъ, то не получишь никакой пользы, никакого приобрѣтенія, но еще повредишь; а если будешь исповѣдывать свои дѣла предъ Владыкой, то получишь великую награду. *Ръхъ,*

говорить (Псалмонѣвецъ), *повѣмъ на мя беззаконіе мое Господи, и ты оставишь еси нечестіе сердца моего* (Псал. хххі, 5). Ты хочешь осуждать? Осуждай себя самого; никто тебя не обвинитъ, если ты будешь осуждать самъ себя; но обвинитъ, если ты не будешь осуждать самъ себя; обвинитъ, если ты не будешь обвинять самъ себя; обвинитъ, если ты не будешь скорбѣть о себѣ самомъ. Ты видишь, что кто-нибудь гнѣвается, раздражается, или дѣлаетъ что-нибудь другое безразсудное? Тотчасъ подумай о своихъ дѣлахъ; тогда и его не слишкомъ будешь осуждать, и себя избавишь отъ бремени грѣховъ. Если мы такимъ образомъ будемъ соразмѣрять жизнь свою, если такимъ образомъ будемъ благоустраивать ее, если будемъ осуждать самихъ себя, то конечно не допустимъ многихъ грѣховъ, но сдѣлаемъ много добраго, будемъ кроткими и умѣренными, и получимъ всѣ блага, общающіяся любящимъ Бога, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ХІІ.

Вѣрою разумѣваемъ совершиться вѣкомъ глаголомъ 153
Божіимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти.
Вѣрою множайшую жертву Авель паче Каина принесе
Богу, еяже свидѣтельствовавъ бысть быти праведникъ,
свидѣтельствующу о дарѣхъ его Богу: и тою умерый
еще глаголетъ (Евр. хі, 3, 4).

1. Вѣра требуетъ души бодрственной и юной, возвышающейся надъ всѣмъ чувственнымъ и парящей выше немощныхъ помысловъ человѣческихъ. Вѣрующимъ невозможно быть иначе, какъ освободившись отъ общеобычнаго (порядка вещей). Поэтому, такъ какъ души евреевъ были немощны и хотя начали съ вѣры, но потомъ отъ обстоятельствъ,—разумѣю страданія и скорби,—ослабѣли, впали въ малодушіе и колебались, то (апостолъ) ободрялъ ихъ сначала собственными ихъ подвигами: *вспоминайте*, говорилъ онъ, *прежнія дни*; затѣмъ Писаніемъ, которое говоритъ: *праведный отъ тѣхъ живъ будетъ*; потомъ своими соображеніями: *есть же*, говорилъ онъ, *тѣра, уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ*. Теперь онъ (ободряетъ ихъ) примѣромъ предковъ, тѣхъ великихъ и дивныхъ мужей, и какъ бы такъ говоритъ: если тогда, когда блага были у ногъ, всѣ спаса-

лись вѣрою, то тѣмъ Солѣе мы. Когда душа видитъ другого раздѣляющимъ съ нею одно и то же, то успокоивается и чувствуетъ облегченіе. Такъ бываетъ и въ дѣлахъ вѣры, такъ и въ скорби, о чемъ говоритъ (апостолъ) въ другомъ мѣстѣ: *соутѣшитися въ васъ вѣрою общю* (Рим. 1, 12). Родъ человѣческіи весьма мнителенъ, не можетъ полагаться на себя самого и боится за вѣрность своихъ сужденій; при томъ заботится, и весьма много заботится о мнѣніи другихъ. Что же дѣлаетъ Павелъ? Онъ ободряетъ ихъ примѣромъ предковъ, и прежде того—общимъ соображеніемъ. Вѣра была тогда порицаема, какъ дѣло бездоказательное и даже вводящее въ заблужденіе; потому онъ доказываетъ, что самыя великія дѣла совершаются вѣрою, а не разсужденіями. Какъ же онъ доказываетъ это, скажи мнѣ? *Вѣрою*, говоритъ, *разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божиимъ, во сже отъ невидимыхъ видимымъ быти*. Извѣстно, говоритъ, что Богъ сотворилъ изъ не сущаго сущее, изъ невидимаго видимое, изъ не существующаго существующее. Но откуда извѣстно, что Онъ совершилъ это *глаголомъ*? Разумъ не внушаетъ ничего такого, а напротивъ говоритъ, что видимое происходитъ отъ видимаго же. Особенно философы утверждаютъ, что изъ ничего не бываетъ ничего,—такъ какъ они люди душевные и ничего не предоставляютъ вѣрѣ. Между тѣмъ они сами обличаютъ себя, когда, говоря о чемъ-нибудь великомъ и высокомъ, предоставляютъ это вѣрѣ; такъ, напр., они говорятъ, что Богъ безначаленъ и нерожденъ, между тѣмъ разумъ не внушаетъ и этого, по—противное. И посмотри на великую глупость ихъ. Они говорятъ, что Богъ безначаленъ; а это гораздо удивительнѣе, нежели происхожденіе (сущаго) изъ не сущаго. Сказать, что Онъ безначаленъ, что Онъ не рожденъ, что Онъ самъ отъ Себя, а не рожденъ отъ другого, гораздо непонятнѣе, нежели сказать, что Богъ сотворилъ сущее изъ не сущаго. Здѣсь много вѣроятнаго, именно—что Онъ сотворилъ нѣчто, что сотворенное имѣетъ начало, что оно сотворено всецѣло; а тамъ слова: самобытенъ, не рожденъ; не имѣетъ ни начала, ни времени,—скажи мнѣ, не требуютъ ли вѣры? Но (апостолъ) не указываетъ на то, что гораздо важнѣе, а на менѣе важное: *вѣрою*, говоритъ, *разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божиимъ*. Откуда, говоритъ, извѣстно, что Богъ сотворилъ все *глаголомъ*? Разумъ не внушаетъ этого, и никого не было тогда, когда это происходило. Извѣстно по вѣрѣ; это познаніе есть дѣло вѣры. Потому онъ и сказалъ: *вѣрою разумѣваемъ*. Что, скажи, мы *разумѣваемъ вѣрою*? То, что видимое произошло отъ невидимаго. Это—предметъ вѣры. Сказавъ вообще, онъ потомъ раскрываетъ это, указывая на лица. Доблестный

мужъ стоить цѣлою вселенной, какъ выразился (апостоль) впоследствии. Именно, указавъ на примѣръ ста или двухъ сотъ лицъ, и зная, что количество не важно въ сравненіи съ качествомъ, онъ затѣмъ сказалъ: *иже не бы достоинъ міръ* (хл, 38). *Вѣрую множайшую жертву Авель паче Каина принесе Богу*. Смотри, на кого онъ указываетъ прежде всѣхъ,—на пострадавшаго, и при томъ отъ брата, который ничѣмъ не былъ обиженъ, но позаиводоваль (благоволенію) Божію. Это страданіе было близко къ нимъ: *за не таяжде*, говоритъ онъ, *и вы пострадаете отъ своихъ племенникъ* (1 Сол. п, 14). Выстъ съ тѣмъ показываетъ, что и они терпѣли отъ зависти и ненависти. Тотъ почтилъ Бога и умеръ за то, что почтилъ; а воскресенія еще не получилъ. Доброе настроеніе его открылось, зависѣвшее отъ него сдѣлано; а зависящее отъ Бога ему еще не предоставлено. *Множайшую*: (такъ апостоль) называетъ здѣсь жертву лучшую, отличнѣйшую, необходимѣйшую. Мы, говорить, не можемъ сказать, что она не была принята; (Богъ) принялъ ее и сказалъ Каину: *еда аще право принесе еси, право же не раздѣлил еси* (Быт. іѳ, 7). Слѣдовательно, Авель и право принесе, и право раздѣлилъ. Однако же за это какое получилъ вознагражденіе? Онъ былъ убитъ рукою брата; осужденіе, которому за грѣхъ подвергся отецъ, первый принялъ на себя праведный сынъ, и пострадалъ тѣмъ тяжелѣе, что пострадалъ отъ брата, и первый. Онъ сдѣлалъ праведное дѣло, не видя примѣра ни въ комъ. Въ самомъ дѣлѣ, на кого въпрая, онъ такъ почтилъ Бога? На отца и мать? Но они оскорбили (Бога) за Его благодѣянія. На брата? Но и онъ не почтилъ Его. Такимъ образомъ онъ самъ собою совершилъ доброе дѣло. И тогда какъ онъ былъ достоинъ чести, что онъ получаетъ? Умерщвляется. Далѣе (апостоль) воздастъ ему еще другую похвалу: *сюже*, говоритъ, *свидѣтельствоваъ быти праведникъ, свидѣтельствующу о дарѣхъ его Богу: и тою умерый еще слаголетъ*. Какъ же еще иначе было засвидѣтельствовано, что онъ—праведникъ? Огонь, говорится (въ Писаніи), сошелъ и сожегъ его жертвы. Высто: *призръ Господь на Авеля и на дары ео*, (одинъ переводчикъ) читаетъ: *и воспламенилъ* (Быт. іѳ, 4). Итакъ, (Богъ) и словами и дѣломъ засвидѣтельствовалъ, что онъ 156 праведникъ,—и однако, видя, что онъ за Него умерщвляется, не воспрепятствовалъ, но попустилъ это.

2. Но у васъ (говорить апостоль) не такъ. Какъ же, когда вы имѣете и пророковъ, и примѣры, и множество внушеній, знаменій и чудесъ? Такимъ образомъ тамъ поистинѣ была вѣра. Какія чудеса видѣлъ тотъ (Авель) для того, чтобы убѣдиться, что въ воздаяніе ему будутъ дарованы какія-нибудь блага? Не

по одной ли вѣрѣ онъ былъ добродѣтеленъ? Что значить: *и съ умерый еще глаголетъ*? Чтобы не привести ихъ въ отчаяніе, (апостоль) показываетъ, что (Авель) отчасти получилъ вознагражденіе. Какое? То, что объ немъ, говорить, много воспоминають. Это именно онъ и выразилъ словами: *и еще глаголетъ*; т. е. (братъ) убилъ его, но не убилъ вмѣстѣ съ нимъ его славы и чести. Онъ не умеръ; такимъ же образомъ не умрете и вы,—потому что чѣмъ кто тяжелѣе страдаетъ, тѣмъ больше слава его. Какъ же онъ еще глаголетъ? Это и есть признакъ жизни, когда всѣ прославляютъ, превозносятъ и ублажаютъ; убѣждающій другихъ быть праведными, конечно, глаголетъ. Не столько дѣйствуетъ слово, сколько его страданіе. Какъ небо, дѣлаясь только видимымъ, глаголетъ,—такъ и онъ, будучи воспоминаемъ. Если бы даже онъ самъ проповѣдывалъ о себѣ, если бы имѣлъ тысячи языковъ и былъ въ живыхъ,—и тогда ему не удивлялись бы такъ, какъ теперъ. Иначе сказать, (такая слава) не достигается безнаказанно и легко, и не исчезаетъ. *Въроу Енохъ преложень бысть* не видѣти смерти: *и не обрѣташеся, зане преложи его Богъ: прежде бо преложенія его свидѣтельствованъ бысть, яко угодн Богу. Безъ въры же невозможно угодити: въровати же подобаетъ первое приходящему къ Богу, яко есть, и взыскающимъ его мздовоздаятель бываетъ* (ст. 5, 6). Онъ показалъ вѣру больше Авелевой. Какъ? Такъ, что, хотя онъ жилъ и послѣ Авеля, по случившееся съ Авелемъ могло отвратить его (отъ добродѣтели). Какимъ образомъ? Богъ предвидѣлъ, что (Авель) будетъ убитъ, потому что сказалъ Каину: *согрѣшилъ еси*, не прибавляя еще (Быт. iv, 7),—былъ почитаемъ отъ него, и однако не избавилъ его. Но (Энохъ) отъ этого не предался безпечности, не сказалъ самому себѣ: какая польза отъ трудовъ и опасностей? Авель почиталъ Бога, и (Богъ) не избавилъ его. Какая польза умершему оттого, что братъ его наказанъ? Какую выгоду могъ онъ извлечь отсюда? Положимъ, что подвергъ (Каина) тяжкому наказанію; но что изъ того убитому? Ничего такого онъ не сказалъ и не подумалъ, но оставилъ все это, зная, что если есть Богъ, то безъ сомнѣнія есть и мздовоздаятель, хотя тогда еще ничего не знали о воскресеніи. Если же люди, еще ничего не знавшіе о воскресеніи, но видѣвшіе здѣсь противное, такъ благоугождали, то не тѣмъ ли болѣе (должны) мы? Тѣ ни о воскресеніи не знали, ни примѣровъ не могли видѣть. То самое и сдѣлало (Эноха) благоугодившимъ (Богу), что онъ ничего не получалъ. Онъ зналъ, что

157 Богъ есть мздовоздаятель; но, скажи мнѣ, откуда? Вѣдь Авелю еще не было воздаянія. Такимъ образомъ разумъ внушалъ одно, а вѣра—противное видимому. Такъ и вы, говорить (апостоль),

если видите, что вы не получаете здѣсь никакого воздаянія, не смущайтесь. Какъ же *вѣрю преложень бысть Енохъ?* Благоугождене (Богу) было причиною преложенія, а причиною благоугождения—вѣра. Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ не былъ убѣжденъ, что получить воздаяніе, то какъ стать бы благоугождать? *Безъ вѣры невозможно угодили.* Почему? Потому что получить воздаяніе можетъ только тотъ, кто вѣруетъ, что есть Богъ и воздаяніе. Отсюда и происходитъ благоугождене. *Впроятн же пообаетъ приходящему къ Богу, яко есть,* а не тому, что Онъ есть. Если же то, что есть (Богъ), принимается вѣрою, а не постигается разумомъ, то возможно ли постигнуть разумомъ то, что Онъ есть? Если то, что Онъ—мздовоздаятель, требуетъ вѣры, а не умственныхъ соображеній, то какъ можно обнять разумомъ свойства Его существа? Какой разумъ можетъ постигнуть ихъ? Есть же люди, которые говорятъ, что все существующее существуетъ само собою. Видишь ли, что если мы не вѣруемъ во все, не только въ воздаяніе, но и въ самое бытіе Бога, то у насъ все погибаетъ? Многіе спрашиваютъ, куда переселенъ Энохъ и почему переселенъ, почему не умеръ, и не онъ только, но и Ілія, и если они живутъ, то какъ живутъ и въ какомъ состояніи. Но спрашивать объ этомъ совершенно излишне. О томъ, что первый переселенъ, а послѣдній вознесенъ (на небо), Писаніе сказало; а гдѣ они и какъ существуютъ, этого не прибавило,—потому что оно не говоритъ ничего, кромѣ необходимаго. Такое событіе,—разумѣю переселеніе (Эноха),—произошло вскорѣ, въ самомъ началѣ, для того, чтобы человѣчество питало надежду на прекращеніе смерти, на уничтоженіе власти діавола, на то, что смерть будетъ уничтожена: вѣдь онъ переселенъ не мертвымъ, но такъ, что не видѣлъ смерти. Потому (апостоль), сказавъ, что онъ переселенъ живой, прибавляетъ: *яко угоди.* Подобно тому, какъ иной отецъ, пригрозивъ сыну и желая привести угрозу въ исполненіе тотчасъ же, послѣ того какъ высказалъ ее, сдерживается однако и медлитъ, чтобы вразумить и усовѣстить (сына), оставляя впрочемъ угрозу во всей силѣ, такъ и Богъ, выражаясь по-человѣчески, не удержался, но тотчасъ же показалъ, что смерть будетъ уничтожена. Онъ сперва попустилъ смерти поразить праведника, желая сыномъ утрашить отца. Чтобы показать, что опредѣленіе Его остается во всей силѣ, Онъ подвергъ этому наказанію немедленно не злыхъ людей, но даже благоугодившаго Ему, т. е. блаженнаго Авеля; а вскорѣ послѣ него переселилъ Эноха живымъ. Онъ не воскресилъ перваго,—чтобы люди не предались безопасности,—а послѣдняго переселилъ живымъ; Авелемъ утрашить, а Энохомъ внушить рев-

пость о благоугожденіи Ему. Такимъ образомъ утверждающіе, что все возвращается и совершается само собою, и не ожидающіе воздаянія, не благоугождаютъ (Богу) такъ же, какъ и язычники: а *взыскающимъ Его* дѣлами и вѣдѣніемъ Онъ *мздовоздатель бываетъ*.

- 158 3. Итакъ, имѣя Мздовоздателя, будемъ дѣлать все такъ, чтобы намъ не лишиться наградъ за добродѣтель. Не думать о такомъ возмездіи, пренебрегать такимъ воздаяніемъ, — это достойно многихъ слезъ. Какъ *взыскающимъ его мздовоздатель бываетъ*, такъ не ищущимъ — напротивъ: *ищите и обряцете* (Мѡ. уч. 7), сказалъ (Господь). А какъ можно обрѣсти Господа? Вспомни, какъ отыскивается золото, — съ великимъ трудомъ. *Рукама моима*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *нощю предъ нимъ, и не прельщенъ быхъ* (Псал. 1ххvi, 3). Какъ мы ищемъ потерянное, такъ будемъ искать и Бога. (При исканіи чего-нибудь) не устремляемъ ли мы туда всего ума своего? Не спрашиваемъ ли всѣхъ? Не предпринимаемъ ли путешествія? Не общаемъ ли денегъ? Положимъ, у насъ потерялся сынъ. Чего мы тогда не дѣлаемъ? Какой не проходимъ суши, какого моря? Не считаемъ ли и денегъ, и домовъ, и всего другого маловажнаго его отысканія? И если находимъ, то удерживаемъ, принимаемъ въ объятія, не отпускаемъ отъ себя. Если, желая найти что-нибудь, мы употребляемъ всѣ мѣры къ тому, чтобы найти желаемое, то не тѣмъ ли болѣе касательно Бога намъ слѣдуетъ поступать такъ, какъ при отысканіи чего-нибудь необходимаго, или лучше сказать, не такъ, а гораздо болѣе? Но такъ какъ мы немощны, то ищи Бога по крайней мѣрѣ такъ, какъ ты ищешь своихъ денегъ, или сына. Не предпринимаешь ли ты для этого путешествій? Не путешествовать ли ты когда-нибудь для денегъ? Не изобрѣтаешь ли всякія къ тому средства? И когда найдешь, не бываешь ли тогда веселъ? *Ищите*, сказано, *и обряцете*. Исканіе требуетъ многихъ заботъ, особенно касательно Бога, потому что при этомъ (встрѣчается) много препятствій, много недоразумѣній, много такого, что поражаетъ наши чувства. Какъ солнце, хотя само по себѣ ясно и является взорамъ всѣхъ, и намъ нѣтъ нужды искать его, но, если мы закопаемъ себя въ землю и со всѣхъ сторонъ закроемъ себя, то потребуются много труда, чтобы намъ увидѣть солнце, — такъ и здѣсь: если мы закопаемъ себя въ глубину порочныхъ желаній и во мракъ страстей и дѣлъ житейскихъ, то съ трудомъ въ состояніи будемъ взглянуть, съ трудомъ — поднять голову. Зарытый въ глубину чѣмъ выше будетъ смотрѣть, тѣмъ болѣе будетъ приближаться къ солнцу. Страхнемъ же и мы съ себя прахъ, развѣемъ окружающую насъ мглу; она густа, непрони-

наема и не позволяет намъ смотрѣть вверхъ. А какъ, скажешь, мы можемъ разогнать это облако? Если будемъ привлекать къ себѣ лучи духовнаго солнца, солнца правды, если будемъ воздѣвать руки къ небу: *воздѣваніе*, говорить (Псалмопѣвецъ), *руку мою жертва вечерняя* (Псал. сѣхъ, 2),—если съ руками будемъ устремлять горѣ и умъ. Вы, посвященные въ тайны, знаете, о чемъ я говорю; вы вѣроятно понимаете сказанное и соображаете. на что я намекаю. Будемъ же устремлять горѣ нашъ умъ. Я знаю многихъ мужей, которые почти отдѣлились отъ земли. свыше мѣры воздѣваютъ руки, скорбятъ, что невозможно подняться еще выше, и молятся съ такимъ усердіемъ! Желая, чтобы и вы были такими же всегда; если же не всегда, то часто; если не часто, то хотя иногда, хотя по утрамъ, хотя по вечерамъ. Неужели, скажи мнѣ, ты не можешь воздѣвать рукъ? Воздѣвай тогда умъ, сколько хочешь; воздѣвай его до самаго неба. Если бы ты захотѣлъ достигнуть самой вершины и, поднявшись еще выше, тамъ шествовать, и это возможно для тебя. Нашъ умъ 159 легче всякой птицы и паритъ выше. А когда онъ получить еще благодать Духа,—о, какъ тогда онъ быстръ, какъ стремителенъ, какъ перелетаетъ черезъ все, какъ не легко спускается внизъ и падаетъ на землю! Устроимъ себѣ такія крылья; на нихъ мы въ состояніи будемъ перелетѣть и бурное море настоящей жизни. Быстрѣйшія изъ птицъ въ короткое время безвредно перелетаютъ чрезъ горы и холмы, моря и утесы. Таковъ и умъ: когда онъ бываетъ окрыленъ, когда оставляетъ все житейское, тогда ничто не можетъ удержать его, тогда онъ выше всего и даже разжженныхъ стрѣлъ діавола. Діаволъ не такой искусный стрѣлокъ, чтобы могъ достигать до этой высоты,—но что? Онъ бросаетъ стрѣлы,—потому что безстыденъ,—но онѣ не достигаютъ цѣли: стрѣла возвращается къ нему безъ успѣха, и не только безъ успѣха, но и на его собственную голову, потому что, будучи брошена имъ, она непременно должна поразить кого-нибудь. Какъ (стрѣла), брошенная людьми, или поражаетъ то, во что брошена,—птицу, стѣну, одежду, дерево,—или разсѣкаетъ воздухъ, такъ и стрѣла діавола непременно должна поразить кого-нибудь; если она не поразила того, въ кого брошена, то непременно поражаетъ бросившаго. Изъ многихъ примѣровъ можно убѣдиться, что когда ея не поражаемся мы, то непременно онъ поражается. Такъ, напр., онъ строилъ козни Іову, и его не поразилъ, а самъ былъ пораженъ; злоумышлялъ противъ Павла, и его не поразилъ, а самъ былъ пораженъ. И вездѣ можно видѣть это, если мы будемъ внимательны. Когда онъ не поражаетъ, тогда самъ терпитъ поражение; а тѣмъ болѣе, когда мы, вооружившись

и оградивъ себя противъ него мечемъ и щитомъ вѣры, тщательно наблюдаемъ, чтобы не быть уловленными. Стрѣла же 160 діавола есть порочное пожеланіе. Въ особенности гнѣвъ, — это огонь, это пламень, который схватываетъ, умерщвляетъ, сожпгаетъ. Но мы будемъ угашать его долготерпѣніемъ, воздержаніемъ. Какъ раскаленное желѣзо, будучи опущено въ воду, теряетъ жаръ свой, такъ и гнѣвъ, попавъ въ душу человѣка долготерпѣливаго, нисколько не вредитъ долготерпѣливому, а напротивъ приносить пользу, такъ что онъ становится еще крѣпче. Ничто не можетъ равняться съ долготерпѣніемъ. Такой человѣкъ никогда не оскорбляется; по какъ адамантовья тѣла не разбиваются, такъ и эти души; онѣ выше стрѣлъ. Долготерпѣливый высокъ и такъ высокъ, что ударъ стрѣлы не достигаеъ до него. Когда кто выходитъ изъ себя, ты смѣйся; смѣйся, впрочемъ, не явно, чтобы не раздражить его еще болѣе, но смѣйся въ душѣ, про себя. Надъ дѣтьми, когда они ударяютъ насъ съ гнѣвомъ, какъ бы желая отмстить, мы смѣемся. (Такъ и надъ нимъ) если ты будешь смѣяться, то между тобою и имъ будетъ такое же различіе, какъ между дитятей и мужемъ; если же станешь огорчаться, то будешь дитятей, потому что гнѣвающіеся безразсуднѣе дѣтей. Скажи мнѣ: когда кто видитъ, что дитя выходитъ изъ себя, то не смѣется ли? То же бываетъ и съ гнѣвающимися: они и малодушны, если же малодушны, то и безразсудны: *малодушный*, говоритъ (Премудрый), *крѣпко безуменъ*, — значитъ онъ — неразумное дитя, — а *долготерпѣливъ много съ разумъ* (Притч. xiv, 29). Будемъ же приобрѣтать это долготерпѣніе, отъ котораго происходитъ въ сохраняющихъ его великое благоразуміе, чтобы намъ сподобиться обѣтованныхъ намъ благъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIII.

159 Вѣрою отвѣтъ примъ Ное о сихъ, яже не у видѣ, убо-
яся, сотвори ковчегъ во спасеніе дому своего: еюже
осуди міръ, и правды, яже по вѣрѣ, бысть наслѣд-
никъ (Евр. xi, 7).

1. Вѣрою, говоритъ, *отвѣтъ примъ Ное*. Какъ Сынъ Божій, бесѣдуя о своемъ пришествіи, говорилъ: *во дни Ноевы жєняхуся* „ „ „ *ху* (Лук. xiv, 27), такъ и онъ говоритъ. Благовременно

напоминаетъ онъ (евреямъ) примѣръ, близкій къ нимъ; а примѣръ Еноха быть только примѣромъ вѣры. Ноя же (примѣръ)—и невѣрія. Утѣшеніе и увѣщаніе бываетъ совершеннымъ тогда, когда видно не только то, что вѣрующіе удостоиваются чести, но и то, что невѣрующіе терпятъ противное. Что онъ говоритъ въ словахъ: *въроу отвѣтъ пріимъ Ное*? Что это значитъ? Ему, говоритъ, предсказано было; отвѣтомъ называетъ пророчество, какъ и въ другихъ мѣстахъ говорится: *и бѣ ему обѣщано Духомъ* (Святымъ (Лук. II, 26), еще: *и что глаголетъ отвѣтъ* (Рим. XI, 4)? Видишь ли равночестіе Духа (съ Отцемъ)? Какъ Богъ даетъ отвѣтъ, такъ и Духъ Святой. Для чего же (апостолъ) такъ сказалъ? Чтобы показать, что отвѣтъ есть пророчество. *О сихъ, яже не у видѣ*, т. е. о дождѣ, *убояся, сотвори ковчегъ*. Разумъ не внушалъ ничего такого: и женились, и выходили замужъ, и воз- 160
духъ былъ чистъ, и признаковъ никакихъ не было; а между тѣмъ (Ной) убоялся; потому (апостолъ) и говоритъ такъ: *въроу отвѣтъ пріимъ Ное о сихъ, яже не у видѣ, убояся, сотвори ковчегъ во спасеніе дому своего*. Какимъ образомъ? *Еюже осуди міръ*. Онъ показываетъ, что тѣ были достойны наказанія, которые и вслѣдствіе приготовленія (ковчегъ) не исправились. *И правды, яже по вѣрѣ, бысть наслѣдникъ*, т. е., въ томъ и обнаружилась его праведность, что онъ повѣрилъ Богу. Таково свойство души, искренно расположенной къ Нему и не считающей ничего достовѣрнѣе словъ Его; а невѣрію свойственно противное. Ясно, что вѣра оправдываетъ. Какъ мы получили предсказаніе о гееннѣ, такъ и онъ. Тогда смѣялись надъ нимъ, поносили его и порицали; но онъ не обращалъ на это вниманія. *Въроу зовомъ Авраамъ, послуша изыти на мѣсто, еже хотяше пріяти въ наслѣдіе: и изыде не вѣдый, камо грядетъ*. *Въроу пріиде на землю обѣтованія, якоже на чужду, въ кровы вселися со Исаакомъ и Іаковомъ, съ наслѣдникомъ обѣтованія тогожде* (ст. 8, 9). Скажи мнѣ: кого видѣлъ (Авраамъ). кому бы могъ подражать? Отецъ у него былъ язычникъ и идо- 161
лопоклонникъ, пророковъ онъ не слыхалъ и не зналъ, куда идетъ. Такъ какъ увѣровавшіе изъ іудеевъ смотрѣли на нихъ (праотцевъ), какъ на получившихъ безчисленныя блага, то (апостолъ) и говоритъ, что никто изъ нихъ ничего не получилъ, что всѣ остались невознагражденными и ни одинъ не получилъ воздаянія. Тотъ (Авраамъ) оставилъ отечество и домъ, и вышелъ, не зная, куда идетъ. Впрочемъ, что удивительнаго, если онъ самъ (такъ поступилъ), когда и потомство его жило такъ же? Видя, что обѣщаніе не исполняется, онъ не унывалъ, потому что (Господь) сказалъ ему: *тебѣ дамъ землю сію и стѣмени твоему* (Быт. XII, 15). Онъ видѣлъ, какъ сынъ его жилъ тамъ же, и внукъ

видѣлъ себя живущимъ въ землѣ чужой, и нисколько не смущался. Съ самимъ Авраамомъ, конечно, это могло произойти, потому что обѣтованіе могло исполниться послѣ, въ потомствѣ его,—хотя, впрочемъ, и ему было сказано: *тебѣ и сѣмени твоему*, не сказано: *тебѣ въ сѣмени твоемъ*, а: *тебѣ и сѣмени твоему*,—но ни онъ, ни Исаакъ, ни Іаковъ не получили обѣщаннаго. Одинъ работалъ за плату, другой былъ изгоняемъ, а онъ самъ подвергался страху и едва спасся; у него одно приобрѣтено было войною, другое погибло бы, если бы онъ не получилъ помощи отъ Бога. Потому (апостолъ) и говорить: *съ наслѣдникама обѣтованія тогожде*; не онъ только одинъ, говорить, но и наслѣдники его. Далѣе прибавляетъ нѣчто такое, что яснѣе сказаннаго: *по вѣрѣ умроша сіи вси, не пріемше обѣтованій* (ст. 13). Здѣсь представляются два вопроса: какъ, сказавши, что Енохъ *преложенъ бысть не видѣти смерти, и не обрѣташеся*, говорить теперь: *по вѣрѣ умроша сіи вси*? И еще: какъ, сказавши: *не пріемше обѣтованій*, говорить, что Ной получилъ въ награду спасеніе своего семейства, Енохъ былъ переселенъ, Авель *еще глаголетъ*, Авраамъ получилъ землю? *По вѣрѣ*, говорить, *умроша сіи вси, не пріемше обѣтованій*. Что же означаютъ слова его? Нужно рѣшить сперва одно, а потомъ другое. *По вѣрѣ* говорить, *умроша сіи вси*. *Вси*—говоритъ онъ здѣсь не потому, чтобы они рѣшительно всѣ умерли, но потому что, за исключеніемъ Еноха, дѣйствительно умерли всѣ, кого мы знаемъ умершими. А слова: *не пріемше обѣтованій*—справедливы, такъ какъ обѣтованіе, данное Ное, не къ тому относилось.

2. О какихъ же обѣтованіяхъ онъ говорить? Исааку и Іакову была обѣщана земля; а Ной, Авель и Енохъ какія получили обѣтованія? Онъ говорить здѣсь или о послѣднихъ троихъ, или вмѣстѣ и о тѣхъ. То не было обѣтованіемъ, что Авель сдѣлался предметомъ удивленія, Енохъ былъ переселенъ, Ной спасся отъ потопа; все это даровано имъ за добродѣтель, и было нѣкоторымъ предвкушеніемъ будущаго. Богъ, отъ начала зная, что человѣческій родъ имѣетъ нужду въ великомъ снисхожденіи, даруетъ намъ не только то, что въ будущемъ, но и настоящее. Такъ и Христосъ говорилъ ученикамъ: *уже оставитъ дождь, или братію, или сестры, или отца, или мать, сторицею пріиметъ, и живеть* 162 *вѣчный наслѣдитъ* (Мѡ. хіх, 29); и еще: *ищите царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Мѡ. vi, 33). Видишь ли, что и это дается отъ Него въ видѣ приложенія, чтобы мы не унывали? Работоры, хотя получаютъ облегченіе и въ то время, когда находятся въ борьбѣ, но, подчиняясь законамъ, не имѣютъ полного отдыха, а пользуются имъ въ послѣдствіи; такъ и Богъ здѣсь не

даруетъ намъ полнаго успокоенія, но, хотя отчасти и даруетъ, сполна сберегаетъ его для будущей жизни. А что это такъ, (апостоль) самъ объяснилъ, прибавивъ слѣдующее: *но издавеча видѣше я и цѣловаше*. Здѣсь онъ намекаетъ на пѣчто таинственное; указываетъ, что они предчувствовали все, сказанное о будущемъ, о воскресеніи, о царствіи небесномъ и о прочемъ, о чемъ проповѣдывалъ Христосъ, пришедши на землю,—это именно онъ разумѣетъ подъ обѣтованіями. Итакъ, или это онъ говоритъ, или то, что они, хотя не получили такихъ обѣтованій, но окончили жизнь, уповая на нихъ; а уповали по одной вѣрѣ. *Издавеча видѣше я*, т. е., за четыре поколѣнія,—черезъ столько поколѣній они вышли изъ Египта. *И цѣловаше*, говоритъ, радовались. Они были такъ увѣрены въ этихъ (обѣтованіяхъ), что даже привѣтствовали ихъ, подобно тому, какъ мореплаватели, издавеча увидѣвъ города, къ которымъ стремились, прежде нежели войдутъ въ нихъ, обращаются къ нимъ съ привѣтствіями и уже считаютъ ихъ своими. *Жидаше бо основанія и мущаго града, емуже художникъ и содѣтель Богъ* (ст. 10). Видишь ли, что выраженіе: *пріемше* означаетъ, что они ожидали и надѣялись на обѣтованія? Если же надежда ведетъ къ полученію, то и намъ можно получить. И они, хотя не обладали (обѣщанными благами), но въ своемъ стремленіи къ нимъ созерцали ихъ. А для чего это было? Для того, чтобы пристыдить насъ: они даже тогда, какъ имъ были обѣщаны земныя (блага), не прилѣплялись къ нимъ, но желали будущаго града; а намъ Богъ непрестанно говоритъ о горнемъ градѣ, но мы желаемъ здѣшняго. (Богъ) говорилъ имъ, что Онъ дастъ имъ (блага) настоящаго времени, но такъ какъ видѣтъ, или лучше сказать, они сами показали себя достойными высшихъ (благъ), то Онъ сподобилъ ихъ получить не тѣ, а эти, высшія, чтобы показать намъ, что не прилѣпляющіеся къ первымъ достойны послѣднихъ,—подобно тому, какъ если бы кто обѣщаль разумному человѣку дѣтскія игрушки, не для того, чтобы тотъ принялъ ихъ, но чтобы показать его любомудріе, его стремленіе къ высшему. (Апостоль) показываетъ, что они съ такою ревностію отрѣшались отъ земли, что даже не хотѣли принять предлагаемаго. Потому-то получаютъ это потомки ихъ, какъ люди достойные земли. Что значить: *основанія и мущаго града*? Развѣ здѣшніе (города) не имѣютъ основаній? Въ сравненіи съ тѣми не имѣютъ. *Емуже художникъ и содѣтель Богъ*. О, какая похвала этому граду! *Вѣрою и сама Сара*. Этими началъ съ цѣлью укорить, если бы они оказались малодушнѣе жены. Но, скажетъ кто-нибудь, какъ (можетъ быть названа) вѣрующею та, которая засмѣялась? Правда, смѣхъ ея отъ невѣрія, но страхъ—отъ вѣры;

слова ея: *не разсмѣялся* (Быт. хvш, 15) происходили отъ вѣры. Послѣ того, какъ не стало невѣрія, явилась вѣра. *Впрюу и сама Сара силу въ удержаніе стѣмене пріятъ, и паче времеи возраста роди* (ст. 11). Что значить: *въ удержаніе стѣмене*? То, что она, будучи уже какъ бы мертвою, бесплодною, получила силу удерживать сѣмя, зачать. Неспособность ея происходила отъ двухъ причинъ: отъ лѣтъ, такъ какъ она уже состарѣлась, и отъ природы, такъ какъ была бесплодна. *Тѣмже и отъ единого родишася всѣ, да еще умерщвленнаго, якоже звѣзды небесныя множествомъ, и яко песокъ вскрай моря безчисленный* (ст. 12). *Тѣмже*, говоритъ, *отъ единого родишася всѣ*. Здѣсь онъ выражаетъ не только то, что она родила, но и то, что она сдѣлалась матерію такого множества, каковаго не имѣютъ и плодоносныя утробы. *Якоже звѣзды*, говоритъ. Почему же (въ Писаніи) они часто исчисляются, между тѣмъ сказано: какъ никто не можетъ исчислить звѣздъ небесныхъ, такъ и сѣмени вашего (Быт. хш, 16)? (Писаніе) говоритъ это или преувеличенно, или имѣя въ виду тѣхъ, которые постоянно рождаются вновь. Предковъ одного семейства можно исчислить, какъ произошелъ этотъ отъ такого-то, а тотъ отъ такого-то, но тѣхъ, чей родъ сравнивается съ множествомъ звѣздъ, (исчислить) невозможно.

3. Таковы обѣтованія Божія, такъ удобоисполнимо обѣщанное Имъ! Если же обѣщанное Имъ въ видѣ приложенія такъ удивительно, такъ чудно, такъ блистательно, то каково то, чего оно составляетъ дополненіе, чему оно служить избыткомъ? Слѣдовательно, кто блаженнѣе получающихъ эти блага и кто несчастнѣе теряющихъ? Если всѣ жалѣютъ челоуѣка, изгнаннаго изъ отечества, если считаютъ жалкимъ потерявшаго наслѣдство, то какими слезами должно оплакивать того, кто лишается неба и уготованныхъ тамъ благъ? Но не оплакивать его только нужно: оплакиваютъ того, кто подвергся какому-либо несчастію не по своей винѣ; но кто по собственной волѣ предается порокамъ, тотъ достоинъ не слезъ, а рыданія, или лучше и онъ достоинъ скорби, потому что Господь нашъ Іисусъ Христосъ скорбѣлъ и плакалъ о Іерусалимѣ, который былъ нечестивъ.

Подлинно, мы достойны безчисленныхъ стенаній, безчисленныхъ рыданій! Если бы вся вселенная возвысила голосъ,—и камни, и дерева, и кустарники, и звѣри, и птицы, и рыбы,—словомъ, вся вселенная,—если бы, возвысивъ голосъ, она стала оплакивать наше лишеніе этихъ благъ, то и этого плача и рыданія было бы недостаточно. Какое слово, какой умъ можетъ представить то блаженство, то добро, удовольствіе, славу, радость, веселіе, свѣтлость, *иже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце челоуѣку не*

азыдоша, яже уготова Богъ любящимъ его (1 Кор. п, 9)? Не сказано просто, что (эти блага) превосходны, но что никто никогда не можетъ и представить себѣ того, яже уготова Богъ любящимъ его. Въ самомъ дѣлѣ, каковы должны быть тѣ блага, которыя приготовилъ и устроилъ самъ Богъ? Если, сотворивши насъ, Онъ тотчасъ, когда мы еще ничего не сдѣлали, столько дароваль намъ—и рай, и общеніе съ Нимъ самимъ, обѣщаль безсмертіе, жизнь блаженную и свободную отъ заботъ, то чего Онъ не даруетъ тѣмъ, которые столько дѣлали, трудились и терпѣли для Него? Единороднаго Онъ не пощадилъ для насъ, истиннаго Сына ¹⁶⁴ своего предаль за насъ на смерть. Если же Онъ удостоилъ насъ такихъ (благъ), когда мы были Его врагами, то чего не удостоитъ, когда мы сдѣлаемся Его друзьями? Чего не даруетъ, примиривши съ Собой? Онъ безпредѣльно богатъ и безгранично желаетъ и старается сдѣлать насъ своими друзьями; но мы насколько не стараемся объ этомъ, возлюбленные. Что я говорю: не стараемся? Не хотимъ даже принять благъ Его такъ, какъ Онъ хочетъ. А что Онъ хочетъ этого болѣе (насъ), Онъ доказалъ дѣлами своими. Мы для собственной нашей пользы едва ли пожертвуемъ малою частію золота; а Онъ за насъ отдалъ Сына своего. Будемъ же употреблять, какъ должно, любовь Божію, возлюбленные; будемъ пользоваться дружескимъ Его расположеніемъ: *вы друзи мои есте*, сказалъ Онъ, *аще творите, елика заповѣдаю вамъ* (Іован. хv, 14). Увы! Враговъ, которые безпредѣльно были далеки отъ Него, которыхъ Онъ несравненно превосходить во всемъ, Онъ сдѣлалъ и называетъ друзьями своими! Чего же не слѣдовало бы потерпѣть для такой дружбы? Но мы, по дружбѣ съ людьми, часто подвергаемся опасностямъ, а для (дружбы) съ Богомъ не хотимъ даже истратить денегъ. Поистинѣ, мы достойны сожалѣнія, скорби, слезъ, воплей, великаго плача и сѣтованія. Мы уклонились отъ надежды нашей, пали съ высоты нашей, оказались недостойными чести Божіей, неблагодарными и бесполезными послѣ благодѣяній; діаволь лишилъ насъ всѣхъ благъ; удостоившись быть сынами, братьями и сонаслѣдниками (Божіими), мы ничѣмъ не отличаемся отъ враговъ Его, оскорбляющихъ Его. Какое послѣ этого будетъ намъ утѣшеніе? Онъ призвалъ насъ на небо, а мы сами себя ввергли въ геенну. Клятва и дожь, воровство и предлюбодѣяніе распространились на землѣ; одни смѣшиваютъ кровь съ кровью, другіе совершаютъ дѣла хуже кровопролитія. Многіе изъ обижаемыхъ, многіе изъ жертвъ любостязанія лучше желаютъ испытать тысячи смертей, нежели переносить это, и если бы они не боялись Бога, то сами наложили бы на себя руку,—такъ они желаютъ себѣ смерти! А

что не хуже ли кровопролитія? *О лютъ мнѣ, душе, говорилъ плакавшій пророкъ, яко погибе благочестивый отъ земли, и испра-
вляющаго въ человечѣхъ нѣсть* (Мих. vii, 2). Будемъ плакать те-
перь и мы прежде всего о себѣ самихъ; а вы примите участіе
въ плачѣ моемъ. Но, можетъ быть, нѣкоторымъ это противно и
они смѣются. Поэтому еще болѣе нужно усилить плачъ; мы такъ
безумны и безчувственны, что не понимаемъ своего безумія и
смѣемся тому, о чемъ слѣдуетъ рыдать. *Открывается, человѣче,
звѣвъ съ небесе на всякое нечестіе и неправду человековъ* (Рим. i,
18). *Богъ явъ пріидеть: огонь предъ нимъ возгорится и окрестъ его
буря зѣльна* (Псал. clix, 3). *Огонь предъ нимъ предѣидеть, и поалитъ
окрестъ враги его* (Псал. xcvi, 3). *День Господень, яко пещь, горящъ*
(Малах. iv, 1). Но никто не думаетъ объ этомъ; хуже басней
считаютъ и презираютъ столь страшныя и ужасныя вещи; никто
не слушаетъ; всѣ смѣются и хохочутъ. Какая же будетъ намъ
польза? Откуда мы получимъ спасеніе? Мы погибли, истощились,
165 сдѣлались посмѣшищемъ враговъ нашихъ и предметомъ пору-
ганій для язычниковъ и демоновъ.

4. Гордится, надмевается и радуется теперь діаволъ; ангелы
же, которымъ мы ввѣрены, стыдятся и скорбятъ. Нѣтъ никого,
кто бы исправился; всѣ труды наши напрасны, и вамъ кажется,
что мы говоримъ вздоръ. Благовременно и нынѣ воззвать къ
небу и, такъ какъ никто не слушаетъ, призвать во свидѣтели
стѣхін: *слыши небо и оуши земли, яко Господь возлагала* (Псал. i, 2).
Вы, еще не падшіе, подайте помощь, протяните руку падшимъ
отъ опьянѣнія, крѣпкіе—немоощнымъ, здравые умомъ—неистов-
ствующимъ, твердо стоящіе—колеблющимся; пусть никто, увѣще-
ваю васъ, не ставитъ пріятность выше спасенія ближняго; и уко-
ризы, и внушенія пусть клонятся къ одному—къ его пользѣ.
Когда горячка овладѣваетъ господами, тогда и слуги управляютъ
ими; когда душа господина находится въ жару и разслабленіи,
тогда изъ толпы слугъ, окружающихъ его, ни одинъ не испол-
няетъ повелѣній господина ко вреду его. Образумимся, прошу
васъ; вокругъ насъ ежедневныя войны, потопленія, безчислен-
ныя несчастія, и гнѣвъ Божій со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ.
А мы остаемся такъ спокойными, какъ будто мы дѣлаемъ угод-
ное (Богу); всѣ мы простираемъ руки на любостяжаніе, и ни-
кто—на вспомошествованіе (ближнимъ); всѣ—на хищеніе, и ни-
кто—на помощь; каждый старается, какъ бы увеличить свое со-
стояніе, и никто—какъ бы помочь нуждающемуся; каждый вся-
чески заботится, какъ бы собрать болѣе денегъ, и никто—какъ
бы спасти свою душу; всѣ боятся одного, какъ бы не сдѣлаться
бѣдными, а какъ бы не попасть въ геенну, о томъ никто не без-

покоится и не трепещеть. Все это достойно слезъ, укоризнъ и осужденія. Не хотѣлъ бы я говорить объ этомъ, но скорбь нуждается меня; простите: скорбь заставляетъ меня говорить многое такое, чего бы и не хотѣлъ. Я вижу рану тяжкую, несчастіе неутѣшное, постигшія насъ бѣдствія, превышающія всякое утѣшеніе,—мы погибли! *Кто дастъ главѣ моей воду и очесемъ моими источниками слезъ, да плачуся* (Іер. ix, 1)? Будемъ плакать, возлюбленные, плакать и рыдать. Можетъ быть, нѣкоторые здѣсь говорятъ: все-то намъ онъ говорить о плачѣ, все-то о слезахъ. Не хотѣлъ бы я, повѣрьте мнѣ, не хотѣлъ бы (говорить объ этомъ),—напротивъ, (хотѣлъ бы) восхвалять и прославлять; но теперь время слезъ. Не плакать тяжело, возлюбленные, но дѣлать то, что достойно слезъ; не слезъ должно убѣгать, а тѣхъ дѣлъ, которыя достойны слезъ. Не казни самъ себя, и я не буду скорбѣть; не умирай, и я не буду плакать. Когда лежитъ мертвецъ, тогда ты призываешь всѣхъ участвовать въ скорби и называешь безжалостными тѣхъ, которые не плачутъ; а когда погибаетъ душа, то почему ты совѣтуешь не плакать? Но я не могу быть отцемъ, и не плакать; я—нѣжно любящій отецъ. Послушайте, что говоритъ Павелъ: *чадца моя, имжеже наци болѣзную* (Гал. iv, 19). Какая мать во время дѣторожденія издаетъ столь горькіе вопли, какъ онъ? Если бы можно было видѣть жаръ внутри души моей, то ты увидѣлъ бы, что я стараю отъ него болѣе всякой жены или дѣвы, подвергшейся преждевременному сиротству. Не столько жена плачетъ о своемъ мужѣ или мать о сынѣ, сколько я о всѣхъ васъ вообще. Я не вижу никакого успѣха; все обращается въ клевету и осужденіе. Никто не старается угождать Богу; мы только апословимъ то того, то другого, и говоримъ: такой-то недостойнъ быть въ клирѣ, такой-то живетъ нечестиво. Тогда какъ намъ слѣдовало бы оплакивать собственные пороки, мы осуждаемъ другихъ, между тѣмъ какъ не должны дѣлать этого и въ томъ случаѣ, если бы мы были чисты отъ грѣховъ: *кто бо тя разсуждаетъ, говорить* (апостоль), *что же имамы, егжеже нѣси пріѣлъ? Аще же и пріѣлъ еси, что хвалимися, яко не пріемъ* (1 Кор. iv, 7)? Какъ ты осуждаешь брата своего, будучи самъ исполненъ безчисленнаго множества золъ? Когда ты скажешь: такой-то человѣкъ злой, вредный, порочный, тогда обрати вниманіе на себя самого, разбери тщательно свои дѣла,—и ты раскаешься въ словахъ своихъ. Нѣтъ, подлинно нѣтъ такого сильнаго побужденія къ добродѣтели, какъ воспоминаніе о своихъ грѣхахъ. Если мы будемъ постоянно исполнять эти два (правила), то сможемъ получить обѣтованныя блага, сможемъ очистить себя самихъ и омыться; только намъ нужно

вкоренить это въ умъ своемъ, нужно позаботиться объ этомъ, возлюбленные. Предадимся же мысленно скорби здѣсь, чтобы тамъ не испытать скорби отъ наказанія, но чтобы насладиться вѣчными благами, гдѣ нѣтъ болѣзни, печали и воздыханія, чтобы достигнуть вѣчныхъ благъ, превосходящихъ умъ человѣческій, во Христѣ Иисусѣ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIV.

165 По вѣрѣ умроша сія вси, не приѣмше обѣтованій, но издалеча видѣвши я и цѣловавше, и исповѣдавши, яко страннии и пришельцы суть на земли. Ибо таковая глаголющїи являются, яко отечествїа взыскують. И аще бы убо оно помнили, изъ негоже изыдоша, имѣли бы время возвратитися: нынѣ же лучшаго желаютъ, сирѣчь небеснаго. Тѣмже не стыдится сими Богъ, Богъ нарицатися ихъ: уготова бо имъ градъ (Евр. xi, 13—17).

1. Первая добродѣтель, и добродѣтель всеобщая состоитъ въ томъ, чтобы быть странникомъ и пришельцемъ въ этомъ мірѣ и не имѣть ничего общаго съ здѣшними вещами, но быть въ такомъ отношеніи къ нимъ, какъ къ чуждымъ для насъ,--подобно 166 тѣмъ блаженнымъ ученикамъ, о которыхъ (апостолъ) говоритъ: *проидоша въ милоуяхъ и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бѣ достоинъ міръ* (Евр. xi, 37, 38). Они называли себя странниками, а Павелъ сказалъ о себѣ еще нѣчто большее: онъ не только называлъ себя странникомъ, но говорилъ, что онъ мертвъ для міра и міръ мертвъ для него: *миѣ*, говоритъ онъ, *міръ распяся, и азъ міру* (Гал. vi, 14). А мы ведемъ себя, какъ (здѣшніе) граждане, и устрояемъ всѣ дѣла свои въ жизни такъ, какъ живые граждане. Чѣмъ праведники были для міра, т. е. странниками и мертвыми, то мы для неба; а чѣмъ были они для неба, т. е. живыми гражданами, то мы для міра. Потому мы и 167 мертвы, что уклонились отъ истинной жизни и избрали временную; тѣмъ мы и прогнѣваемъ Бога, что не хотимъ отстать отъ земныхъ благъ, тогда какъ намъ уготовано небесное блаженство, но, подобно червямъ, пресмыкаемся изъ одной земли въ другую, и изъ этой опять возвращаемся въ ту, и вообще нисколько не хотимъ опомниться и отстать отъ дѣлъ человѣческихъ, но, какъ бы погрузившись въ глубокий сонъ или одурѣвъ отъ опьяненія, увлекаемся мечтами. Какъ люди, предающіеся сладкому сну, не только ночью, но и при наступленіи утра и даже свѣтлаго дня,

лежать въ постели и не стыдятся предаваться такому удовольствію, обращая время труда и дѣятельности въ время сна и лѣности, такъ и мы, съ приближеніемъ дня, по прошествіи ночи, или лучше сказать, уже по наступленіи дня, — а сказано: дѣлайте, *дондеже день есть* (Іоан. ix, 4), — совершаемъ дѣла, свойственныя ночи, спимъ, видимъ сны, услаждаемся мечтаніями. Сомкнулись наши очи—и умственные, и тѣлесныя; мы ведемъ пустыя рѣчи, говоримъ вздоръ. Мы не почувствовали бы, если бы кто-нибудь нанесъ намъ глубокую рану, похитилъ все наше имущество и зажегъ самый домъ; или лучше сказать, мы даже не ожидаемъ, чтобы другіе сдѣлали это, но сами поступаемъ такъ, каждодневно уязвляемъ и поражаемъ сами себя, безстыдствуемъ, не знаемъ никакого приличія, никакой чести, и своихъ постыдныхъ дѣлъ ни сами не скрываемъ, ни другимъ не позволяемъ дѣлать это, но съ полнымъ безстыдствомъ дѣлаемъ себя посмѣшищемъ и предметомъ безчисленныхъ поруганій для всѣхъ видящихъ и проходящихъ. Развѣ вы не знаете, что и сами порочные люди смѣются надъ подобными себѣ и осуждаютъ ихъ? Богъ вложилъ въ насъ судилище неподкупное и никогда неизмѣнное, хотя бы мы впали въ глубину зла; потому и сами порочные люди осуждаютъ самихъ себя, и, если кто-нибудь назоветъ ихъ гѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ, стыдятся, гнѣваются, обижаются. Такъ, если не на дѣлѣ, то на словахъ, они въ совѣсти осуждаютъ свои поступки, или лучше, осуждаютъ и на дѣлѣ. Въдѣ если они скрытно и тайно совершаютъ дѣла свои, то этимъ даютъ ясное доказательство того мнѣнія, которое имѣютъ они объ этихъ дѣлахъ. Зло такъ очевидно, что всѣ осуждаютъ его, даже и тѣ, которые его совершаютъ; а добродѣтель такова, что ей удивляются и тѣ, которые не слѣдуютъ ей. Блудникъ хвалитъ цѣломудріе, любостыжательный осуждаетъ несправедливость, раздражительный удивляется незлобію и порицаетъ малодушіе, а развратный—распутство. Почему же, скажешь, они сами дѣлаютъ это? По крайнему нерадѣнію, а не потому, чтобы они считали это добромъ; иначе они не стали бы стыдиться дѣлъ своихъ и отказываться отъ нихъ, когда кто-нибудь другой обличаетъ ихъ. Многіе, будучи обличены, не выносили стыда и умерщвляли сами себя: таково внутри насъ свидѣтельство того, что хорошо и пристойно; такъ добрая дѣла свѣтлѣе солнца, а противоположныя имъ гнусяще всего!

2. Святые были странниками и пришельцами. Какъ и ка- 168
кимъ образомъ? Гдѣ Авраамъ признаетъ себя странникомъ и
пришельцемъ? Можетъ быть и онъ признавалъ; а что признавалъ
себя такимъ Давидъ, это несомнѣнно. Послушай, что онъ самъ

говорить: *пресельникъ азъ есмь и пришлецъ, якоже вси отцы мои* (Псал. xxxviii, 13). Тѣ, которые жили въ шатрахъ и за деньги приобретали мѣста для погребенія, очевидно, были такими странниками, что даже не имѣли, гдѣ хоронить мертвецовъ своихъ. Что же? Не называли ли они себя странниками по отношенію только къ одной землѣ палестинской? Нѣтъ, по отношенію къ цѣлой вселенной,—и это справедливо: они не видѣли въ ней ничего такого, чего желали, но все было для нихъ странно и чуждо. Они хотѣли упражняться въ добродѣтели, а здѣсь было множество пороковъ, и потому все здѣшнее было для нихъ чуждо; они не имѣли ни одного друга, ни одного близкаго человѣка, кромѣ немногихъ. А какъ они были странниками? Они не заботились о здѣшнемъ и доказывали это не словами, а самыми дѣлами. Какъ и какимъ образомъ? (Богъ) сказалъ Аврааму: оставь мнимое отечество и иди въ землю чужую (Быт. xii, 1), — и онъ не остался тамъ по любви къ близкимъ, но безъ сожалѣнія покинулъ, какъ бы чужую землю. (Богъ) сказалъ ему: принеси (въ жертву) сына своего (Быт. xxi, 2), — и онъ принесъ его такъ, какъ бы вовсе не имѣлъ сына, принесъ такъ, какъ бы не былъ облеченъ человѣческою природою. Имущество свое онъ считалъ общимъ со всѣми приходящими, и ставилъ это ни во что; первое мѣсто предоставлялъ другимъ, подвергался опасностямъ, терпѣлъ безчисленные бѣдствія; не строилъ великолѣпныхъ домовъ, не роскошествовалъ, не заботился объ одеждѣ и ни о чемъ другомъ, что бываетъ въ здѣшнемъ мірѣ; напротивъ, жилъ жизнию горняго града, былъ страннолюбивъ, братолюбивъ, милосердъ, долготерпѣливъ, презиралъ имущество, настоящую славу и все прочее. Таковъ былъ и сынъ его. Когда его гнали и нападали на него, онъ не противился и уступалъ, какъ находящійся въ землѣ чужой,—вѣдь странники, чему бы ни подвергались, переносятъ все, такъ какъ находятся не въ отечествѣ. И лишеніе жены онъ переносилъ, какъ странникъ; онъ жилъ высшею жизнію, сохраняя цѣломудріе и всякое воздержаніе; родивши сына, онъ не имѣлъ общенія съ женою; а женился на ней уже тогда, когда прошелъ цвѣтъ юности,—показавъ, что онъ сдѣлалъ это не по страсти, но чтобы послужить исполненію обѣтованія Божія. А Іаковъ? Не искалъ ли онъ только одного хлѣба и одежды, такихъ потребностей, которыя свойственны истиннымъ странникамъ, пришедшимъ въ крайнюю бѣдность? Будучи гонимъ, онъ не уступалъ ли, какъ странникъ? Не работалъ ли по найму? Не терпѣлъ ли безчисленныхъ бѣдствій, путешествуя вездѣ, какъ странникъ? Переноса все это, они показывали, что ищутъ другого отечества. О, какое различіе! Они ежедневно томились желаніемъ освобо-

даться отсюда и возвратиться въ свое отечество; а мы — напротивъ. Когда случится какая-нибудь горячечная болѣзнь, то мы, бросивъ все, подобно малымъ дѣтямъ, плачемъ и боимся смерти, — и справедливо терпимъ это, потому что не живемъ здѣсь, какъ странники, и не спѣшимъ туда, какъ въ отечество, а идемъ, какъ на казнь. Потому мы и скорбимъ, что не пользуемся вещами, какъ должно, а извратили порядокъ вещей; потому мы и мучимся, тогда какъ слѣдовало бы радоваться; потому и трепещемъ, подобно какимъ-нибудь убійцамъ и разбойникамъ, когда имъ предстоитъ явиться на судъ и когда они припоминаютъ всѣ дѣла свои, и оттого страшатся и трепещутъ. Не таковы были тѣ мужи, но они сами спѣшили туда; а Павелъ даже воздыхаетъ о томъ, какъ онъ самъ говоритъ: *и сами сущи въ стѣны воздыхаемъ отягчаеми* (2 Кор. v, 4). Таковъ былъ Авраамъ и подобные ему; они были, говорятъ (апостолъ), странниками для цѣлой вселенной и искали отечества. Какого? Не того ли, которое оставили? Нѣтъ; чтò препятствовало имъ, если бы они хотѣли возвратиться туда и быть его гражданами? Они искали отечества небеснаго. Такъ спѣшили они удалиться отсюда и такъ угождали Богу; потому и самъ Богъ не стыдится называться Богомъ ихъ. О, какая честь! Онъ восхотѣлъ называться ихъ Богомъ. Но что, скажешь, важнаго въ томъ, что Онъ не стыдится называться Богомъ ихъ, когда Онъ называется Богомъ земли и Богомъ неба? Это важно, истинно важно, и служить знакомъ великаго блаженства. Почему? Потому, что Онъ называется Богомъ неба и земли такъ же, какъ и Богомъ язычниковъ; Онъ Богъ неба и земли, какъ Творецъ и Устроитель ихъ; а (Богомъ) тѣхъ святыхъ Онъ называется не въ этомъ смыслѣ, а какъ близкій другъ ихъ. Объясню вамъ это примѣромъ. Напримѣръ: въ большихъ домахъ, когда нѣкоторые изъ главнѣйшихъ слугъ отличаются предъ другими и при томъ весьма отличаются, управляютъ всѣмъ и имѣютъ великое дѣленіе предъ господами, тогда господинъ называется по ихъ имени; и многіе такъ называются. Но что я говорю? Подобно тому, какъ могъ Онъ называться Богомъ не язычниковъ, а вселенной, такъ точно могъ Онъ называться и Богомъ Авраама. Вы не знаете, какая честь заключается въ этомъ, потому что мы не имѣемъ ея. Нынѣ Богъ называется Господомъ всѣхъ христіанъ, хотя и это выше нашего достоинства; если же Онъ называется Богомъ одного человѣка, то подумай, сколько въ этомъ величія! Богъ вселенной не стыдится называться Богомъ троихъ человѣкъ, — и справедливо, потому что святые равняются не только этому міру, но и безчисленному множеству ихъ: *лучше бо единъ творяй волю Господа, нежели тысяща грѣшникъ* (Сир. xvi, 3).

Итакъ очевидно, что они называли себя странниками въ этомъ смыслѣ. Положимъ даже, что они называли себя странниками по чужой землѣ: тогда что говорить Давидъ? Развѣ онъ не былъ царемъ, не былъ пророкомъ? Развѣ онъ жилъ не въ своемъ отечествѣ? Почему же онъ говорить: *пресельникъ азъ есмь и пришлецъ*? Какъ—*пресельникъ*? *Якоже*, говорить, *вси отцы мои*. Видишь ли, что и они были пресельники? У насъ, говорить, нынѣ есть отечество, но не истинное отечество. Какъ — *пришлецъ*? Земли; слѣдовательно и они были пришельцы земли. Какъ они, такъ и онъ, и какъ онъ, такъ и они.

3. Будемъ же странниками и мы, по крайней мѣрѣ нынѣ, чтобы Богъ не стыдился называться нашимъ Богомъ. А для Него было бы стыдно, если бы Онъ назывался Богомъ людей порочныхъ; такихъ Онъ и самъ стыдится, и напротивъ считаетъ честію для себя быть Богомъ людей добрыхъ, честныхъ и упражняющихся въ добродѣтели. И мы отказываемся называться господами нашихъ дурныхъ рабовъ и отвергаемъ ихъ; когда кто-
 170 нибудь, пришедши, скажетъ намъ: такой-то сдѣлалъ много дурного, не твой ли онъ слуга?—тогда мы тотчасъ говоримъ: нѣтъ, чтобы отклонить отъ себя позоръ, потому что есть отношеніе между рабомъ и господиномъ, и безславіе переходитъ съ перваго на послѣдняго; тѣмъ болѣе (стыдится) Богъ. Но тѣ мужи были такъ славны, такъ много имѣли дерзновенія (предъ Богомъ), что Онъ не только не стыдился называться ихъ (Богомъ), но и самъ говорилъ: *азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Иаковъ* (Исх. iii, 6). Будемъ, возлюбленные, и мы странниками, чтобы не стыдился насъ Богъ, чтобы не стыдился и не предалъ гееннѣ. Таковы были тѣ, которые говорили: *Господи, не въ твое ли имя пророчествовахомъ, и твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ* (Мк. vii, 22)? Но Христось, смотрите, что говорить имъ: *никогдаже знахъ васъ* (ст. 23), какъ поступили бы, чтобы отклонить отъ себя позоръ, и господа дурныхъ слугъ, прибѣгающихъ къ нимъ. Не знаю васъ, говорить Онъ. А какъ же Ты наказываешь тѣхъ, которыхъ не знаешь? Не знаю—говорить Онъ въ другомъ смыслѣ, т. е. отвергаю васъ, отказываюсь отъ васъ. Да не услышимъ и мы этого грознаго и страшнаго изреченія! Если тѣ, которые изгоняли бѣсовъ, пророчествовали, были отвергнуты за то, что вели жизнь не соотвѣтствующую словамъ, то не тѣмъ ли болѣе мы? Но какъ, скажешь, могутъ быть отвергнуты тѣ, которые пророчествовали, совершали чудеса и изгоняли бѣсовъ? Они могли въ послѣдствіи измѣниться и сдѣлаться порочными; потому и прежнія добродѣтели не принесли имъ никакой пользы. Нужно имѣть не только начало славное, но еще болѣе

славный конецъ. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, ораторъ не старается ли сдѣлать блистательнымъ заключеніе своей рѣчи, чтобы удалиться при рукоплесканіяхъ? Градоправитель не является ли болѣе блистательнымъ при концѣ своего правленія? Ратоборець, если не явитъ блистательнаго конца и не будетъ побѣдителемъ до конца, но, побѣдивъ всѣхъ, самъ будетъ побѣжденъ послѣднимъ, не лишается ли пользы отъ всѣхъ трудовъ своихъ? Кормчій, прошедшій цѣлое море, но у пристани разбившій корабль, не теряетъ ли всего прежняго труда своего? А врачъ? Если онъ, избавивъ больного отъ болѣзни, разстроитъ его тогда, когда могъ возстановить окончательно, то не портитъ ли всего дѣла? Такъ бываетъ и съ добродѣтелию: кто къ началу ея не прилагаетъ надлежащаго и соотвѣтствующаго ему конца, тотъ губитъ все и погибаетъ. Таковы тѣ, которые вначалѣ весело и гордо выступили на поприще, а потомъ упали духомъ и ослабѣли; потому они и лишились награды и не признаны Владыкой.

Пусть слышать это тѣ изъ насъ, которые преданы сребролюбію. Оно—величайшее беззаконіе: *корень бо всѣмъ злымъ, говорить (апостолъ), сребролюбіе есть* (Тим. vi, 10). Пусть слышать тѣ изъ насъ, которые хотятъ увеличить свое состояніе,—пусть слышать и отстануть отъ любостыжанія, чтобы не услышать того, что услышали тѣ (отверженные Господомъ). Будемъ слушать теперь и соблюдать это, чтобы не услышать тогда; будемъ слушать теперь со страхомъ, чтобы тогда не услышать въ наказаніе: *отыдите отъ мене, николиже знахъ васъ*,—даже и тогда (не зналъ васъ), когда вы пророчествовали и изгоняли бѣсовъ. Можно думать, что въ этихъ словахъ выражается и еще нѣчто другое, именно то, что они и тогда вели жизнь порочную, такъ какъ вначалѣ благодать дѣйствовала и чрезъ людей недостойныхъ. Если она дѣйствовала даже чрезъ Валаама, то тѣмъ болѣе могла дѣйствовать чрезъ недостойныхъ, для тѣхъ, которые имѣли получить отъ того пользу. Если же чудеса и знаменія не могли набавить отъ наказанія, то тѣмъ болѣе, хотя бы кто получилъ священный санъ, хотя бы достигъ высшей чести, хотя бы благодать дѣйствовала при рукоположеніи его и во всемъ прочемъ, для пользы нуждающихся въ предстоятеляхъ,—такой услышитъ: *николиже знахъ тебя, даже и тогда, когда дѣйствовала въ тебѣ благодать*. О, какая требуется тамъ чистота жизни! Какъ она одна сильна для того, чтобы ввести насъ въ царствіе небесное! Какъ безъ нея человѣкъ погибаетъ, хотя бы онъ могъ являть безчисленные знаменія и чудеса! Ничто не бываетъ такъ пріятно Богу, какъ добродѣтельная жизнь: *еще любите мя, говоритъ (Господь),—не сказали: творите чудеса, но что?—заповѣди моя со-*

блюдите (Іоан. хіу, 15); и еще: *вы друзи мои есте*,—не тогда, когда изгоняете бѣсовъ, но—*еще словеса моя соблюдете* (Іоан. ху, 9, 14). Первое—даръ Божій; а послѣднее—и даръ Божій и вмѣстѣ дѣло нашего усердія. Постараемся же сдѣлаться друзьями Божиими, а не остаться врагами Его. Непрестанно мы говоримъ это, непрестанно убѣждаемъ къ этому и себя самихъ и васъ,—и однако нѣтъ никакого успѣха. Потому я и страшусь, и хотѣлъ бы молчать, чтобы не увеличить для васъ опасности, такъ какъ часто слышать и не поступать такъ—значитъ оскорблять Владыку. Но боюсь и другой опасности отъ молчанія для меня самого, если бы я, поставленный на служеніе слову, сталъ молчать. Что же, скажете, дѣлать намъ, чтобы спастись? Начнемъ упражняться въ добродѣтеляхъ, пока есть время. Раздѣлимъ для себя добродѣтели, какъ земледѣльцы раздѣляютъ земледѣліе; въ одинъ мѣсяцъ преодолѣмъ въ себѣ склонность къ злословію, дерзость, 172 несправедливый гнѣвъ, положимъ для себя закономъ и скажемъ: нынѣ исправимъ это; въ другой мѣсяцъ поучимся терпѣнію; въ третій—еще иной добродѣтели, и, приобрѣтши въ ней навыкъ, перейдемъ къ новой, подобно тому, какъ въ ученіи мы, сохраняя прежнее, приобрѣтаемъ новое. Послѣ того перейдемъ къ презрѣнію богатства, и, во-первыхъ, будемъ удерживать руки отъ любостыжанія, а потомъ, творить милостыню; не будемъ смѣшивать всего вмѣстѣ,—одними и тѣми же руками и похищать, и подавать милостыню. Затѣмъ приступимъ къ другой добродѣтели, а отъ нея еще къ иной. *Сквернословіе*, говоритъ (апостоль), *и бусловіе, и кощунны, ниже да именуется съ васъ* (Ефес. у, 3, 4). Исполнимъ и это. Здѣсь не требуется ни издержекъ, ни трудовъ, ни усилій. Довольно только хотѣть,—и все сдѣлается. Не нужно для этого предпринимать далекаго путешествія, или переплывать безпредѣльное море, но только постараться, оказать усердіе и наложить узду на языкъ противъ неумѣстныхъ оскорбленій. Исторгнемъ изъ души своей гнѣвъ, порочныя похоти, склонность къ чувственнымъ удовольствіямъ и роскоши, сребролюбіе, навыкъ къ клятвамъ и къ клятвопреступленіямъ. Если мы будемъ такимъ образомъ воздѣлывать самихъ себя, сначала исторгая терніе, а потомъ насаждая небесное сѣмя, то сможемъ получить обѣщанныя блага. Придетъ Дѣлатель, соберетъ насъ въ житницу, и тогда мы получимъ всѣ блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXV.

Вѣрою приведе Авраамъ Исаака искушаемъ, и едино- 171
роднаго приношаше, обѣтованія пріемый, къ нему же
глаголаше бысть: о Исаацѣ наречется тебѣ сѣмя: по-
мысливъ, яко и изъ мертвыхъ воскресити силенъ есть
Богъ: тѣмъ же того и въ притчи пріять (Евр. xi, 17—19).

1. Поистинѣ, велика вѣра Авраама. Въ Авелѣ, Ноѣ и Енохѣ
происходила только борьба мыслей и нужно было стать выше
человѣческихъ помысловъ; а здѣсь нужно было стать не только
выше человѣческихъ помысловъ, но показать еще нѣчто большее:
здѣсь божественное повидимому противорѣчило божественному
же, вѣра—вѣрѣ, повелѣніе—обѣтованію. Такъ, (Богъ) сказалъ
ему: *изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и дамъ тебѣ землю*
сію (Быт. xii, 1; xiii, 15), и однако не далъ ему въ ней наслѣдія.
даже ни на одинъ шагъ. Видишь ли, какъ событія противорѣ-
чили обѣтованію? Еще сказалъ: *во Исаацѣ наречется тебѣ сѣмя*
(Быт. xxi, 12), и (Авраамъ) повѣрилъ; и еще: *принеси мнѣ въ*
жертву того, который имѣетъ наполнить всю вселенную своимъ
потомствомъ. Видишь ли противорѣчіе повелѣній обѣтованію?
Онъ повелѣвалъ противное обѣтованіямъ, и однако праведникъ
не смущался и не считалъ себя обманутымъ. А вы, говоритъ
(апостолъ), не можете сказать, что Онъ обѣщалъ вамъ покой и
послалъ скорбь; вамъ Онъ, что обѣщалъ, то и дѣлаетъ. Какъ это? 172
Въ міръ, говорилъ Онъ, скорби будете (Іоан. xvi, 33); *уже не при-*
имаетъ креста своего и въ слѣдъ мене грядетъ, кто мене достоинъ
(Мѡ. x, 38); *кто не возненавидитъ душу свою, не обратитъ ю; и:*
уже не отречется всего своего имѣнія, и въ слѣдъ мене грядетъ.
гдѣсь мене достоинъ (Лук. xiv, 26, 33); и еще: *предъ владыки и*
цари седети будете мене ради (Мѡ. x, 18); и еще: *врази челоуку*
домашни его (Мѡ. x, 36). Здѣсь скорби, а покой тамъ. Съ Авра-
амомъ же было напротивъ: ему повелѣно было дѣлать противное
обѣтованіямъ, и однако онъ не смущался, не колебался и не
считалъ себя обманутымъ. А вы не терпите ничего такого, что
было бы чуждо обѣтованію, и смущаетесь. Онъ слышалъ против-
ное обѣщанному отъ самого Обѣщавшаго, и не смущался, но
исполнялъ, какъ согласное (съ обѣтованіемъ); и дѣйствительно
оно было согласно; оно противно было помысламъ человѣческимъ,
но согласно съ вѣрою; а какимъ образомъ, это апостолъ самъ
объяснилъ намъ, сказавъ: *помысливъ, яко и изъ мертвыхъ воскре-*
сити силенъ есть Богъ. Смыслъ словъ его слѣдующій: по той же
вѣрѣ, по которой онъ вѣровалъ, что Богъ дастъ ему сына, кото-

раго у него не было, по той же вѣрѣ онъ былъ убѣжденъ, что Богъ воскреситъ и мертваго, воскреситъ закланнаго. Одинаково было чудно, т. е. по человѣческому соображенію, какъ то, что 173 родится сынъ отъ утробы омертвѣвшей, устарѣвшей и уже сдѣлавшейся неспособною къ дѣторожденію, такъ и то, что закланный воскреснетъ,—и однако онъ вѣрилъ; прежняя вѣра руководила его (къ вѣрѣ) и въ будущее. Съ другой стороны, онъ испыталъ пріятное сначала, а прискорбное—напослѣдокъ, въ старости; а съ вами, говоритъ (апостоль), происходитъ напротивъ: прискорбное прежде, а пріятное послѣ. Это сказано къ тѣмъ, которые осмѣливаются говорить, что Богъ, обѣщавъ намъ блага послѣ смерти, быть можетъ, обманулъ насъ. Богъ силенъ, говоритъ, и изъ мертвыхъ воскреситъ; если же Богъ силенъ и изъ мертвыхъ воскреситъ, то конечно воздастъ намъ все; и если Авраамъ вѣрилъ за столько лѣтъ, что Богъ силенъ воскреситъ изъ мертвыхъ, то тѣмъ болѣе мы должны вѣрить этому. Видишь ли, что Богъ, какъ я выше сказалъ, еще прежде нежели вошла смерть, возбуждалъ въ праотцахъ надежду воскресенія и приводилъ ихъ къ такому убѣжденію, что они, по повелѣнію Его, приносили въ жертву своихъ сыновей, чрезъ которыхъ надѣялись наполнить вселенную, и закалали ихъ съ готовностію? И еще нѣчто другое (апостоль) выражаетъ здѣсь словами: Богъ искушалъ Авраама. Что же такое? Развѣ Богъ не зналъ, что онъ былъ мужъ терпѣливый и доблестный? Совершенно зналъ. Если же зналъ, то для чего искушалъ его? Не для того, чтобы самому узнать, но чтобы другимъ показать и для всѣхъ сдѣлать очевиднымъ его мужество. (Апостоль) показываетъ здѣсь причину искушеній, чтобы не думали, будто они страдаютъ потому, что оставлены Богомъ. Намъ здѣсь неизбежно подвергаться искушеніямъ, такъ какъ много есть гонителей и строящихъ козни; а тамъ какая была нужда изобрѣтать искушенія, которыхъ не было? Очевидно, что это искушеніе было по Его повелѣнію. Другія искушенія бывають по Его попущенію, а это было по Его повелѣнію. Если же искушенія дѣлають людей столь славными, что Богъ и безъ причины подвергаетъ имъ своихъ подвижниковъ, то тѣмъ болѣе мы должны переносить все мужественно. Выразительно здѣсь (апостоль) сказалъ, что *спроу приведе Исаака искушаемъ*; не было никакой другой причины принесенія (Исаака въ жертву), кромѣ этой. И далѣе онъ раскрываетъ ту же мысль. Не можетъ, говоритъ онъ, никто сказать, что онъ имѣлъ другого сына и отъ него ожидалъ исполненія обѣтованія, а потому смѣло приносилъ Исаака въ жертву: *и единороднаго*, говоритъ, *приношаеши, обѣтованія пріемый*. Какъ—единороднаго? А Измаиль? Онъ откуда? Называю единород-

нымъ, говорить, по отношенію къ обѣтованію; и потому, сказавъ: *единороднаго*, и желая показать, что въ этомъ смыслѣ такъ называется его, присовокупляетъ: *къ нему же глаголаю бысть: о Исаакъ наречется тебѣ сѣмя*, т. е. отъ него. Видишь ли, какъ удивительно поступокъ патриарха? Ему сказано было: *о Исаакъ наречется тебѣ сѣмя*, и однако онъ приносилъ сына въ жертву. Далѣе, чтобы кто-нибудь не подумалъ, будто онъ сдѣлалъ это въ отчаяніи и принятіемъ такого повелѣнія оставилъ прежнюю вѣру, а напротивъ убѣдился, что и этотъ поступокъ подлинно былъ дѣломъ вѣры, (апостолъ) говорить, что и адѣс онъ имѣлъ вѣру, и хотя она повидимому противорѣчила прежней, однако онъ не противился, потому что не измѣрялъ силы Божіей человѣческими сужденіями, а представлялъ все вѣрѣ. Потому онъ и не убоялся сказать, что *и изъ мертвыхъ воскресити силенъ есть Богъ. Тѣмъ же* 174 *того и съ притчи пріятъ*, т. е. въ образѣ, въ овнѣ. Какимъ образомъ? Закланіемъ въ жертву овна былъ спасенъ (Исаакъ), такъ что за овна онъ получилъ сына, заклавши въ жертву перваго вмѣсто послѣдняго. Это было нѣкоторымъ прообразомъ; адѣс былъ прообразованъ Сынъ Божій, закалаемый въ жертву. И замѣть, какъ велико человѣколюбіе Божіе. Такъ какъ Онъ имѣлъ даровать людямъ великую благодать, то, желая сдѣлать это не даромъ, а какъ бы должникъ, Онъ устрояетъ, что сперва человѣкъ отдаетъ сына своего по повелѣнію Божію,—чтобы не казалось великимъ дѣломъ то, что Онъ самъ отдаетъ собственнаго Сына, послѣ того какъ человѣкъ сдѣлалъ это прежде Него,—чтобы не думали, что Онъ дѣлаетъ это даромъ, но и по долгу. Кого мы любимъ, тому стараемся доставить и то, чтобы казалось, будто мы напередъ получили отъ него какую-нибудь малость, и потомъ отдаемъ ему все, и хвалимся не столько даннымъ, сколько полученнымъ отъ него,—не говоримъ: мы дали ему то-то, но: мы получили отъ него то-то. *Тѣмъ же*, говорить, *того и съ притчи пріятъ*, т. е. въ образѣ, такъ какъ овенъ былъ притчей Исаака, или образомъ. Такъ какъ жертва была совершена и Исаакъ былъ закланъ въ намѣреніи (Авраама), то Богъ и даровалъ его патриарху.

2. Видишь ли, какъ и отсюда открывается то, о чемъ я постоянно говорю? Когда мы сдѣлаемъ умъ свой совершеннымъ и покажемъ, что мы презираемъ земныя вещи, тогда Богъ даруетъ намъ и земное, но не прежде того,—чтобы мы, привязанные къ земнымъ благамъ, получивши ихъ, еще болѣе не привязались къ нимъ. Отрѣши себя напередъ отъ рабства, говорить Онъ, и тогда получай,—чтобы ты получилъ не какъ рабъ, но какъ господинъ; презирай богатство, и будешь богатымъ; прези-

рай славу, и будешь въ славѣ; презирай мщеніе врагамъ, и отмстишь имъ; презирай покой, и получишь его,—чтобы, получая, ты получалъ не какъ узникъ или рабъ, но какъ свободный. Съ малыми дѣтьми мы поступаемъ такъ: когда дитя сильно желаетъ дѣтскихъ игрушекъ, то мы тщательно скрываемъ ихъ отъ него, напр. мячъ, или что-нибудь другое, чтобы оно не отвлекалось отъ необходимыхъ занятій; а когда оно не обращаетъ на нихъ вниманія и не желаетъ ихъ, тогда мы безъ опасенія даемъ ихъ, зная, что отъ этого не будетъ ему никакого вреда и эта забава не сможетъ отклонить его отъ необходимыхъ занятій. Такъ и Богъ поступаетъ съ нами: когда Онъ видитъ, что мы не желаемъ земныхъ (благъ), то позволяетъ намъ пользоваться ими, потому что тогда мы владѣемъ ими, какъ свободные и какъ мужи, а не какъ дѣти. А что дѣйствительно, когда ты будешь презирать мщеніе врагамъ, тогда и отмстишь имъ, объ этомъ, послушай, что говоритъ (апостолъ): *аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его: аще ли жаждетъ, напои его, и прибавляетъ: сіе бо твою, угліе огненно собираеши на главу его* (Рим. хп, 20). Что дѣйствительно, когда ты будешь презирать богатство, тогда получишь его, объ этомъ послушай, что Христосъ говоритъ: *всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или отца, или мать, сторицею прииметъ, и живетъ вѣчный наследитъ* (Мѡ. хіх, 29). Что дѣйствительно, когда ты будешь презирать славу, тогда получишь ее, объ этомъ послушай, что опять Христосъ говоритъ: *иже аще хочетъ въ васъ первый быти, да будетъ вамъ слуга; и еще: смиряйся вознесетъ* (Мѡ. хх, 26; ххш, 12). Что говоришь ты? Если я даю пить врагу, то наказываю его? Если раздаю имущество, то владѣю имъ? Если смирюсь, то дѣлаюсь высокимъ? Да, говоритъ, такова моя сила; она производитъ противоположное чрезъ противоположное; Я богатъ и премудръ,—не бойся; природа вещей повинуется моему волѣ, а не Я слѣдую природѣ; Я все совершаю, а не другое что-нибудь руководитъ мною; потому Я могу перемѣнить и преобразовать все. И удивительно ли, что такъ бываетъ въ такихъ вещахъ, когда то же самое бываетъ и во всемъ другомъ?

Такъ, когда ты вредишь (другому), тогда вредишь самому себѣ; а когда тебѣ вредятъ (другіе), тогда ты не терпишь вреда; когда ты мстишь, тогда (не другому) мстишь, а себѣ самому. Кто любитъ неправду, говоритъ (Премудрый), тотъ *ненавидитъ свою душу* (Притч. ххх, 24). Видишь ли, что въ такомъ случаѣ ты не (другому) вредишь, а себѣ самому? Потому и говоритъ Павелъ: *почто не паче обидими есте* (1 Кор. vi, 7)? Видишь ли, что это не значитъ—терпѣть вредъ? Когда ты обижаешь (другого), тогда обижаешь самого себя. Это отчасти многимъ извѣст-

но: иногда говорятъ другъ другу: отойдемъ отсюда, чтобы не унижить самихъ себя. Почему? Потому, что велико различіе между тобою (оскорбляющимъ) и имъ (оскорбляемымъ); какія бы ты ни причинилъ ему оскорбленія, они обращаются ему въ честь. Будемъ такъ разсуждать всегда, и мы станемъ выше оскорбленій; а какимъ образомъ, это я объясню. Если бы мы стали враждовать противъ носящаго порфиру, то оскорбленія, направленныя на него, обратились бы на насъ самихъ, такъ какъ, порицая его, мы сами дѣлаемся достойными порицанія. Что же, скажи мнѣ, твои слова значать? Будучи гражданиномъ неба, обладая горнимъ любомудріемъ, для чего ты унижаешь себя самого наравнѣ съ тѣмъ, который помышляетъ только о земномъ? Хотя бы у врага твоего было несчетное имущество, хотя бы у него была власть, онъ не знаетъ твоего добра. Не унижай же себя, оскорбляя его; пощади себя, не его; воздай честь себѣ, не ему. Не говоритъ ли пословица: кто почитаетъ (другого), тотъ почитаетъ самого себя? И справедливо: не его онъ почитаетъ, а себя самого. Послушай словъ Премудраго, который говоритъ: *даждь душѣ твоей честь по достоинству ея* (Сир. х, 31). Что значить: *по достоинству ея*? Если кто, говоритъ, обманулъ тебя изъ любостыжанія, не дѣлай того же; если оскорбилъ, не оскорбляй. Скажи мнѣ, прошу тебя: если какой-нибудь бѣднякъ возьметъ кусокъ грязи, валявшійся на дворѣ твоемъ, то неужели ты поведешь его за это въ судилище? Нѣтъ. Почему? Чтобы не унижить себя самого, чтобы не стали всѣ осуждать тебя. Такъ и адѣсь. Богачъ есть бѣднякъ; и чѣмъ болѣе онъ богатѣетъ, тѣмъ болѣе становится бѣднымъ истинною бѣдностію. Золото—это грязь, брошенная на дворѣ, а не лежащая въ твоемъ домѣ; домъ же твой—небо. Потому, если ты за это позовешь его въ судилище, то не осудятъ ли тебя горніе граждане? Не извергнуть ли они тебя изъ своего отечества,—тебя, который такъ низко, такъ презрѣнъ, что изъ за малаго куска грязи рѣшаешься вести тяжбу? Если бы даже весь міръ былъ твоимъ и кто-нибудь отнял его у тебя, то и тогда тебѣ слѣдовало бы только отвернуться отъ него.

3. Развѣ ты не знаешь, что если увеличишь вселенную въ десять разъ, или во сто, или въ десять тысячъ, или вдвое противъ этого, и тогда она даже въ малой долѣ не сравнится съ 176 благами небесными? Кто восхищается адѣшскими благами, тотъ оскорбляетъ тамошнія, если онъ считаетъ достойными привязанности первыя, такъ далеко отстоящія отъ послѣднихъ; а лучше сказать, онъ и не въ состояніи восхищаться послѣдними,—какъ въ самомъ дѣлѣ (онъ можетъ быть способнымъ къ этому), при-

страстившись къ первымъ? Расторгнемъ же когда-нибудь, увѣщаваю васъ, эти цѣпи и сѣти,—т. е. земныя дѣла. Доколѣ мы будемъ наклоняться къ землѣ? Доколѣ будемъ строить козни другъ другу, подобно звѣрямъ или рыбамъ? Впрочемъ и звѣри не строятъ козней сроднымъ себѣ, но разнороднымъ; такъ, медвѣдь не скоро убьетъ медвѣдя, змѣя не убьетъ змѣи, уважая сродство; а ты даже того, кто сроденъ тебѣ и съ кѣмъ ты имѣешь безчисленныя соотношенія,—одинаковость происхожденія, разумность, познаніе Бога, силу надъ природою и многое другое безъ числа,—ты своего сродника, имѣющаго одну съ тобою природу, убиваешь и обременяешь множествомъ золъ. Что въ томъ, если ты не вонзаешь въ него меча и рукою не поражаешь его шеи? Ты дѣлаешь хуже этого, подвергая его постояннымъ скорбямъ. Если бы ты сдѣлалъ первое, то избавилъ бы его отъ заботъ; а теперь ты предаешь его голоду и рабству, отчаянію и многимъ другимъ грѣхамъ. Говорю это, и не перестану говорить, не для того, чтобы побуждать васъ къ убійству или совѣтовать—дѣлать зло меньшее, но чтобы вы не надѣялись остаться ненаказанными. Лишайя ближняго своего средствъ къ жизни и хлѣба, говоритъ (Премудрый), *убиваетъ* его (Сир. xxxiv, 21). Удержимъ руки свои, прошу васъ, удержимъ, или, лучше сказать, не удержимъ, но протянемъ ихъ на добро,—не на любостыжаніе, а на милостыню; пусть не будетъ рука наша безплодна и суха; суха же та рука, которая не творитъ милостыни, а та, которая простирается на любостыжаніе, скверна и нечиста. Никто пусть не вкушаетъ пищи съ такими руками, потому что это—обида для приглашенныхъ. Скажи мнѣ: если бы кто-нибудь пригласилъ насъ возлежать на коврахъ, мягкомъ ложѣ и вышитыхъ золотомъ одеждахъ, въ блестящемъ и великолѣпномъ домѣ, и, окруживъ насъ множествомъ слугъ, потомъ поставивъ столъ изъ серебра и золота и наполнивъ его различными роскошными яствами, просилъ кушать съ тѣмъ только условіемъ, чтобы мы не гнушались руками его, запачканными грязью или каломъ человѣческимъ, и позволили ему въ такомъ видѣ возлежать вмѣстѣ съ нами,—то вынесли ли бы кто такую казнь и не счелъ ли бы этого за обиду? Я думаю, что всякій тотчасъ убѣжалъ бы. Между тѣмъ теперь ты видишь не руки только запачканными грязью, но и самыя яства, и не отказываешься, не убѣгаешь, не обличаешь, но если человѣкъ со властію, то считаешь великимъ дѣломъ (быть у него) и губишь душу свою, вкушая такую пищу. Вѣдь любостыжаніе хуже всякой грязи; оно оскверняетъ не тѣло, но душу, такъ что трудно бываетъ очистить ее. А ты видишь за столомъ оскверненнаго этою грязью, видишь и руки, и лице его,

и домъ, и столъ наполненными ею,—подлинно же такіа яства сквернѣе и отвратительнѣе навоза, или что только есть еще худшаго,—возлежишь съ нимъ, считая это за честь для себя и 177 какъ бы получая удовольствіе? Или ты не стыдишься Павла, который позволяетъ безпрепятственно приступать даже къ столу язычниковъ, въ случаѣ нашего желанія, но запрещаетъ быть у любостяжателей, хотя бы даже мы того желали? *Аще, говорить онъ, нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ*, называя здѣсь братомъ всякаго вообще вѣрующаго, а не монаха. Въ самомъ дѣлѣ, что доставляетъ намъ братство? Бая пакыбітія, возможность—называть Бога отцемъ. Потому оглашенный, хотя бы онъ былъ монахомъ, не есть братъ; вѣрующій же, хотя бы онъ былъ міряниномъ, есть братъ. *Аще, говорить, нѣкій братъ именуемъ*. Тогда еще не было и слѣдовъ монашества,—все это блаженный (Павелъ) говорилъ мірянамъ. *Аще, говорить, нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или піаница, съ таковымъ ниже ясти* (1 Кор. v, 11). О язычникахъ онъ (говорить) не такъ,—а какъ? *Аще ли кто отъ нечистыхъ, разумѣя язычниковъ, призываетъ вы, и хотите ити, все предлагаемое вамъ ядите* (1 Кор. x, 27). *Аще же нѣкій братъ именуемъ будетъ піаница*.

4. Вотъ, какая строгость! А мы не только не убѣгаемъ отъ пьянствъ, но сами идемъ къ нимъ, чтобы участвовать въ дѣлахъ ихъ. Потому у насъ все извратилось, все смѣшалось, разстроилось и погнбло. Скажи мнѣ: если бы кто-нибудь изъ такихъ людей пригласилъ тебя на приготовленное пиршество,—тебя, который считаешься бѣднымъ и презрѣннымъ,—потомъ услышалъ бы отъ тебя: такъ какъ предлагаемое собрано любостяжаніемъ, то я не стану осквернять свою душу,—тогда онъ не устыдился ли бы, не смѣшался ли бы, не смутился ли бы? Дѣйствительно, одного этого было бы достаточно для его исправленія, для того, чтобы онъ считалъ себя несчастнымъ при богатствѣ своемъ, а 178 тебѣ удивлялся при бѣдности твоей, видя, съ какою разборчивостью ты пренебрегаешь имъ. Но мы, не знаю отчего, сдѣлались рабами людей, тогда какъ Павелъ непрестанно внушаетъ: *не будите раби челоуѣкомъ* (1 Кор. vii, 23). Отчего мы сдѣлались рабами людей? Оттого, что напередъ сдѣлались рабами чрева, богатства, славы и всего прочаго, утратили свободу, которую даровалъ намъ Христосъ. Что же, скажи мнѣ, будетъ съ тѣмъ, кто сдѣлался рабомъ? Послушай, что говорить Христосъ: *рабъ не пребываетъ въ дому во вѣкъ* (Іоан. viii, 35). Вотъ рѣшительный приговоръ, что онъ никогда не войдетъ въ царствіе (небесное),—потому что оно именно обозначается этимъ домомъ: *въ дому же отца моего, говорить (Господь), обители многи суть* (Іоан. xiv, 2).

Такимъ образомъ рабъ не пребываетъ въ домѣ во вѣкъ,—рабомъ называется Онъ раба грѣху,—а кто въ домѣ не пребываетъ во вѣкъ, тотъ пребываетъ во вѣкъ въ гееннѣ, ни откуда не получая утѣшенія. Но зло дошло до такой степени, что они изъ подобнаго имущества подаютъ даже милостыню, и многіе принимаютъ. Отъ этого мы лишились дерзновенія и уже не можемъ укорять никого. Будемъ же хотя отнынѣ убѣгать зла, которое происходитъ отсюда; а вы, которые осквернились этою нечистотою, удержитесь отъ такого зла и обуздайте свое пристрастіе къ подобнымъ пиршествамъ, чтобы намъ хотя нынѣ умиливать Бога и получить обѣщанныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVI

- 177 Вѣрою о грядущихъ благослови Исаакъ Іакова и Исава. Вѣрою Іаковъ умирая коегождо сына Іосифова благослови, и поклонися на верхъ жезла его. Вѣрою Іосифъ умирая, о исхожденіи сыновъ Израилевыхъ памятовалъ, и о костехъ своихъ заповѣда (Евр. xi, 20—22).

1. Мнози, говорить (Господь), *пророцы и праведницы возжелаша видѣти, яже видите, и не видѣша, и слышати, яже слышите, и не слышаша* (Мѣ. хш, 17). Неужели праведники знали все будущее? Конечно. Если Сынъ (Божій) не открывался тѣмъ, которые не могли принять Его по своей немощи, то безъ сомнѣнія открывался прославившимся добродѣтелями. Такъ и Павелъ говорить теперь, что они знали будущее, т. е. воскресеніе Христово. Ила это онъ говорить, или слова его: *вѣрою о будущихъ* относятся не къ будущему вѣку, а къ имѣющему быть здѣсь вполнѣдствіи. Иначе, какъ человѣкъ, находящійся въ чужой землѣ, могъ давать такіа благословенія? И съ другой стороны, почему онъ, получивъ благословеніе, самъ не испыталъ его исполненія? Видишь ли, что и объ Іаковѣ можно сказать то же, что я сказалъ объ Авраамѣ, т. е. что онъ не воспользовался благословеніемъ, но плоды этого благословенія перешли къ его потомкамъ, а онъ самъ видѣлъ ихъ въ будущемъ? Дѣйствительно, мы знаемъ, что 178 братъ его жилъ въ большемъ доводствѣ. Онъ проводилъ всю жизнь въ рабствѣ, работѣ, опасностяхъ, безпокойствахъ, огорченіяхъ и страхѣ, и на вопросъ фараона отвѣчалъ: *малы и злы*

быша дни мои (Быт. xlvii, 9); а тотъ—въ безопасности и полной свободѣ, и въ послѣдствіи былъ страшенъ (для Іакова). Когда же исполнились благословенія (данныя ему), если не въ будущемъ? Видишь, какъ порочные издавна наслаждались здѣшними благами, а праведные—напротивъ, хотя и не всѣ. Вотъ Авраамъ былъ праведникъ и наслаждался здѣшними благами, впрочемъ со скорбями и искушеніями,—у него было только богатство, а всѣ прочія обстоятельства его были исполнены скорбей. Да и невозможно праведнику не испытывать скорбей, хотя бы онъ и былъ богатымъ,—если онъ готовъ терпѣть потери, несправедливости и все прочее, то по необходимости испытываетъ скорби. Такимъ образомъ онъ, хотя и наслаждается богатствомъ, но не безъ скорбей. Почему? Потому, что онъ чувствуетъ скорби и печали. Если же тогда праведники испытывали скорби, то тѣмъ болѣе теперь. *Въроу о грядущихъ, говоритъ, благослови Исаакъ Іакова и Исава.* Хотя Исавъ былъ старшій, но онъ поставляетъ напередъ Іакова—за добродѣтели его. Видишь, какова была вѣра (Исаака)? Почему бы въ самомъ дѣлѣ онъ обѣщалъ сыновьямъ столь великія блага, если только не по вѣрѣ въ Бога? *Въроу Іаковъ умирая каждого сына Іосифова благослови.* Здѣсь надобно бы изложить всѣ его благословенія, чтобы яснѣе открылась и вѣра его, и пророчество. *И поклонися, говоритъ, на верхъ жезла его.* Здѣсь (апостоль) показывается, что Іаковъ не только сказалъ, но такъ на- 179 дѣялся на будущее, что показалъ это и самымъ дѣломъ. Такъ какъ отъ Ефрема имѣлъ возстать другой царь, то онъ и говоритъ: *и поклонися на верхъ жезла сего, т. е., будучи уже старцемъ, онъ поклонился Іосифу, выражая имѣющее быть поклоненіе ему отъ всего народа.* Это отчасти уже исполнилось, когда ему кланялись братья, но должно было исполниться и послѣ чрезъ десять поколѣній. Видишь, какъ онъ предсказалъ будущее? Видишь, какую пророческую имѣли вѣру, какъ они вѣровали въ будущее? Приводимые здѣсь примѣры служатъ примѣрами, одни—терпѣнія въ страданіяхъ и лишеніи всѣхъ благъ, каковы относительно Авраама и Авеля, другіе—вѣры въ то, что есть Богъ и воздаяніе, каковы примѣры относительно Ноя. Слово—вѣра имѣетъ много значеній,—оно выражаетъ то одно, то другое; здѣсь же означаетъ, что будетъ воздаяніе, что не всѣхъ ожидаетъ одно и то же, что надобно подвизаться прежде наградъ. Примѣръ Іосифа есть примѣръ одной вѣры. Іосифъ слышалъ, что Богъ возвѣстилъ и обѣщалъ Аврааму: *тебѣ дамъ и стѣсни твоему землю сію, и потому, будучи въ чужой землѣ и еще не видя исполненія обѣщанія, не падалъ духомъ, но вѣровалъ такъ, что и напоминалъ объ исходѣ и обѣдалъ завѣщаніе о костяхъ своихъ.* Такимъ обра-

зомъ онъ не только самъ вѣровалъ, но и другихъ возводилъ къ вѣрѣ. Для того онъ и завѣщалъ, чтобы они всегда помнили объ исходѣ; и не завѣщалъ бы онъ о костяхъ своихъ, если бы не былъ увѣренъ, что будетъ исходъ. Если послѣ этого кто-нибудь скажетъ: вотъ и праведники заботились о могилахъ, то мы такому отвѣчаемъ: они заботились именно поэтому, а не почему-либо другому, такъ какъ знали, что *Господня земля и исполненіе ея* (Псал. ххш, 1). Не безъизвѣстно было это и (Іосифу), жившему въ такомъ любуудріи и проведенному всю жизнь свою въ Египтѣ. Онъ конечно могъ бы, если бы захотѣлъ, возвратиться оттуда, а не сѣтовать и скорбѣть; если же онъ, вывавъ отца своего туда, завѣщалъ вынести оттуда кости свои, то не очевидно ли, что по этой причинѣ?

2. А что же, кости самого Моисея, скажи мнѣ, лежатъ не въ чужой ли землѣ? Мы не знаемъ, гдѣ лежатъ кости Аарона, Даниила, Іереміи и многихъ апостоловъ. Гробы Петра, Павла, Іоанна и Ѳомы извѣстны, а столь многихъ другихъ совершенно неизвѣстны. Но мы не должны сокрушаться объ этомъ и малодушествовать; гдѣ бы мы ни были погребены, *Господня земля и исполненіе ея*. Непремѣнно бываетъ то, что должно быть; проливать же слезы, сокрушаться и оплакивать умершихъ свойственно малодушію. *Вѣроу Моисей родився сокровищъ бысть три тысячы отъ отецъ своихъ* (ст. 23). Видишь, какъ они здѣсь на землѣ надѣялись на имѣвшее быть послѣ ихъ смерти? И многое дѣйствительно совершилось послѣ ихъ смерти. Это сказано къ тѣмъ, которые говорятъ: послѣ ихъ смерти исполняется то, чего они не получили при жизни и на что не надѣялись послѣ смерти. Но Іосифъ не говорилъ: Богъ не далъ (обѣтованной) земли при жизни 180 ни мнѣ, ни отцу моему, ни дѣду моему, котораго добродѣтель заслуживала уваженія,—какъ же Онъ удостоитъ порочныхъ людей того, чего не удостоилъ ихъ? Онъ не говорилъ такъ, но превозмогъ и побѣдилъ все это вѣроу. Сказавъ объ Авелѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Исаакѣ, Іаковѣ, Іосифѣ, которые всѣ славны и знамениты, (апостолъ) потомъ еще усиливаетъ утѣшеніе, представляя въ примѣръ лица неизвѣстныя. Нисколько не удивительно, что такъ поступали знаменитыя лица, и оказаться ниже ихъ не такъ прискорбно; по прискорбно—оказаться ниже лицъ неизвѣстныхъ. Онъ начинается съ родителей Моисея, людей неизвѣстныхъ и не имѣвшихъ ничего такого, что имѣлъ сынъ; а потомъ, продолжая рѣчь, ситѣнѣе выражаетъ нелѣпость (невѣрія), указывая на блудныхъ женщинъ и вдовицъ: *вѣроу, говорить, Раавъ блудница не погибъ съ противившимися, примими соглядателей съ миромъ* (ст. 31). Онъ представляетъ послѣдствія не только вѣры, но и невѣрія, какъ

напр. при Ноѣ. Впрочемъ, нужно сказать о родителяхъ Моисея. Фараонъ повелѣлъ истребить всѣхъ младенцевъ мужескаго пола, и никто не избѣгъ опасности. Почему же они надѣялись спасти свое дитя? По вѣрѣ. Какой вѣрѣ? *Закѣ видѣша*, говоритъ, *красно омороча*. Самый видъ его располагалъ ихъ къ вѣрѣ. Такъ праведнику даруется великая благодать съ самаго начала, еще съ пеленокъ, и это дѣлаетъ не природа, а Богъ. Смотри, въ самомъ дѣлѣ, новорожденное дитя сразу оказалось прекраснымъ, а не безобразнымъ. Чье это было (дѣло)? Не природы, а благодати Божіей, которая подвигла и язычницу-египтянку и воодушевила ее такъ, что она взяла и приняла къ себѣ (младенца). Между тѣмъ у нихъ (родителей его) вѣра не имѣла достаточнаго основанія,—чего можно было надѣяться отъ одного внѣшняго вида? А вы, говоритъ (апостолъ своимъ слушателямъ), вѣруете отъ дѣлъ, имѣя много залоговъ вѣры; дѣйствительно, съ радостію принять расхищеніе имущества и тому подобное, это—дѣло вѣры и терпѣнія. Но такъ какъ они вѣровали, а потомъ стали малодушествовать, то онъ показываетъ, что вѣра древнихъ была продолжительна, какъ напр. вѣра Авраама, хотя обстоятельства по видимому препятствовали ей. *И не убоишася*, говоритъ, *повелѣнія царя*. Хотя оно приводилось въ исполненіе, но они просто ожидали. Это было дѣломъ родителей, а Моисей самъ сюда ничего не привнесъ. Далѣе опять приводить другой примѣръ, близкій (къ слушателямъ), и даже гораздо болѣе того. Какой именно? *Вѣрую Моисей великъ бысть, отвержеся нарицатися сынъ дочери Фараонова: паче же изволи страдати съ людьми Божиими, нежели имѣти временную грѣха сладость: большее богатство вѣнчанъ Египетскихъ сокровищъ поношеніе Христова: взираше бо на издвоздѣаніе* (ст. 24—26). Онъ какъ бы такъ говорить имъ: никто изъ васъ не оставилъ ни царскаго двора, и двора великолѣпнаго, ни таинъ сокровищъ, и не отказался быть царскимъ сыномъ, когда это было возможно, какъ сдѣлалъ Моисей. А что онъ не просто отказался отъ этого, (апостолъ) объяснилъ, сказавъ: *отвержеся*, 131 т. е. пренебрегъ, погнушался. Когда предстояло небо, то излишне было бы восхищаться дворомъ египетскимъ.

3. И смотри, какъ чудно здѣсь Павелъ выразился. Онъ не сказалъ: считая небо и небесные предметы богатствомъ большимъ сокровищъ египетскихъ,—но что? *Поношеніе Христова*. Быть поносимымъ ради Христа онъ считалъ лучшимъ, нежели жить въ удовольствіяхъ; это для него само по себѣ было наградою. *Паче изволи страдати съ людьми Божиими*. Вы, говоритъ, страдаете сами за себя; а онъ предпочелъ страдать за другихъ и добровольно подвергъ себя такимъ опасностямъ, тогда какъ могъ бы и жить

благочестиво, и пользоваться благами. *Нежли имѣти временную грѣха сладость.* Грѣхомъ называется здѣсь нежеланіе страдать вмѣстѣ съ другими: это, говорить, онъ считать грѣхомъ. Если же онъ считать грѣхомъ неготовность страдать съ другими, то слѣдуетъ, что великое благо—страданіе, которому онъ добровольно подвергся, оставивъ царскій дворъ. Онъ сдѣлалъ это, провидя нѣчто великое. Потому (апостоль) и сказалъ: *болыише богатство имѣише Египетскихъ сокровищъ поношніе Христово.* Что значить: поношеніе Христово? Т. е. такое поношеніе, которое вы терпите, поношеніе, которое терпѣлъ Христосъ, или то, что онъ потерпѣлъ за Христа, когда злословили его за камень, изъ котораго онъ извелъ воду: *камень же, говорить, бѣ Христосъ* (1 Кор. х, 4). Когда бываетъ поношеніе Христово? Когда мы, оставляя отеческіе обычаи, терпимъ поруганіе,—когда, страдая, прибѣгаемъ къ Богу. Такъ и онъ терпѣлъ поношеніе Христово, когда слышать: *гда убити мя хочещи, имже образомъ убилъ еси вчера Египтянина* (Исх. п, 14)? Поношеніе Христово въ томъ, чтобы терпѣть до конца и до послѣдняго издыханія, подобно какъ самъ Онъ терпѣлъ поношенія и слышалъ: *аще сынъ еси Божій* (Мѣ. ххvii, 40), отъ тѣхъ, за кого распинался, отъ своихъ соплеменниковъ. Поношеніе Христово въ томъ, когда кто терпитъ поношеніе отъ своихъ, отъ тѣхъ, кому благодѣтельствуетъ. Такъ и Моисей терпѣлъ поношеніе отъ того, кому благодѣтельствовалъ. Здѣсь (апостоль) ободряетъ ихъ, показывая, что такъ терпѣлъ Христосъ и Моисей, два знаменитыя лица; это поношеніе болѣе Христово, нежели Моисеево, такъ какъ происходило отъ своихъ. И какъ послѣдній нисколько не противился, такъ и первый не посылалъ молній, но, когда Его понесли, Онъ переносилъ все отъ кивавшихъ своими главами. Такъ какъ, вѣроятно, и они (тогдашніе евреи) слышали то же и желали воздаянія, то (апостоль) говорить, что Христосъ и Моисей также страдали. Такимъ образомъ жизнь, исполненная удовольствій, есть грѣховная, а исполненная поношеній—Христова. Чего же ты желаешь теперь? Поношенія Христова, или удовольствій? *Вѣрою остави Египетъ, не убояся ярости цареви: невидимаго бо, яко видя, терпяще* (ст. 27). Какъ ты говоришь—не убоялся? Писаніе, напротивъ, говорить, что, услышавъ, онъ убоялся, искалъ поэтому спасенія въ бѣгствѣ, убѣждалъ, скрылся, и послѣ того находился въ страхѣ. Вникни внимательнѣе въ сказанное; слова: *не убояся ярости цареви* сказаны по отношенію къ тому, что онъ послѣ опять предсталъ (предъ царя). Если бы онъ боялся, то послѣ опять не предсталъ бы, не принялъ бы на себя дѣла ходатайства; а если онъ принялъ на себя это дѣло, то, значить, во всемъ полагался на Бога. Не ска-

затѣ: (царь) ищетъ меня, домогается этого, и я не могу возвра- 182
титься. Слѣдовательно и бѣгство его было дѣломъ вѣры. А по-
чему, скажете, онъ не остался? Чтобы не подвергать себя преду-
смѣтрѣнной опасности. Искушающему (Бога) свойственно бро-
саться въ опасности и говорить: посмотрю, сохранить ли меня
Богъ. Такъ говорилъ и Христу диаволъ: *верзися низу* (Мѣ. iv, 6).
Видишь, что диавольское это дѣло—подвергать себя опасностямъ
пщетно и напрасно, и испытывать, сохранить ли насъ Богъ?
(Моисей) не могъ защищать тѣхъ, которые были такъ непризна-
тельны къ его благодѣяніямъ; слѣдовательно неспѣно и безраз-
судно было бы оставаться тамъ. Все же это онъ совершалъ по-
тому, что *невидимаго яко видя терпяше*. Такъ и мы, если будемъ
всегда созерцать Бога умомъ, если будемъ постоянно помнить
объ Немъ, то для насъ все окажется легкимъ, все сноснымъ,
все мы будемъ переносить удобно и станемъ выше всего. Вѣдь,
если при видѣ любимаго человѣка и даже при воспоминаніи объ
немъ, наша душа ободряется и умъ возвышается, и все мы пе-
реносимъ легко, услаждаясь этимъ воспоминаніемъ,—то имѣющій
умъ Того, кто удостоилъ насъ истинной любви, и памяту-
ющій объ Немъ можетъ ли чувствовать какую-нибудь скорбь, или
бояться чего-нибудь страшнаго и опаснаго? Будетъ ли онъ
когда-нибудь малодушествовать? Никогда. Для насъ все пред-
ставляется труднымъ потому, что мы не помнимъ о Богѣ, какъ
должно, не имѣемъ Его постоянно въ умѣ своемъ. Онъ справе-
дливо могъ бы сказать намъ: ты забылъ Меня, и Я забуду тебя.
Такъ происходитъ двоякое зло: мы забываемъ Его, и Онъ—насъ.
Эти два обстоятельства, хотя тѣсно соединены между собою, все
же остаются двумя. А велико дѣло, чтобы Богъ помнилъ объ
насъ, велико и то, чтобы мы помнили объ Немъ; отъ одного за-
виситъ избраніе добра, отъ другого—преспѣваніе въ немъ и окон-
чаніе. Поэтому говорить пророкъ: *помянухъ тя отъ земли Иордански
и Ермонимски, отъ горы малыя* (Исал. xlv, 7). Такъ говорилъ на-
родъ израильскій, находясь въ Вавилонѣ: *тамо помяну тя*.

4. Такъ должны говорить и мы, подобно жившимъ въ Ва-
вилонѣ. Хотя мы живемъ и не между (чужеземными) непріате-
лями, но также находимся среди враговъ. И изъ тѣхъ одни жили,
какъ плѣнники, а другіе не чувствовали плѣна, какъ напр. Да-
ніилъ и три отрока. Они, находясь въ плѣну, были въ этой
странѣ славнѣе самого царя, который плѣнилъ ихъ; и плѣнив-
шій поклонился плѣненнымъ. Видишь, какъ велика добродѣтель?
Въ самомъ плѣну (царь) служилъ имъ, какъ господамъ; слѣдо-
вательно онъ былъ болѣе плѣнникомъ, нежели они. Не такъ
было бы удивительно, если бы онъ поклонился имъ, пришедши

въ ихъ отечество, или если бы они тамъ царствовали. Удивительно то, что сдѣлавшій ихъ узниками, взявшій въ плѣнъ и имѣвшій ихъ въ своей власти на виду у всѣхъ не постыдился поклониться имъ и принести жертву. Видите, какъ поистинѣ славны дѣла Божіи, а дѣла человѣческія—тьма? Не зналъ онъ, что уводилъ (въ плѣнъ) господь себѣ и ввергалъ въ печь тѣхъ, которымъ долженъ былъ поклониться; а для нихъ всѣ бѣдствія были какъ бы сонъ.

- 183 Будемъ же бояться Бога, возлюбленные, будемъ бояться Его,—и тогда, хотя бы мы попали въ плѣнъ, будемъ славныѣ всѣхъ. Пусть будетъ присущъ намъ страхъ Божій,—и тогда ничто не опечалитъ насъ, будетъ ли то бѣдность, или болѣзнь, или плѣнъ, или рабство, или что-нибудь другое прискорбное, но даже и это все станетъ содѣйствовать намъ къ достиженію противоположнаго. Тѣ были плѣнниками, и царь поклонился имъ; Павелъ былъ скинотворецъ, и ему хотѣли принести жертву, какъ Богу. Здѣсь представляется вопросъ,—многіе спрашиваютъ: почему апостолы отвергли жертвоприношеніе, разодрали свои одежды, удержали народъ отъ этого намѣренія и со слезами говорили: *что сія творите? и мы подобострастни есмы вамъ человецы* (Дѣян. хiv, 15), а Даниилъ ничего подобнаго не сдѣлалъ? Что онъ былъ мужъ смиренный и не менѣе ихъ воздавалъ славу Богу, это видно изъ многоаго. И, во-первыхъ, особенно видно изъ того, что онъ былъ любимъ Богомъ; если бы онъ присвоилъ себѣ божескую честь, то Богъ не попустилъ бы ему остаться въ живыхъ, не говорю уже благоденствовать; во-вторыхъ, изъ того, что онъ съ великимъ дерзновеніемъ говорилъ: *и мнѣ, царю, не премудростію, сущемо во мнѣ, открыся тайна сія* (Дан. ii, 30); въ-третьихъ, изъ того, что онъ былъ во рву для Бога и, когда пророкъ принесъ ему пищу, то онъ сказалъ: *помянулъ мя еси Боже* (Дан. хiv, 38),—таково было у него смиреніе и сокрушеніе! Онъ былъ во рву для Бога, и считалъ себя недостойнымъ того, чтобы (Богъ) помнилъ объ немъ и слышалъ его. А мы, дерзая совершать безчисленное множество нечистыхъ дѣлъ и будучи преступныѣ всѣхъ, отступаемъ (отъ Бога), если только не услышана первая наша молитва. Поистинѣ, великое разстояніе между нами и нами, какъ между небомъ и землею, или еще болѣе. Что говоришь ты, (пророкъ)? Послѣ столь многихъ подвиговъ, послѣ чуда, совершившагося во рву, ты считаешь себя такъ униженнымъ? Да, говорить; что бы мы ни дѣлали, мы *раби неключими есмы* (Лук. хvii, 10). Такъ онъ исполнялъ евангельскую заповѣдь еще прежде ея изреченія, и считалъ себя ничтожнымъ. Богъ вспомянулъ обо мнѣ,—говорилъ онъ. И самая молитва его, смотри,

какого исполнена смиренія. Такъ говорили и три отрока: *согрѣшникомъ, беззаконниковомъ* (Дан. ш, 29), и всегда проявляли свое смиреніе. Даниїль имѣлъ безчисленное множество поводовъ превозноситься, но зналъ, что все это было у него потому, что онъ не превозносился, и не губилъ сокровища. Всѣ люди и вся вселенная прославляли его не потому только, что царь, повергшись ницъ предъ нимъ, принесъ ему жертву, но потому, что признавалъ его богомъ тотъ, кого самого считали богомъ вселенной. какъ видно изъ словъ пророка Іереміа: *одѣяя землю, яко ризу*. и еще: *Азъ дамъ ю Навуходоносору рабу моему* (Іер. ххп, 6). И изъ его писаній также видно, что ему удивлялись не только тамъ, гдѣ онъ жилъ, но и вездѣ, и когда онъ писаніями засвидѣтельствовалъ рабство и чудо, то сталъ еще болѣе извѣстнымъ. нежели какъ если бы прочіе народы сами видѣли его у себя. Равнымъ образомъ, удивлялись и мудрости его: *еда, говоритъ (пророкъ), премудрѣе ты еси Даниїла* (Іез. ххш, 3)? И послѣ всего этого онъ былъ такъ смиренъ, что готовъ былъ тысячу разъ умереть за Владыку.

5. Почему же, при такомъ смиреніи, онъ не отвергъ какъ 144 поклоненія ему отъ царя, такъ и жертвы? Объ этомъ я не скажу: для меня довольно только предложить вопросъ, а остальное представляю вамъ, чтобы такимъ образомъ возбудить умъ вашъ. Итакъ, увѣщаваю васъ предпринимать все по страху Божію, имѣя столько примѣровъ того, что мы непременно получимъ и здѣшнія блага, если искренно будемъ стремиться къ будущимъ. А что (Даниїль) поступилъ такъ не по гордости, это видно изъ словъ, которыя онъ сказалъ: *давнія твоя съ тобою да будутъ* (Дан. v, 17). Здѣсь опять представляется другой вопросъ: почему онъ, отказавшись на словахъ, на дѣлѣ принять эту честь и сталъ носить цѣпь? Иродъ, слышавшій слова: *гласъ Божій, а не человекъ* (Дѣян. хп, 22), и не воздавшій славы Богу, расторгся такъ, что вывалились внутренности его; а онъ (Даниїль) принялъ божескую честь, и не на словахъ только. Здѣсь необходимо объяснить, что это значить. Тамъ народъ могъ впасть въ большее идолопоклонство, а здѣсь—нѣтъ. Почему? Потому, что когда (Даниїла) считали такимъ, то честь относилась къ Богу, какъ онъ самъ напередъ сказалъ: *и мнѣ не премудростію, сущемою во мнѣ, открылся* (Дан. п, 30). Съ другой стороны, и не видно, чтобы онъ принялъ жертвоприношеніе. Хотя царь сказалъ, что надобно принести жертву, но не видно, чтобы это было приведено въ исполненіе. А тамъ уже привели воловъ для жертвоприношенія, и назвали одного (апостола) Юпитеромъ, другого Меркуріемъ. Цѣпь же онъ принялъ для того, чтобы сдѣлать себя замѣтнымъ

(для другихъ). Но почему онъ повидимому не отвергъ жертвы? Тамъ еще не совершили (жертвоприношенія), а только приступали, и однако апостолы воспрепятствовали; потому и здѣсь слѣдовало бы остановить дѣло; при томъ тамъ былъ весь народъ, а здѣсь царь. Почему пророкъ не отклонилъ, объ этомъ я сказалъ прежде,—т. е. потому, что онъ приносилъ ему жертву не какъ Богу, ко вреду богопочтенія, а по случаю великаго чуда. Какъ такъ? Онъ издалъ такое повелѣніе ради Бога, исповѣдавъ тѣмъ Его владычество; слѣдовательно не отнималъ у Него чести. А тѣ не такъ: они считали самихъ (апостоловъ) богами, потому и были удержаны.

Кромѣ того (Навуходоносоръ) напередъ поклонился, и потомъ уже поступилъ такъ; а поклонился онъ ему не какъ Богу, но какъ мудрому человѣку. Впрочемъ и не видно, чтобы онъ принесъ жертву; если же и принесъ, то противъ воли Давиіла. Также: почему Навуходоносоръ назвалъ его Валтасаромъ—именемъ самого Бога? Такъ мало (язычники) уважали боговъ своихъ, что и плѣннику далъ это имя тотъ, кто всѣмъ повелѣвать поклоняться различнымъ и разнообразнымъ истуканамъ и почиталъ дракона. При томъ вавилоняне были гораздо неразумнѣе ливанянъ; потому невозможно было тотчасъ же образумить ихъ. И многое можно было бы сказать здѣсь, но пока и этого довольно. Итакъ если мы хотимъ получить всѣ блага, то будемъ искать благъ Божіихъ. Какъ ищущіе мірскихъ благъ теряютъ и тѣ, и другія, такъ и предпочитающіе блага Божіи получаютъ и тѣ, и другія. Будемъ же искать послѣднихъ, а не первыхъ, чтобы намъ сподобиться обѣщанныхъ благъ во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

БЕСѢДА XXVII.

185 Вѣрою сотвори Пасху и пролітіе крове, да не погубляй перворожденная коснется ихъ. Вѣрою преидоша Чермное море, аки по сушѣ земли: егоже искушеніе приѣмше Египтяне истопишася. Вѣрою стѣны іерихонскія падоша, обхожденіемъ седмихъ дней. Вѣрою Раавъ блудница не погибе съ сопротивлшимися, приѣмше соглядателей съ миромъ (Евр. xi, 28—31).

1. Много предметовъ Павелъ обыкновенно раскрываетъ среди (своей рѣчи) и бываетъ обилень мыслями. Такова благодать Духа: она не заключаетъ во множествѣ словъ мало мыслей, но въ крат-

кихъ словахъ излагаетъ много великихъ мыслей. Смотри, какъ онъ, предлагая по порядку увѣщанія и бесѣдуя о вѣрѣ, напоминаетъ о такомъ прообразѣ и таинствѣ, котораго истина—у насъ. *Вѣрую, говоритъ, сотвори Пасху и пролитіе крове, да не погубляя пророжденная коснется ихъ.* Что значить: *пролитіе крове*? Въ домахъ былъ закалаемъ агнецъ, и кровію его помазывались пороги; это служило огражденіемъ отъ гибели, назначенной египтянамъ. Потому, если кровь агнца сохраняла іудеевъ невредимыми среди египтянъ и во время такой опасности, то тѣмъ болѣе можетъ спасти насъ кровь Христова, которою помазуются не пороги, но души наши,—потому что и нынѣ губитель ходитъ вокругъ насъ среди настоящей глубокой ночи. Оградимъ же себя тою жертвою. Пролитіемъ называетъ помазаніе, такъ какъ и насъ Богъ извелъ изъ Египта, изъ тьмы, изъ идолопоклонства. Средство было не важно, а дѣйствія его велики: средство—кровь, а дѣйствія—спасеніе, огражденіе, избавленіе отъ гибели. Ангель убоялся крови, такъ какъ зналъ, чего она была прообразомъ; онъ убоялся. уразумѣвъ смерть Владычню, почему и не коснулся пороговъ. Моисей сказалъ: помажьте (пороги), и евреи помазали. и, помазавши, были увѣрены въ безопасности. А вы, имѣя кровь самого Агнца (Божія), не увѣряетесь? *Вѣрую преидоша Черное море, аки по сушѣ земли.* Опять сравниваетъ съ народомъ цѣлый народъ, чтобы мы не говорили, что не можемъ быть святыми. *Вѣрую, говоритъ, преидоша Черное море, аки по сушѣ земли: егоже искушеніе пріемше Египтяне истопишася.* Здѣсь онъ приводитъ ихъ на память бѣдствія египетскія. Какъ—*вѣрую*? Они надѣялись перейти чрезъ море и молились о томъ, или лучше, молился Моисей. Видишь, какъ вѣра всегда превышаетъ разсужденія, немощь и ничтожество человѣческія? Видишь, что они, какъ скоро увѣровали, то и избавились отъ бѣдствія—и при помазаніи кровію дверей, и въ Черномъ морѣ? Очевидно, что это была вода, такъ какъ (египтяне), вошедши въ нее, потонули; слѣдовательно, это не призракъ былъ, а дѣйствительность. Какъ растерзанные львами и сожженные въ печи доказываютъ, что это была дѣйствительность, такъ и здѣсь видно дѣйствительное событіе, послужившее однимъ во славу и спасеніе, а другимъ въ гибель. Вотъ какое большое благо—вѣра! Она спасаетъ насъ и тогда, когда мы приходимъ въ безвыходное положеніе, когда угрожаетъ намъ самая смерть, когда наши обстоятельства отчаянны. Дѣй- 136 ствительно, что тогда оставалось имъ дѣлать? Египтяне и море окружали ихъ безоружныхъ, и надлежало или бѣжать и утонуть, или попасть въ руки египтянъ; но (вѣра) спасла ихъ изъ того безвыходнаго положенія. Вода разостлалась предъ ними,

какъ суша, а тѣхъ потопила, какъ море; для нихъ она забыла законы природы, а противъ тѣхъ вооружилась. *Въроу стѣны іерихонскія падоша, обхожденіемъ седмихъ дней.* Трубные звуки никакъ не могутъ разрушить каменныхъ стѣнъ, хотя бы кто трубилъ тысячу лѣтъ; а вѣра можетъ дѣлать все!

2. Видишь ли, какъ (вѣра) всегда не слѣдуетъ порядку или законамъ природы, по совершаетъ все неожиданно? Такъ и здѣсь все было неожиданно. Сказавъ неоднократно, что надобно вѣрить надеждамъ на будущее, (апостолъ) всю эту рѣчь составилъ такъ, что дѣлается яснымъ, какъ не только нынѣ, но и издревле всѣ чудеса совершались и получались ею (вѣроу). *Въроу Раавъ блудница не погibe съ сопротивлившимися, примими соглядателей съ миромъ.* Стыдно, если въ васъ окажется вѣры менѣе, нежели въ блудницѣ. Она, услышавъ слова вѣстниковъ, тотчасъ повѣрила, почему и послѣдствія были таковы: когда всѣ погибли, она одна спаслась. Не говорила она сама въ себѣ: останусь со многими другими, моими (согражданами); не сказала: могу ли я быть умнѣе столь многихъ разумныхъ мужей, которые не вѣрятъ, а я повѣрю? Не сдѣлала она ничего такого, что другой могъ бы сказать и сдѣлать, но повѣрила сказанному. *И что еще глаголю? не достанетъ бо ми повѣствующу времени* (ст. 32). (Апостолъ) болѣе не приводитъ примѣровъ, но, окончивъ блудницу и пристыдивъ качествомъ этого лица, не распространяется болѣе въ повѣствованіяхъ, чтобы не показаться многословнымъ; впрочемъ и не (совершенно) оставляетъ ихъ, но весьма мудро перечисляетъ ихъ мимоходомъ, достигая двойкой пользы—избѣгая излишества и не нарушая полноты. Онъ и не умалчиваетъ совершенно и не наскучиваетъ многословіемъ, но избѣгаетъ того и другого. Когда кто усиленно доказываетъ что-нибудь и слишкомъ распространяется въ доказательствахъ, тогда онъ становится въ тягость слушателю, уже убѣжденному, наскучиваетъ ему и изобличаетъ свое честолюбіе. Вѣдь нужно сообразоваться съ пользою. *И что еще глаголю? не достанетъ бо ми повѣствующу времени о Гедсонъ, Варацъ же и Сампсонъ и Іефеаи, о Давидъ же и Самуилъ, и о пророцѣхъ.* Нѣкоторые осуждаютъ Павла за то, что онъ поставилъ Варака, Сампсона и Іефеая на этомъ мѣстѣ. Но что говоришь? Развѣ онъ могъ не упомянуть объ нихъ, упомянувъ о блудницѣ? Здѣсь рѣчь идетъ не о прочихъ обстоятельствахъ ихъ жизни, но о томъ, была ли у нихъ вѣра, сіяли ли они вѣроу. *И о пророцѣхъ, иже въроу побѣдиша царствіа* (ст. 38): Видишь ли, что (апостолъ) не свидѣтельствуетъ здѣсь объ ихъ славной жизни? Не въ этомъ здѣсь преимущественно состоитъ и вопросъ, а раскрывается вѣра. Именно, спрашивается: вѣроу ли они совершали

все? *Въроу*, говоритъ онъ, *пообдиши царствія*, бывшія при Гедеонѣ. *Содѣлаи правду*. Кто? Тѣ же самые. Или правдою онъ называетъ здѣсь челоуѣколюбіе. *Получиши обѣтованія*. Думаю, что это сказа- 187
залъ онъ о Давидѣ. Какія же обѣтованія получилъ онъ? Тѣ, ко-
торыя заключались въ словахъ, что сѣмя его сядетъ на престолѣ
его (Псал. сxxxі, 11). *Заградиши уста львовъ, угасиши силу огненную*.
избѣгоша острѣя меча (ст. 34). Смотри, какъ находились въ смерт-
ной опасности—Даніилъ, окруженный львами, три отрока, быв-
шіе въ печи, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ—въ различныхъ иску-
шеніяхъ, и однако не отчаивались. Такова вѣра: когда обстоя-
тельства противодѣйствуютъ, тогда и должно вѣрить, что нѣтъ
ничего противодѣйствующаго, а все соотвѣтственно. *Избѣгоша*
острѣя меча. Думаю, что и это сказалъ онъ также о трехъ отро-
кахъ. *Возмогиша отъ немощи, быша крѣпцы во бранехъ, обратиши*
въ бѣгство полки чуждихъ. Здѣсь онъ разумѣетъ обстоятельства
исхода изъ плѣна вавилонскаго. *Отъ немощи*, т. е. отъ плѣна.
Когда обстоятельства іудеевъ находились въ отчаянномъ поло-
женіи, когда они нисколько не отличались отъ мертвыхъ костей,
тогда и произошло возвращеніе ихъ (изъ плѣна). Кто въ самомъ
дѣлѣ могъ надѣяться, что они выйдутъ изъ Вавилона, и не
только выйдутъ, но сдѣлаются сильными и обратятъ въ бѣгство
полки чуждихъ? Но съ нами, скажутъ, ничего такого не случи-
лось. Но все это—прообразы будущаго. *Пріяша жены отъ воскресе-
сенія мертвыхъ своихъ* (ст. 35). Здѣсь онъ говоритъ о пророкахъ
Елисеѣ и Иліѣ, которые воскрешали мертвыхъ. *Ини же избѣсни*
быша, не приѣмше избавленія, да лучшее воскресеніе улучатъ. Но мы,
скажутъ, не сподобились видѣть воскресенія. Но, говоритъ, я
могу указать и такихъ мужей, которые были замучены, не полу-
чивъ освобожденія, да лучшее воскресеніе улучатъ. Почему, скажи
мнѣ, они не захотѣли (оставаться въ живыхъ), тогда какъ могли
жить? Не потому ли, что ожидали лучшей жизни? Тѣ, которые
воскрешали другихъ, сами предпочли умереть, чтобы получить
лучшее воскресеніе, а не такое, какого удостоились дѣти тѣхъ
женъ. Здѣсь, мнѣ кажется, онъ разумѣетъ Іоанна (Крестителя) и
Іакова, потому что избіеніемъ (ἀποτιπαινομένης) обозначается отсѣ-
ченіе головы. Они могли бы взирать на свѣтъ солнечный, могли бы
не дѣлать обличеній, и однако рѣшились умереть; и тѣ, которые
воскрешали другихъ, сами избрали себѣ смерть, чтобы полу-
чить лучшее воскресеніе. *Друзіи же руганіемъ и ранами искушеніе*
пріяша, сще же и узамы и темницею, каменіемъ побіени быша, пре-
трепкени быша, искушени быша (ст. 36, 37).

3. Онъ оканчиваетъ тѣмъ, что болѣе близко (къ слушате-
лямъ), потому что особенное утѣшеніе получается тогда, когда

представляется скорбь, происходившая отъ одинаковой причины. а если ты будешь говорить, хотя бы весьма сильно, но о такой скорби, которая происходила не отъ одинаковой причины, то ничего не сдѣлаешь. Поэтому онъ и оканчиваетъ рѣчь указаніемъ на узы, темницы, бичеванія, побіеніе камнями, разумѣя бывшее со Стефаномъ и Захарією: *убійствомъ*, прибавляетъ онъ, *меча умроша*. Что говоришь ты? Одни *избѣгоша острей меча*, а другіе *убійствомъ меча умроша*? Что же это значить? Чѣмъ ты превозносишь? Чему удивляешься? Первому, или послѣднему? Поистинѣ, говорить, тому и другому. Первому потому, что оно близко къ вамъ; а послѣднему потому, что вѣра оказывала свою силу при самой смерти, и это есть прообразъ будущаго. То и другое—чудеса вѣры: и то, чѣмъ она совершаетъ великія дѣла, и то, что терпитъ великія бѣдствія и не думаетъ о страданіяхъ. Ты не можешь, говорить, сказать, что это были люди грѣшныя и ничтожныя; нѣтъ, если бы даже ты противопоставилъ имъ цѣлый 188 міръ, то увидѣлъ бы, что они перетягиваютъ вѣсы и оказываются болѣе важными. Потому онъ и сказалъ такъ: *иже не бѣ достоинъ міръ* (ст. 38). Что же могли бы получить здѣсь въ награду тѣ, которыхъ достойнаго нѣтъ ничего въ мірѣ? Здѣсь (апостолъ) возвышаетъ ихъ умъ, научая не прилѣпляться къ настоящему, но помышлять о томъ, что выше всѣхъ предметовъ настоящей жизни, если весь міръ недостоинъ ихъ. Что же ты желаешь получить здѣсь? Обидно было бы, если бы ты получилъ награду здѣсь. Итакъ, не будемъ думать о мірскомъ, не станемъ искать воздаянія здѣсь, не будемъ столь жалкими. Если весь міръ недостоинъ ихъ, то для чего ты домогаешься части его? И это справедливо, потому что они—друзья Божіи. Міромъ же называется здѣсь или людей, или самое твореніе. Писаніе обыкновенно называетъ такъ и то, и другое. Если, говорить, взять все твореніе вмѣстѣ съ людьми, и тогда оно не сравнивается съ ними въ достоинствѣ,—и справедливо. Какъ тысячи мѣръ сѣна и соломѣ не могутъ сравниться въ цѣнѣ съ десятью жемчужинами, такъ—и съ ними: *лучше бо единъ творяй волю Господа, нежели тысячи грѣшникъ* (Сирах. хvi, 3). Подъ тысячами здѣсь разумѣется не какое-либо извѣстное число, но неопредѣленное множество. Представь, какъ много значить праведникъ. *Рече Іисусъ Навинъ: да станетъ солнце прямо Гвазону, и луна прямо добри Еломъ*, и было такъ (І. Нав. х, 12). Пусть выйдетъ вся вселенная, или даже двѣ, три, четыре, десять, двадцать вселенныхъ, пусть скажутъ и сдѣлаютъ это: нѣтъ, онъ не сможетъ! А другъ Божій повелѣвалъ твореніями Друга, или, лучше сказать, просилъ Друга, и служебныя силы подчинялись ему; дольний повелѣвалъ горными.

Видишь, что эти силы существуют для служенія и исполняютъ опредѣленное назначеніе? Такое дѣло больше Моисеева. Что именно? То, что не одно и то же повелѣвать моремъ, и силами небесными. И первое важно, даже весьма важно, но не можетъ сравниться съ послѣднимъ. А отчего это совершилось, послушай. Отчего же? Имя Іисуса было прообразомъ Христа. Потому-то, т. е., такъ какъ онъ имѣлъ прообразовательное имя—Іисусъ, твореніе устранилось самаго имени. Какъ, развѣ никто другой не назывался Іисусомъ? Но онъ былъ названъ этимъ именемъ, какъ прообразомъ; его звали прежде Авсіемъ, а потомъ переименовано ему имя, и это было предсказаніемъ и пророчествомъ. Онъ ввелъ народъ (израильскій) въ землю обѣтованную, какъ Іисусъ Христосъ (вводитъ насъ) на небо. Ни законъ, ни Моисей не сдѣлали этого, но остались внѣ; законъ не можетъ вводить туда, но благодать. Видишь, какъ прообразования были предначертаны издревле? (Іисусъ Навинъ) повелѣвалъ природою, или лучше, главною частію природы, самъ находясь на землѣ, чтобы ты, видя Іисуса (Христа) въ образѣ человѣка, изрекающаго то же самое, не смущался и не изумлялся. Тотъ, еще при жизни Моисея, обращалъ въ бѣгство враговъ; этотъ, и при существованіи закона, управляетъ всѣмъ, хотя и не открыто. Впрочемъ посмотримъ, какъ сильна добродѣтель святыхъ.

4. Если здѣсь они совершаютъ такіа дѣла, если здѣсь дѣйствуютъ такъ, какъ ангелы, то что тамъ? Какую тамъ они имѣютъ славу? Можетъ быть, каждый изъ васъ хотѣлъ бы быть такимъ, чтобы повелѣвать солнцемъ и луною. Здѣсь замѣтимъ: 199 что сказали бы при этомъ тѣ, которые утверждаютъ, будто небо есть круглое тѣло? Почему онъ не сказалъ: *да станетъ солнце*, но прибавилъ: *прямо Гаваону, и луна прямо дебри Еломъ*, т. е., чтобы день сдѣлался больше? То же было и при Езекии: солнце возвратилось назадъ (Иса. xxxviii, 8). Но послѣднее чудеснѣе перваго, т. е. что солнце пошло опять въ противоположную сторону, не совершивъ еще своего теченія. А мы, если захотимъ, можемъ достигнуть большаго. Что въ самомъ дѣлѣ обѣщать намъ Христосъ? Не останавливать солнце, или луну, не возвращать назадъ солнце,—а что? *Азъ и Отецъ мой къ нему придемъ*, говоритъ Онъ, *и обитель у него сотворимъ* (Іоан. xiv, 23). Какая мнѣ нужда въ солнцѣ и лунѣ и въ этихъ чудесахъ, если самъ Владыка всего сойдетъ ко мнѣ и поселится у меня. Нѣтъ мнѣ въ томъ нужды. Какая мнѣ нужда во всемъ этомъ? Онъ самъ будетъ для меня солнцемъ, луною и свѣтомъ. Скажи мнѣ: чего бы ты хотѣлъ, пришедши въ царскій дворецъ,—того ли, чтобы имѣть возможность переставлять вещи, прикрѣпленныя (къ своему мѣсту),

или быть въ такой близости къ царю, чтобы онъ склонился самъ придти къ тебѣ? Не болѣе ли (хотѣлъ бы ты) послѣдняго, нежели перваго? Что же? Развѣ не удивительно, что человѣкъ повелѣваетъ такъ же, какъ и Христосъ? Но Христосъ, скажешь, при этомъ не имѣетъ нужды въ Отцѣ, а дѣйствуетъ собственною властію. Такъ; исповѣдуй же напередъ и скажи, что Онъ не имѣетъ нужды въ Отцѣ и дѣйствуетъ собственною властію; тогда и я спрошу тебя, или лучше, научу тебя касательно молитвы, которую Онъ произносилъ, что она была дѣломъ Его снисхожденія и домостроительства,—вѣдь Христосъ, конечно, былъ не менѣе Іисуса Навина,—и что Онъ можетъ научать насъ и безъ молитвы. Какъ учителя, когда ты слышишь его лепечущимъ и перечисляющимъ буквы, ты не называешь незнающимъ, и когда онъ спрашиваетъ: гдѣ такая-то буква?—ты понимаешь, что онъ спрашиваетъ не по незнанію, а потому, что хочетъ вразумить учащагося,—такъ и Христосъ совершалъ молитву, не имѣя нужды въ молитвѣ, но желая научить тебя—быть постоянно внимательнымъ къ молитвѣ, совершать ее непрестанно, бодрственно и неусыпно. Подъ неусыпностію я разумѣю не только то, чтобы пробуждаться ночью, но чтобы и днемъ бодрствовать въ молитвахъ: такой именно человѣкъ называется неусыпнымъ. И ночью молясь, можно спать, и днемъ, не молясь, можно бодрствовать, когда душа бываетъ устремлена къ Богу, когда она понимаетъ, съ Кѣмъ бесѣдуетъ и къ Кому обращено ея слово, когда содержитъ въ умѣ, что ангелы предстоятъ Ему со страхомъ и трепетомъ,—а самъ-то (человѣкъ) приступаетъ, зѣвая и почесываясь.

Великое оружіе—молитва, если она совершается съ надлежащими мыслями. Чтобы тебѣ уразумѣть ея силу, обрати вниманіе на слѣдующее: непрестанная молитва преодолѣла безстыдство, несправедливость, жестокость и грубость: *слышите, сказалъ (Господь), что судія неправды глаголетъ* (Лук. хviii, 6). Она преодолѣла лѣнность, и чего не сдѣлала дружба, то сдѣлала непрестанная молитва: *аще и не дастъ ему, сказалъ (Господь), зане другъ ему есть, но за безочетво его возстаѣ дастъ ему* (Лук. xi, 8). И недостойную (жену) непрестанная молитва сдѣлала достойною: *нѣсть добро, сказалъ (Господь), отъяти хлѣба чадомъ, и поврещи псомъ. Она же рече: ей, Господи: ибо и пси ядятъ отъ трапезы господей своихъ* (Мѣ. xv, 26, 27).

5. Будемъ же прилежны въ молитвѣ; она представляетъ великое оружіе, если совершается усердно, безъ тщеславія, отъ
 190 искренняго сердца; она обращала въ бѣгство враговъ; она оказывала благодѣяніе цѣлому народу и при томъ недостойному: *вопли ихъ услышатъ, говорить (Богъ), и скидохъ изъяти ихъ*

(Исх. III, 7, 8); она—спасительное лѣкарство, предохраняющее отъ грѣховъ и исцѣляющее отъ преступленія: къ ней прибѣгала и оставленная всѣми вдова. Потому, если мы будемъ молиться со смиреніемъ, если будемъ ударять себя въ грудь, подобно мытарю, если будемъ произносить, подобно ему, слова: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. XVIII, 14), то получимъ все. Правда, мы не мытари; но у насъ есть другіе грѣхи, не меньшіе его (грѣховъ). Не говори мнѣ, что ты грѣшенъ въ маломъ; всякое (грѣховное) дѣло въ существѣ своемъ одинаково. Какъ убійцею одинаково называется и тотъ, кто убилъ дитя, и тотъ, кто убилъ мужа, такъ и любостязательнымъ—любостязательный и въ маломъ, и въ великомъ. И злопамятство—не малый, но великій грѣхъ: *путіе злопамящащихъ*, говоритъ (Премудрый), *въ смерть* (Притч. XII, 28); и (Христосъ говоритъ): *гнѣваяся на брата своего всеу, повиненъ есть гееннѣ*, равно какъ и говорящій брату своему: *рака или уроде*, и тому подобное (Мѡ. V, 22). Мы недостойно причащаемся страшныхъ таянъ, завидуемъ, злословимъ; а нѣкоторые изъ насъ часто и упиваются. Каждое изъ этихъ дѣлъ само по себѣ достаточно для того, чтобы лишить насъ царствія (небеснаго); а если они соединятся вмѣстѣ, то какое мы можемъ имѣть оправданіе? Много намъ нужно каяться, возлюбленные, много молиться, много терпѣть, много оказывать усердія, чтобы получить обѣщанныя намъ блага. Будемъ же говорить и мы: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику*; или лучше—не говорить только, но и думать такъ; и если кто другой будетъ обличать насъ, не станемъ гнѣваться. Тотъ (мытарь) слышалъ (какъ объ немъ было сказано): *нѣсмь, якоже сѣи мытарь* (Лук. XVIII, 11), и не раздражился, но пришелъ въ сокрушеніе,—получилъ оскорбленіе, но самъ не отвѣчалъ оскорбленіемъ. Тотъ открылъ его рану, а онъ нашелъ лѣкарство. Будемъ же говорить: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику*, и когда другой скажетъ намъ то же, не будемъ досадовать. Если же мы, хотя сами признаемъ за собою много дурного, но, слыша это отъ другихъ, негодуемъ, то это уже не есть смиреніе и исповѣданіе, а честолюбіе и тщеславіе. Неужели, скажешь, называть себя самого грѣшникомъ значить тщеславиться? Да; этимъ путемъ мы приобретаемъ славу людей смиренныхъ, становимся предметомъ удивленія, похвалы; а если бы мы стали говорить о себѣ противное, то заслужили бы презрѣніе. Такъ мы и это дѣло совершаемъ изъ тщеславія.

Въ чемъ же состоитъ смиреніе? Въ томъ, чтобы переносить, когда кто-нибудь другой поносить насъ, сознавать грѣхъ свой, терпѣть злословіе. Впрочемъ и это было бы знакомъ не столько смиренія, сколько благоразумія. Между тѣмъ мы теперь хотя сами себя называемъ грѣшными, недостойными, и говоримъ многое

другое, но если кто-нибудь другой скажетъ объ насъ что-либо подобное, то мы раздражаемся, свирѣпѣемъ. Видишь ли, что у насъ нѣтъ исповѣданія грѣховъ и даже благоразумія? Ты самъ называешь себя такимъ; не досадуй же, когда слышишь то же отъ другихъ, когда обличаютъ тебя другіе. Когда другіе поносятъ тебя, тогда чрезъ это обличаются грѣхи твои; они на себя налагаютъ бремя, а тебя приводятъ къ любу мудрію. Послушай, что говорилъ блаженный Давидъ, когда проклиналъ его Семей: *оставите его: Господь рече ему, негли призритъ на смиреніе мое: и возвратитъ ми Господь благая, вмѣсто клятвы его въ днешній день* (2 Цар. хvi, 11, 12). А ты, самъ о себѣ говоря много дурного, негодуешь, если не слышишь себѣ отъ другихъ тѣхъ похвалъ, какія воздаются великимъ праведникамъ. Не видишь ли, что ты шутишь въ дѣлахъ нешуточныхъ? Такъ мы отклоняемъ похвалы изъ желанія другихъ похвалъ, чтобы послѣ получить большія похвалы, чтобы намъ еще болѣе удивлялись. Такъ, не допуская похвалъ, мы дѣлаемъ это для увеличенія ихъ; и все вообще дѣлается у насъ изъ тщеславія, а не по правдѣ. Потому-то у насъ все пусто, все невѣрно. Итакъ, увѣщаваю васъ, удержимся хотя нынѣ отъ источника золъ—тщеславія, и станемъ жить богоугодно, чтобы намъ сподобиться и будущихъ благъ. во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ.

БЕСѢДА XXVIII.

191 Пройдоша въ милотехъ, въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бѣ достоинъ міръ сей: въ пустыняхъ скитающесе, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастьхъ земныхъ (Евр. xi, 37, 38).

1. И всегда, но особенно когда я размышляю о подвигахъ святыхъ, мнѣ приходитъ на мысль—осуждать свои дѣла; мы и во свѣ не испытывали того, въ чемъ эти мужи провели все время, не въ наказаніе за грѣхи, но постоянно совершая добрыя дѣла и постоянно подвергаясь скорбямъ. Представь Илію, о которомъ теперь начинается у насъ рѣчь; а о немъ здѣсь говорятъ (апостолъ) въ словахъ: *пройдоша въ милотехъ, и имъ оканчивають примѣры, не оставляя, впрочемъ, и другихъ, такъ какъ и для нихъ то же самое было дѣломъ обыкновеннымъ. Сказавъ объ апостолахъ, что они убійствомъ меча угроша и каменіемъ побіенны быша, онъ опять восходитъ къ Иліѣ, который пострадалъ подобно имъ. Такъ какъ они еще не имѣли такого мнѣнія объ апосто-*

лахъ. то онъ предлагаетъ утѣшаніе и утѣшеніе въ примѣрѣ того, кто былъ вознесенъ и кому они весьма удивлялись. *Пройдоша, говорятъ, въ милотехъ, въ козяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлобленн: иже не бѣ достоинъ мѣръ сей.* По избытку скорбей они не имѣли, говорятъ, ни одежды для прикрытія себя, ни города, ни дома, ни убѣжища, подобно какъ и Христосъ говорилъ о Себѣ: *сынъ человеческій не имать гдѣ главы поклонити* (Мѣ. viii, 20). Что я говорю: ни убѣжища? Даже покоя. И въ пустыняхъ они не находили покоя: не сказалъ (апостолъ), что они пребывали въ пустыняхъ, но что и тамъ скитались и оттуда были изгоняемы, не только изъ обитаемыхъ странъ, но и изъ необитаемыхъ. Здѣсь онъ упоминаетъ и о мѣстахъ, гдѣ они находились, и о томъ, что тамъ происходило съ ними: *лишени, говоритъ, скорбяще.* Васъ, говорятъ, осуждаютъ за Христа; то же дѣлали и съ Иліею: но за что его осуждали, гнали, преслѣдовали и заставляли томиться голодомъ? То же самое и они тогда терпѣли, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что братія разсудили послать страждущимъ ученикамъ: *по елику кто имѣяше что, изволиша ꙗжеждо ихъ на службу послати живущимъ во Іудеи братіямъ* (Дѣян. xi, 29). Такъ было съ ними. *Озлобленн, говоритъ, т. е. страдая, подвергаясь изгнаніямъ, опасностямъ.* То же самое было и съ 192 ними. *А слова: *проидоша въ пустыняхъ скитающесе, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастьхъ земныхъ,* означаютъ не что иное, какъ то, что они скитались, подобно бѣглецамъ и переселенцамъ, подобно людямъ, виновнымъ въ тяжкихъ преступленіяхъ и недостойнымъ взирать на солнце, и даже въ пустыняхъ не находили убѣжища, но постоянно должны были бѣгать, должны были искать пристанища, должны были живыми зарываться въ землю, постоянно подвергаться страху. *И сѣи вси послушествовани бывше строго, не пріяша обѣтованія, Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ совершенство пріимуть* (ст. 39, 40). Какая же, говорятъ, награда за такую надежду? Какое воздаяніе? Великое, и столь великое, что даже не можетъ быть выражено словомъ: *иже, говоритъ, око не видѣтъ, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, ꙗже уготова Богъ любящимъ его* (1 Кор. ii, 9). Но они еще не получили этого, еще ожидаютъ, скончавшись въ такихъ скорбяхъ. Уже прошло столько времени, какъ они остались побѣдителями, и еще не получили награды: а вы, находясь еще въ подвигѣ, сѣгуете? Подумайте, что значить и чего стоитъ Аврааму и апостолу Павлу ожидать, когда ты достигнешь совершенства, чтобы тогда имѣть возможность получить награду. Спаситель предсказалъ, что Онъ не дастъ имъ награды, пока мы не придемъ, подобно тому, какъ чадолюбивый отецъ говоритъ благо-

нравнымъ и исполнившимъ свое дѣло дѣтямъ, что не дасть имъ ѣсть, пока не придутъ ихъ братья. А ты сѣтуешь, что еще не получилъ награды? Что же дѣлать Авелю, который прежде всѣхъ побѣдилъ и остается неувѣнчаннымъ? Что—Нюю? Что—другимъ, жевшимъ въ тѣ времена и ожидающимъ тебя и тѣхъ, которые будутъ послѣ тебя?

Видишь, что мы имѣемъ преимущество предъ ними? Поэтому хорошо сказалъ (апостоль): *Богу лучшее что о насъ предзрѣшу*. Чтобы не казалось, будто они имѣютъ преимущество предъ нами въ томъ, что увѣнчиваются первые, (Богъ) опредѣлилъ увѣнчать всѣхъ въ одно время, и тотъ, кто побѣдилъ за столько лѣтъ, получить вѣнецъ вмѣстѣ съ тобою. Видишь ли попеченіе (о насъ Божіе)? И не сказалъ: да не безъ насъ будутъ увѣнчаны, но: *да не безъ насъ совершенство примутъ*; значить—тогда они и совершенными окажутся. Они предупредили насъ въ подвигахъ, но не предупредить въ полученіи вѣнцовъ; и это не есть несправедливость къ нимъ, но честь намъ, такъ какъ и они ожидаютъ своихъ братьевъ. Если всѣ мы—одно тѣло, то для этого тѣла болѣе удовольствія, когда оно увѣнчается всецѣло, а не по частямъ. Праведники потому и достойны удивленія, что они радуются благамъ братьевъ такъ же, какъ своимъ собственнымъ. И они сами желаютъ—быть увѣнчанными съ другими своими членами, потому что въ общемъ прославленіи—великое удовольствіе. *Тѣмъ же убо и мы толіко и муще облегающъ насъ облакъ свидѣтелей* (хп, 1).

2. Писаніе часто заимствуетъ утѣшеніе въ бѣдствіяхъ отъ обыкновенныхъ явленій, какъ, напр., когда пророкъ говоритъ: *отъ зноя, отъ жестости и дождя избавить тебя* (Иса. iv, 6), и Давидъ: *во дни солнце не ожжетъ тебе, ниже луна ночью* (Псал. cxh, 6). Такъ (и апостоль) здѣсь говоритъ, что какъ облако своею тѣнію защищаетъ того, кого палать жгучіе лучи, такъ и воспоминаніе о святыхъ восстанавливаетъ и укрѣпляетъ душу, удрученную бѣдствіями. Не сказалъ: висящій надъ нами, но: *облегающъ насъ*, что означаетъ болѣе и показываетъ, что, облекая кругомъ, (это облако свидѣтелей) дѣлаетъ насъ болѣе безопасными. Свидѣтелями же онъ называетъ не только новозавѣтныхъ мужей, іо и ветхозавѣтныхъ, потому что и они свидѣтельствовали о величіи Божіемъ, какъ, напр., три отрока, современники Иліи и всѣ пророки. *Бремя всякое отложше*. Какое—всякое? Т. е. сонъ, нерадѣніе, низкіе помыслы, все человѣческое. *И удобообстоятельный грѣхъ*. *Удобообстоятельный*, говоритъ, т. е. или удобно овладающій нами, или удобно побѣждаемый; лучше послѣднее. такъ какъ мы можемъ, если захотимъ, легко побѣдить грѣхъ. *Терпѣніемъ*, говоритъ, *да течемъ на предлежащій намъ подвигъ*. Не

сказалъ: будемъ бороться, или: будемъ ратовать, или: будемъ сражаться, но что всего легче на поприщѣ, то и поставляетъ на видъ. Не сказалъ также: усилимъ теченіе, но: будемъ терпѣливы въ томъ же самомъ теченіи, не будемъ ослабѣвать. *Да течемъ, говорить, на предлагацій намъ подвигъ.* Потомъ представляетъ главное утѣшеніе, которое онъ предлагаетъ и прежде, и послѣ,— Христа: *взирающе, говорить, на начальника вѣры и совершителя Исуса* (ст. 2). Такъ и самъ Христосъ постоянно говорилъ ученикамъ: *аще господина дому Веельзевула нарекоша, коими паче домашніа его* (Мѡ. х, 25)? и еще: *кѣсть ученикъ надъ учителя, ниже рабъ надъ господина своего* (ст. 24). *Взирающе, говорить, т. е., чтобы намъ научиться подвигамъ, будемъ взирать на Христа.* Какъ во всѣхъ искусствахъ и упражненіяхъ мы смотримъ на учителей и такимъ образомъ напечатлѣваемъ искусство въ душѣ своей, при помощи зрѣнія извлекая для себя нѣкоторыя правила,—такъ точно и здѣсь. Если мы хотимъ подвизаться и научиться подвизаться хорошо, то будемъ взирать на Христа, начальника вѣры и совершителя Исуса. Что это значить? Т. е. Онъ внѣдрилъ въ насъ вѣру, Онъ положилъ начало, какъ и Христосъ говорилъ ученикамъ своимъ: *не вы мене избросте, но азъ избрахъ васъ* (Іоан. хv, 16); а Павелъ говорить: *тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ* (1 Кор. хiii, 12). Если же Онъ самъ положилъ въ насъ начало, то Онъ же совершитъ и конецъ. *Иже вмѣсто предлагащія ему радости, претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ,* т. е., Онъ могъ бы и не страдать, если бы захотѣлъ, потому что Онъ беззаконія не сотвори, ниже обрѣтется лѣсть во устѣхъ его (Иса. lш, 9), какъ и самъ Онъ говорить въ Евангеліи: *грядетъ міра князь, и во мнѣ не имать ничегоже* (Іоан. хiv, 30). Слѣдовательно, Онъ могъ бы, если бы захотѣлъ, не идти на крестъ: *область имамъ, говорить Онъ, душу мою положить, и область имамъ паки пріяти ю* (Іоан. х, 18). Если же Онъ, не имѣя никакой нужды быть распитымъ, распялся для насъ, то не тѣмъ ли болѣе справедливо намъ переносить все мужественно? *Иже вмѣсто предлагащія ему радости, претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ.* Что значить: *о срамотѣ нерадивъ?* Онъ избралъ, говорить, поносную смерть. Пусть Онъ умеръ: но для чего поностною смертію? Не для чего иного, какъ для того, чтобы научить насъ—ставить ни во что славу человеческую. Потому Онъ и избралъ такую (смерть), не будучи причастенъ грѣху, чтобы научить насъ мужественно встрѣчать ее и ставить ее ни во что. Почему не сказалъ: о скорби, но: *о срамотѣ?* Потому что (Христосъ) переносилъ это не со скорбію. Что же наконецъ? Послушай, что говорить далѣе: *одесную же престола Божія сѣде.* Замѣчаешь побѣдную награду? То же гово-

риѣ Павелъ и въ другомъ посланіи: *тѣмже и Богъ его превознесе, и дарова ему имя, еже нѣче всякаго имени, да о имени Иисусъ Христовъ всяко колѣно поклонится* (Филип. п, 9, 10). Это говоритъ онъ (о Христѣ) по плоти. Впрочемъ, если бы и не было никакой награды, то этого примѣра достаточно было бы для убѣжденія насъ—перепосить все; нѣтъ же предлагаются намъ и награды, и не какія-нибудь, а великія и неизреченныя. Итакъ, когда мы будемъ терпѣть что-нибудь подобное, то прежде чѣмъ на апостоловъ, будемъ взирать на Христа. Почему? Потому что вся жизнь Его была исполнена скорбей; Онъ часто слышалъ, какъ называли Его бѣснующимся, обманщикомъ, чародѣемъ. Иногда іудеи говорили: *нѣсть сей отъ Бога* (Іоан. ix, 16); а иногда: *ни, но лъститъ народы* (Іоан. vii, 12); и еще: *лъстѣць онъ рече, еже сый живъ: по тріехъ днехъ востану* (Мт. xxvi, 63); и въ чародѣйствѣ обвиняли Его, говоря: *о Вельзевулъ изгонитъ бѣсы* (Мт. xii, 24), и въ томъ, что Онъ бѣснуется и имѣетъ бѣса: не правду ли сказали мы, говорили, что Онъ *бѣса имать и неистовъ есть* (Іоан. x, 20)? И такіе отзывы выслушивалъ Онъ отъ нихъ, въ то время, когда оказывалъ благодѣянія, совершалъ чудеса, являлъ дѣла Божіи. Если бы Онъ выслушивалъ это, не дѣлая ничего подобнаго, то не было бы удивительно; но если Онъ, научая истинѣ, былъ называемъ обманщикомъ,—изгоня бѣсовъ, былъ порицаемъ какъ имѣющій бѣса,—истребляя все противное, былъ провозглашаемъ за чародѣя,—то не крайне ли это удивительно? Дѣйствительно, на Него непрестанно возводили такіа обвиненія.

3. Если хочешь знать и тѣ насмѣшки и порицанія, которыя были направлены противъ Него и которыя особенно возмущаютъ наши души, то послушай, какъ смѣялись, во-первыхъ, надъ Его происхожденіемъ: *не сей ли, говорили, есть тектоновъ сынъ, егже мы знаемъ отца и мать? и братія его не вся ли съ насъ суть* (Мт. xiii, 55; Іоан. vi, 24)? И надъ отечествомъ Его смѣялись, говоря, что Онъ—изъ Назарета, и выражаясь такъ: *испытай и* 195 *виждь, яко пророкъ отъ Галилеи не приходитъ* (Іоан. vii, 52). Но Онъ переносилъ всѣ эти насмѣшки. Говорили также: *не Писаніе ли рече, яко отъ Вавилемскія веси Христосъ приидетъ* (vii, 42)? Хочешь ли видѣть и тѣ оскорбленія, которыя были наносимы Ему при самомъ крестѣ? Кланялись Ему въ насмѣшку, били и заушали Его и говорили: *прорцы намъ, кто есть ударей ты* (Мт. xxvi, 68); подносили укусы и говорили: *аще сынъ еси Божій, скиди со креста* (Мт. xxvii, 40). Даже рабъ архіерейскій ударилъ Его, а (Господь) сказалъ: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли ообръ, что мѣ бѣеши* (Іоан. xviii, 23)? Издѣваясь надъ Нимъ, оуби Его въ хламиду и плевали Ему въ лице, и постоянно

ругались надъ Нимъ, искушая Его. Хочешь ли видѣть обнищенія противъ Него, и тайныя и явныя, и со стороны учениковъ? *Еда и вы хотите ити* (Іоан. vi, 67)?—говорилъ Онъ имъ: *нѣ быхъ ли имали?*—говорили уже увѣровавшіе (Іоан. vii, 20). Развѣ Онъ, скажи мнѣ, не удалялся постоянно то въ Галилею, то въ Іудею? Не отъ пеленокъ ли подвергался Онъ многимъ искушеніямъ? Не младенцемъ ли Онъ былъ, когда мать, взявъ Его, убѣжала въ Египетъ? Потому (Павелъ) и говоритъ: *взирающе на начальника вѣры и совершителя Іисуса, иже вмѣсто предлежащія ему радости претерпѣть крестъ, о срамотѣ нерадивъ, одесную же престола Божія сѣде*. Будемъ же взирать на Него, равно и на (страданія) учениковъ Его, читая и внимая тому, что говоритъ Павелъ: *въ терпѣніи мнози, въ скорбяхъ, въ бѣдахъ, въ гоненіяхъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ, въ нестроеніихъ, въ пощенихъ, въ трудѣхъ, во очищеніи, въ разумѣ* (2 Кор. vi, 4—6); и еще: *до нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страдаемъ, и сиѣтаемся, и труждаемся, облающе своими руками: укоряемъ, благословляемъ: гонимъ, терпимъ: хулимъ, молимъ* (1 Кор. iv, 11—13). Можетъ ли изъ насъ кто-нибудь сказать, что онъ перенесъ хотя малѣйшую часть такихъ страданій? Мы, говоритъ онъ, какъ обманщики, какъ безчестные, какъ ничего не имѣющіе (2 Кор. vi, 10); и еще: *отъ Іудей пятькратно четьредесать развѣ единыя пріяхъ: трици палицами биевъ быхъ, единою каменю камешемъ быхъ, ночь и день во глубинѣ сотворихъ, въ путныхъ шествіихъ множицею, въ скорбяхъ, въ тѣснотѣхъ, въ голодѣ* (2 Кор. xi, 24—26). А что все это угодно было Богу, о томъ послушай, какъ онъ самъ говоритъ: *о семъ трикратно Господа молихъ, и рече ми: доизвѣсть ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. xii, 8, 9). Тѣмже, говоритъ, и *благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ, да вселится въ мя сила Христова* (2 Кор. xii, 10, 9). И самъ Христосъ, послушай, что говоритъ: *въ мѣртъ скорбни будете* (Іоан. xvi, 83). *Помыслите убо, продолжаетъ (апостолъ), таковое пострадавшаго отъ грѣшникъ на себе прекословіе, да не стужаете, душами своими ослабляемъ* (ст. 3). Справедливо онъ прибавилъ это, потому что если страданія ближнихъ ободряютъ насъ, то какого утѣшенія не доставятъ намъ страданія Владыки? Чего не сдѣлаютъ съ нами? И замѣть, какъ онъ, не исчисляя всего, въ этомъ прибавленіи обозначилъ все словомъ: *прекословіе*; заушенія, насмѣшки, оскорбленія, поношенія, поруганія, все это онъ назвалъ прекословіемъ, и не только это, но и все то, что было во всю жизнь Его учительства. Будемъ же, возлюбленные, постоянно вспоминать объ этомъ, будемъ ночью и днемъ содержать его въ мысляхъ

своихъ, зная, что это принесетъ намъ великія блага, что мы получимъ отсюда великую пользу.

Великое, дѣйствительно великое утѣшеніе для насъ—страданія Христа и апостоловъ. Этотъ путь къ добродѣтели (Христость) считалъ столь прекраснымъ, что и самъ шелъ по нему, не имѣя въ томъ нужды; скорбь признавалъ Онъ такъ полезно для насъ, какъ бы она была источникомъ радости. Послушай въ самомъ дѣлѣ, что самъ Христость говоритъ: *уже не приметь креста своего, и въ слѣдъ мене грядеть, нѣсть мене достоинъ* (Мѣ. х, 38). Такимъ наставленіемъ Онъ внушаетъ какъ бы слѣдующее: если ты ученикъ, то подражай учителю,—это свойственно ученику. Если же Онъ шелъ по скорбному пути, а ты идешь по радостному, то ты идешь не по тому пути, по которому Онъ шелъ, а по другому. Какой же ты послѣдователь, когда не слѣдуешь? Какой ты ученикъ, когда не подражаешь учителю? Такъ и Павелъ говоритъ: *мы немощни, вы же крѣпцы: мы безчестни, вы же славни* (1 Кор. iv, 10). Согласно ли, говоритъ, съ разумомъ—имѣть вамъ противоположныя съ нами стремленія, и вмѣстѣ быть вамъ учениками, а намъ учителями? Итакъ, возлюбленные, великое благо—скорбь; она производитъ два величайшія дѣла, очищаетъ грѣхъ и дѣлаетъ насъ мужественными.

4. Но что, скажешь, если она преодолѣетъ и погубитъ? Нѣтъ, не скорбь дѣлаетъ это, а наша лѣность. Какъ такъ? Если мы будемъ бодрствовать, если будемъ молить Бога, чтобы Онъ не пустилъ намъ *искуситися паче еже можемъ* (1 Кор. х, 13), если всегда будемъ преданы Ему, то мы устоямъ мужественно и выдержимъ борьбу. Пока мы будемъ имѣть Его своимъ помощникомъ, до тѣхъ поръ хотя бы искушенія сильнѣе всякихъ буръ нападали на насъ, они будутъ для насъ сѣномъ и листьями, легко уносимыми (вѣтромъ). Послушай Павла, который говоритъ: *во всѣхъ сихъ претѣвждаемъ* (Рим. viii, 37); и еще: *непщую бо, яко недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явитися въ насъ* (Рим. viii, 18); и еще: *еже бо нынѣ легкое печали, по преумноженію въ преслѣваніе тяготу вѣчную славы содѣлываетъ намъ* (2 Кор. iv, 17). Смотри, какія опасности, кораблекрушенія, непрестанныя скорби и все тому подобное онъ называетъ легкимъ, и подражай этому адаманту, какъ бы совершенно не облеченному тѣломъ. Ты находишься въ бѣдности? Но не въ такой, въ какой былъ Павелъ, искушившійся и въ голодѣ, и въ жадѣ, и въ наготѣ; и не одинъ только день онъ терпѣлъ это, а переносилъ постоянно. Откуда это извѣстно? Послушай, какъ онъ самъ говоритъ: *до нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ* (1 Кор. iv, 11). О, сколько терпѣлъ (этотъ мужъ), уже просла-

вившійся проповѣдію, уже двадцать лѣтъ подвизавшійся къ тому времени, какъ онъ писалъ это. *Вѣмъ, говоритъ, человека прежде лѣтъ четырнадцати, аще въ тѣлѣ, аще ли крестъ тѣла, не въмѣ* (2 Кор. хп, 2); и въ другомъ мѣстѣ: *по трієзъ лѣтъхъ въздохъ* 197 *въ Іерусалимъ* (Гал. і, 18). И еще, послушай, какъ онъ говоритъ: *добре мнѣ паче умерети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (1 Кор. іх, 15). И не только такъ, но еще, послушай, что онъ говоритъ: *якоже отребѣ міру быхомъ* (1 Кор. іv, 18). Что хуже голода, холода, козней отъ братій, которыхъ, впрочемъ, онъ называетъ лжебратіями? Не называли ли его и губителемъ вселенной, и обольстителемъ, и обманщикомъ? Не били ли его бичами? Будемъ же содержать это въ умѣ, возлюбленные, будемъ помышлять объ этомъ, будемъ помнить это, и мы никогда не падемъ духомъ, хотя бы насъ обижали, хотя бы грабили, хотя бы причиняли тысячи другихъ бѣдствій. Дай Богъ намъ благоденствовать на небесахъ, а все здѣшнее сносно; дай Богъ намъ достигнуть блаженства тамъ, а все здѣшнее нисколько не важно. Это—тѣнь и сновидѣніе; каково бы оно ни было, но въ сравненіи съ будущимъ и ожидаемымъ въ немъ нѣтъ ничего тяжкаго ни по качеству, ни по времени. Что можемъ мы сравнить съ тамошними мученіями, съ огнемъ неугасаемымъ, съ червемъ неумирающимъ? Что здѣшнее можно сравнить со скрежетомъ зубовъ, заключеніемъ во тьму кромѣшнюю, яростію, печалію, воздыханіемъ? А въ отношеніи времени, что значать даже десятки тысячъ лѣтъ сравнительно съ безпредѣльными и нескончаемыми вѣками? Не малая ли это капля предъ безпредѣльною бездною? А тамошнія блага? Они несравненно превосходятъ здѣшнихъ: *ихже око не видѣтъ, говоритъ (апостолъ), и ухо не слыша, и на сердце человеку не въздоша* (1 Кор. іі, 9). И они также будутъ продолжаться въ безконечные вѣки. Поэтому ужели не стоитъ для нихъ тысячекратно пострадать, быть убитымъ, быть сожженнымъ, претерпѣть тысячи смертей, перенести все, что только есть ужаснаго и на словахъ, и на дѣлѣ? Вѣдь если (можетъ случиться, что) мы будемъ жить сгорая въ огнѣ, то не слѣдуетъ ли перенести все, чтобы удостоиться тѣхъ обѣщанныхъ благъ?

Но для чего я напрасно говорю это людямъ, которые не хотятъ даже отказаться отъ привязанности къ деньгамъ, считаютъ ихъ какъ бы безсмертными и, если подадутъ только малое изъ многаго, то думаютъ, что уже исполнили все? Нѣтъ, это—не милостыня; милостыня—(подаваніе) той вдовы, которая пожертвовала *все житіе свое* (Марк. хп, 44). Если же ты не хочешь подать столько, сколько эта вдова, то отдай по крайней мѣрѣ все лишнее; пусть будетъ у тебя всего достаточное, но безъ излишества. Но никто

не подаетъ даже и лишняго; а пока ты имѣешь множество слугъ и шелковыя одежды, то все это лишнее. Нѣтъ ни нужды, ни пользы въ томъ, безъ чего мы можемъ жить; это—лишнее и извнѣ привходящее. Посмотримъ же, если угодно, безъ чего мы не можемъ жить. Если мы имѣемъ только двоихъ слугъ, то можемъ жить. Вѣдь если нѣкоторые живутъ вовсе безъ слугъ, то какое мы можемъ имѣть оправданіе, не довольствуясь двумя? Мы можемъ имѣть и кирпичный домъ съ тремя комнатами, и этого будетъ для насъ достаточно; развѣ, скажи мнѣ, нѣтъ людей, которые съ дѣтьми и женою занимаютъ только одну комнату? Пусть же будутъ у тебя, если хочешь, двое слугъ. Но не стыдно ли, говорятъ, свободной женщины ходить съ двумя только слугами? Нѣтъ, не съ двумя слугами стыдно ходить свободной, а стыдно ходить съ многими. Можетъ быть, вы смѣетесь, 198 слушая это. Повѣрьте, стыдно ходить съ многими. Точно какіе продавцы овецъ, или торговцы невольниками, вы считаете чѣмъ-то важнымъ—ходить въ сопровожденіи множества слугъ. Это—гордость и тщеславіе; а то—благоразуміе и скромность. Свободной женщиной нужно отличаться не множествомъ идущихъ за нею: что за добродѣтель—имѣть много невольниковъ? Это несвойственно нашей душѣ; а что несвойственно душѣ, то не дѣлаетъ ея свободною. Когда она довольствуется немногимъ, тогда она истинно свободна; а когда нуждается во многомъ, тогда она—раба и хуже невольниковъ.

5. Скажи мнѣ: ангелы не одни ли обтекаютъ вселенную и нуждаются ли въ комъ-нибудь, кто бы слѣдовалъ за ними? Неужели потому они, не нуждающіеся въ этомъ, хуже насъ, нуждающихся? Если же не имѣть нужды въ сопровождающихъ свойственно ангеламъ, то кто ближе къ ангельской жизни,—та ли, которая имѣетъ нужду во многихъ слугахъ, или которая—въ немногихъ? И развѣ это стыдно? Стыдно дѣлать что-нибудь порочное. Кто, скажи мнѣ, болѣе обращаетъ на себя вниманіе находящихся на площади,—та ли, которую сопровождаютъ многіе, или которую—немногіе? А еще болѣе этой, сопровождаемой многими,—не та ли, которая выходитъ одна, безъ всякой пышности? Видишь ли, какъ первое постыдно? Кто болѣе обращаетъ на себя вниманіе находящихся на площади,—та ли, которая носить красивыя одежды, или та, которая одѣвается просто и неизысканно? Кто болѣе обращаетъ на себя вниманіе находящихся на площади,—та ли, которая ѣдетъ на мулахъ, съ позолоченными покрывами, или та, которая выходитъ просто и какъ случилось, но съ приличіемъ? Не правда ли, что на послѣднюю мы не обращаемъ особеннаго вниманія, хотя и видимъ ее, а первую не

только многіе стараются увидѣть, но и спрашиваютъ: кто это такая и откуда? Не стану говорить, сколько отсюда рождается зависть. Что же, скажи мнѣ, стыднѣе—быть, или не быть предметомъ наблюденія? Когда бываетъ болѣе стыдно,—когда всѣ смотрятъ на нее, или когда никто не смотритъ,—когда стараются узнать объ ней, или когда нисколько не заботятся? Видишь ли, что не изъ стыда, а изъ тщеславія мы дѣлаемъ все это. Впрочемъ, васъ невозможно отъучить отъ этого, и потому для меня довольно будетъ внушить вамъ, что простота не постыдна. Постыденъ одинъ грѣхъ, котораго никто не считаетъ постыднымъ, а скорѣе считаетъ такимъ все другое, кромѣ грѣха. Одежды должны быть у насъ сообразныя потребности, а не излишнія; впрочемъ, чтобы намъ не слишкомъ опечалить васъ, внушаю только, что у насъ не должны быть ни позолоченныя одежды, ни тонкіе покровы. Не я говорю это, не мои это слова, но блаженнаго Павла, который, послушай, какъ увѣщаетъ женъ украшать себя: *не въ плетенихъ, ни златомъ, или бисеромъ, или ризами многоцѣнными* (1 Тим. п, 9). Чѣмъ же, Павелъ, научи насъ? Можетъ быть, скажутъ, что одни только золотыя одежды драгоценны, а шелковыя не драгоценны; научи же насъ, чѣмъ именно? *Имѣюще же*, говоритъ онъ, *лицу и одѣяніе, симъ довольно будемъ* (1 Тим. vi, 8). Одежда должна быть такова, чтобы только прикрывала; для того Богъ и далъ намъ ее, чтобы мы прикрывали наготу, а это можетъ дѣлать и всякая недорогая одежда. Можетъ быть, теперь и смѣтесъ вы, нося шелковыя одежды. Поистинѣ, это достойно смѣха. Что заповѣдалъ Павелъ, и что дѣлаемъ мы? Не къ однимъ только женамъ я обращаю свое слово, но и къ мужьямъ. Все, что мы имѣемъ, кромѣ этого, есть лишнее. Одни только нищіе не имѣютъ лишняго, но и тѣ, можетъ быть, по необходимости, такъ что, если бы можно было, то и они не отказались бы. Впрочемъ по наружности ли только, или въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ они не имѣютъ лишняго. Такъ и мы будемъ носить одежды, удовлетворяющія необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему служить обиліе золота? Это прилично дѣйствующимъ на сценѣ; это—одежда ихъ, тѣхъ распутныхъ женщинъ, которыя дѣлаютъ все для того, чтобы выставиться. Пусть наряжается актриса или танцовщица: ей хочется привлечь къ себѣ всѣхъ. А посвятившая себя благочестію не такъ должна украшаться; у ней есть другое украшеніе, гораздо лучшее.

И у тебя есть свое зрѣлище: украшайся прилично этому зрѣлищу; облакайся въ этотъ нарядъ. Какое же твое зрѣлище? Небо, ликъ ангеловъ. Говорю не объ однихъ только посетив-

шихъ себя дѣвству, но и о мірскихъ; для всѣхъ, вѣрующихъ во Христа, открыто это зрѣлище. Будемъ же говорить то, чѣмъ можно доставить удовольствіе этимъ зрителямъ, и одѣваться такъ, чтобы они радовались. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, если бы блудница, оставивъ золотыя украшенія и одежды, смѣхъ, шуточные и непристойныя выраженія, одѣлась въ простую одежду и украсила себя неизысканно, если бы она вышла и стала говорить благочестивыя рѣчи, бесѣдовать о цѣломудріи и не произносить ничего неприличнаго,—то не встали ли бы всѣ, не нарушилось ли бы зрѣлище, не выгнали ли бы ее вонъ, какъ не умѣющую примѣняться къ народу и говорящую о томъ, что чуждо этому сатанинскому зрѣлищу? Такъ, если и ты, одѣвшись въ свойственныя ей одежды, войдешь на зрѣлище небесное, то зрители изгонять тебя вонъ. Тамъ нужны не эти золотыя одежды, а другія. Какія же? Тѣ, о которыхъ говоритъ пророкъ: *ясны златыми одѣяна, преиспещрена* (Псал. хлѣ, 14). Не тѣло нужно дѣлать бѣлымъ и блестящимъ, но украшать душу, потому что она подвизается и борется. *Вся слава дщере царевы внутри*, говоритъ (пророкъ). Такъ украшай себя. Тогда ты избавишься отъ множества и другихъ золь, освободишь и мужа отъ заботъ и себя отъ хлопотъ; тогда ты будешь и почтенна въ глазахъ мужа,—если не станешь нуждаться во многомъ.

6. Всякій человѣкъ обыкновенно гордится предъ тѣми, которые нуждаются въ немъ; а когда видитъ неимѣющихъ въ немъ нужды, тогда умѣряетъ гордость и говоритъ съ ними, какъ съ равными. Такъ и мужъ, если увидитъ, что ты ничего не требуешь отъ него, что ты не дорожишь его подарками, то, хотя бы онъ былъ крайне высокомеренъ, будетъ уважать тебя гораздо болѣе, нежели видя тебя одѣтую въ золотыя одежды, и ты уже не будешь больше его рабомъ. Въ комъ мы имѣемъ нужду, тому по необходимости подчиняемся; если же воздержимъ себя, то не будемъ ему подвластны, и онъ пойметъ, что мы по страху Божію оказываемъ ему нѣкоторое повиновеніе, а не за (подарки) его. Между тѣмъ теперь онъ поступаетъ какъ бы оказавшій намъ великія благодѣянія и, какой бы чести ни удостоивался отъ насъ, думаетъ, что еще не вся честь воздана ему; а тогда, если онъ удостоится хотя малой чести, будетъ благодаренъ, не станетъ упрекать и самъ не будетъ вынужденъ предаваться любостыжанию для тебя. Что можетъ быть безразсуднѣе, какъ собирать золотыя украшенія для того, чтобы показывать ихъ въ баняхъ и на торжищахъ? Но, впрочемъ, еще можетъ быть нисколько неудивительно, что (это дѣлается) въ баняхъ и на торжищахъ; а весьма 200 смѣшно входить и въ церковь одѣтою такимъ образомъ. Къ чему

исходитъ сюда въ золотыхъ украшеніяхъ та, которая должна здѣсь
 выслушать, что нужно украшаться *ни златомъ, или бисерми, или*
ризами многоцѣнными (1 Тим. п, 9)? Для чего же ты, жена, во-
 ходишь сюда? Не спорить ли съ Павломъ и доказать, что, хотя бы
 онъ тысячу разъ говорилъ это, ты не исправишься? Не обличать
 ли насъ—учителей и показать, что мы напрасно говоримъ объ
 этомъ? Скажи мнѣ: если какой-нибудь язычникъ и невѣрный,
 услышавъ приведенное мѣсто, гдѣ блаженный Павелъ убѣждаетъ
 женъ не украшаться *ни златомъ, или бисерми, или ризами много-*
цѣнными, и имѣя жену вѣрную, увидить, что она много забо-
 тится объ украшеніи себя и наряжается въ золотыя одежды,
 чтобы идти въ церковь, то не скажетъ ли онъ самому себѣ, когда
 она одѣвается и убирается въ своей спальнѣ: зачѣмъ жена моя
 остается въ спальнѣ? Зачѣмъ медлитъ? Зачѣмъ надѣваетъ золо-
 тыя (украшенія)? Куда хочетъ идти? Въ церковь? Для чего? Для
 того, чтобы услышать: не украшайте себя *ризами многоцѣнными*?
 Не станетъ ли онъ послѣ этого смѣяться? Не будетъ ли надѣ-
 ваться? Не сочтетъ ли наше (ученіе) шуткою и обманомъ? По-
 тому, увѣщевашъ васъ, предоставимъ золотыя (украшенія мірскимъ)
 торжествамъ, зрѣлищамъ и моднымъ лавкамъ; образъ же Божій
 долженъ украшаться не этимъ; свободная должна украшаться
 свободою; а свобода чужда гордости и тщеславія. Такимъ обра-
 зомъ, ты приобрѣтешь славу и отъ людей, если хочешь приобрѣсти
 ее. Женѣ мужа богатаго мы не столько удивляемся тогда, когда
 она одѣта въ золотыя и шелковыя одежды,—это обыкновенно для
 всѣхъ,—сколько тогда, когда она будетъ одѣта въ одежду про-
 стую и неизысканную, сдѣланную изъ одной только шерсти; этому
 всѣ будутъ удивляться, этому станутъ рукоплескать. Въ украше-
 ніи себя золотыми и драгоценными одеждами она имѣетъ себѣ
 много сообщницъ (дѣлающихъ то же); если она превзойдетъ одну,
 ее превзойдетъ другая; если превзойдетъ всѣхъ, и тогда не срав-
 нится съ самою царицею. А тогда она превзойдетъ всѣхъ, и даже
 саму жену царя, потому что она одна при великомъ богатствѣ
 изберегъ свойственное бѣднымъ. Такъ, если даже мы домогаемся
 славы, то здѣсь больше славы. Говорю это не одиѣмъ вдовамъ
 и богатымъ,—здѣсь вѣдь, кажется, и самое вдовство заставляетъ
 поступать такъ,—но и замужнимъ. Но иначе, скажешь, я не буду
 нравиться мужу? Не мужу ты хочешь нравиться, а множеству
 бѣднѣйшихъ женъ, или лучше сказать, не нравиться, а унижать
 ихъ и оскорблять и тѣмъ увеличивать ихъ бѣдность. И какія
 хулы произносятся изъ-за тебя! Бѣдность, говорить, не должна
 быть; Богъ пеневидитъ нуждающихся, Богъ не любитъ бѣдныхъ.
 А что ты не мужу хочешь нравиться и не для него наряжаешься,

это очевидно для всѣхъ изъ твоихъ собственныхъ поступковъ. Какъ только ты переступаешь порогъ спальни, тотчасъ снимаешь все, и одежды, и золотыя (украшенія), и драгоценныя камни, и дома, конечно, не носишь ихъ. Если же въ самомъ дѣлѣ ты хочешь нравиться мужу, то можешь нравиться скромностію, кротостію, честностію; и повѣрь мнѣ, жена, какъ бы мужъ твой ни былъ низокъ и неводерженъ, гораздо болѣе удержитъ его твоя скромность, честность, простота, бережливость, умѣренность. Развратнаго (мужа) не удержишь, хотя бы ты придумывала тысячи подобныхъ (украшеній); это знаютъ тѣ, которые имѣли такихъ мужей; и какъ бы ты ни наряжалась, этотъ развратникъ уйдетъ къ другой; а цѣломудренному и скромному угодишь не этимъ, 201 но совершенно противнымъ; этимъ только оскорбишь его, внушивъ ему подозрѣніе своею привязанностію къ нарядамъ. Если мужъ, по скромности и благоразумію, и не скажетъ этого, то все же осудитъ тебя тайно, и отъ огорченія и досады не удержится. Такимъ образомъ не лишаешь ли ты себя всякаго удовольствія, возбуждая противъ себя ненависть?

7. Можетъ быть, вы съ негодованіемъ слушаете сказанное, огорчаетесь и говорите: онъ еще болѣе раздражаетъ мужей противъ женъ. Нѣтъ, я говорю это не съ тѣмъ, чтобы раздражить мужей, но желая, чтобы вы поступали такъ добровольно для васъ самихъ, а не для нихъ, — не съ тѣмъ, чтобы ихъ избавить отъ досады, но чтобы васъ отклонить отъ житейскихъ прихотей. Ты желаешь казаться красивою? И я желаю этого, но только — тою красотою, которой требуетъ Богъ, красотою, которой хочетъ Царь (небесный). Кого ты желаешь имѣть любовникомъ — Бога, или людей? Если ты будешь прекрасна этою красотою, то Богъ *возжелаетъ доброты твоея* (Псал. xlv, 12); а если — тою безъ этой, то Онъ отвернется отъ тебя, любовниками же твоими будутъ развратные люди, потому что не добрый человекъ тотъ, кто любитъ замужнюю женщину. Такъ рассуждай и о внѣшнихъ украшеніяхъ. То украшеніе, украшеніе душевное, привлекаетъ Бога; а это (украшеніе тѣлесное) — людей развратныхъ. Видишь, что я беспокоюсь о васъ, забочусь о васъ, о томъ, чтобы вы были прекрасными, истинно прекрасными и истинно славными, чтобы вмѣсто людей развратныхъ вы имѣли любовникомъ Владыку всѣхъ Бога? А имѣющая Его любовникомъ кому подобна? Она въ ангельскомъ хорѣ. Если возлюбленная царя считается блаженною больше всѣхъ, то чего удостоивается та, которую любить Богъ великою любовію? Если противопоставить ей цѣлую вселенную, то ничто не сравнится съ красотою ея. Будемъ же заботиться объ этой красотѣ, будемъ украшаться этимъ украше-

нѣмъ, чтобы намъ войти на небеса, въ духовныя обители, въ вѣчный брачный чертогъ. Красота тѣлесная отъ всего повреждается, и если даже хорошо сохраняется, если ни болѣзнь, ни заботы не искажаютъ ея,—что впрочемъ невозможно,—и тогда она не продолжается и двадцати лѣтъ; а эта (красота душевная) всегда цвѣтетъ, никогда не увядаетъ; она не боится никакой перемѣны, ни наступившая старость не наводитъ на нее морщинъ, ни приключившаяся болѣзнь не заставляеть увядать, ни безпокойная забота не вредить, но она выше всего этого. Напротивъ, та (красота тѣлесная) не успѣетъ появиться, какъ уже исчезаетъ, и, появившись, возбуждаетъ удивленіе не во многихъ. Люди благонравные не удивляются ей, а удивляются только невоздержные. Будемъ же заботиться объ этой красотѣ, а не о той; будемъ ее приобретать, чтобы намъ войти въ брачный чертогъ съ горящими свѣтильниками. Не дѣвамъ только это заповѣдано, но душамъ дѣвственнымъ; если бы это было заповѣдано просто дѣвамъ, то другія пять не были бы отвергнуты. Слѣдовательно, это относится ко всѣмъ, кто дѣвственъ душею, кто чуждъ житейскихъ попеченій,—а эти попеченія развращаютъ души. Потому, если мы оста- 220
немся чистыми, то войдемъ туда и будемъ приняты.

Обручить бо васъ, говоритъ, единому мужу, дѣву чисту пред- ставити Христови (2 Кор. xi, 2). Не дѣвамъ сказалъ онъ это, а цѣлому обществу Церкви. Нерастлѣнная душею есть дѣва, хотя бы она и имѣла мужа; она дѣвственна истинною, чудною дѣвственностію; самое тѣлесное дѣвство есть послѣдствіе и тѣнь этой дѣвственности, а она есть истинное дѣвство. Будемъ же приобретать ее, и мы тогда будемъ въ состояніи взирать на жениха съ свѣтлымъ лицомъ, войти съ горящими свѣтильниками, если у насъ не оскудѣетъ этотъ елей, если мы растопимъ золотыя (украшенія) и извлечемъ изъ нихъ елей, который дѣлаетъ свѣтильники горящими; а этотъ елей есть челоуѣколюбіе. Если мы удѣлимъ другимъ изъ нашего имущества, если содѣлаемъ изъ него елей, тогда онъ поможетъ намъ, и мы не станемъ говорить въ то время: *дадите намъ елея, яко свѣтильницы наши угасаютъ*, не будемъ нуждаться въ другихъ, не будемъ исключены, отошедши къ продающимъ, и не услышимъ, стуча въ двери, тѣхъ страшныхъ и ужасныхъ словъ: *не отъ васъ*; но будемъ признаны, войдемъ вмѣстѣ съ женихомъ и, вошедши въ духовный брачный чертогъ, будемъ наслаждаться безчисленными благами (Мѣ. хху, 8—12). Если и здѣсь чертогъ жениха бываетъ такъ блестящъ и брачные покои такъ прекрасны, что никто изъ зрителей не можетъ насмотрѣться, то не тѣмъ ли болѣе тамъ? Небо есть брачный покой, а чертогъ Жениха лучше неба; туда мы и войдемъ.

Если же такъ прекрасенъ чертогъ Жениха, то каковъ самъ Женихъ? Но что я говорю: снявъ золотыя (украшенія), отдадимъ ихъ нуждающимся? Если бы нужно было даже продать самихъ себя, изъ свободныхъ сдѣлаться рабами, для того, чтобы имѣть возможность быть вмѣстѣ съ этимъ Женихомъ, наслаждаться Его красотою, или только взирать на лице Его, то не должно ли было бы съ охотою исполнить все это? Для того, чтобы видѣть только земного царя, мы часто за взглядъ на него бросаемъ все, что у насъ подъ руками, и даже самое необходимое; для Царя же и вмѣстѣ Жениха небеснаго, для того, чтобы не только удостоиться видѣть Его, но и предшествовать Ему со свѣтильниками, быть близъ Него и оставаться съ Нимъ навсегда, чего не должно дѣлать, чего совершить, чего перенести? Потому, увѣщаваю васъ. будемъ хотя нѣсколько стремиться къ этимъ благамъ, будемъ любить этого Жениха, будемъ дѣвственными истиннымъ дѣвствомъ; а Владыка желаетъ отъ насъ дѣвственности душевной. Съ нею мы войдемъ на небо, не имѣя *скверны или порока, или ничто отъ таковыхъ* (Ефес. v, 27), и получимъ обѣщанныя намъ блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатию и человеколюбіемъ (Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXIX.

203 Не у до крове стаете, противу грѣха подвижающесе: и забыте утѣшеніе, еже вамъ яко сыномъ глаголетъ: сыне мой, не пренемай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй отъ него обличаемъ. Егоже бо любить Господь, наказуетъ: бѣтъ же всякаго сына, егоже приемлетъ. Аще наказаніе терпите, якоже сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ. Который бо есть сынъ, егоже не наказуетъ отецъ (Евр. xii, 4—7)?

1. Есть два рода утѣшенія, которые, повидимому, противоположны между собою, но взаимно много подкрѣпляютъ другъ друга; оба (апостоль) и приводить здѣсь. Именно: одинъ состоитъ въ томъ, когда мы говоримъ, что нѣкоторые люди много пострадали: душа дѣлается спокойною, если находить многихъ соучастниковъ своихъ страданій. Это (апостоль) представилъ выше, когда сказалъ: *вспоминайте первыя дни, въ нѣхже пресе-*

тѣмъ, *многъ подвигъ подъясте страданій* (Евр. х, 32). Другой состоитъ въ томъ, когда мы говоримъ: ты немного пострадалъ: такими словами мы ободряемся, возбуждаемся и дѣлаемся болѣе ютовыми—терпѣть все. Первое успокоиваетъ изнуренную душу и доставляетъ ей отдыхъ; а второе возбуждаетъ ее отъ лѣности и безпечности и отклоняетъ отъ гордости. Такъ, чтобы отъ приведеннаго свидѣтельства не родилась у нихъ гордость, смотри, что (Павель) дѣлаетъ: *не у до крове, говорить, стасте, противу грѣха подвизающесе; и забyste утѣшеніе*. Онъ не вдругъ высказать послѣдующія слова, но напередъ представилъ имъ всѣхъ, подвизавшихся до крове, затѣмъ замѣтилъ, что страданія Христовы составляютъ славу, и потомъ уже удобно перешелъ (къ послѣдующему). Такъ онъ и въ посланіи къ Коринѣянамъ говорить: *искушеніе васъ не достиже, точію человѣческое*, т. е. малое (1 Кор. х, 13), потому что такимъ именно образомъ душа можетъ пробудиться и ободриться, когда она представитъ, что еще не всего достигла, и убѣдится въ томъ предшествующими событиями. Смыслъ словъ его слѣдующій: вы, еще не подверглись смерти, вы только потеряли имущество и славу, вы только потерпѣли изгнаніе; Христосъ пролилъ кровь свою за васъ, а вы и за себя не пролили ея; Онъ даже до смерти стоялъ за истину, подвизаясь за васъ, а вы еще не подвергались опасностямъ, угрожающимъ смертію. *И забyste утѣшеніе*, т. е. опустили руки, ослабѣли. *Не у до крове, говорить, стасте, противу грѣха подвизающесе*. Здѣсь онъ показываетъ, что и грѣхъ сильно нападаетъ и также вооруженъ,—слово: *стасте* говорится къ стоящимъ. *Еже вамъ яко сыномъ глаголетъ: сыне мой, не пренемай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣи отъ него облачаемъ*. Представивъ утѣшеніе отъ дѣлъ, теперь онъ сверхъ того прибавляетъ утѣшеніе отъ изреченій, отъ приведеннаго свидѣтельства: *ниже ослабѣи, говорить, отъ него облачаемъ*. Итакъ это—дѣло Божіе; а не мало доставляетъ утѣшенія то, когда мы убѣждаемся, что случившееся могло произойти по дѣйствию Божію, по Его попущенію. Такъ и Павель говорить: *о семъ трикратно Господа молихъ, и рече ми: дозволѣтъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершася* (2 Кор. хп, 8, 9). Слѣдовательно Онъ самъ попускаетъ это. *Егоже бо любитъ Господь, наказуетъ: бѣетъ же всякаго сына, 204 егоже пріемлетъ*. Ты не можешь, говорить, сказать, что есть какой-нибудь праведникъ, не терпѣвшій скорбей, и хотя намъ такъ кажется, но иныхъ скорбей мы не знаемъ. Слѣдовательно, всякому праведнику необходимо пройти путемъ скорби. И Христосъ сказалъ, что *пространный и широкій путь вводитъ въ пагубу, а узкій и тѣсный въ животъ* (Мѣ. вѣ, 13, 14). Если же войти въ

жизнь можно только такимъ образомъ, а иначе невозможно, то слѣдуетъ, что тѣснымъ путемъ шли всѣ тѣ, которые вошли въ жизнь. *Аще наказаніе терпите, говоритъ, якоже сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ. Который бо есть сынъ, егоже не наказуетъ отецъ?* Если (Богъ) наказываетъ васъ, то для исправленія, а не для истязанія, не для мученія, не для страданій. Смотри, какъ (апостоль) тѣмъ самымъ, изъ-за чего они считали себя оставленными, внушаетъ имъ увѣренность, что они не оставлены, и какъ бы такъ говоритъ: претерпѣвая такіа бѣдствія, вы уже думаете, что Богъ оставилъ и ненавидитъ васъ? Нѣтъ, если бы вы не страдали тогда слѣдовало бы опасаться этого, потому что если Онъ бьетъ всякаго сына, егоже пріемлетъ, то небіемый, быть можетъ, не сынъ. Но какъ, скажете, развѣ злые люди не страдаютъ? Конечно, страдаютъ,—какъ же иначе?—но онъ не сказалъ: всякій біемый есть сынъ, а: всякій сынъ бываетъ біемъ. Потому ты не можешь говорить: есть много и злыхъ людей, которыхъ бьютъ, напр. челоукоубійцы, разбойники, чародѣи, гробокопатели. Они бываютъ наказываемы за собственныя злодѣянія; они бываютъ не біемы, какъ сыны, но наказываемы, какъ злодѣи; а вы—какъ сыны. Видишь ли, какъ онъ отовсюду заимствуетъ доказательства,—и отъ событій, упоминаемыхъ въ Писаніи, и отъ изреченій, и отъ собственныхъ разсужденій, и отъ примѣровъ, случающихся въ жизни? Далѣе указываетъ еще и на общее обыкновеніе: *иже же, говоритъ, безъ наказанія есте, еможе причастники быши еси, убо прелюбодѣйчици есте, а не сынове* (ст. 8).

2. Видишь ли, что, какъ я и выше сказать, сыну невозможно оставаться ненаказаннымъ? Какъ въ семействахъ отцы не заботятся о дѣтяхъ незаконнорожденныхъ, хотя бы они ни чему не учились, хотя бы никогда не сдѣлались извѣстными, о законныхъ же сыновьяхъ заботятся, чтобы они не были безпечными,—такъ и въ настоящемъ случаѣ. Потому, если не быть наказанными свойственно дѣтямъ незаконнорожденнымъ, то нужно радоваться наказанію, какъ знаку истиннаго родства. Поэтому самому (апостоль) и говоритъ: *якоже сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ. Къ симъ, плоти нашей отцы имѣхомъ наказатели, и срамляхомся: не много ли паче повинемся Отцу духовомъ, и живи будемъ* (ст. 9)? Опять заимствуетъ ободреніе отъ собственныхъ ихъ страданій, которыя они сами терпѣли. Какъ тамъ говорилъ: *вспомните первыя дни*, такъ и здѣсь говоритъ: *якоже сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ*,—вы не можете сказать, что вы не въ состояніи переносить,—и при томъ *якоже сыновомъ возлюбленнымъ*. Если же (дѣти) повинуются плотскимъ родителямъ, то какъ вы не будете повиноваться Отцу небесному? При томъ здѣсь не въ этомъ только

различіе и не въ лицахъ только, но и въ самыхъ побужденіяхъ 205
 я дѣйствіяхъ. Не по одному и тому же побужденію наказываютъ
 Онъ и они (Богъ и плотскіе родители). Потому (апостолъ) и при-
 бавляетъ: *они бо въ мало дней, якоже годѣ имъ бѣ, наказоваху*
 (ст. 10), т. е. они часто дѣлаютъ это для собственнаго удоволь-
 ствія и не всегда имѣя въ виду пользу, здѣсь же нельзя
 этого сказать, такъ какъ (Богъ) дѣлаетъ это не изъ какихъ-ни-
 будь собственныхъ видовъ, а для васъ, единственно для вашей
 пользы; тѣ наказываютъ, чтобы вы и для нихъ были полезны, а
 нерѣдко и напрасно, здѣсь же не бываетъ ничего подобнаго.
 Видишь, какое и отсюда происходитъ утѣшеніе? Мы въ осо-
 бенности привязываемся къ тѣмъ, въ которыхъ видимъ, что они
 не изъ какихъ-нибудь собственныхъ видовъ приказываютъ намъ,
 или даютъ наставленіе, но всѣ ихъ заботы клонятся къ нашей
 пользѣ. Тогда-то и бываетъ искренняя любовь, любовь настоящая,
 когда кто любитъ насъ, несмотря на то, что мы совершенно
 бесполезны для любящаго. Такъ и (Богъ) любитъ насъ не для
 того, чтобы получить что-либо отъ насъ, но чтобы дать намъ:
 Онъ наказываетъ, дѣлаетъ все, принимаетъ всѣ мѣры къ тому,
 чтобы мы сдѣлались способными къ принятію Его благъ. *Они бо,*
говоритъ (апостолъ), въ мало дней, якоже годѣ имъ бѣ, наказоваху: а
сей на пользу, да причастимся святыни его. Что значитъ: *святыни*
его? Т. е. чистоты,—чтобы мы сдѣлались достойными Его, по
 возможности. Онъ заботится, чтобы вы приняли, и употребляетъ
 всѣ мѣры къ тому, чтобы дать вамъ; а вы не стараетесь о томъ,
 чтобы принять. *Ръхъ, говоритъ (Псалмопѣвецъ), Господеви: Господь*
мой еси ты, яко блазихъ моихъ не потребуши (Псал. ху, 2). *Къ снѣгъ,*
говоритъ, плоти нашей отцы имѣхомъ наказатели, и срамляхомся:
не много ли паче повинемся Отцу духовомъ, и живи будемъ? Отцу
духовомъ,—говоритъ такъ, разумѣя или дары (духовные), или мо-
 литвы, или безплотныя Силы. Если съ такимъ (расположеніемъ
 духа) мы умремъ, то и получимъ жизнь. Хорошо онъ сказалъ:
они въ мало дней, якоже годѣ имъ бѣ, наказоваху,—потому что
 угодное людямъ не всегда бываетъ полезно,—а *сей на пользу.*

3. Слѣдовательно, наказаніе полезно; слѣдовательно, нака-
 заніе доставляетъ святость. И, конечно, такъ. Вѣдь, если оно
 истребляетъ лѣность, порочныя пожеланія, привязанность къ пред-
 метамъ житейскимъ, если оно сосредоточиваетъ душу, если рас-
 полагаетъ ее презирать все здѣшнее,—а отсюда и происходитъ
 скорбь,—то не свято ли оно, не привлекаетъ ли оно благодати
 Духа? Будемъ же постоянно представлять себѣ праведниковъ и
 помнить, почему всѣ они прославились, и всѣхъ раньше Авель
 и Ной: развѣ не посредствомъ скорбей? Да и невозможно, чтобы

одинъ праведникъ не скорбѣлъ среди такого множества нечестивыхъ. *Ное*, говорить Писаніе, единъ *совершенно сый въ родъ своемъ, Богу угоди* (Быт. vi, 9). Подумай: если теперь, имѣя такое множество мужей, и отцевъ, и учителей, добродѣтелямъ которыхъ мы можемъ подражать, мы, однако, испытываемъ столько скорбей, то какъ долженъ былъ страдать онъ, будучи одинъ среди столь многихъ? Но говорятъ ли мнѣ о томъ, что было во время чуднаго и необыкновеннаго потопа? Говорить ли объ Авраамѣ, о томъ, что ему случалось терпѣть, какъ-то: о непрестанныхъ его страствованіяхъ, лишеніи жены, опасностяхъ, сраженіяхъ, искушеніяхъ? (Говорить ли) объ Іаковѣ, сколько бѣдствій онъ перенесъ, будучи отовсюду изгоняемъ, трудясь напрасно и изнуря себя для другихъ? Нѣтъ нужды перечислять всѣ его искушенія; 206 довольно будетъ привести свидѣтельство, которое онъ самъ высказалъ въ бесѣдѣ съ фараономъ: *малы и злы дніе мои, и не достигоша во дніе отецъ моихъ* (Быт. xlvii, 9). Говорить ли объ Іосифѣ, Моисеѣ, Іисусѣ (Навинѣ), Давидѣ, Самуилѣ, Иліѣ, Даниилѣ и всѣхъ пророкахъ? Ты найдешь, что всѣ они прославились посредствомъ скорбей. А ты, скажи мнѣ, хочешь прославиться посредствомъ удовольствій и роскоши? Но это невозможно. Говорить ли объ апостолахъ? И они превзошли всѣхъ скорбями. Но что я говорю? Самъ Христосъ тоже сказалъ: *въ мѣрѣ скорбни будете* (Іоан. xvi, 33); и еще: *восплачете и возрыдаете вы: мѣръ же возрадуется* (Іоан. xvi, 20).

Узкій и тѣсный путь вводя въ животъ (Мѣ. vii, 14). Господь этого пути сказалъ, что онъ узокъ и тѣсенъ; а ты ищешь широкаго? Не безразсудно ли это? Потому ты и не достигнешь жизни, что идешь другимъ путемъ, а достигнешь погибели, потому что избралъ путь, ведущій туда. Хочешь ли, я расскажу и представлю тебѣ людей, преданныхъ роскоши? Отъ позднѣйшихъ обратимся къ древнѣйшимъ. Богачъ, горящій въ огнѣ, іудей, преданный чреву, для которыхъ чрево было богомъ, которые въ пустынѣ постоянно искали наслажденій,—почему погибли? Подобно современникамъ Ноя, не потому ли, что избрали эту роскошную и развратную жизнь? Также и содомляне (погибли) за чревоугодіе: *въ сѣмъ*, сказано, *хлѣба сластолюбствоваша* (Іезек. xvi, 49). Такъ сказано о содомлянахъ. Если же пресыщеніе хлѣбомъ произвело столько зла, то что сказать о другихъ наслажденіяхъ? Не былъ ли неводержанъ Исавъ? Не таковы ли были тѣ изъ сыновъ Божиихъ, которые прельстились женами и увлеклись въ пропасть? Не таковы ли были тѣ, которые удовлетворяли похоти на мужчинахъ? И всѣ цари языческіе, вавилонскіе, египетскіе, не бѣдственно ли окончили жизнь? Не преданы ли они мученію? Но не

то же ли, скажи мнѣ, бываетъ и теперь? Послушай, что говоритъ Христосъ: *иже мягкая носящии, въ дольхъ царскихъ суть* (Мѡ. хі. 8): а тѣ, которые не носятъ такихъ одеждъ, тѣ—на небесахъ. Мягкая одежда расслабляетъ и твердую душу, изнѣживаетъ и разстраиваетъ; и какъ бы ни было крѣпко и сильно тѣло, которое она облакаетъ, отъ такой роскоши оно скоро дѣлается изнѣженнымъ и слабымъ. Скажите мнѣ: почему, думаете вы, женщины бываютъ такъ слабы? Неужели только отъ природы? Нѣтъ, но и отъ образа жизни и отъ воспитанія: ихъ дѣлаютъ такими изнѣженное воспитаніе, праздность, омовенія, намащенія, изобиліе ароматовъ, мягкое ложе. И чтобы тебѣ понять это, послушай, что я скажу. Иѣзъ кучи деревъ, растущихъ въ пустынѣ и колеблемыхъ вѣтрами, возьми какое-нибудь растение и посади на мѣсто влажное и тѣнистое,—и ты увидишь, какъ оно сдѣлается хуже, нежели кажимъ ты взять его сначала. А что это справедливо, доказательствомъ служатъ женщины, воспитывающіяся въ деревняхъ; онѣ бываютъ гораздо крѣпче городскихъ мужчинъ и могли бы преодолѣть многихъ изъ нихъ. А когда тѣло дѣлается изнѣженнымъ, то по необходимости вмѣстѣ съ нимъ и душа испытываетъ то же зло, потому что отправленія души по большей части соотвѣтствуютъ состоянію тѣла. Во время болѣзней мы бываемъ иными по причинѣ расслабленія, а во время здоровья опять иными. Какъ въ музыкальныхъ инструментахъ, когда струны издають звуки мягкіе и слабые и онѣ нехорошо натянуты, то уменьшается и достоинство искусства, принужденнаго покоряться слабости струнъ, такъ и въ тѣлѣ: душа терпитъ отъ него много вреда, много стѣсненія; она испытываетъ горькое рабство, когда тѣло имѣетъ нужду въ частомъ врачеваніи. Потому, увѣщаваю васъ, будемъ стараться дѣлать его крѣпкимъ, а не болѣзненнымъ. Не однимъ мужьямъ я говорю это, но и женамъ. Для чего ты, жена, постоянно расслабляешь тѣло свое роскошью и дѣлаешь его негоднымъ? Для чего губишь силу его тучностію? Вѣдь тучность составляетъ слабость для него, а не силу. Если же ты, оставивъ это, будешь вести себя иначе, тогда явится и красота тѣлесная по желанію твоему, какъ скоро будетъ сила и свѣжесть. А если, напротивъ, будешь подвергать его безчисленнымъ болѣзнямъ, то не будетъ у тебя ни здороваго цвѣта, ни свѣжести, но постоянно будешь чувствовать себя дурно.

4. Вы знаете, что какъ прекрасенъ бываетъ хорошій домъ, когда озаряетъ его ясная погода, такъ и красивое лице дѣлается еще лучше отъ веселаго расположенія духа; а когда (душа) уныла и прискорбна, тогда (и лице) становится безобразнѣе. Унылость происходитъ отъ болѣзней и разстройства здоровья; а болѣзни

происходить отъ разслабленія тѣла пресыщеніемъ. Такъ и по этой причинѣ вы должны избѣгать пресыщенія, если вѣрите мнѣ. Но есть, скажете, нѣкоторое удовольствіе въ пресыщеніи? Не столько удовольствія, сколько непріятностей. Удовольствіе ограничивается только гортанью и языкомъ; когда трапеза кончилась, или когда пища съѣдена, ты становишься подобнымъ тому, кто ѣ не участвовалъ (въ трапезѣ), и даже гораздо хуже его, потому что ты выносишь оттуда тяжесть, разслабленіе, головную боль и склонность ко сну, похожему на смерть, а часто и безсонницу отъ пресыщенія, одышки и отрыжки, и тысячу разъ проклинаешь свой желудокъ, вмѣсто того, чтобы проклинать невоздержность.

Итакъ, не будемъ утучнять тѣла, но послушаемъ Павла, который говоритъ: *плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. хш, 14). Набивающій желудокъ дѣлаетъ то же, какъ если бы кто-нибудь, взявши пищу, бросилъ ее въ нечистый ровъ, или даже не то, а гораздо хуже, потому что послѣдній наполняетъ только ровъ безъ вреда для себя самого, а первый навлекаетъ на себя тысячу болѣзней. Питаетъ насъ только то, что принимается въ потребномъ количествѣ и можетъ перевариться; а лишнее сверхъ необходимаго не только не питаетъ, но еще приноситъ вредъ. Между тѣмъ никто не замѣчаетъ этого, обольщаясь нелѣпнымъ удовольствіемъ и обычнымъ пристрастіемъ. Ты хочешь питать тѣло? Оставь же лишнее, давай ему необходимое, и столько, сколько можетъ перевариться; не нагружай его слишкомъ, чтобы не потонуло. 208 Принимаемое въ потребномъ количествѣ и питаетъ, и доставляетъ удовольствіе; дѣйствительно, ничто не доставляетъ такого удовольствія, какъ хорошо переварившаяся пища; ничто такъ не способствуетъ здоровью, ничто такъ не поддерживаетъ живости чувствъ, ничто такъ не предотвращаетъ болѣзней. Такимъ образомъ принимаемое въ потребномъ количествѣ служить и къ питанію, и къ удовольствію, и къ здоровью, а излишнее—ко вреду, къ непріятностямъ и болѣзнямъ. Пресыщеніе производитъ то же, что дѣлаетъ голодъ, или даже гораздо худшее. Голодъ въ короткое время изнуряетъ и доводитъ человѣка до смерти: а пресыщеніе, разѣдая тѣло и производя въ немъ гніеніе, подвергаетъ его продолжительной болѣзни и потомъ тягчайшей смерти. Между тѣмъ голодъ мы считаемъ несноснымъ, а къ пресыщенію, которое вреднѣе его, стремимся. Откуда въ насъ такая болѣзнь? Откуда такое безуміе? Не говорю, что нужно изнурять себя, но нужно принимать пищу такъ, чтобы тѣло и получало удовольствіе, истинное удовольствіе, и могло питаться, чтобы оно было благоустроеннымъ и благонадежнымъ, крѣпкимъ и способнымъ орудіемъ для дѣйствій души. Если же оно переполнится

пищею, которая будетъ, такъ сказать, расторгать самыя запоры и составныя связи, то уже бываетъ не въ состояніи удержать этого наводненія,—вторгшееся наводненіе расторгаетъ и разрушаетъ все. *Плоти угодія*, говоритъ, *не творите въ похоти*. Хорошо онъ сказать: *въ похоти*, потому что пресыщеніе есть пища для порочныхъ пожеланій, и пресыщающійся, хотя бы онъ былъ мудреѣ всѣхъ, по необходимости терпитъ какой-нибудь вредъ отъ вина и отъ яствъ, по необходимости чувствуетъ расслабленіе, по необходимости возбуждаетъ въ себѣ сильный пламень. Отсюда—блудъ, отсюда—прелюбодѣяніе. Голодный желудокъ не можетъ возбудить плотской похоти, равно какъ и (желудокъ) довольствующійся умѣренной пищею; порочныя же пожеланія рождаются въ желудкѣ, предающемся пресыщенію. Какъ земля, слишкомъ влажная, и навозъ, окропляемый (водою) и имѣющій слишкомъ много мокроты, рождаютъ червей, и, напротивъ, земля, не имѣющая такой сырости, приноситъ обильные плоды,—потому что не содержитъ въ себѣ ничего лишняго,—и будучи даже необработываема, пронизываетъ зелень, а будучи обрабатываема, приноситъ плоды,—такъ точно и мы. Потому не будемъ дѣлать изъ плоти нашей (тѣло) бесполезное, негодное, или вредное, но будемъ пронизывать въ ней добрые плоды и плодоносныя растенія, и прилагать стараніе, чтобы они не завяли отъ пресыщенія,—такъ какъ и они могутъ загнить и породить червей вмѣсто плодовъ. Такъ, врожденная похоть, если ты станешь чрезъ мѣру насыщать ее, порождаетъ удовольствія отвратительныя и даже весьма отвратительныя. Будемъ же всячески истреблять въ себѣ это зло, чтобы намъ сподобиться обѣщанныхъ благъ во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ (съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА ХХХ.

Всякое бо наказаніе въ настоящее время не мнится 207—208 радость быти, но печаль: послѣди же плоды мирны наученнымъ тѣмъ воздастъ правды. Тѣмже ослабленныя руки и ослабленная колѣна исправите: и стези правы сотворите ногами вашими, да не хромое совратится, но паче да исцѣлѣеть (Евр. хп, 11—13).

1. Принимающіе горькія лѣкарства сначала испытываютъ непріятное чувство, а потомъ чувствуютъ пользу. Такова и добро-

дѣтель, таковъ и порокъ: въ послѣднемъ испытывается сначала удовольствіе, а потомъ скорбь; въ первой—сначала скорбь, а потомъ удовольствіе. И однако то и другое неравно: совершенно не одно и то же—напередъ испытать скорбь, а послѣ удовольствіе, или—испытать напередъ удовольствіе, а послѣ скорбь. Почему? Потому что въ послѣднемъ случаѣ ожиданіе будущей скорби уменьшаетъ настоящее удовольствіе, а въ первомъ ожиданіе предстоящаго удовольствія много ослабляетъ настоящую скорбь, такъ что иногда тамъ не чувствуется даже никакого удовольствія, а здѣсь—никакой скорби. Впрочемъ не въ этомъ только отношеніи есть различіе, но и въ другомъ. Въ какомъ именно? Въ томъ, что неравны относительно продолжительности времени, но одно меньше, а другое гораздо больше. Подобное (различіе) еще значительнѣе въ предметахъ духовныхъ. Отсюда Павелъ и заимствуетъ утѣшеніе; онъ ссылается опять на общее мнѣніе, которому никто не можетъ противорѣчить, какъ общему приговору, потому что когда кто-нибудь высказываетъ мысль, признаваемую всѣми, то всѣ соглашаются и никто не возражаетъ. Вы скорбите?—говоритъ онъ: это понятно; таково всегда наказаніе: съ этого оно начинается. Потому онъ и продолжаетъ: *всякое бо наказаніе въ настоящее время не мнитъ радость быти, но печаль*. Хорошо сказалъ онъ: не мнитъ, потому что наказаніе на самомъ дѣлѣ не есть скорбь, но только таковою кажется; и при томъ не одно какое-нибудь наказаніе таково, а другое не таково, но всякое: *всякое, говоритъ, наказаніе не мнитъ радость быти, но печаль*, т. е. и человѣческое, и духовное. Видишь ли, какъ онъ ссылается на общія мнѣнія? *Мнитъ*, говоритъ, *печаль быти*, следовательно не есть на самомъ дѣлѣ. И дѣйствительно, отъ какой скорби можетъ происходить радость? Ни отъ какой; равно и ни отъ какой радости не происходитъ скорбь.

Послѣди же плоды мирны наученымъ тѣмъ воздастъ правды. Здѣсь онъ разумѣетъ не (одинъ) плодъ, но (многіе) плоды, выражая такъ великое ихъ множество. *Наученымъ тѣмъ*, говоритъ. Что значитъ: *наученымъ тѣмъ*? Долго терпѣвшимъ и страдавшимъ. Видишь, какое употребляетъ онъ благопріятное выраженіе? Итакъ *наказаніе* есть наученіе, дѣлающее ратоборца сильнымъ, непреборимымъ въ подвигахъ, непобѣдимымъ въ сраженіяхъ. Если же *всякое наказаніе* таково, то таково же и настоящее. Потому надобно ожидать отъ него добрыхъ послѣдствій, пріятнаго и мирнаго конца. Не удивляйся, что оно, будучи горькимъ, приноситъ плоды сладкіе; точно такъ и на деревьяхъ кора бываетъ почти безвкусна и жестка, а плоды сладки. Все это онъ заимствовалъ изъ общеизвѣстнаго опыта. Если же надобно ожи-

дать такихъ послѣдствій. то что вы сѣтуете? Для чего, перенесши непріятное, отчаиваетесь въ пріятномъ? Вы перенесли непріятности, которыя слѣдовало перенести,—не теряйте же надежду на воздаяніе. *Тѣмже ослабленныя руки и ослабленная колѣна исправите, и стези правы сотворите ногами вашими, да не хромоте совратится, но паче да исцѣлѣетъ.* Говорить какъ бы скороходамъ, бѣгцамъ и ратоборцамъ. Видишь ли, какъ онъ вооружаетъ ихъ, какъ возбуждаетъ ихъ? Это говоритъ онъ о самыхъ помыслахъ: *стези правы сотворите*, т. е. идите прямо, не сомнѣваясь. Если наказаніе происходитъ отъ любви и благопопечительности и ведетъ къ доброму концу,—какъ доказалъ онъ и дѣлами, и словами, и всѣмъ,—то для чего вы ослабѣваете? Такъ дѣлаютъ только отчаявшіеся, не подкрѣпляемые надеждою на будущее. Идите, говорить, прямо, чтобы хромоте не кривилось болѣе, но пришло въ прежнее состояніе, потому что кто ходитъ хромота, тотъ усиливаетъ это зло. Видишь, что отъ насъ зависить со- 210 вершенно исцѣлѣться? *Миръ имѣйте и святыню со всѣми, иже кромя никтоже узритъ Господа* (ст. 14). О чемъ говоритъ онъ выше въ словахъ: *не оставляюще собранія своего* (Евр. х, 25). то же выражаетъ и здѣсь. Въ искушеніяхъ ничто столько не дѣлаетъ насъ удобопобѣждаемыми и удобоуловляемыми, какъ раздѣленіе. И вотъ тому доказательство: разсѣй отрядъ (воиновъ) въ сраженіи, и непріятелямъ не будетъ никакого труда—взять и связать ихъ, нападая на нихъ раздѣлившихся и оттого сдѣлавшихся болѣе слабыми. *Миръ*, говорить, *имѣйте со всѣми*. Слѣдовательно—и съ дѣлающими зло. То же говоритъ онъ и въ другомъ мѣстѣ: *еще возможно, еже отъ васъ, со всѣми человеки миръ имѣйте* (Рим. хп, 18). Ты съ своей стороны, говорить, имѣй миръ, ни въ чемъ не нарушая благочестія; а зло, которому подвергаешься отъ другихъ, переноси мужественно, потому что терпѣніе—великое оружіе въ искушеніяхъ. Такъ и Христосъ укрѣплялъ учениковъ своихъ: *се азъ посылаю васъ*, говоритъ Онъ, *яко овцы посреди волковъ: будите убо мудры яко змѣи, и цѣли, яко голубіе* (Мѡ. х, 16). Что Ты говоришь? Мы посреди волковъ, а Ты повелѣваешь намъ быть, *яко овцы* и *яко голубіе*? Да, говоритъ Онъ, потому что ничто столько не пристыжаетъ дѣлающихъ зло, какъ если мы мужественно переносимъ наносимыя (оскорбленія) и не мстимъ ни словомъ, ни дѣломъ; это и насъ умудряетъ, уготовляя намъ большую награду, и имъ приносить пользу. Но такой-то жестоко оскорбилъ тебя? Ты благословляй его, и смотри, сколько отъ того пріобрѣтешь благъ: прекратишь зло, приготовишь себѣ награду, пристыдишь его, и самъ не потерпишь ничего худого. *Миръ имѣйте со всѣми и святыню*. Что значить: *святыню*? Цѣло-

мудріе и воздержаніе въ брачной жизни. Кто безбраченъ, говорить, тотъ оставайся чистымъ, или вступай въ бракъ; а кто въ бракъ, тотъ не прелюбодѣйствуй, но довольствуйся своею женою; и это—святыня. Какъ такъ? Не бракъ есть святыня, но бракъ сохраняетъ святыню, происходящую отъ вѣры, не попуская прилѣпляться къ блудницѣ; бракъ *честенъ*, но не святъ (Евр. хш, 4); бракъ чистъ, но онъ не доставляетъ святости, а только не попускаетъ осквернять святость, происходящую отъ вѣры. *Иже кромѣ, говоритъ, никтоже узритъ Господа.* То же говоритъ онъ и въ посланіи къ Коринѣянамъ: *не льстите себе: ни блудницы, ни прелюбодѣи, ни идолослужители, ни малакіи, ни мужеложники, ни лихоимцы, ни татіе, ни піяницы, ни досадители, ни хищники царствія Божія не наследятъ* (1 Кор. vi, 9, 10). Въ самомъ дѣлѣ, какъ ставшій однимъ тѣломъ съ блудницею можетъ быть тѣломъ Христовымъ? *Смотряюще, да не кто лишится благодати Божіей: да не кій корень горести выпрѣ прозябая пакость сотворитъ, и тѣмъ осквернятся мнози: да не кто блудодѣй, или сквернителемъ* (ст. 15, 16). Видишь, какъ онъ вездѣ заповѣдуетъ всякому содѣйствовать общему спасенію? *Утѣшайте себе*, говоритъ онъ (въ другомъ мѣстѣ), *на всякъ день, дондеже днесь нарицается* (Евр. ш, 18).

2. Не предоставляйте, говорить, всего учителямъ, не возлагайте всего на предстоятелей; и вы можете назидать другъ друга. То же писалъ онъ и Фессалоникійцамъ: *созидайте кійждо ближняго, якоже и творите*; и еще: *утѣшайте другъ друга въ словесахъ скихъ* (1 Сол. v, 11; iv, 18). То же и вамъ мы теперь совѣтуемъ. Вы можете, если захотите, больше насъ сдѣлать другъ для друга; вы чаще обращаетесь другъ съ другомъ, лучше насъ знаете дѣла свои, видите взаимные недостатки, больше имѣете откровенности, любви и общительности; а это не маловажно для наученія, но доставляетъ великія и благодѣтельныя удобства. Вы лучше насъ можете и обличать и убѣждать другъ друга. И кромѣ того, я—одинъ, а васъ много, и всѣ вы, сколько васъ есть, можете быть учителями. Потому увѣщевая васъ, не пренебрегайте такимъ дарованіемъ; *каждый изъ васъ имѣетъ или жену, или друга, или слугу, или сосѣда; обличай его, убѣждай его.* Да и не безразсудно ли—для угощенія устроить собранія и содружества, имѣть назначенный день для свиданія другъ съ другомъ, восполнять недостающее у одного общими средствами, напр., когда нужно устроить похороны, или обѣдъ, или въ чемъ-нибудь другомъ помочь ближнему,—а для изученія добродѣтели не дѣлать этого? Пусть же, увѣщевая васъ, никто не пренебрегаетъ,—великую за то награду получить онъ отъ Бога. Знайте, что кому

вѣрено пять талантовъ, тотъ—учитель; а кому—одинъ, тотъ—ученикъ. Если же ученикъ скажетъ: я ученикъ, мнѣ нѣтъ дѣла,—и скроетъ этотъ общественный, полученный имъ отъ Бога даръ слова, нисколько не увеличивъ его, если не станетъ ни увѣщать, ни совѣтовать, ни обличать, ни вразумлять, когда можетъ, но заростъ въ землю,—а дѣйствительно, сердце, скрывающее даръ Божій, есть земля и пепелъ,—итакъ если онъ скроетъ или по лѣности, или по нечестію, то не послужитъ къ оправданію его слова: я имѣю только одинъ талантъ. Ты имѣлъ одинъ талантъ? Тебѣ слѣдовало принести еще хотя одинъ, удвоить талантъ; если бы ты принесъ еще одинъ, то не былъ бы виновенъ. И принесшему въ добавокъ два таланта (Господь) не сказалъ: почему ты не принесъ пяти?—но удостоилъ его такой же награды, какъ и принесшаго въ добавокъ пять талантовъ. Почему? Потому, что онъ дѣлалъ, сколько могъ, не предался лѣности оттого, что получилъ менѣе получившаго пять талантовъ, не воспользовался незначительностію (дара) для безпечности. Такъ и тебѣ не слѣдовало смотрѣть на имѣющаго два таланта; или лучше. нужно было и съ него брать примѣръ; какъ онъ, имѣя два таланта, подражалъ имѣвшему пять, такъ и тебѣ слѣдовало подражать имѣвшему два. Если владѣющаго богатствомъ и не подающаго (бѣднымъ) ожидаетъ наказаніе, то имѣющаго возможность увѣщать какимъ бы то ни было образомъ, и не поступающаго такъ, не ожидаетъ ли наказаніе величайшее? Тамъ питается тѣло, а здѣсь—душа; тамъ ты спасаешь отъ временной смерти, а здѣсь—отъ вѣчной.

3. Но, скажешь, у меня нѣтъ дара слова? Нѣтъ и нужды въ (особенномъ) дарѣ слова, или въ краснорѣчіи. Когда ты увидишь друга прелюбодѣйствующимъ, то скажи ему: худое дѣло ты дѣлаешь; неужели тебѣ не стыдно, неужели не совѣстно? Въдъ это—порокъ. Но, скажешь, развѣ онъ не знаетъ, что это—порокъ? Конечно, знаетъ, но онъ увлекается похотію. И больные знаютъ, что пить холодную воду вредно, однако нуждаются въ предостереженіи. Кто одержимъ страстію, тотъ не скоро можетъ излѣчить самъ себя. Потому тебѣ, здоровому, нужно помогать его врачеванію. Если онъ не убѣдится твоими словами, то наблюдай, когда онъ пойдетъ, и удерживай его; можетъ быть, онъ и устыдится. Но какая, скажешь, польза въ томъ, если онъ сдѣлаетъ это для меня, если будетъ удержанъ мною? Не разсуждай слишкомъ много; напередъ удержи его какимъ бы то ни было образомъ отъ порочнаго дѣла; пусть онъ приучится не бросаться въ эту пропасть; чрезъ тебя ли, или чрезъ что-либо другое онъ удержится, польза отъ этого будетъ. Когда ты причинишь его не ходить туда,

то потомъ, успокоивъ мало-по-малу, можешь научить его, что этого не должно дѣлать для Бога, а не для человѣка. Не усиливайся исправить все вдругъ, — это невозможно, — но постепенно и понемногу. Если увидишь его идущимъ для кутежа и на пьянственные циршества, то и здѣсь поступи также, и вмѣстѣ попроси его, чтобы онъ помогъ и тебѣ и вразумилъ, если онъ замѣтитъ въ тебѣ какой-нибудь недостатокъ. Тогда онъ обратитъ обличеніе на себя самого, видя, что и ты нуждаешься въ обличеніи и что ты помогаешь ему не какъ человѣкъ, исправный во всемъ, и не какъ учитель, но какъ другъ и братъ. Скажи ему: я былъ приголенъ тебѣ, напомнивъ о полезномъ; и ты, если замѣтишь во мнѣ какой-нибудь недостатокъ, удержи и исправь меня; если увидишь меня гнѣвающимся, или предающимся любостыжанію, останови, обуздай своимъ увѣщаніемъ. Вотъ дружба; вотъ какъ *братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ* (Притч. xviii, 19)! Дѣйствительно, не въ томъ состоитъ дружба, чтобы вмѣстѣ ѣсть и пить; такая (дружба) бываетъ и у разбойниковъ и челоуѣкоубійцъ; но если мы — друзья, если истинно заботимся другъ о другѣ, то именно въ этомъ должны помогать другъ другу. Вотъ что ведетъ насъ къ дружбѣ благотворной; вотъ что можетъ спасти насъ отъ геенны! Итакъ, ни обличаемый не долженъ огорчаться, — мы вѣдь — люди и имѣемъ недостатки, — ни обличающій не долженъ дѣлать это съ насмѣшкою, съ презрѣніемъ или для разглашенія, но наединѣ и съ кротостію; обличающему нужна именно великая кротость, чтобы расположить обличаемаго — перенести болѣзненное врачеваніе. Не видите ли у врачей, когда они прижигаютъ, или отсѣкаютъ, съ какою кротостію они примѣняютъ врачество? Тѣмъ болѣе должны такъ поступать обличающіе, потому что обличеніе сильнѣе огня и желѣза приводитъ въ раздраженіе. Врачи всячески стараются, чтобы сдѣлать отсѣченіе спокойнѣе и, какъ можно, легче, и для того, приступивъ къ нему и исполнивъ нѣсколько, останавливаются, чтобы дать отдохнуть больному. Такъ должно дѣлать и обличенія, чтобы обличаемые не отстранились отъ насъ. Если бы при этомъ намъ пришлось выслушать оскорбленія, или даже получить удары, мы не должны останавливаться. И подвергающіеся болѣзненному врачеванію много кричатъ противъ врачующихъ; однако, врачи не смотрятъ ни на что, а только на здоровье страждущихъ. Такъ и здѣсь нужно дѣлать все, чтобы обличеніе принесло пользу, нужно переносить все, имѣя въ виду предстоящую награду. *Другъ друга, говоритъ (апостолъ), тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. vi, 2). Такимъ образомъ, и обличая и перенося другъ отъ друга обличенія, мы можемъ исполнить Христово домоостроительство. Такимъ образомъ

вы облегчите и нашъ трудъ, помогая намъ во всемъ, подавая руку помощи, дѣлаясь участниками и сообщниками спасенія какъ одни другихъ, такъ и каждый своего собственного. Будемъ же терпѣть, и нося *тяготы другъ друга*, и обличая одинъ другого, чтобы намъ сподобиться обѣщанныхъ намъ благъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXI.

Миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа (Евр. хп, 14).

1. Есть много отличительныхъ принадлежностей христіанства, но больше всѣхъ и лучше всѣхъ—любовь другъ къ другу и миръ. Потому и говорить Христосъ: *миръ мой даю вамъ*; и еще: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. хiv, 27; хш, 35). Потому и Павелъ теперь говорить: *миръ имѣйте со всѣми и святыню*, т. е. честность, *изже кромѣ никтоже узритъ Господа. Смотряюще, да не кто лишится благодати Божіа* (ст. 15). Какъ бы путешественникамъ, идущимъ по длинному пути въ большомъ обществѣ, говорить: смотрите, чтобы кто-нибудь не отсталъ; я желаю не только того, чтобы вы сами достигли, но чтобы вы наблюдали и за другими, *да не кто лишится*, говорить, *благодати Божіа*. Благодатию Божіею онъ называетъ будущія блага, евангельскую вѣру, добродѣтельную жизнь: все это отъ благодати Божіей. Не говори же мнѣ, что одинъ только (человѣкъ) погибаетъ; и за этого одного Христосъ умеръ. Христосъ умеръ за одного, а ты о немъ не заботишься? *Смотряюще*, говорить, т. е. тщательно наблюдая, осматриваясь, развѣдывая, какъ поступаютъ съ слабыми, и всячески изслѣдывая и узнавая. *Да не кій корень горести выспрь прозябая пакость сотворитъ*. Это говорится во Второзаконіи (Втор. ххix, 18), а самое выраженіе въ переносномъ смыслѣ заимствовано изъ примѣра растений. *Да не кій корень*, говорить, *горести*, подобно какъ и въ другомъ мѣстѣ онъ говорить: *малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (1 Кор. v, 6). Не потому только, говорить, я желаю этого, но и по причинѣ происходящаго отсюда вреда. Если будетъ такой корень, то не позволяй ему пускать ростковъ, но вырывай его, чтобы онъ не принесъ свойственныхъ ему плодовъ, чтобы не заразилъ и не осквернилъ другихъ. *Да не кій корень горести выспрь прозябая пакость сотворитъ, и тѣмъ осквернятся мнози*. Справедливо

онъ называетъ грѣхъ горькимъ; дѣйствительно, нѣтъ ничего столь горькаго, какъ грѣхъ. Это знаютъ тѣ, которые послѣ (худыхъ) дѣлъ угрызаются совѣстію и испытываютъ великую горечь. (Грѣхъ). будучи чрезвычайно горькимъ, разстроиваетъ самый разсудокъ. Свойство горькаго—быть вреднымъ. И прекрасно онъ выразился: *корень горести*; не сказалъ: горькій, но: *горести*. Горькій корень можетъ приносить плоды сладкіе; но корень, источникъ и основаніе *горести*, никогда не можетъ приносить плода сладкаго, въ немъ все горько, нѣтъ ничего сладкаго, все невкусно, все неприятно, все исполнено ненависти и отвращенія. *И тѣмъ*, говорить, *оскверняется мнози*, т. е. чтобы того не было, отлучайте отъ себя людей развратныхъ. *Да не кто блудодѣй, или сквернитель якоже Исавъ, иже за ядъ едину отдалъ есть первородство свое* (ст. 16).

- 214 Но развѣ Исавъ былъ блудодѣемъ? Не то говоритъ онъ здѣсь, будто Исавъ былъ блудодѣемъ, а противопоставляетъ это словамъ: *имѣйте святую*; слово же *сквернитель* къ нему относится. Итакъ, пусть никто не будетъ, подобно Исаву, сквернителемъ, т. е. чревоугодникомъ, невоздержнымъ, преданнымъ міру, презирающимъ блага духовныя. *Иже за ядъ едину отдалъ есть первородство свое*, т. е., который данную отъ Бога честь отдалъ по собственной безпечности и для малаго удовольствія потерялъ величайшую честь и славу. Это относится собственно къ нимъ (евреямъ) и свойственно людямъ низкимъ, нечистымъ

Нечистъ не одинъ только прелюбодѣй, но и чревоугодникъ, который есть рабъ чрева; онъ—рабъ и другого удовольствія, которое принуждаетъ его предаваться любостыжанію, принуждаетъ похищать чужое, совершать множество безчестныхъ дѣлъ; будучи рабомъ этой страсти, онъ часто и богохульствуетъ. Тотъ почелъ за ничто первородство и, заботясь о временномъ наслажденіи, дошелъ до того, что продалъ первородство свое. Такимъ образомъ первородство уже принадлежитъ намъ, а не іудеямъ. Это вмѣстѣ имѣетъ отношеніе и къ ихъ страданіямъ: (апостолъ) какъ бы внушаетъ, что первый сдѣлался послѣднимъ, а второй первымъ; этотъ—первымъ чрезъ воздержаніе, а тотъ—послѣднимъ по безпечности. *Въстѣ бо, говорить, яко и потомъ похотѣвъ наслѣдовати благословеніе, отверженъ бысть: покаянія бо мѣста не обрѣте, аще и со слезами поискалъ его* (ст. 17).

2. Что это значить? Неужели онъ отвергаетъ покаяніе? Нѣтъ. Но какъ же говорить: *покаянія мѣста не обрѣте*? Если онъ осуждалъ себя, если сильно плакалъ, то почему не обрѣте мѣста покаянія? Потому, что это не было слѣдствіемъ раскаянія. Какъ печаль Каина не была слѣдствіемъ раскаянія,—что и доказалъ онъ убійствомъ,—такъ и здѣсь слова (Исавъ) не были слѣдствіемъ

раскаянія,—что послѣ онъ также доказалъ убійствомъ: и онъ на-
мѣреніемъ своимъ умертвилъ Іакова. *Да приблизятся*, говоритъ
онъ, *дни плача отца моего, да быхъ убилъ Іакова брата моего* (Быт.
члч, 41). Потому слезы не могли сообщить ему покаянія. И не
просто сказалъ (апостолъ): *покаянія, но: аще и со слезами поискалъ,*
покаянія мѣста не обрѣте. Почему? Потому, что не раскаялся над-
лежащимъ образомъ,—а это и есть покаяніе,—не раскаялся, какъ
слѣдовало. Иначе къ чему (апостолъ) говоритъ это? Почему онъ
теперь увѣщевалъ сдѣлавшихся безпечными, хромающими, ко-
леблющимися и разслабленными? Вѣдь это—начало паденія. Мнѣ
кажется, здѣсь онъ намекаетъ на нѣкоторыхъ прелюбодѣевъ, но
пока не хочетъ прямо обличать ихъ, а представляется незнаю-
щимъ о нихъ, чтобы они исправились. Нужно было сначала пред-
ставиться незнающимъ, а потомъ, если они будутъ упорствовать,
употребить и обличеніе, чтобы они не сдѣлались безстыдными.
Такъ и Моисей поступилъ съ Замвриемъ и Хазвиею (Числ. ххvii,
15). *Покаянія бо мѣста не обрѣте.* *Не обрѣте*, говоритъ, *покаянія,*
или потому, что согрѣшилъ болѣе, нежели сколько можно заглад-
ить покаяніемъ, или потому, что не принесъ достойнаго покая-
нія. Слѣдовательно есть грѣхи, превышающіе покаяніе. Смыслъ
словъ его слѣдующій: не будемъ допускать паденія неисцѣльнаго; 215
пока мы только хромаемъ, то легко исправиться; а когда раз-
строимся совершенно, тогда что будетъ съ нами? Онъ обращаетъ
это къ тѣмъ, которые еще не пали, удерживаетъ ихъ страхомъ
и говоритъ, что падшій не можетъ получить утѣшенія. А пад-
шимъ, чтобы они не предались отчаянію, онъ внушаетъ против-
ное и говоритъ такъ: *чадца моя, илиже паки болѣзную, дондеже*
вообразится Христосъ въ васъ (Гал. iv, 19); и еще: *иже закономъ*
оправдастеся, отъ благодати отпадете (Гал. v, 4). Такъ онъ го-
воритъ падшимъ. Стоящій, слыша, что падшему невозможно по-
лучить прощеніе, дѣлается болѣе крѣпкимъ и обнадеженнымъ въ
стояніи; а если употребить ту же строгость въ отношеніи къ пад-
шему, то онъ никогда не возстанетъ, потому что съ какою на-
деждою онъ начнетъ свое исправленіе? Не только плакалъ, гово-
рить (апостолъ), но и *искалъ*; и такимъ образомъ онъ не отвер-
гаетъ покаянія словами: *покаянія мѣста не обрѣте*, а только бо-
лѣе укрѣпляетъ ихъ, чтобы они не падали. Пусть же помнятъ
это тѣ, которые не вѣрятъ гееннѣ; пусть размышляютъ объ этомъ
тѣ, которые думаютъ грѣшнить безнаказанно. Почему Исавъ не
получилъ прощенія? Потому, что не раскаялся, какъ должно.

3. Хочешь ли видѣть истинное покаяніе? Послушай о по-
каяніи Петра послѣ отреченія. Евангелистъ, повѣствуя намъ объ
немъ, говоритъ: *и изшедъ вонъ, плакася горько* (Мѡ. ххv, 75). По-

тому и былъ прощенъ ему этотъ грѣхъ, что онъ раскаялся, какъ должно, хотя тогда еще не было принесено жертвоприношеніе, еще не была совершена жертва, еще не былъ сокрушенъ грѣхъ, но господствовалъ и свирѣпствовалъ. А чтобы тебѣ знать, что отреченіе (Петра) было слѣдствіемъ не столько его безпечности, сколько оставленія Богомъ, который научалъ его — знать мѣру человѣческую и не противиться тому, что говорить Учитель, не считать себя выше другихъ, а помнить, что безъ Бога ничего быть не можетъ, что *еще не Господь созиждетъ домъ, всея трудящаяся зиждущи* его (Псал. сxxvi, 1), — послушай, какъ Христосъ, желая укрѣпить его и научить смиренію, говорилъ ему одному: *Симоне, Симоне, се сатана проситъ, дабы стялъ тебя, яко пшеницу азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ твоя твоя* (Лук. xxi, 31, 32). Такъ какъ онъ, вѣроятно, много думалъ о себѣ, сознавая, что онъ любитъ Христа больше всѣхъ, то ему попущено было пасть, отречься отъ Учителя; потому онъ и плакалъ горько, и другія выражалъ чувствованія, слѣдующія за плачемъ. Чего въ самомъ дѣлѣ онъ не сдѣлалъ? Онъ подвергалъ себя въ послѣдствіи безчисленнымъ опасностямъ, доказавъ во всемъ свое мужество и твердость душевную. Раскаялся и Іуда, но худо, потому что удавился; раскаялся, какъ я говорилъ, и Исавъ, а правильнѣе — онъ совершенно не раскаялся, потому что слезы его были слезами не покаянія, а скорѣе злобы и гнѣва, какъ видно изъ послѣдствій; раскаялся блаженный Давидъ, выражающійся такъ: *изымю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Псал. vi, 7). Давно допущенный грѣхъ онъ оплакивалъ послѣ столькихъ лѣтъ и послѣ столькихъ поколѣній, какъ бы совершенный недавно. Кающемуся должно не гнѣваться, или раздражаться, но сокрушаться, какъ осужденному, какъ не имѣющему дерзновенія, какъ обличенному, какъ ожидающему спасенія отъ одной милости, какъ оказавшему себя непризнательнымъ къ благодѣтелю, неблагодарнымъ, безчестнымъ и достойнымъ безчисленныхъ мученій. Если онъ станетъ помышлять объ этомъ, то не будетъ гнѣваться и раздражаться, но воздыхать, скорбѣть, плакать и рыдать день и ночь. Кающемуся не должно никогда предавать забвенію грѣхи свои, но молить Бога, чтобы Онъ не воспоминалъ объ нихъ, а самому никогда объ нихъ не забывать: если мы будемъ объ нихъ помнить, то Богъ забудетъ ихъ. Будемъ же осуждать и наказывать сами себя: такимъ образомъ мы умиловистимъ Судію. Грѣхъ исповѣданный становится меньше, а не исповѣданный больше. Если ко грѣху присоединяется безстыдство и неблагодарность, то онъ никогда не остановится; да и какъ такой человѣкъ можетъ остерегаться, чтобы не впасть въ тѣ же грѣхи, которые прежде онъ совершилъ по невѣдѣнію?

Итакъ, увѣщеваю васъ, не будемъ отпираться, не будемъ безстыдничать, чтобы намъ противъ воли не подвергнуться наказанію. Каинъ услышалъ отъ Бога: *гдѣ есть Азель братъ твой?* и сказалъ: *не въмѣ: еда стражъ брату моему еси?* азъ (Быт. iv, 9)? Видишь, какъ это сдѣлало грѣхъ тягчайшимъ? Не такъ поступилъ отецъ его,—а какъ? Услышавъ: *Адаме, гдѣ еси?* онъ сказалъ: *гласъ слышахъ тебе, и убоюся, яко нагъ есмь, и скрыхся* (Быт. iii, 10). Великое благо—сознавать грѣхи и постоянно помнить объ нихъ; ничто такъ не исцѣляетъ отъ грѣховныхъ навыковъ, какъ постоянное памятованіе (о грѣхахъ); ничто такъ не дѣлаетъ человѣка медлительнымъ къ совершенію зла. Знаю, что совѣсть уклоняется и не любитъ мучиться воспоминаніемъ о грѣхахъ; но ты дѣлай душѣ принужденіе и налагай на нее узду; она свирѣпствуетъ, какъ необузданный конь, и не хочетъ убѣдиться, что она согрѣшила. Но все это — сатанинское дѣло. А мы будемъ убѣждать ее, что она согрѣшила, чтобы она покаялась и, покаившись, забавилась отъ наказаній. Какъ, скажи мнѣ, ты хочешь получить прощеніе во грѣхахъ, не исповѣдавъ ихъ? Согрѣшившій, конечно, достоинъ милости и состраданія; но ты, еще не убѣдившійся, что согрѣшилъ, какъ хочешь быть помилованнымъ, будучи столь безстыднымъ въ согрѣшеніяхъ? Убѣдимъ же себя, что мы согрѣшили; не языкомъ только будемъ говорить это, но и умомъ; не только будемъ называть себя грѣшниками, но и представлять грѣхи свои, исчисляя каждый порознь. Я не говорю тебѣ: выставляй себя на показъ предъ всѣми, обличай себя при другихъ; но совѣтую слѣдовать пророку, который говоритъ: *открытый ко Господу путь твой* (Иса. xxxvi, 5). Исповѣдуй грѣхи свои предъ Богомъ, исповѣдуй предъ Судіею, молясь, если не языкомъ, то памятію, и такимъ образомъ ищи помилованія. Если ты будешь постоянно содержать въ памяти грѣхи свои, то никогда не будешь помнить зла ближнему,—не говорю: если ты будешь только сознать, что ты грѣшникъ: это не столько можетъ смирить душу, сколько самые грѣхи, исчисляемые порознь. Постоянно имѣя ихъ въ памяти, ты не станешь ни помнить зла, ни гнѣваться, ни злословить, ни надмеваться, ни впадать снова въ тѣ же грѣхи, и сдѣлаешься болѣе крѣпкимъ къ совершенію добрыхъ дѣлъ.

4. Впадишь, сколько благъ происходить отъ памятованія о грѣхахъ? Потому начертаетъ ихъ въ умахъ нашихъ. Знаю, что душа отклоняется отъ себя столь непріятное памятованіе; но будемъ принуждать, будемъ заставлять ее. Лучше ей теперь пострадать отъ памятованія о грѣхахъ, нежели въ то время отъ наказанія за нихъ. Нишѣ, если ты будешь помнить объ нихъ,

постоянно исповѣдывать ихъ предъ Богомъ и молиться объ ихъ (прощеніи), то скорѣе истребишь ихъ. Если же забудешь ихъ нынѣ, то поневолѣ вспомнишь о нихъ тогда, когда они будутъ обнаружены предъ цѣлою вселенною и объявлены предъ всѣми—и друзьями, и врагами, и ангеламъ. Вѣдь не Давиду одному сказать (Господь): *ты сотворилъ еси втайнѣ, азъ же сотворю явно предъ всѣми* (2 Царств. хп, 12), но и всѣмъ намъ. Ты боялся, скажешь Онъ, людей и стыдился ихъ болѣе, нежели Бога; ты не думалъ о всевидящемъ Богѣ, а стыдился людей, потому что *очи челоуѣчестіи страхъ* ихъ (Сир. ххш, 26); за все это ты отдашь отчетъ,—Я обличу тебя, обнаруживъ предъ глазами всѣхъ грѣхъ твои. А что это справедливо,—что въ тотъ день обнаружатся грѣхъ всѣхъ насъ, если мы нынѣ не истребимъ ихъ частымъ о нихъ памятованіемъ,—послушай, какъ обнаруживается жестокосердіе и безчелоуѣчность тѣхъ, которые здѣсь не были милостивыми: *взалахся, говорить, и не дасте ми ясти* (Мѣ. хху, 42). Когда говорится это? Въ уединенномъ ли и тайномъ мѣстѣ? Нѣтъ,—но когда? Когда *прійдетъ Сынъ челоуѣческій въ славу своей*, и собереть *вся языки*, когда *разлучитъ* однихъ отъ другихъ, поставивъ ихъ *одесную и ошуюю*,—тогда и скажешь въ слухъ всѣхъ: *взалахся, и не дасте ми ясти*. Вспомни еще, какъ пять дѣвъ услышать предъ всѣми: *не вѣмъ васъ* (Мѣ. хху, 12). Пять и пять здѣсь означаютъ не числомъ только пять, но всѣхъ злыхъ, жестокихъ и безчелоуѣчныхъ дѣвъ, равно и тѣхъ, которые не таковы. Также и зарывшій (въ землю) одинъ талантъ услышалъ при всѣхъ—и при тѣхъ, которые принесли пять, и при тѣхъ, которые принесли два таланта: *лукавый рабе и лѣнливый* (Мѣ. хху, 26). И не словами только, но и дѣлами Онъ тогда обличитъ ихъ, какъ и евангелистъ говоритъ: *воззрятъ на ны, егоже прободоша* (Іоан. хіх, 37). Общее будетъ воскресеніе всѣхъ—и грѣшныхъ, и праведныхъ; всѣхъ вмѣстѣ будетъ судить Судія. Представъ же тѣхъ, 218 которые въ скорби и печали будутъ ввергаемы въ огонь, тогда какъ другіе будутъ увѣнчаны. *Прійдите*, скажетъ Онъ, *благословеннїи Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствїе отъ slo-женїя міра*; а другимъ: *идите отъ мене во огонь, уготованный диа-волу и аггеломъ slo* (Мѣ. хху, 34, 41).

Будемъ не только слушать эти слова, но и начертывать ихъ предъ глазами нашими. Представимъ, что Онъ самъ теперь явился предъ нами и говоритъ это, и что мы ввергаемся въ тотъ огонь. Что мы почувствуемъ въ душѣ? Чѣмъ утѣшимъ себя? А что—тогда, когда мы будемъ раздѣлены на двѣ стороны? Что—тогда, когда будемъ обвиняемы въ похищеніи чужого? Какое представимъ оправданіе, какое благовидное извиненіе? Никакого; но не-

избѣжно повлекутъ насъ, связанныхъ и съ поникшими головами, въ отверстія горящихъ печей, въ огненную рѣку, во тьму, на безконечныя мученія, и не будемъ имѣть никого, кто бы избавилъ насъ. Вѣдь невозможно отсюда перейти туда: *пропасть велика*, скажутъ (праведные), *между нами и вами* (Лук. xvi, 26); и даже, если бы они желали, и тогда невозможно перейти и подать руку помощи, но неизбежно будемъ мы горѣть вѣчно. и никто не поможетъ намъ, хотя бы то былъ отецъ, или мать, или кто-нибудь другой, даже имѣющій великое дерзновеніе предъ Богомъ. *Братья, сказано, не избавитъ: избавитъ ли человекъ* (Псал. xlviii, 8)? Итакъ, если нельзя возлагать надежду спасенія на другого, а только на человеколюбіе Божіе и затѣмъ на самого себя, то, увѣщаю васъ, будемъ дѣлать все, чтобы жизнь наша была чиста и поведеніе безукоризненно, чтобы намъ съ самаго начала не допускать никакого оскверненія; а если допустимъ, то не будемъ предаваться усыпленію послѣ оскверненія, но постоянно очищать нечистоту покаяніемъ, слезами, молитвами, милостынею. А что, скажешь, если я не въ состояніи творить милостыню? Но ты имѣешь чашу холодной воды, какъ бы ты ни былъ бѣденъ; ты имѣешь двѣ лепты, въ какой бы бѣдности ты ни находился; ты имѣешь ноги, чтобы посѣтить больныхъ, или сходить въ темницу; ты имѣешь кровлю, чтобы принять странниковъ. Нѣтъ, подлинно нѣтъ никакого оправданія не творящему милостыни. Объ этомъ часто мы говоримъ вамъ, чтобы хотя нѣсколько имѣть успѣха отъ частаго повторенія; говоримъ, заботясь не столько о благодѣтельствуемыхъ, сколько о васъ самихъ. Имъ вы даете (блага) здѣшнія, а сами получите за то (блага) небесныя, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXII.

219 Не приступисте бо къ горѣ осязаемѣй, и разгорѣвшемуся огню, и облаку, и сумраку, и бурѣ, и трубному звуку, и гласу глаголю, егоже слышавшіи отрекошася, да не приложится имъ слово: не терпяху бо повелѣвающего: аще и звѣрь прикоснется горѣ, каменіемъ побіенъ будетъ: и, тако страшно бѣ видимое, Моисей рече: пристрашенъ есмь и трепетенъ: но приступисте къ Сіонистѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ ангеловъ, торжеству, и церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и судіи всѣхъ Богу, и духомъ праведникъ совершенныхъ, и къ ходатаю завѣта новаго Іисусу, и крови кропленія, лучше глаголющей, нежели Авелева (Евр. хп, 18—24)

1. Во храмѣ (іудеевъ) было дивное святое святыхъ, было у нихъ и страшное—происходившее на горѣ Синаѣ: огонь, облако, мракъ, буря, потому что на Синаѣ, сказано, Богъ открывался въ огнѣ, бурѣ и мракѣ (Втор. v, 22). Ничего такого не было при учрежденіи новаго завѣта; но онъ данъ былъ Христомъ въ простой Его бесѣдѣ. Смотри, какъ (апостолъ) еще дѣлаетъ сравненіе между ними, справедливо поставляя все это послѣ. Представивъ имъ множество доказательствъ и уже объяснивъ различіе между двумя завѣтами, онъ наконецъ, послѣ сказаннаго выше, легко приступаетъ и къ этому. Что же говорить онъ? *Не приступисте бо къ горѣ осязаемѣй, и разгорѣвшемуся огню, и облаку, и сумраку, и бурѣ, и трубному звуку, и гласу глаголю, егоже слышавшіи отрекошася, да не приложится имъ слово: не терпяху бо повелѣвающего: аще и звѣрь прикоснется горѣ, каменіемъ побіенъ будетъ.* Это было страшно, говорить, такъ страшно, что и слушать было невозможно, и даже звѣрь не смѣлъ приближаться. Но это еще не таково, каково послѣдующее. Что Синай въ сравненіи съ небомъ? Что осязаемый огонь въ сравненіи съ неосязаемымъ Богомъ? *Богъ нашъ, говорить, огонь поядаяй естъ* (Евр. хп, 29). А что дѣйствительно происходившее тогда на горѣ было страшно, видно изъ тѣхъ словъ, которыя сказали (евреи): *да не глаголетъ Богъ, но да глаголетъ намъ Моисей* (Исх. хх, 19). *Не терпяху бо повелѣвающего: аще и звѣрь прикоснется горѣ, каменіемъ побіенъ будетъ: и, тако страшно бѣ видимое, Моисей рече: пристрашенъ есмь и трепетенъ.* Удивительно ли, что народъ, какъ говорится (въ Писаніи), чувствовалъ такой страхъ, если и самъ (Моисей), входившій въ мракъ, гдѣ находился Богъ, говорилъ:

пристрашенъ есмь и трепетенъ? Но приступите къ Сіонстѣй
 нря, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмаѣ ан-
 гелѣ, торжеству, и Церкви первородныхъ на небесахъ написанныхъ,
 и судіи всѣхъ Богу, и сугомъ праведникъ совершенныхъ, и къ хода-
 тю завета новаго Іисусу, и крови кропленія, лучше глаголющей,
 нежели Авелева. Видишь, сколькими (доводами) онъ доказалъ
 превосходство новаго завета предъ ветхимъ? Въмѣсто земного
 Іерусалима—небесный: приступите ко граду Бога живаго, Іеруса-
 лиму небесному; въмѣсто Моисея—Іисусъ: и къ ходатаю завета
 новаго Іисусу; въмѣсто народа—всѣ ангелы: и тмаѣ ангеловъ, тор-
 жеству. Кого же онъ разумѣтъ подѣ именемъ первородныхъ: и 220
 церкви первородныхъ? Всѣ сонмы вѣрныхъ; ихъ же онъ назы-
 ваетъ и духами праведникъ совершенныхъ. Итакъ не скорбите,
 говорить; вы будете съ ними. Что значить: крови кропленія, лучше
 глаголющей, нежели Авелева? Развѣ кровь Авеля говорила? Да; а
 какимъ образомъ, о томъ послушай Павла, который говоритъ:
 евою множайшую жертву Авель паче Каина принесе, еяже свидѣ-
 тельствованъ бысть быти праведникъ: и тою умерый еще глаголетъ
 (Евр. xi, 4). То же и самъ Богъ выражаетъ, когда говоритъ: гласъ
 крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ (Быт. iv, 10). Такимъ образомъ
 или это здѣсь можно разумѣть, или то, что (кровь Авелева) еще
 и нынѣ прославляется, впрочемъ не такъ, какъ (кровь) Христова,
 потому что эта очистила всѣхъ и издастъ гласъ тѣмъ славнѣй-
 шій и важнѣйшій, чѣмъ больше свидѣлствуютъ о ней самыя
 дѣла. Блюдите же, да не отречетеся глаголющаго. Аще бо не избѣ-
 жаша они отречіиися пророчествующаго на земли, множе паче мы
 отрицающіиися небеснаго. Егоже гласъ землю тогда поколеба: нынѣ же
 обѣтова, глагола: еще единою азъ потрясу не токмо землю, но и
 небомъ. А еще, еще единою, скажетъ колеблемыхъ преложеніе, аки
 сотворенныхъ, да пребудутъ, яже суть неподвижимая. Тѣмже цар-
 ство непоколебимо пріемлюще, да имамы благодать, еяже служимъ
 благоугодно Богу, съ благоговѣніемъ и страхомъ. Ибо Богъ нашъ огонь
 поядаяй есть (ст. 25—29). То страшно, а это гораздо болѣе чудно
 и славно, потому что здѣсь—нѣтъ ни мрака, ни облака, ни бури,
 какъ тамъ. А для чего тогда Богъ являлся въ огнѣ? Этимъ,
 кажется мнѣ, означаетъ неясность ветхаго завета, туманность и
 прикровенность закона; а съ другой стороны выражается, что
 Законодатель долженъ быть страшенъ и грозенъ для преступ-
 никовъ.

2. Для чего трубные звуки? Это правильно, — потому что
 здѣсь какъ бы царь присутствовалъ. Такъ будетъ и при второмъ
 пришествіи: вострубитъ бо, говорить (апостолъ), и всѣ мы воста-
 немъ (1 Кор. xv, 52). Воскресеніе всѣхъ будетъ совершено силою

Божію. А гласъ трубный означаетъ не что иное, какъ то, что всѣмъ должно воскреснуть. Тогда (на Синаѣ) все было чувственное—и видѣнія, и звуки; а послѣдующее все—духовное и невидимое. Огонь означаетъ то, что Богъ есть *огнь: ибо Богъ нашъ*, говоритъ (апостолъ), *огнь поядая* есть (Евр. хп, 29). Облако, мракъ и дымъ выражаютъ опять нѣчто страшное. Такъ и Исаія говорить: *и домъ наполнися дыма* (Иса. vi, 4). А для чего буря? Родъ человѣческій былъ безпеченъ: потому нужно было пробудить его: и, конечно, не было такого безпечнаго человѣка, который не возвелъ бы мыслей своихъ горѣ, когда это происходило и когда совершалось законоположеніе. *Моисей глаголаше, Богъ же отъщаваше ему гласомъ* (Исх. xix, 19), потому что нужно было, чтобы слышенъ былъ голосъ Божій. Такъ какъ (Богъ) хотѣлъ чрезъ Моисея преподавать законъ, то и дѣлаетъ его достойнымъ вѣры. (Евреи) не видѣли Моисея по причинѣ облака, и не слышали его по причинѣ его косноязычія. Что же? Самъ Богъ отвѣчалъ ему ²²¹ *гласомъ*, какъ бы говоря къ народу и дѣлая для него внятными законоположенія. Но обратимся къ вышесказанному. *Не приступите бо къ горѣ осязаемъ, и разгорѣвшемуся огню, и трубному звуку, и гласу глаголю, егже слышавшіи отрекошася, да не приложится имъ слово*. Слѣдовательно, они сами были причиною того, что Богъ явился имъ чувственнымъ образомъ. Что говорили они? *Да глаголетъ намъ Моисей, и да не глаголетъ намъ Богъ* (Исх. xx, 19).

Нѣкоторые, дѣлая сравненіе, унижаютъ все тогдашнее, чтобы болѣе возвысить настоящее; но я считаю и то дивнымъ,—вѣдь и тамъ были дѣла Божіи и явленія Его силы,—но вмѣстѣ доказываю, что наше гораздо превосходитъ и удивительнѣе. Оно вдвойнѣ велико: какъ славное и важнѣйшее, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ болѣе доступное и кроткое. Такъ и въ посланіи къ Коринѣянамъ (апостолъ) говоритъ: *мы же откровеннымъ лицемъ славу Господню* *взираемъ, и не якоже Моисей полагаше покрывало на лицѣ своемъ* (2 Кор. iii, 18, 19). Тѣ, говоритъ, не удостоились того, чего мы. Чего же они удостоились? Они видѣли мракъ и облако, слышали голосъ. Но и ты слышалъ голосъ Божій, только не чрезъ облако, а чрезъ плоть (Христову), и притомъ не смутился и не утрапился, но стоялъ и бесѣдовалъ съ Ходатаемъ. Мракомъ (Писаніе) означаетъ также невидимость: *и мракъ*, говоритъ (Псалмѣ-пѣвецъ), *подъ ногами его* (Псал. хvii, 10). Тогда и Моисей утрапился, а нынѣ—никто; тогда народъ стоялъ внизу, а мы не внизу, но выше неба, близъ самого Бога, какъ сыны Его, а не такъ, какъ Моисей; тамъ была пустыня, а здѣсь городъ, и тѣмъ ангеловъ. *Торжеству*,—здѣсь апостолъ выражаетъ радость и веселіе въ противоположность облаку, мраку и бурѣ. *И церкви первоородныхъ*.

на небесахъ написанныхъ, и судии встѣхъ Богу. Тѣ не подходили, а стояли вдали, равно какъ и Моисей; а вы приступили. Здѣсь (апостолъ) внушаетъ имъ также и страхъ: и суди, говорить, встѣхъ Богу; слѣдовательно, Онъ будетъ судить не только іудеевъ, или вѣрныхъ, но всю вселенную. *И духомъ праведныхъ совершенныхъ:* называется такъ души благочестивыхъ. *И къ ходатаю заступу новаго Иисусу, и крови кропленія,* т. е. очищенія, *лучше глаголющей, нежели Авелева.* Если же кровь говорить, то тѣмъ болѣе находится въ живыхъ самъ Закланый. А что говорить она—послушай: и *Духъ ходатайствуетъ воздыханіи неизглаголаннѣми* (Рим. VIII, 26). Какимъ образомъ говорить? Входя въ чистую душу, возвышая ее и побуждая говорить. *Влудите же, да не отречетесь глаголющаго,* т. е., не ослушайтесь. *Аще бо не избѣжаша они, отречшіися пророчествующаго на земли.* Кого онъ здѣсь разумѣтъ? Мнѣ кажется, Моисея. Смыслъ же словъ его слѣдующій: если тѣ не избѣгли (наказанія), не послушавшись заповѣдавашаго на землѣ, то какъ можемъ мы не слушаться заповѣдующаго съ неба? Здѣсь онъ выражаетъ не то, будто тамъ былъ иной (законодатель),—вовсе нѣтъ,—не указываетъ онъ одного тамъ, а другого здѣсь, но говорить, что страшенъ изрекающій съ неба. Хотя и тамъ и здѣсь одинъ и тотъ же, но особенно страшенъ изрекающій здѣсь. Апостолъ говоритъ о различіи не лицъ, а даровъ. Откуда это видно? Изъ дальнѣйшихъ словъ его: *аще бо не избѣжаша они, отречшіися пророчествующаго на земли, множае паче мы, отрицающіися небснаго.* Что же? Иной ли здѣсь, и иной тамъ? Какъ же онъ говоритъ: *егоже гласъ землю тогда поколебаша?* А землю поколебалъ голосъ давашаго тогда законъ. *Нынѣ же обитова, глаголю: еще единою азъ потрясу не токмо землю, но и небо.* А еще, еще единою, скажетъ колеблемыхъ преложеніе, *аки сотворенныхъ.* Такимъ образомъ все будетъ пэмѣнено и устроится къ лучшему свыше; это выражается здѣсь приведенными словами. Что же ты скорбишь, страдая въ мірѣ временномъ, бѣдствуя въ мірѣ скоропроходящемъ? Если бы въ будущей судьбѣ міра была ненадежность, то ожидающему конца слѣдовало бы скорбѣть. *Да пребудутъ,* говорить, *яже суть неподвижимая.* А что неподвижно? Будущее.

3. Будемъ же дѣлать все, чтобы получить эти блага, чтобы наслаждаться этими благами. Такъ, прошу и умоляю васъ, будемъ стараться объ этомъ. Никто не строитъ въ городъ, который готовъ разрушиться. Скажи мнѣ, прошу тебя: если бы кто-нибудь сказалъ, что такой-то городъ чрезъ годъ разрушится, а такой-то никогда,—неужели ты сталъ бы строить въ томъ, который долженъ разрушиться? Потому я и говорю теперь: не будемъ созидать въ этомъ мірѣ; онъ скоро разрушится и все погибнетъ. Но

что я говорю: онъ скоро разрушится? Прежде его разрушенія мы сами погибнемъ, пострадаемъ и выйдемъ изъ самихъ себя. Для чего мы строимъ на пескѣ?

Будемъ строить на камнѣ (Мѡ. vii, 25), и тогда, что бы ни случилось, зданіе наше останется несокрушимымъ, ничто не будетъ въ состояніи разрушить его. И это несомнѣнно, потому что то мѣсто недоступно ни для какихъ нападеній, тогда какъ здѣшнее доступно; здѣсь и землетрясенія, и пожары, и нашествія враговъ лишаютъ насъ (зданій нашихъ) еще при жизни, а часто вмѣстѣ съ ними губятъ и насъ самихъ. Если же (зданіе) уцѣлѣетъ, то или болѣзнь поражаетъ насъ скорѣе его, а если не совсемъ поражаетъ, то не позволяетъ пользоваться имъ спокойно: въ самомъ дѣлѣ, какое удовольствіе тамъ, гдѣ болѣзнь, клеветы, зависть, козни? Или, если ничего такого не случается, то часто мы не имѣемъ дѣтей, и потому сѣтуемъ и скорбимъ, не зная, кому передать свои дома и все прочее, и досадуя, что трудимся для другихъ; а часто наше имущество переходитъ въ наслѣдство къ врагамъ, не только послѣ нашей смерти, но еще при жизни. Что можетъ быть прискорбнѣе, какъ трудиться для враговъ, и для того, чтобы они наслаждались, умножать грѣхи свои? Примѣровъ этого мы видимъ въ городахъ множество; умалчиваю объ нихъ, чтобы не опечалить лишившихся; я могъ бы назвать поименно нѣкоторыхъ изъ нихъ, рассказать много примѣровъ и указать вамъ на многіе дома, которыхъ владѣтелями сдѣлались враги трудившихся надъ ними; и не только дома, но и рабы, и все наслѣдство часто переходило къ врагамъ. Таковы блага человѣческія! На небесахъ же ненужно опасаться ничего подобнаго; тамъ не займетъ мѣста умершаго другой—врагъ его, и не завладѣетъ наслѣдствомъ; тамъ нѣтъ ни смерти, ни вражды, а только—обители святыхъ, и у этихъ святыхъ ликованіе, радость, веселіе: *гласъ радости*, говорить (Псалмопѣвецъ), *въ селеніихъ праведныхъ* (Псал. cxvii, 15). (Эти обители) вѣчны, не имѣютъ конца; онѣ не падаютъ отъ времени, не перемѣняютъ владѣльцевъ своихъ, но стоятъ и цвѣтутъ постоянно; и это несомнѣнно, потому

223 что тамъ нѣтъ ничего тлѣннаго и скоропреходящаго, но все безсмертно и вѣчно. Будемъ же употреблять свое имущество на построеніе этого зданія; намъ ненужны будутъ ни архитекторы, ни рабочіе; эти дома строятся руками бѣдныхъ, хромыхъ, слѣпыми, убогими; они созидаютъ эти обители. И не удивляйся этому, когда они пріобрѣтаютъ намъ даже царствіе и доставляютъ намъ дерзновеніе предъ Богомъ.

4. Милостыня есть превосходная художница и покровительница упражняющихся въ ней; она любезна Богу и находится

близъ Него, легко испрашивая милость тѣмъ, кому хочетъ, только бы мы не оскорбляли ея; а она оскорбляется тогда, когда мы дѣлаемъ ее изъ похищеннаго имущества; если же она чиста, то составляетъ великое дерзновеніе возсылающимъ ее (къ Богу). Сила ея такова, что она умоляетъ даже за падшихъ и согрѣшившихъ. Она разрѣшаетъ (адскія) узы, разгоняетъ мракъ, погашаетъ пламень, умерщвляетъ червя, избавляетъ отъ скрежета зубовъ. Для ней безпрепятственно отверзаются врата небесныя. Какъ у входящей царицы никто изъ стражей, приставленныхъ къ дверямъ, не смѣетъ спрашивать, кто она и откуда, по всѣмъ тотчасъ принимаютъ ее, такъ точно бываетъ и съ милостынею: она поистинѣ есть царица, дѣлающая людей подобными Богу. *Будите убо, ска- залъ (Господь), милосерди, якоже Отецъ вашъ небесный .милосердъ есть* (Лук. vi, 36). Она легка и быстролетна, имѣетъ золотыя крылья и полетъ, улаждающій ангеловъ. У ней, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *крыль голубинъ посребренъ, и междорамія ея въ блещаніи мата* (Псал. lxxvii, 14). Она летаетъ, какъ голубь, золотой и живой, одаренный нѣжнымъ взглядомъ и кроткимъ глазомъ. Нѣтъ ничего прекраснѣе этого глаза. Красивъ павлинь, но въ сравненіи съ этимъ голубемъ онъ—ворона: такъ прекрасна и удивительна эта птица! Она постоянно смотритъ вверхъ и окружается великою славой Божіею; она есть дѣва съ золотыми крыльями, разукрашенная и имѣющая лицо бѣлое и кроткое; она легка и быстро-летна и предстатье престолу Царскому. Когда мы подвергаемся суду, она внезапно прилетаетъ, является и избавляетъ насъ отъ наказанія, осылая своими крыльями. Богу она угодна болѣе жертвы, о ней Онъ часто бесѣдуетъ: такъ она любезна Ему! *Сиру и одоу и убогаго, говоритъ (Псалмопѣвецъ), Господь пріиметъ* (Псал. xlv, 9). Бя именемъ самъ Богъ любитъ называться: *щедръ и милостивъ Господь*, говоритъ Давидъ, *долготерпѣливъ и многомилостивъ и истиненъ* (Псал. cxlv, 8; Числ. xiv, 18); и еще: *милость Божія по всей земли* (Псал. lvi, 12; сл, 11). Она спасла родъ человѣческій,—потому что если бы Богъ не помиловать насъ, то все погибло бы; она примирила насъ, бывшихъ врагами; она доставила намъ безчисленныя блага; она побудила Сына Божія сдѣлаться рабомъ и истощить себя. Будемъ же, волюбленные, рев- 321 новать о той, которою мы спасены; будемъ любить ее, предпочитать ее богатству, и безъ богатства соблюдать душу свою милосердію. Ничто столько не отличаетъ христіанина, какъ милостиня; ничему столько не удивляются невѣрные и всѣ, какъ дѣлаютъ милосердія. И мы часто нуждаемся въ этомъ милосердіи, и каждый день взываемъ къ Богу: *по величій милости твоей помилуй насъ* (Псал. i, 3). Напередъ мы сами начинаемъ (дѣла милосердія).

сердія), или, лучше сказать, не мы начинаемъ прежде, но самъ Богъ уже явилъ милость свою къ намъ. Будемъ же, возлюбленные, хотя позади слѣдовать за Нимъ. Если люди милуютъ милостиваго, хотя бы онъ сдѣлалъ множество грѣховъ, то тѣмъ болѣе—Богъ. Послушай пророка, который говоритъ: *азъ же яко маслина плодовита въ дому Божіи* (Псал. 11, 10). Будемъ подобны масливъ; оградимся со всѣхъ сторонъ заповѣдями, потому что недостаточно быть только маслиною, но (надобно быть) и плодовою. Есть люди, которые подаютъ милостыню мало, или во весь годъ однажды, или одинъ разъ въ каждую недѣлю, или только при случаѣ; они—маслины, но не плодовые, и даже сухія; какъ подающіе милостыню, они—маслины, а какъ подающіе нещедро, они—маслины неплодовые. Будемъ же плодовитыми. Я часто говорилъ и теперь повторяю: важность милостыни измѣряется не количествомъ подаваемого, но расположеніемъ подающаго. Вы знаете (евангельское сказаніе) о вдовицѣ; хорошо—всегда приводить на память этотъ примѣръ, чтобы и бѣдный не отчаивался, представляя ее, положившую двѣ лепты. При построеніи скиніи нѣкоторые принесли волну (Исх. xxxv, 26); но и они не были отвергнуты. Если бы имѣвшіе золото принесли волну, то были бы прокляты; но такъ какъ у принесшихъ ее только это и было, то они не отвергнуты. Такъ и Каинъ былъ осужденъ не за то, что принесъ въ жертву малоцѣнное, но за то, что принесъ самое малоцѣнное изъ всего, что имѣлъ: *проклятъ*, говоритъ (пророкъ), *имже имѣеть мужескъ полъ, и жретъ растлѣнное Господови* (Мал. 1, 14). Не просто такъ сказать, но: если имѣеть и беречь. Слѣдовательно, кто не имѣеть, тотъ не подлежитъ осужденію, или лучше, тотъ даже достоинъ награды. Что маловажнѣе двухъ лептъ и ничтожнѣе волны? Что малоцѣннѣе мѣры муки? Но (Богъ) благоволилъ принять и это наравнѣ съ тельцами и золотомъ. *По елику аще кто имать, благопріятенъ есть, а не по елику не имать* (2 Кор. vii, 12); и еще: *благотвори*, говоритъ (Премудрый), *егда имать рука твоя* (Притч. ш, 27). Потому, увѣщаваю васъ, будемъ охотно раздавать имущество свое бѣднымъ; хотя бы оно было и мало, мы получимъ награду равную съ подающими много, и даже большую, нежели раздающіе тысячи талантовъ. Если мы будемъ дѣлать это, то получимъ неизреченныя сокровища отъ Бога, т. е., если будемъ не только слушать, но и дѣлать, не только одобрять, но и показывать на дѣлѣ. Да сподобимся ихъ всѣ мы, благодатію и челоувѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, отъ Которымъ Отцу со святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIII.

Тѣмже царство непоколебимо пріемлюще, да имамы благодать, еюже служимъ благоугодно Богу съ благоговѣніемъ и страхомъ. Ибо Богъ нашъ огонь поядаяй есть (Евр. хп, 28, 29)..

1. Какъ въ другомъ мѣстѣ (апостоль) говорить: *видимая бо временна, невидимая же вѣчна* (2 Кор. iv, 18), и отсюда заимствуетъ утѣшеніе въ бѣдствіяхъ, которымъ мы подвергаемся въ настоящей жизни, такъ точно онъ поступаетъ и здѣсь, и говорить: *да имамы благодать*, т. е. будемъ благодарить Бога, будемъ твердыми. Мы должны не только не роптать въ настоящихъ бѣдствіяхъ, но и воздавать Богу величайшую благодарность за нихъ ради благъ будущихъ. *Еюже служимъ благоугодно Богу*, т. е., тогда мы и служимъ благоугодно Богу, когда за все благодаримъ Его. *Вся творите*, говоритъ, *безъ роптанія и размысленія* (Филип. п, 14). Какія бы дѣла ни совершалъ человѣкъ ропщущій, онъ унижается и теряетъ награду, подобно израильтянамъ,—а вы знаете, какому подверглись они наказанію за ропотъ. Потому не ропщите, говоритъ (апостоль). Невозможно служить благоугодно (Богу), не воздавая Ему благодарности за все—и за искушенія, и за утѣшенія. *Съ благоговѣніемъ и страхомъ*, т. е., не будемъ говорить ничего дерзкаго, ничего безстыднаго, но станемъ благоустроить себя такъ, чтобы заслужить уваженіе; это и значать слова: *съ благоговѣніемъ и страхомъ*. *Братолюбіе да пребываетъ. Страннолюбія не забывайте: тѣмъ бо не отдяще нѣцци страннопріяма ангелы* (хп, 1, 2). Смотри, какъ (апостоль) заповѣдуетъ имъ хранить то, что уже было у нихъ, и не прибавляетъ ничего другого; онъ не сказалъ: будьте братолюбивы, но: *братолюбіе да пребываетъ*; не сказалъ: будьте страннолюбивы, какъ будто они не были такими, но: *страннолюбія не забывайте*,—потому что это могло случиться отъ скорбей. Далѣе прибавляетъ то, что особенно могло ободрить ихъ: *тѣмъ бо, не отдяще нѣцци страннопріяма ангелы*. Видишь, какая честь, какая польза? Что значить: *не отдяще*? Угостили (ангеловъ), сами не зная того. За то Авраамъ и удостоился великой награды, что угостилъ ангеловъ, не зная, что они—ангелы; а если бы онъ зналъ, то это было бы нисколько неудивительно. Нѣкоторые думаютъ, что (апостоль) разумѣетъ здѣсь и Лота и объ немъ говорить это. *Поминайте кнзичи, аки съ мими связани, озлобляемы, аки и сами суще въ тѣлѣ. Честна жстнство во есѣтъ, и ложе нескверно: блудникомъ же и прелюбодѣламъ судитъ Богъ. Не сребролюбцы правомъ, доволни сущими* (ст. 3—5). Замѣть, какъ часто онъ говоритъ о цѣломудріи.

И прежде говорилъ: *миръ имѣйте и святыню*; и еще: *да не кто блудодѣй или сквернитель* (Евр. хп, 14, 16); и теперь говоритъ: *блудникомъ и прелюбодѣемъ судитъ Богъ*. При томъ вездѣ съ запрещеніемъ соединяетъ угрозу наказанія, и—обрати здѣсь вниманіе—какъ именно. *Миръ*, говоритъ, *имѣйте со всеми и святыню*, и прибавляетъ: *иже кромѣ никтоже узритъ Господа*; а тутъ: *блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ*; напередъ сказалъ: *честна женитва во всехъ, и ложе не скверно*, а потомъ прибавилъ угрозу наказанія, показывая, что онъ справедливо одѣлалъ дальнѣйшую прибавку. Вѣдь, если супружество дозволено, то блудникъ справедливо наказывается и прелюбодѣй справедливо подвергается мученію. Здѣсь онъ направляетъ рѣчь противъ еретиковъ. Притомъ не сказалъ: никто не долженъ быть блудникомъ, но, уже 226 сказавъ о томъ прежде одинъ разъ, присовокупляетъ это, какъ общую заповѣдь, не направляя прямо противъ нихъ. *Не сребролюбцы правомъ: доволни сущими*. Не сказалъ: ничего не приобретайте, но: *не сребролюбцы правомъ будьте*, т. е. пусть умъ вашъ будетъ свободенъ, пусть мысли ваши будутъ выражать мудріе; а это обнаружится, если мы не станемъ искать лишняго, если будемъ довольны только необходимымъ. Выше онъ говорилъ: *и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію прійте* (Евр. х, 34); а здѣсь увѣщаетъ не быть сребролюбивыми; *доволни, говоритъ, сущими*. Далѣе присовокупляетъ и здѣсь утѣшеніе, чтобы они не отчаивались: *той бо рече: не имамъ тебе оставити, ниже имамъ отъ тебе отступити. Яко держащимъ намъ глаголати: Господь мнѣ помощникъ и не убоюся, что сотворитъ мнѣ человекъ* (ст. 6). Вотъ опять утѣшеніе въ искушеніяхъ! *Поминайте наставники ваша* (ст. 7). Это онъ старался внушить и выше, когда говорилъ: *миръ имѣйте со всеми*; то же заповѣдывалъ и ессалоникійцамъ, когда говорилъ, чтобы они почитали наставниковъ *по преизлиху* (1 Сол. v, 13). *Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе: иже взирающе на скончаніе жителства, подражайте оутрь* (ст. 7). Какая здѣсь послѣдовательность мыслей? Весьма хорошая; взирая, говоритъ, на ихъ *жителство*, т. е. на жизнь, подражайте вѣрѣ ихъ, потому что вѣра — отъ чистой жизни. Или же вѣрою называетъ онъ здѣсь твердое убѣжденіе. Какимъ образомъ? Они, говоритъ, твердо вѣровали въ будущее, и потому вели превосходную жизнь; они не вели бы чистой жизни, если бы сомнѣвались или колебались касательно будущаго. То же самое онъ внушаетъ и здѣсь. *Иисусъ Христосъ вчера и днесь, тойже и во вѣки. Въ наученія странна и различна не прилагаются: добро бо благодатію утверждати сердца, не брашны, отъ нѣхъже не пріяха пользы ходишии отъ нихъ* (ст. 8, 9).

2. Здѣсь словомъ: *вчера* (апостолъ) означаетъ все прошедшее время; словомъ: *днесь* — настоящее; словомъ: *во вѣки* — будущее, не имѣющее конца. А смыслъ словъ его слѣдующій: вы слышали первосвященника, но первосвященника не временнаго; Онъ всегда тотъ же. Можетъ быть, тогда нѣкоторые говорили, что Распятый не есть ожидаемый Христосъ, но придетъ другой: потому и говоритъ: *вчера и днесь, тойже и во вѣки*, выражая, что придетъ опять пришедшій Христосъ, что Онъ одинъ и тотъ же и прежде былъ, и есть, и будетъ во вѣки. И нынѣ іудеи говорятъ, что придетъ другой (Христосъ); они, отвергнувшись пришедшаго, предадутся антихристу. *Въ наученія различна и странна не прилагаетесь*; желаетъ, чтобы они не увлекались не только чуждыми, но и различными ученіями; онъ знаетъ, что отъ тѣхъ и другихъ происходитъ гибель для увлекающихся. *Добро бо благодатию утверждати сердца, не брашны, отъ нихже не пріиша пользы годишнѣ въ нихъ*. Здѣсь онъ намекаетъ на тѣхъ, которые предписываютъ правила касательно пищи. Для вѣры все чисто; нужна вѣра, а не яства. *Имамы бо олтарь, отъ негоже не имутъ власти ясти служащии сѣни* (ст. 10). То, что у насъ, говорить, не похотѣло 227 дитъ на іудейское, такъ что даже первосвященнику (іудейскому) не позволяется участвовать въ нашихъ (таинствахъ). Когда онъ сказалъ: не соблюдайте (ученія о пищѣ), то, повидимому, опровергалъ собственныя дѣйствія; потому онъ опять обращается къ тому же. А мы, скажутъ, развѣ не соблюдаемъ этого? Соблюдаемъ, и весьма строго, такъ что даже священникамъ (іудейскимъ) не дозволяемъ участвовать въ нашихъ (таинствахъ). *Иже бо кровь животныхъ вносится во святая за грѣхи первосвященникомъ, снѣгъ тѣлеса сжигаются внѣ стана. Тѣмже Іисусъ, да освятитъ люди своею кровію, внѣ вратъ пострадати изволилъ* (ст. 11, 12). Видишь ясный прообразъ? Тамъ, говорить, *внѣ стана*; и здѣсь *внѣ вратъ*. Какъ жертвы, приносимыя за грѣхи, были нѣкоторымъ прообразомъ и сжигались за станомъ, такъ и Іисусъ, принесшій Себя за грѣхи наши, пострадалъ за вратами. Потому и мы должны подражать Пострадавшему за насъ, и быть внѣ міра, или, лучше, внѣ дѣлъ мірскихъ. Это (апостолъ) и выражаетъ далѣе: *тѣмже убо да исходимъ къ нему внѣ стана, поношеніе его носяще* (ст. 13), т. е., претерпѣвая то же самое, участвуя въ Его страданіяхъ. Какъ Онъ, будучи осужденъ, распятъ за вратами, такъ и мы не будемъ стыдиться удаляться отъ міра; это внушаетъ (апостолъ) словами: *внѣ стана, и: внѣ вратъ*. *Не имамы бо, говорить, здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ. Тѣмъ убо приносимъ жертву хваления выну Богу: сирѣчь, плодъ устенъ исповѣдающихся имени его* (ст. 14, 15). Тѣмъ, т. е. первосвященникомъ, въ отно-

шеніи къ плоти. *Исповѣдающихся имени его:* какъ бы такъ говорить: если должно исповѣдать Его, то не будемъ говорить ничего богохульнаго, ничего постыднаго, ничего дерзкаго, ничего безразсуднаго, ничего надменнаго; но будемъ все дѣлать и говорить со страхомъ и благоговѣніемъ. Онъ говоритъ это не безъ причины, но потому, что зналъ объ ихъ страданіяхъ; а въ страданіяхъ душа отчаивается и раздражается. Но мы, говорить, не будемъ такъ поступать. Здѣсь (апостоль) опять говоритъ то же, что говорилъ выше въ словахъ: *не оставляюще собранія своего* (Евр. х, 25). Такимъ образомъ мы будемъ въ состояніи—дѣлать все со страхомъ; часто вѣдь, стыдясь людей, мы воздерживаемся отъ многоаго дурнаго. *Благодѣянія же и общенія не забывайте* (ст. 16)

3. Такъ говорилъ тогда Павелъ; такъ и я говорю теперь, и говорю не присутствующимъ только братіямъ, но и отсутствующимъ. Никто не отнялъ у васъ имущества; а если и отнято что-нибудь, то оказывайте страннолюбіе изъ остальнаго. Какое мы будемъ имѣть оправданіе, когда и слушателямъ (Павла) сказано это уже послѣ расхищенія ихъ имущества? И замѣть: здѣсь онъ говоритъ: *благодѣянія не забывайте*; а выше сказалъ: *страннолюбія*,—разумѣя не различное что-нибудь, но одно и то же выражая различно. Не сказалъ: не забывайте страннопріимства, но: *страннолюбія*, т. е. не просто принимайте странниковъ, но съ любовію. И не указалъ на будущее и предстоящее воздаяніе, чтобы они опять не сдѣлались безпечными, но (указалъ) на воздаяніе, уже дарованное: *тъмъ бо, говорить, не вѣдающе мѣщныи страннопріяша ангелы*. Впрочемъ, обратимся къ вышесказанному. Честна, говорить, *женитва во вѣкъ и ложе нескверно*. Почему бракъ честенъ? Потому, что онъ сохраняетъ вѣрующаго въ цѣломудріи.

228 Здѣсь (апостоль) имѣетъ въ виду іудеевъ, которые считали брачное ложе сквернымъ и говорили, что всякій, вставшій съ ложа, нечистъ. Нѣтъ, безразсудный и безчувственный іудей, не то скверно, что происходитъ отъ природы, но то, что — отъ воли. Если бракъ честенъ, то онъ и чистъ: какъ же ты думаешь, что имъ (человѣкъ) оскверняется? *Не сребролюбцы, говорить, нравомъ*. Такъ какъ многіе, растративъ имущество, стараются потомъ пріобрѣсти его подъ предлогомъ милостыни, то и говоритъ: *не сребролюбцы нравомъ*, т. е., будемъ искать только потребнаго и необходимаго. А что, скажешь, если не будемъ имѣть и этого? Нѣтъ, нѣтъ; самъ (Господь) сказалъ, и сказалъ неложно: *не имамъ тебе оставити, ниже имамъ отъ тебе отступити. Яко держащими насъ глаголати: Господь мнѣ помощникъ, и не убоюсь, что сотворитъ мнѣ челоуѣкъ*. Какъ бы такъ говорить (апостоль): ты

получилъ обѣщаніе отъ самого (Бога),—не сомнѣвайся же; Онъ самъ обѣщаль,—не колеблись. Слова: *не имамъ тебе оставить* сказаны не только объ имуществѣ, но и о всемъ прочемъ. *Господь мнѣ помощникъ, и не убоюсь, что сотворитъ мнѣ челоуѣкъ.* Не напрасно онъ приводитъ слова пророка; ими онъ запечатлѣваетъ свои слова, чтобы (слушатели) больше ободрились и не отчаивались. Будемъ и мы говорить то же при всѣхъ искушеніяхъ и не смущаться предъ дѣлами челоуѣческими; если Богъ благоволитъ къ намъ, то никто не преодолѣетъ насъ. Какъ тогда, когда Онъ противится намъ, не будетъ никакой пользы, если бы даже всѣ были нашими друзьями, такъ и тогда, когда Онъ расположенъ къ намъ, не будетъ никакого вреда, если бы даже всѣ возстали противъ насъ. Потому и сказано: *не убоюсь, что сотворитъ мнѣ челоуѣкъ.* *Поминайте наставники ваия, иже глаголаша вамъ слово Божіе.* Здѣсь, мнѣ кажется, онъ говоритъ и о взаимной помощи; таково именпо значеніе словъ: *иже глаголаша вамъ слово Божіе.* *Иже взирающе на скончаніе жителства, подражайте вѣрѣ.* Что значитъ: *взирающе*? Постоянно обращаясь къ тому, разсуждая въ самихъ себѣ, размышляя, тщательно нѣслѣдуя и испытывая, какъ угодно. Хорошо сказалъ онъ: *скончаніе жителства*, т. е. жизнь до конца,—потому что жизнь ихъ имѣла добрый конецъ. *Иисусъ Христосъ вчера и днесь, тойже и во вѣки.* Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: не подумайте, что (Христосъ), тогда творившій чудеса, нынѣ не творитъ чудесъ; Онъ — тотъ же; а если Онъ—тотъ же, то нѣтъ времени, когда бы Онъ не могъ совершать того же. Можетъ быть, это (апостолъ) и имѣлъ въ виду, когда говорилъ: *поминайте наставники ваия. Въ наученія странна и различна не прилагайтесь.* Странна, т. е. противныя тому, что вы слышали отъ насъ. Различна, т. е. разнообразныя; такія ученія не имѣютъ въ себѣ ничего твердаго, но бываютъ разногласны, особенно касательно различія въ иищѣ. Потому онъ прямо и указываетъ на это, продолжая: *добро бо благодатию утверждати сердца, не брашны.* Такія ученія различны; такія ученія странны. Здѣсь онъ осуждаетъ за суевѣрное различеніе яствъ и показываетъ, что отъ такого соблюденія они впади въ иповѣріе, увлеклись различными и странными ученіями. И замѣтъ: онъ не рѣшается сказать объ этомъ прямо, а говоритъ прикровенно: *въ наученія странна и различна не прилагайтесь; и: добро благодатию утверждати сердца, не брашны;* это почти то же, что и Христосъ сказалъ: *не входящее во уста сквернитъ челоуѣка, но исходящее* 229 (Мѡ. хv, 11). Онъ доказываетъ, что вѣра составляетъ все; если она укрѣпляетъ, то сердце находится въ безопасности.

Вѣра укрѣпляетъ, а разумъ колеблеть, потому что вѣра пре-

тивна разуму. *Отъ нихже, говоритъ, не пріяша пользы ходившии въ нихъ.* Какая польза, скажи мнѣ, отъ такого различія? Не больше ли оно причиняетъ вреда? Не ввергаетъ ли оно такого (человѣка) въ грѣхъ? Если отъ чего нужно остерегаться, то—отъ того, отъ чего остерегающіеся могутъ получить пользу. Хорошо—остерегаться отъ зла, хранить правоту сердца, благоговѣніе къ Богу, правую вѣру. *Отъ нихже, говоритъ, не пріяша пользы ходившии въ нихъ,* т. е. всегда соблюдавшіе это. Одно соблюденіе похвально—воздержаніе отъ грѣха. А въ томъ какая польза, когда нѣкоторые такъ нечисты, что не могутъ приобщаться жертвы? Ничто не спасаетъ ихъ, хотя они и стараются соблюдать себя (отъ нѣкоторыхъ яствъ); это нисколько не поможетъ имъ, потому что они не имѣютъ вѣры. Далѣе (апостолъ) раскрываетъ прообразовательную жертву и обращаетъ рѣчь къ первообразу: *ихже бо кровь животныхъ вносится во святая за грѣхи первосвященникомъ, сихъ тѣлеса сжигаются внѣ стана. Тѣмже Иисусъ, да освятитъ люди своєю кровію, внѣ вратъ пострадати изволи.* Слѣдовательно, первое было прообразомъ послѣдняго, и такимъ образомъ Христосъ исполнилъ все, пострадавъ внѣ (вратъ). Здѣсь также (апостолъ) выражаетъ, что (Христосъ) пострадалъ добровольно; доказываетъ, что и тѣ жертвы установлены не просто, но были нѣкоторымъ прообразомъ, и что самое домостроительство совершилось не безъ страданій, но кровь (Христова) вознесена на небо.

4. Видишь, что мы приобщаемся крови, вносимой во святое, въ истинное святое, приобщаемся жертвы, которую употреблялъ одинъ первосвященникъ? Такимъ образомъ мы приобщаемся истинѣ. Мы не участвуемъ въ поношеніи (Христовомъ), но участвуемъ въ святости. Поношеніе есть причина освященія, и какъ Онъ терпѣлъ поношеніе, такъ (должны терпѣть) и мы. Потому мы сдѣлаемся соучастниками Его, если выйдемъ къ Нему.

А что значить: *да исходимъ къ нему?* Будемъ соучастниками Его страданій; будемъ терпѣть Его поношеніе. Не напрасно Онъ пострадалъ внѣ вратъ, но чтобы и мы взяли крестъ Его, пребывали внѣ міра и старались оставаться тамъ. Онъ былъ поносимъ, какъ преступникъ; такъ будемъ и мы. *Тѣмъ убо приносимъ жертву Богу.* О какой жертвѣ онъ говоритъ? Онъ самъ объясняетъ это, когда говоритъ: *плодъ устенъ исповѣдающихся имени его,* т. е. молитвы, пѣснопѣнія, благодареніе; это—плодъ устъ. Тѣ приносили овецъ и воловъ, отдавая ихъ священнику; мы же будемъ приносить не что-нибудь подобное, а благодарность и подражаніе Христу во всемъ, сколько возможно: вотъ, что должно произрастать изъ нашихъ устъ! *Благоворенія же и общенія не забывайте: таковыми бо жертвами благоугождается Богъ.* Принесемъ Ему, говоритъ, та-

кую жертву, чтобы Онъ вознесъ ее къ Отцу; она и не возносится иначе, какъ Сыномъ, или, лучше сказать, сокрушеннымъ сердцемъ. Все это такъ говорить слушателямъ, которые были еще весьма слабы; а извѣстно, что благодать принадлежитъ и Сыну: иначе почему приписывается Ему равная честь (съ Отцемъ)? *Да вси чтутъ Сына*, говоритъ (Писаніе), *якоже чтутъ Отца* (Іоанн. v, 23). А какъ будетъ воздаваться имъ равная честь, если съ прославленіемъ Отца не прославляется вмѣстѣ и Сынъ? Если же *якоже устенъ исповѣдающихся имени его* состоитъ въ благодарности Ему за все, и за то, что Онъ пострадалъ за насъ, то будемъ переносить съ благодарностію все, случится ли съ нами болѣзнь, или бѣдность, или что-нибудь другое, — потому что Онъ одинъ знаетъ, что намъ полезно. *О чесомъ бо помолишася*, говоритъ (апостолъ), *якоже подобаетъ, не отъмы* (Рим. viii, 26). Если же мы не знаемъ, чего нужно просить, когда не научены Духомъ, то какъ можемъ знать, что намъ полезно? Итакъ, будемъ стараться воздавать Ему благодарность за все, и мужественно переносить все, случающееся съ нами. Впадемъ ли въ бѣдность, или въ болѣзнь, — будемъ благодарить; злословятъ ли насъ, — будемъ благодарить; страдаемъ ли мы, — будемъ благодарить. Это приближаетъ насъ къ Богу; чрезъ это Богъ дѣлается должникомъ нашимъ. А когда мы благоденствуемъ, тогда сами дѣлаемся должниками и отвѣтчиками предъ Богомъ; иногда же, и часто, это служить къ нашему осужденію, между тѣмъ какъ то — къ очищенію грѣховъ. То (бѣдствіе) располагаетъ къ милосердію и челоуѣколюбію; а это (благоденствіе) доводитъ до высокомерія, ввергаетъ въ безпечность, дѣлаетъ надменными и расслабляетъ. Потому и говорить пророкъ: *благо мнѣ, Господи, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ твоимъ* (Псал. cxviii, 71). Когда Езекиа получалъ благодѣянія и былъ свободенъ отъ бѣдствій, тогда сердце его возгордилось; а когда впалъ въ болѣзнь, тогда онъ смирился, тогда сталъ близокъ къ Богу. *Егда убиваше я*, говоритъ (Писаніе объ іудеяхъ), *тогда възскажу его и обращахуся, и утреневаху къ Богу* (Псал. lxxviii, 34). Напротивъ, когда *уты и утолстъ*, (тогда) *отвержеся возлюбленный* (Втор. xxxii, 15). Господь познается тогда, когда творить судъ. Великое благо — скорбь. Путь (къ небу) тѣсенъ; скорбь подвигаетъ насъ на этомъ тѣсномъ пути; а не терпящій скорби не можетъ войти. Кто предается скорби на этомъ тѣсномъ пути, тотъ получаетъ и утѣшеніе; а кто любитъ широту, тотъ и не входитъ въ него, или мучится, какъ бы вталкиваемый насильно. Послушай, какъ вступилъ на этотъ тѣсный путь Павелъ. *Умерщвляю*, говоритъ онъ, *тѣло мое и порабоцаю* (1 Кор. ix, 27). Онъ умерщвлялъ тѣло свое, чтобы имѣть возможность

вступити (на тотъ путь): поэтому онъ во всѣхъ своихъ страданіяхъ постоянно благодарилъ Бога. Лишился ли ты имущества,—это много убавило широты (пути твоего). Лишился ли славы,—она была также широтою. Подвергся ли клеветѣ, вѣрятъ ли тому, что наговорили на тебя, но чего самъ ты не сознаешь за собою,—радуйся и веселись. *Блажени есте, сказалъ (Господь), егда поносятъ вамъ, и рекуть всякъ золь глаголь на вы, лжуще, мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесахъ* (Мѣ. v, 11, 12). Чему ты удивляешься, когда постигаетъ тебя скорбь, и для чего желаешь освободиться отъ искушеній? Павелъ желалъ освободиться отъ нихъ и часто молилъ Бога, но не получилъ этого: *трикраты* именно и значитъ часто. *О семь трикраты, говоритъ онъ, Господа молихъ, и рече ми: довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. xii, 8, 9). Подъ немощію здѣсь разумѣются скорби. Что же? Услышавъ это, онъ переносилъ ихъ съ благодарностію и говорилъ: *тѣмъ же благоволю въ немощехъ* (2 Кор. xii, 10), т. е. радуюсь, нахожу удовольствіе въ скорбяхъ. Итакъ, будемъ благодарить за все—и за утѣшеніе, 231 и за скорбь; не будемъ роптать, не будемъ неблагоприятными. Говори и ты: *нагъ изыдохъ отъ чрева матере моея, нагъ и отиду* (Іов. i, 21). Ты не родился славнымъ,—не ищи же славы; ты вступилъ въ жизнь не имѣющимъ не только богатства, но и славы и чести.

Представь, сколько зла часто происходитъ отъ богатства; или, лучше, послушай, что говоритъ Христосъ: *удобше есть великую сковазъ иглины уши проити, неже богату въ царствіе небесное внити* (Мѣ. xix, 24). Видишь, къ полученію какихъ благъ богатство служить препятствіемъ; а ты хочешь обогатиться, и не радуешься, находясь въ бѣдности, что уничтожено это препятствіе? Такъ тѣсенъ путь, ведущій въ царствіе (небесное); такъ богатство широко, обременительно и стѣснительно! Потому и сказалъ (Господь): *продаждь имѣніе твое, чтобы тебѣ вступить на этотъ* 232 *путь* (Мѣ. xix, 21). Что желаешь ты богатства? Для того Богъ и лишилъ тебя его, чтобы избавить тебя отъ рабства. Такъ и родные отцы, видя, что сынъ ихъ развращается какою-нибудь блудницею и никакія увѣщанія не убѣждаютъ его отстать отъ нея, прогоняютъ блудницу. Таково и обиліе богатства. Потому Владыка, заботясь объ насъ и желая избавить насъ отъ протекающаго отсюда вреда, лишаетъ насъ богатства. Не будемъ же считать зломъ бѣдность: зло—одинъ только грѣхъ. Равно и богатство само по себѣ не есть благо; одно благо — угождать Богу. Итакъ будемъ желать бѣдности, будемъ искать ея. Такимъ образомъ мы достигнемъ неба и получимъ небесныя блага, которыхъ

да сподобимся всѣ мы благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIV.

Повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покаяйтесь: тѣмъ ³³¹
бо бдѣть о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще:
да съ радостію сіе творять, а не въздыхающе: нѣсть
бо полезно вамъ сіе (Евр. xii, 17).

1. Безначаліе—вездѣ зло, причина многихъ бѣдствій, начало безпорядка и смѣшенія; особенно же въ Церкви оно тѣмъ опаснѣе, чѣмъ власть ея больше и выше. Если отъ хора удалишь начальника его, то хоръ не будетъ строенъ и согласенъ; если у отряда воиновъ отнимешь предводителя, то дѣйствія ихъ не будутъ совершаться въ стройности и порядкѣ; если корабль лишишь кормчаго, то потопишь корабль,—такъ и здѣсь: если у паствы не будетъ пастыря, то все извратится и уничтожится. Безначаліе есть зло и причина смятенія; но не меньшее зло—и неповиновеніе подчиненныхъ, такъ какъ и отъ него происходитъ то же самое. Народъ, не повинующійся начальнику,—то же, что вародъ, не имѣющій его, а можетъ быть, и хуже; тамъ (неимѣющихъ начальника) можно извинить за безпорядокъ, а здѣсь (имѣующіе его) неизвинительны и достойны наказанія. Но, скажетъ кто-нибудь, есть еще третье зло,—когда начальникъ нехорошъ. Знаю; это немалое зло, и даже гораздо большее, нежели безначаліе,—потому что лучше не управляться никѣмъ, нежели быть подъ управленіемъ дурного начальника. Въ первомъ случаѣ народъ иногда подвергается опасности, а иногда и спасается; въ послѣднемъ же всегда находится въ опасности и увлекается въ пропасть. Почему же Павелъ говорить: *повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покаяйтесь*? Онъ выше сказалъ: *иже взирающе на скончаніе жителства, подражайте вѣрѣ* (Евр. xii, 7); а потомъ и говорить: *повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покаяйтесь*. А что, скажешь, когда (начальникъ) нехорошъ,—тогда ненужно повиноваться ему? Нехорошъ,—въ какомъ смыслѣ говоришь ты? Если по отношенію къ вѣрѣ, то бѣги отъ него и не сообщайся съ нимъ, хотя бы онъ былъ не только человѣкъ, но даже ангелъ, спешій съ неба; если же по отношенію къ жизни, то не безпокойся объ этомъ. Я приведу тебѣ примѣръ не отъ себя, а изъ

божественнаго Писанія. Послушай, что говоритъ Христосъ: *на Моисеевъ свѣдѣнїи свѣдоша книжники и фарисее*. Сказавъ о нихъ прежде много обличительнаго, Онъ потомъ говоритъ: *на Моисеевъ свѣдѣнїи свѣдоша*. *Вся убо, сѣка аще рекуть вамъ творити, творите*: по дѣломъ же ихъ не творите (Мѡ. ххш, 2, 3). Они имѣютъ, говоритъ, достоинство, по нечисты по жизни. А вы обращайте вниманіе не на жизнь, но на слова ихъ; отъ поведенія же (другихъ) нѣчто не получитъ вреда. Почему? Потому, что оно явно для всѣхъ, и такой (человѣкъ), хотя бы онъ былъ тысячу разъ пехорошъ, никогда не паучить дурному. Но недостатки касательно вѣры неявины для всѣхъ, и дурной въ этомъ отношеніи не постыдится учить (другихъ). Также слова: *не судите, да не судими будете* (Мѡ. үп, 1), относятся къ жизни, а не къ вѣрѣ, какъ показываютъ слѣдующія за ними: *что бо видими сучецъ, иже во оцѣ брата твоего, берана же, еже есть во оцѣ твоємъ, не чужши* (Мѡ. үп, 3)? *Вся убо, сѣка аще рекуть вамъ творити, творите*, — творити относится къ дѣятельности, а не къ вѣрѣ, — *по дѣломъ же ихъ не творите*. Видишь, что адѣсь идетъ рѣчь не о догматахъ, а о жизни и дѣлахъ? Впрочемъ Павелъ напередъ представилъ ихъ со стороны (достоинства), а потомъ и говоритъ: *послушайтесь наставникомъ вашимъ, и покаряйтесь: тѣмъ бо бѣятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотѣюще*. Пусть выслушаютъ не только подчиненные, но и начальники, что какъ подчиненные должны быть послушными, такъ и начальники должны быть бодрствующими и неусыпными. А ты что говоришь? Начальникъ бодрствуетъ, навлекаетъ опасности на свою голову, подлежитъ наказаніямъ за грѣхи свои, испытываетъ такой страхъ нѣ-за-тебя, а ты лѣпишься, противишься, тщеславнись и не хочешь повиноваться! Потому (апостоль) и присовокупляетъ: *да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе: нѣсть бо полезно вамъ сіе*. Видишь, что начальникъ, если пренебрегаютъ имъ, не долженъ мстить, но слезы и воздыханія его служатъ лучшимъ мщеніемъ? И справедливо. Такъ и врачъ, встрѣчая неуваженіе отъ больного, не долженъ мстить, но плакать и воздыхать. Если твой начальникъ будетъ воздыхать, то отмстить за тебя Богъ, потому что если, воздыхая о своихъ грѣхахъ, мы располагаемъ къ себѣ Бога, то не тѣмъ ли болѣе, воздыхая о гордости другихъ и презрѣніи отъ нихъ? Видишь, что Онъ не попуститъ начальнику терпѣть обиды? Видишь, какое любуудріе? Должно воздыхать тому, кого не уважаютъ, презираютъ, плюютъ. Но и подчиненный не смѣй думать, что ты не будешь отмщенъ; воздыханіе (начальника) хуже всякаго мщенія. Когда воздыхающій самъ не можетъ ничего сдѣлать, тогда онъ призываетъ Владыку; какъ при

учителѣ и воспитателѣ, когда дитя не слушается его, призы- 233
вется другой, болѣе строгій,—такъ точно и здѣсь.

О, какая опасность! Что сказать о тѣхъ несчастныхъ, кото-
рые ввергаютъ сами себя въ такую бездну страданій? Ты, (на-
чальникъ), долженъ дать отчетъ за всѣхъ, надъ кѣмъ началь-
ствуешь,—за женъ, мужей и дѣтей; въ такой огонь ты ввергаешь
свою голову. Сомнѣваюсь, можетъ ли кто изъ начальниковъ спа-
стись, и удивляюсь, когда вижу, какъ, при такихъ угрозахъ и
настоящемъ нерадѣніи, нѣкоторые еще помогаютъ и стремятся
къ этому бремени правленія. Вѣдь если побуждаемые необхо-
димостію (къ принятію власти) не получаютъ прощенія и оправ-
данія, когда худо и нерадиво исполняютъ свое дѣло,—такъ Ааронъ
по необходимости принявъ власть и подвергавшійся опасности, и Мои-
сей подвергавшійся опасности, хотя неоднократно отказывался отъ
власти, и Саулъ, получивъ особую власть послѣ того, какъ от-
казывался отъ ней, подвергавшійся опасности потому, что худо рас-
поряжался ею,—то не гораздо ли болѣе тѣ, которые прилагаютъ
стараніе и сами стремятся къ ней? Такой человѣкъ гораздо ме-
нѣе заслуживаетъ какого-либо оправданія. Нужно бояться и тре-
петать, какъ по совѣсти, такъ и по обременительности власти;
не слѣдуетъ ни отказываться, когда привлекаютъ къ ней, ни
стремиться самому, когда не привлекаютъ, но убѣгать, предста-
вляя величіе достоинства, а когда кто удержанъ, то проявлять
благоговѣніе. Ни въ чемъ не должно быть неумѣренности, не
есть по чину да бываютъ (1 Кор. xiv, 40). Прежде, нежели слѣ-
довалъ (начальникомъ), если ты предвидишь это, убѣгай, считая
себя недостойнымъ этого дѣла; а если удержанъ, то будь благо-
говѣннымъ, показывая во всемъ благоразуміе. *Молитесь о насъ,*
говоритъ (апостоль), *уповаемъ бо, яко добру совѣсть имамы, во всѣхъ*
добрѣхъ хотяще жити (ст. 18).

2. Видишь, что онъ оправдывается, какъ бы обращая рѣчь
къ такимъ людямъ, которые были недовольны имъ, отворачива-
лись отъ него, смотрѣли на него, какъ на отступника, и не хо-
тели даже слышать его имени. Отъ ненавидѣвшихъ его онъ тре-
бовалъ того, чего другіе могли бы требовать только отъ любя-
щихъ, и потому говоритъ теперь слѣдующее: *уповаемъ, яко добру*
совѣсть имамы. Не выставляй, говоритъ, противъ меня обвине-
ній: совѣсть наша ни въ чемъ не обвиняетъ насъ; мы не со-
знаемъ за собою, чтобы мы вредили вамъ. *Уповаемъ бо, яко добру*
совѣсть имамы, во всѣхъ добрѣхъ хотяще жити, т. е. не только между
обыкновенными, но и между вами; мы не дѣлали ничего по коры-
столюбію, ничего по лицемѣрію. Вѣроятно, въ этомъ его обви-
няли. А что дѣйствительно клеветали на него, о томъ, послу-

шай, какъ говорить Іаковъ: *увѣстившася о тебѣ, яко отступленію учиши* (Дѣян. ххі, 21). Пишу это, говоритъ (Павель), не какъ врагъ, и не какъ противникъ вашъ, но какъ другъ; это видно и изъ послѣдующаго: *лишите же молю, сіе творите, да скорѣ возвратитесь къ вамъ* (ст. 18). Такъ просить, чтобы они молились, свойственно только сильно любящему ихъ. Не просто, говоритъ, молитесь, но со всѣмъ усердіемъ, чтобы мнѣ скорѣ прибыть къ вамъ. Такъ желать прибыть къ нимъ и просить, чтобы они молились за него, свойственно тому, кто ничего не сознаетъ за собою. Потому, испросивъ напередъ себѣ отъ нихъ молитвъ, онъ потомъ и самъ просить имъ (у Бога) всѣхъ благъ. *Богъ же мира:* говоритъ такъ потому, что между ними были несогласія. Если Богъ есть Богъ

234 *мира, то не отдѣляйтесь отъ насъ. Возвѣдый изъ земли пастыря овцамъ,*—это сказано о воскресеніи (Христовомъ),—*всѣликаго,*—другое прибавленіе. Здѣсь и далѣе до конца онъ внушаетъ имъ ученіе о воскресеніи. *Кровію завета вѣчнаго, Господа нашего Іисуса Христа, да совершите вы во всякомъ дѣлѣ блазъ: сотворити волю его, творя въ васъ благоугодное предъ нимъ* (ст. 20, 21). Опять свидѣтельствуешь объ ихъ великихъ (достоинствахъ), потому что совершается (*совершите вы*) то, что имѣетъ начало и продолжаетъ исполняться; при томъ онъ молится объ этомъ, слѣдовательно весьма желаетъ имъ этого. И замѣть: въ другихъ посланіяхъ онъ молится въ началѣ, а здѣсь въ концѣ. *Творя, говоритъ, въ васъ благоугодное предъ нимъ, Іисусъ Христомъ: еуже слава во вѣки вѣковъ. Аминь. Молю же вы, братіе, примите слово утѣшенія: ибо малъ послалъ вамъ* (ст. 22). Видишь, что къ нимъ онъ написалъ то, чего ни къ кому не писалъ? *Ибо малъ, говоритъ, послалъ,* т. е. не безпокою васъ многословіемъ. Мнѣ кажется, что (евреи) не были враждебно расположены къ Тимоѳею; потому (Павель) и поставляетъ его на первомъ мѣстѣ. *Знайте, говоритъ, брата нашего отпущена Тимофеа, съ нимъ же, еще скорѣ придетъ, узрю васъ* (ст. 23). *Отпущена, говоритъ.* Откуда? Думаю, что онъ былъ посаженъ въ темницу; а если не такъ, то *отпущена* изъ Аѳинъ, какъ повѣствуется объ этомъ въ Дѣяніяхъ (гл. хvп). *Цѣлуйте вся наставники ваша и вся святые. Цѣлуютъ вы уже отъ Италіи сущіи. Благодать со всеми вами. Аминь* (ст. 24, 25). Смотри, какъ (апостолъ) внушаетъ, что добродѣтель происходитъ ни отъ одного Бога всецѣло, ни отъ однихъ насъ; это онъ объясняетъ словами: *да совершите вы во всякомъ дѣлѣ блазъ, и послѣдующими,*—какъ бы такъ говорить: вы имѣете добродѣтель, но нуждаетесь въ усовершеніи ея. А когда онъ говоритъ: *въ словѣ и дѣлѣ блазъ* (2 Сол. п, 17), то внушаетъ, что нужно имѣть и жизнь, и ученіе правны. Прекрасное сдѣлалъ онъ прибавленіе: *творя въ васъ бла-*

погодное предъ нимъ. Предъ нимъ, говорятъ, потому что величайшая добродѣтель—дѣлать благоугодное предъ Богомъ. Такъ говорятъ и пророкъ: и *по чистотѣ руку мою предъ очима его* (Псал. lvi, 21, 25). Написавъ столько, (апостолъ) называетъ это малымъ, сравнивая съ тѣмъ, что хотѣлъ написать, какъ и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *якоже преднаписанъ въ малѣ: о немъ же можете чинице разумѣти разумъ мой въ тайнѣ Христовѣ* (Ефес. iii, 3, 4). И посмотри на мудрость его. Не сказалъ: прошу васъ, примите слово увѣщанія, но: *слово утѣшенія*, т. е. ободренія, поощренія; никто, говорятъ, не можетъ тяготиться обширностію сказаннаго. Какъ? Неужели и этимъ они тяготились? Нѣтъ; но онъ хотѣтъ внушить и сказать имъ: вы малодушны; такимъ именно (малодушнымъ людямъ) свойственно тяготиться продолжительною рѣчью. *Знайτε брата нашего отпущена Тимовеа, съ нимъ же, еще скорѣе придетъ, узрю васъ*. Этого достаточно было, чтобы они соблюдали кротость, если онъ самъ съ ученикомъ готовъ былъ придти къ нимъ. *Цѣлуйте вся наставники ваши и вся святые*. Смотри, какую онъ оказалъ имъ честь, написавъ посланіе къ нимъ, а не къ этимъ (наставникамъ). *Цѣлуютъ вы иже отъ Италіи сущіи. Благодать со всеми вами. Аминъ*. То, что относилось ко всѣмъ, онъ сказалъ послѣ всего. А когда благодать бываетъ съ нами? Когда мы не оскорбляемъ этого благодѣянія, когда не пренебрегаемъ этимъ даромъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое благодать? Отпущеніе грѣховъ, очищеніе; оно—съ нами. Кто же, оскорбляя 235 благодать, можетъ сохранить ее и не лишиться ея? (Богъ) даровалъ тебѣ отпущеніе грѣховъ: какъ же пребудетъ съ тобою благодать, т. е. благонастроеніе или дѣйствіе Духа, если ты не будешь удерживать ея добрыми дѣлами? Въ этомъ причина всѣхъ благъ, чтобы всегда пребывала съ нами благодать Духа; она руководитъ насъ ко всему (доброму); а когда она отлетаетъ отъ насъ, то мы остаемся покинутыми и погибаемъ.

3. Итакъ не будемъ удалять ея: а отъ насъ зависить, чтобы она осталась при насъ, или удалилась. Первое бываетъ тогда, когда мы заботимся о небесномъ; а послѣднее тогда, когда — о житейскомъ. *Егоже*, говоритъ (Господь), *міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ его, ниже знаетъ его* (Іоан. xiv, 17). Міромъ называетъ Онъ порочную и постыдную жизнь. Видишь, что душа, преданная міру, не можетъ имѣть Духа? Много нужно усердія съ нашей стороны, чтобы Онъ оставался съ нами, устроялъ всѣ дѣла наши и сохранялъ насъ въ безопасности и совершенномъ мирѣ. Какъ корабль, плывущій при попутномъ вѣтрѣ, не встрѣчаетъ препятствій и не потопляется, пока пользуется благопріятнымъ и постояннымъ вѣтромъ, но и послѣ плаванія пріобрѣтаетъ

себѣ славу у кормчихъ и путниковъ, изъ которыхъ первымъ онъ доставилъ покой и освободилъ отъ труднаго дѣйствованія веслами, а послѣднихъ избавилъ отъ всякаго страха, и самымъ теченіемъ своимъ доставилъ имъ пріятнѣйшее зрѣлище,—такъ и душа, руководимая божественнымъ Духомъ, стоитъ выше всѣхъ житейскихъ тревоженій, проходить путь, ведущій къ небу, быстройе всякаго корабля,—потому что паруса ея чисты и наполняются не вѣтромъ, а самимъ Утѣшителемъ,—и все расслабляющее и пагубное отвергаетъ отъ своихъ помысловъ. И какъ вѣтеръ, ударяя въ слабо натянутый парусъ, не можетъ дѣйствовать, такъ и Духъ не можетъ пребывать въ душѣ слабой, но требуетъ великаго напряженія и усилія.

Потому намъ нужно имѣть умъ пламеньющій и совершать дѣйствія свои всегда съ силою и напряженіемъ. Напримѣръ, когда мы молимся, то должны дѣлать это съ великимъ тщаніемъ, напрягая душу къ небу, не веревками, но сильнымъ усердіемъ. Также, когда мы совершаемъ дѣла милосердія, то должны дѣйствовать съ напряженіемъ, такъ чтобы ни забота о домѣ, ни попеченіе о дѣтяхъ, ни угожденіе женѣ, ни опасеніе впасть въ бѣдность не ослабляли нашего паруса. Если мы будемъ со всѣхъ сторонъ напрягать этотъ парусъ надеждою благъ будущихъ, то онъ будетъ хорошо принимать дѣйствіе Духа; ничто тлѣнное и скоропреходящее не войдетъ въ него, а если и войдетъ, то насколько не повредитъ ему, но тотчасъ отразится его твердостію и будетъ отброшено. Такъ, намъ нужно великое напряженіе, потому что и мы переплываемъ море великое и пространное, исполненное многихъ звѣрей и многихъ утесовъ, представляющее намъ множество тревоженій и среди ясной погоды воздвигающее жесточайшую бурю. Потому, если мы хотимъ плыть благополучно и безопасно, то должны натягивать наши паруса, т. е. нашу свободную волю: для насъ достаточно и этого. Такъ и Авраамъ напрягалъ свою преданность къ Богу, представилъ свою совершенную волю—и имѣлъ ли нужду въ чемъ-нибудь другомъ? Ни въ чемъ; но *спрова Богу, и вѣрися ему въ правду* (Быт. xv, 6). Вѣра же происходитъ отъ искренняго намѣренія. Онъ привелъ сына и хотя не заклалъ его, но получилъ награду, какъ заклавшій; хотя дѣло не было совершено, но награда дарована. Пусть будутъ паруса наши чисты и новы, а не ветхи,—потому что все *обветшавающее и состарѣвающееся близъ есть истлѣнія* (Евр. viii, 13),—и пусть будутъ не разодраны, чтобы они удерживали дѣйствіе Духа: *душевенъ бо человекъ*, сказано, *не приемлетъ яже Духа* (1 Кор. ii, 14). Какъ паутина не можетъ сдерживать дуновенія вѣтра, такъ и душа, преданная міру, и человекъ

душевный никогда не можетъ принять благодати Духа. Отъ этой (паутины) нисколько не отличаются наши сужденія, которыя представляютъ только видимую послѣдовательность, въ дѣйствительности же лишены всякой силы. Но не будутъ таковы наши (сужденія), если мы будемъ бодрствовать; тогда, что ни случилось бы, человекъ перенесетъ все, будетъ выше всего, сильнѣе всякаго вѣтра.

Человѣкъ духовный, хотя бы нападали на него безчисленные бѣдствія, не колеблется и не уловляется ни однимъ изъ нихъ. Но что я говорю? Пусть нападаютъ на него бѣдность, болѣзнь, обиды, злословія, клеветы, раны, всякаго рода наказанія, всякаго рода насмѣшки, поношенія и оскорбленія; но такъ какъ онъ живетъ внѣ міра и свободенъ отъ тѣлесныхъ страстей, то онъ надъ всѣмъ будетъ смѣяться. А что эти слова не хвастовство, на то я могу представить и теперь множество примѣровъ. именно—въ лицѣ людей, удалившихся въ пустыни. Но это, скажешь, нисколько не удивительно? Тогда я скажу, что такіе мужи есть и въ городахъ, хотя ты и не подозреваешь ихъ существованія. Если же хочешь, то я могу указать на нѣкоторыхъ изъ древнихъ. Чтобы ты убѣдился въ этомъ, вспомни о Павлѣ. Какого не испытать онъ бѣдствія? Чему не подвергался? Но все перенесъ мужественно. Будемъ подражать ему и мы; такимъ образомъ мы можемъ и благоугодить Богу, и достигнуть тихой пристани съ великимъ прибыткомъ. Устремимъ умъ нашъ къ небу, проникнемся этимъ стремленіемъ, облечемся въ духовный огонь и оградимъ себя этимъ пламенемъ. Кто несетъ съ собою пламя, тотъ не боится встрѣчающихся ему, будетъ ли то звѣрь, или человекъ, или множество сѣтей; пока онъ окруженъ пламенемъ,—все уступаетъ ему, все удаляется отъ него. Это пламя невыносимо, этотъ огонь нестерпимъ и всеистребляющъ. Облечемъ же себя этимъ огнемъ и будемъ возсылать славу Господу нашему Іисусу Христу, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.